

КУДДУС ЛАТЫПОВ | ВИТЯЗИ КРЫЛАТЫЕ

Куддус Латыпов

ВИТЯЗИ КРЫЛАТЫЕ

792
865
376
995
.1

ЛАТЫПОВ Куддус Канифович родился в 1923 году в Башкортостане.

ОБРАЗОВАНИЕ: педучилище, аэроклуб, военная авиационная школа пилотов, авиационный факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: учитель математики, инструктор-летчик, командир авиаэскадрильи, зам. командира авиаполка по политчасти, зам. командира по политчасти — начальник политотдела авиадивизии, одного из центральных управлений ВВС, факультета Военно-воздушной инженерной Академии им. профессора Н. Е. Жуковского и зав. сектором НИИ.

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: военный пилот ббап — 1942 г.; летчик-штурмовик — Калининский и Западный фронт — 1943 г.; ст. летчик, командир звена, зам. командира авиаэскадрильи — 2-й Украинский фронт — 1944—1945 гг.

НАГРАЖДЕН; семью орденами и пятнадцатью медалями.

Присвоено звание Героя Советского Союза (Указ ВС СССР от 15.05.46 г., удостоверение № 016414).

В настоящее время пенсионер МО, полковник в отставке.

Куддус Латыпов

ВИТЯЗИ КРЫЛАТЫЕ

ХРОНИКА ШТУРМОВОГО АВИАПОЛКА

VITIAZI KRYLATYE

D792
.S65
L376
1995

The Library
The University of North Carolina
Chapel Hill

УФА
«КИТАП»
1995

ББК 63.3(2) 622,78
Л 27

Книга публикуется в авторской редакции

Латыпов К. К.

Л 27 Витязи крылатые — Уфа: Китап, 1995 — 336 с.: ил.
ISBN 5-295-01794-X

Это боевая хроника штурмового авиаполка в один из самых тяжелых периодов войны на Северо-Западном и Сталинградском фронтах в 1942 году. Нет, она не просто описание боевой истории одного из легендарных полков, а художественное изображение фронтовой жизни, прежде всего неслыханных подвигов и мастерства реальных людей, сражавшихся в небывало Великой и Страшной войне.

Книга предназначена тем, кто хочет знать правду о мужестве и героизме защитников воздушного пространства Родины.

1305010000—106
Л М 121(03)—95 без объявл. — 95

ББК 63.3(2)622,78

ISBN 5-295-01794-X

© Латыпов К. К., 1995

ОТ АВТОРА

Что заставило меня взяться за перо?

Меня, еще безусым пареньком учившего детишек арифметике со школьным мелком в руке, а затем, буквально через год, начавшего свой боевой путь за штурвалом ночного бомбардировщика и продолжившего его на грозном штурмовике до самого конца войны? Меня, который никогда не был ни историком, ни журналистом, ни, тем более, писателем, а посвятил всю свою жизнь обучению и воспитанию защитников Родины?

...До сих пор с содроганием в душе вспоминаю черное июньское утро 1941 года, обозначившее начало чудовищной войны фашизма с целью захватить нашу великую страну, уничтожить и поработить народы, жившие в ней дружной семьей, стереть с лица земли Москву, Ленинград, Киев...

И, конечно же, сияет постоянно в памяти безгранично ликующее майское утро 1945 года, явившееся в мир как Заря торжества великой Победы и заманчивых перспектив для всего человечества...

Я и мои боевые друзья верили всем сердцем в священные цели освободительной войны, как затем и в высшие идеалы Победы в ней, как Победы Разума над безумием, Света над мраком, Свободы над угнетением, Светлого будущего над черным прошлым.

В чем и в какой мере оправдались эти надежды, а в чем и почему не сбылись они пока — это тема особого разговора. Только отмечу, мы нисколько не сомневались в том, что эти высокие и светлые идеалы, благородные надежды и мечтания безусловно будут претворены в жизнь грядущими поколениями.

Сегодня же, когда отмечается 50-летие Победы, вызывает во мне, как и во всех фронтовиках, возмущение и удивление то, как некоторые современные «исследователи» и «идеологи», мягко говоря, слишком вольно трактуют историю страны вообще, историю Великой Отечественной войны в особенности. Под лозунгом превратно понятого плюрализма они прибегают к прямой их фальсификации.

Меня, как и всех моих друзей — активных участников боев, — буквально коробят попытки во что бы то ни стало исказить истинные причины, итоги и последствия Великой Победы не только для страны, но и для всего человечества. Как только не пишут, что только не делают они, чтобы очернить и развенчать священный характер и патриотический дух как самой войны, так и Победы в ней, всячески принижая при этом решающую роль народа, беззаветную преданность Родине, небывалый героизм ее славных сынов и дочерей.

В развернувшейся целенаправленной кампании тотального охаивания всего нашего советского прошлого становятся жертвами даже такие архитекторы Победы, как маршалы Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, такие ее вершители, как рядовые Ю. Смирнов и А. Матросов, разведчик Н. Кузнецов и партизанка Зоя Космодемьянская и многие другие герои, ушедшие в бессмертие. И в то же время всячески пытаются взгромоздить на постаменты подонков и предателей, в том числе С. Бандеру, генерала Власова и некоторых других. До какого же уровня морального падения могут докатиться отдельные ниспровергатели Истории, оправдывая и возвеличивая отщепенцев, всей душой продавшихся врагу? А если к этому добавить, что пытаются призывать молодежь равняться на изменников, то тут, как говорится, дальше ехать некуда.

К сожалению, в своей аморальности они «едут» и дальше, стремясь не только оболванить подрастающее поколение, но и убедить самих ветеранов, что их подвиг не столь значителен, а если одержали победу, то только потому, что «боялись Сталина», их же боевые друзья сложили головы лишь по какому-то недоразумению. Всем советским людям внушается миф о потерянных поколениях.

Например, журнал «Столица» в № 5 за 1991 год опубликовал статью Александра Портнова «Разгром советских войск под Москвой», а журнал «Социум» в № 6—7 за 1991 год — статью Александра Минкина «Чья победа!». В ней автор пишет: «В 1945 году победили не мы. Не народ. Не страна. Победил Сталин и сталинизм...» «Если бы победил Гитлер — погибла бы не Россия, а её режим...» «Победа Гитлера стала бы поражением Сталина, а не народа. Трехсотлетие татарского ига пережили — и ничего: ни языка, ни земли, ни веры не утратили». Некоторые последователи таких авторов доходят до того, что заявляют: «Не победили бы Гитлера — жили бы как люди!»

Вот такая чудовищная философия раба! Можно ли мириться с ней? Риторический вопрос? Далеко нет. На пути к демократии общество добилось реабилитации жертв сталинизма. Почему же оно не должно защищать честь поколений, воевавших против фашизма, спасавших от порабощения Отчизну и все человечество?

Нет, мы, ветераны войны и труда, считали и считаем себя не «потерянным», «неполноценным» поколением, а патриотами, не жа-

левшими ни жизни, ни крови своей для того, чтобы отстоять честь Отечества, его достоинство, не преследуя при этом ни малейшей корысти.

Я и мои друзья — фронтовики, знавшие войну изнутри, а не по наблюдениям со стороны и испытавшие врага по чудовищным делам его, по кровавым боям и яростным атакам, и сегодня, спустя полвека уверены, что народ и его армия спасли не только величие и целостность своей страны. Мы сражались и за ее славное будущее; разумеется, ни на секунду не допуская мысли, что её можно легко развалить и направить на путь дикого базара и хаоса, на который они никогда не хотели сворачивать, оскверняя таким образом историческую Победу, добытую почти тридцатью миллионами прекрасных жизней...

Святой долг не только фронтовиков, но и всех истинных патриотов Родины я вижу в том, чтобы аргументированно опровергать всякие нелепые утверждения о причинах нашей Победы и ее значении для судьбы нашей страны и народов всего мира.

Современные и будущие поколения должны знать истину из первых рук. Нельзя позволять отравлять их историческое сознание. Кошунству надо противопоставить веское слово правды. Любителей пересмотра Истории необходимо разоблачать.

Хочу надеяться, что предлагаемые читателю фронтовые воспоминания помогут в некоторой мере объективно оценить природу Великой Отечественной.

Подчеркну ещё одно обстоятельство, которое очень тревожит нас, ветеранов. Имею в виду падение, вернее, разложение патриотизма, нравственных устоев и морали. Собственно говоря, сами выступления современных ревизионистов той Великой войны и Победы являются результатом этого разложения. Надо ли доказывать, как это порочит священную Победу, это бесценное духовное достояние народа и страны?

Как это ни прискорбно, но приходится сознавать, что моральные устои, нравственные черты общества и отдельных людей не передаются по наследству, хотя, видимо, корни этических начал уходят в глубь веков.

А сущность же человека сегодня, его духовность, нравственные основы определяются преимущественно совокупностью тех общественных форм и характеров, которые господствуют в данное время, при данном Строе и Власти, под влиянием отношений и идей, которые утвердились в обществе при них.

Однако это не значит, что формируя сознание и нравы людей, мы не можем и не должны использовать традиции и этические начала. Напротив, мы должны их применять как можно активнее. И не случайно книгу эту с начала до конца пронизывают тема нравственности, формы проявления, роль и значение ее в обществе вообще, и в таком грозном явлении как война, в особенности; и

мысль о том, что подвиг всегда внутренне чист, и совершить его могут только люди с высокой моралью и крепкие духом, теми качествами, которые ярко характеризуют моих героев. Именно такие, как они, составили тогда Честь, Достоинство, Гордость единого Советского народа, его Славу.

Слава... Это великое и единственное, пожалуй, богатство, вложенное навечно в банк Истории, которое нельзя ни продать, ни украсть. Оно неприкосновенно. Однако и здесь (не имея возможности полностью обогреться за счет чужой славы) находятся любители хотя бы руки погреть на ней... Иными словами — извратить саму суть ее, низвергнуть величие до заурадной обыденности, пытаясь заявить себя тем самым «интересным» автором с бойким пером и современным мышлением...

Материалы, опубликованные в разное время на страницах некоторых органов печати, а также суждения отдельных лиц, оказались не только некомпетентными, но и откровенно убогими, ущербными, значительно обедняющими, а то и оскорбляющими память о героях предлагаемой книги. Это еще один важнейший фактор, утвердивший во мне желание написать правду о тех, с которыми довелось прожить не менее шестисот огневых дней.

В основу книги легли подлинные события, дела и поступки реальных героев (за редким вынужденным исключением), вылившиеся в один общий ратный подвиг, плодами которого мы живы и по сей день.

Хочу оговориться — тот, кто сочтет мою книгу продуктом модного ныне плюрализма, ошибается. Я не ставил задачи с кем-либо спорить, а просто считал долгом написать правду о советском поколении 40-х, правду не иллюзорную, сложившуюся во мне благодаря чьим-то рассказам, книгам, а ту, в которой я рос, в которой мужали и крепили духом мои боевые товарищи: и те, кто отдал жизнь в жестоких сражениях, и те, кому посчастливилось познать это гордое слово «Победа!» Причем речь идет о крылатых воинах, самых что ни на есть рядовых, кто непосредственно выполнял самую черную работу войны.

Разная по корням, но пролитая на поле общей беды, — единосвященной становилась многонациональная наша кровь, отданная за торжество справедливости. Неувядаемой славой покрыли свои имена русские Василий Кудряшов, Виктор Большаков, украинец Борис Лозоренко, белорус Александр Картавицкий, татарин Камал Багаутдинов, абхазец Киазим Агрба и многие другие. Во фронтовом небе их знали все активные участники воздушных боев, а в своем объединении они были воистину легендарными. Их отвага, хладнокровие, мужество заставляли трепетать вражьи души и рассыпаться в прах их самолеты. Вожаки грозных штурмовиков, мастера сокрушительного удара по врагу с воздуха, они, прос-

лавившись, оставались незаменимыми, душевными друзьями, простыми, но надежными боевыми товарищами.

Отдавая дань всем, главным героем я все же показал Князима Агрбу. И не только потому, что был более близок к нему и знал его чуть лучше других. А прежде всего потому, что по-особому лихая его доблесть и кипучий боевой, заражающий темперамент, высокая человечность и бескорыстие в большом и малом заметно выделяли его среди других летчиков и сделали всеобщим любимцем полка. Он был воистину витязем крылатым. Впрочем, как и Кудряшов, Большаков, Лозоренко, Картавицкий и Багаутдинов. «Отдай огонь сердца другому» — эта народная мудрость стала их девизом. И сегодня я, сын башкирского народа, отдавая долг священной памяти боевому другу и брату по духу — абхазцу Киазиму Агрбе и его боевым соратникам, мысленно обращаюсь к ним:

— Вы слышите меня, Киазим, Дмитрий, Виктор, Борис, Александр, Камал? Огонь ваших сердец не погас. Пройдет время, и с новой яростной силой возгорится он Вечным огнем памяти в сердцах благодарных потомков.

Куддус Латыпов

В нашей стране сформировался человек, идейно убежденный в правоте своего дела, глубоко сознающий личную ответственность за судьбу Родины... Волей, негнбаемым духом, кровью советского солдата добыта победа над сильным врагом.

Г. К. Жуков

РОЖДЕНИЕ

ТОЛЬКО НА ФРОНТ

В жизни каждого из нас есть решающий момент, способный повлиять на дальнейшую судьбу. Таким для Агрбы Киазима стал июнь 1937 года: военная авиационная школа пилотов приняла его в свою крылатую семью. Удачно сданы вступительные экзамены, не подвело и отменное здоровье, осталось пройти мандатную комиссию...

Молодой командир с двумя шпалами глядит на Киазима в упор, словно пристреливаясь к мишени:

— Так... Значит летать хотите? Похвально. — И вдруг в напряженном прищуре «спускает курок». — Ну а как обстоят дела с моральным духом в вашем селе? Есть недовольные? Или за крутыми горами их не разглядишь?..

Да и комиссары, оказывается, умеют «мазать». В «молоко» попал комиссар. Киазим глядит на него недобро:

— Да, наши горы и леса не позволяют видеть ясно с близкого расстояния, скажем, как в степи, но зато горное эхо далеко разносит правду о наших сельчанах. Хорошую правду, товарищ батальонный комиссар, — о раскрепощенной душе Абхазии. Кстати, именно в моем селе в 1918 году был первый сход красных абхазских партизан — киаразов. Мой отец и его брат Тишко — активисты, участники борьбы за советскую власть, а в период коллективизации — за создание сельхозартелей. Дядя Тишко стал первым председателем колхоза, а один из моих родственников — первым секретарем обкома КП(б) Абхазской АССР.

Заметно покраснел батальонный комиссар, больше, видно, ему ничего и не оставалось, а председатель комиссии радушно улыбнулся:

— Все ясно, товарищ Агрба, можете идти.

Итак, Киазим стал курсантом летной школы и за четыре года обучения прекрасно овладел авиационной техникой: сначала самолетом Р-5, а затем СБ (новейшим в то время скоростным бомбардировщиком), со всем их оборудованием и вооружением; освоил теорию и практику полета, самолетовождения, бомбометания и воздушной стрельбы.

А по земле шагала радость, размахисто, дерзко заглядывая в каждый аул, деревню, город, волну сердца дыханием новой жизни. Страна вступала в пору пробуждения своих сил: духовных, физических, способных в легендарно короткие сроки поднять экономику из недавних руин на уровень, который был невероятен несколько лет назад даже для великого английского фантаста Герберта Уэллса.

Для многих людей сегодняшнего поколения конец 30-х годов окрашен только в мрачный кровавый цвет репрессий. Но у этого исторического времени был и другой цвет, по-настоящему светлый, радужный — это время величайшего энтузиазма и романтики, безоглядной веры в счастливое будущее. Это время, когда народ в едином порыве отдавал все свои духовные и физические силы на осуществление извечной мечты человека о достойной жизни. Это вдохновение было определяющим для многих миллионов. Происходившие репрессии воспринимались ими как борьба с истинными врагами народа и рождающейся новой жизни. Люди не могли и предположить, что так чудовищно их могли обмануть... И партию, и правительство они считали своими и беззаветно верили им.

Что ни день — приносили радио и газеты вести о новых героях пятилетки: рабочих, колхозниках, полярниках, моряках, летчиках. «Куда ни пойдешь — везде молодежь, и все от рожденья крылаты!» — пел репродуктор, наушник, патефон, пела веселая душа, и тысячи молодых голосов подхватывали слова песни. Ведь действительно — каждый на своем месте был крылат. Что же говорить о тех, кто кроме духовных крыльев располагал еще и стальными!

Вот по столичному асфальту идет счастливый Киазим: ладно скроенный, круглолицый, с роскошными бровями и ярким сиянием карих глаз. Все по плечу этому парню: трудолюбие и честность, неумный азарт летного мастерства и уважение к товарищу, принципиальность активиста и лавры отменного стрелка, виртуозного боксера и быстреешего бегуна. «Не многовато ли для одно-

го?» — может усомниться сегодняшний скептик, и я отвечаю такому:

— А мы, юный друг, не бросали на весы наш суточный минимум энергии — не было у нас прогрессивки, зато было желание, жадное желание постичь все, дотронуться руками, ощутить проснувшиеся в душе новые высокие устремления, чистые порывы... Время работало на нас — только захоти, прояви упорство, трудолюбие, и твое призвание, заиграв в тебе всеми цветами радуги, выплеснется наружу для добрых славных дел.

Мы выбрали пятый океан и (видит бог!) ему не изменили. Правда, Кязим сначала поступил в Московский кооперативный институт, заранее зная, что ни финансистом, ни экономистом, ни просто организатором кооперативных систем он не станет... Очевидно, бережно вынашивая мечту, он не мог так вот вдруг приблизиться к ней. Нужен был интервал, способный выявить истинные его способности. Таким стал для него московский аэроклуб — трамплин для прыжка в небо. Успешно завершив первый курс института и годовую программу аэроклуба (прыжки с парашютом, полеты на планерах и учебном самолете), он подал рапорт в военную авиационную школу пилотов. Мечта сбылась!

Уже на втором курсе Кязим был принят в члены ВКП(б) и назначен старшиной отряда. Жизнь шагала вместе с ним: открыто, радостно, суля ему волнующую вечность. Впрочем, как и миллионам других советских людей. Но светлые, радостные их чувства и надежды омрачались тревожными вестями о событиях в соседних странах... В далеком германском городе Мюнхене именно в этот год Э. Деладье, Н. Чемберлен, А. Гитлер, Б. Муссолини совершили подлый сговор, отдав на растерзание оберфашистскому псу Чехословакию. А незадолго до этого им была аннексирована Австрия. Вовсю разворачивался фашистский вермахт...

Над страной Советов сгушалось предгрозые.

* * *

Еще смеялась с экранов Франческа Гааль, заражали оптимизмом и радостью жизни появляющиеся друг за другом кинокомедии (Орлова, Андреев, Крючков, Алейников!). Сады и парки волновали сердца духовыми оркестрами, сладостным запахом цветущих лип, но в душе каждого уж поселилась тревога — войны не миновать.

Для Кязима Агрбы начало войны совпало с выпуском

ными экзаменами. Еще его рука (совсем как рука школьника) тянула счастливый билет, еще и мысль его (совсем довоенная) направлена была лишь на одно, чтоб без запинки выпалить, скажем, все о топливном насосе, гидросистеме, устройстве органов управления — что попадет в билете, а уже все эти системы и узлы, собранные в единое понятие — самолет, там, на недалеких авиабазах рассыпались в уголь, охваченные пожаром войны.

Но вот блестяще сдан последний госэкзамен — «новоиспеченный» лейтенант Агрба Киазим Хотхотович принят в славную соколиную семью. Но не радостью светилось сейчас лицо Киазима, недоумение легло тенью:

— Кто я? — задает он вопрос себе, окружающим, — военный летчик или человек «с гражданки»?

И получает однозначный ответ тех, кто определяет пока его судьбу:

— Стране нужны кадры и в тылу.

* * *

А кому-то повезло, и счастливчики были направлены в действующую армию. Другие ждали — неразбериха первых военных недель не позволяла оперативно решать этот вопрос. Наконец, около половины выпускников были назначены на должность инструктора-летчика в недавно созданные или только создаваемые военно-авиационные школы первоначального обучения, а часть — в свою собственную школу. В числе последних был и Агрба.

Поначалу он даже не поверил в случившееся, а поняв, — помрачнел... Обида, захлестнула его, обожгла нутро, сковала дыхание. Это состояние «обманутого» переживал не он один, а каждый оставленный в тылу выпускник — кто-то будет драться с фашистами, а он обучать молодых!

Только отважное молодое сердце способно понять обиду парней сороковых годов... Уверенные, что война продлится недолго, они боялись опоздать... Они любили Родину и рвались в бой, чтобы мстить врагу за поруганные свои земли и небо.

Близким друзьям Агрбы было ясно, что он не смирится с таким решением. И действительно, уже на второй день после приказа он написал рапорт по команде с просьбой освободить его от должности инструктора и отправить на фронт. Подали рапорты еще несколько человек. На следующий же день их всех пригласили в кабинет начальника школы...

Когда они зашли, у стола стояли двое: один — высокий и стройный, но уже седеющий полковник, другой, ниже рангом и ростом, круглолицый человек. Эти двое: начальник и комиссар школы делали, как говорится, «летную и нелетную погоду» всей подвластной им округе, но как по-разному... Разительность характеров отражалась и в их лицах: пронизывающий взгляд черных и цепких глаз начальника школы, его прямой, резко вычерченный нос как бы подчеркивали строгость поджатых губ. И наивно-круглые глаза комиссара (в которых голубилась нежность), вздернутый простоватый нос и нехитрая, открытая для всех душа.

Но этим двоим, так непохожим внешне, были присущи одинаковые черты, снискавшие и тому и другому уважение подчиненных: требовательность и справедливость.

И сейчас, глядя на них, молодые командиры испытывали сложное чувство неопределенности: надежды, тревоги... снова надежды...

— Садитесь, пожалуйста, — указал на стулья начальник школы.

Все дружно сели, а он продолжал стоять. Затем, то ли с удивлением, то ли с укоризной, обратился к комиссару:

— Посмотрите-ка на них, Семен Степанович! Молодые инструктора решили, что подготовка летчиков для Военно-Воздушных Сил страны так себе, пустячок... Можно бросить их недоучками на произвол судьбы и тикать... на фронт.

— А вы им сказали, Георгий Григорьевич, что весь личный состав школы изъявил такое же желание, — усмехнулся комиссар.

— Вот, вот! — цепкий глаз начальника школы пронизал сразу всех, — в канцелярии лежат рапорты от всего постоянного состава школы, даже от инвалидов гражданской войны. Ну а я что — последний обсевок в поле? Нету такого — значит и я на фронт! А школу — на замок. Пускай постоит. Не рассохнется... А чем уж там будем бить фашиста — невежественным кулаком или отлаженным ударом — неважно, лишь бы колотить. Правильно я мыслю?

— Правильно, товарищ полковник, — встал вдруг с места самый молодой инструктор — рьяный «фронтовик», двадцатидвухлетний лейтенант Алексей Щербаков, — чем быстрее побьем фрица, тем скорее вернемся и продолжим подготовку молодых летчиков. Это, конечно, на случай, если другой Гитлер объявится...

— И за какое же время Вы предполагаете этого Гитлера побить? — с явной иронией спросил начальник школы.

— Не больше месяца! — уверенно выкрикнул лейтенант.

— Так... Значит: пришел, увидел, победил и спокойно вернулся на Волгу или на Урал пить чай с башкирским медом и не спеша готовить молодых летчиков и то на случай нового фюрера, так что ли, лейтенант Щербаков? А как думают остальные? — полковник снова обвел всех присутствующих пытливым взглядом и понял, что молодые инструкторы думали так же, как и их товарищ Щербаков. И готовы были поддержать его, если бы не явный сарказм начальника. И они молчали, напряженно разглядывая пол...

Выручил комиссар:

— Товарищи, за патриотизм не говорят спасибо, как и за любовь к матери. Он в нас, как кровь наша и плоть. И очень даже понятно ваше желание увидеть лицо врага не в документальной хронике, а на поле брани. Но задумался ли кто всерьез, какие цели поставил Гитлер и его компания, начиная войну с нами? И остановятся ли они, не исчерпав всех своих возможностей, всех сил и ресурсов для достижения цели?

— Сами не остановятся! Но на то и Красная Армия, чтобы остановить их, а потом и разгромить, — ответил за всех Агрба.

— Остановить, разбить... Это только в песнях просто, — отозвался начальник школы, — а знаете ли вы, какое соотношение сил сейчас у воюющих сторон? Этого я и сам точно не знаю, но могу предположить. Он кивнул на большую карту страны, — вот глядите на каком огромном фронте начались наступательные действия. Если войска построить даже в одном эшелоне, и то сколько надо дивизий? Но ведь немцы не дураки. Для наступления у них, наверняка, два, а то и три эшелона подготовлены. Плюс резервы. Прикиньте, сколько немецко-фашистских дивизий сейчас действует? Точно не скажешь, а на глазок — около двухсот. Второе — «блицкриг» — внезапность нападения. А это значит: они в полной боевой экипировке, а мы последнее теряем, не успев даже развернуться в боевые порядки. Наших сил меньше минимум в 3 раза, с одной стороны, они еще не отобилизованы для ввода в сражения и бои — с другой. Далее — армия Титлера оснащена огромным количеством новейшей техники, в том числе авиационной, превос-

ходящей по первым сведениям не только по количеству, но и по качеству. И всю эту машину разбить с ходу?

Молодые командиры молчали.

— Не следует забывать и то, «что Германия за такой короткий срок захватила почти всю Европу», — вмешался в разговор комиссар, — даже хорошо оснащенная современная армия Франции с ее хваленой линией обороны не смогла оказать организованного сопротивления. Поймите правильно, я не сравниваю армии буржуазных стран с нашей, которая и в лаптях отстояла величие Октября, но сложившуюся обстановку надо оценивать трезво, хладнокровно и спокойно.

Короче говоря — враг силен. На Гитлера сейчас работает пол-Европы. К тому же фашистам не всех удалось взять на испуг, иные и сопротивлялись... А это значит, что поднаторели они на чужой крови и обрели значительный опыт боевых действий в современной войне, чего пока нет у нас. Так-то... И цель у них чудовищно жестокая и решительная — добыть Страну Советов и все тут. Значит реванш мы сумеем взять у них, ох как не сразу, очень много попотеть придется и войны этой на всех хватит.

Он замолчал и, вглядываясь в молодые, сосредоточенные лица, как бы искал в них понимания, а то и поддержки. Искал и не находил. Они отлично знали о положении дел на фронте. Знали, что оставлены Каунас, Минск, Бобруйск, Львов и Ровно, вчера враг занял Дрогобыч и Ригу, сегодня пал Борисов. Чего же еще ждать? Молодо-зелено бродило в них великой силой, именно той, которой и должен быть повержен враг. Так думалось каждому и не было таких слов, какие переубедили бы их в этом. Но и комиссар был не прост. Быстро оценив обстановку и поняв, что инициатива упущена, решил изменить тактику:

— Итак, товарищи командиры, — довольно резко начал он, — война только начинается и ей понадобятся квалифицированные кадры, которые поставит тыл. — И вдруг широко разулыбался. — А вот Гитлер мечтает разбить нас за месяц, как и Щербаков — Гитлера...

И до предела натянутая струна напряженности лопнула, и взрывная волна хохота закачала лампочку под потолком — потеплели молодые глаза командиров, заискрились надеждой.

— Ну в сроках каждый лихо поднаврал, — продолжил комиссар со следами улыбки на лице, — а вот что каса-

ется финала, т. е. — кто кого положит на лопатки, тут уж Щербакову в ясновидении не откажешь.

Когда все успокоились, встал полковник. Выделяя каждое слово, он сказал:

— Товарищи, мы вас оставили инструкторами, а значит — учителями, как самых подготовленных и способных летчиков, умеющих не только хорошо летать, но и учить мастерству других. Вы отлично знаете, что не каждый хороший летчик может научить летать другого, и это доверие вам надо ценить. Ответственность на вас ложится двойная. Вы обязаны будете, во-первых, дать фронту быстро и в достаточном количестве мастерски подготовленных крылатых воинов, во-вторых, быть в постоянной готовности самим вступить в бой с воздушным противником, если он прорвется к объектам, расположенным в районах дислокации училища. Тактико-технические данные вражеских дальних бомбардировщиков позволяют это. Таким образом, от вашего умения зависит небо Родины — чистым быть ему или загаженным «хейнкелями» и прочей фашистской сволочью. Оголив тылы, мы сделаем роскошный подарок Гитлеру, и наш девиз — «Фронт и тыл неразрывны!» останется лишь бумажкой... Итак, кто желает сделать подарок Гитлеру?

Разумеется, желающих не оказалось. Застигнутые врасплох таким оборотом дела, все растерянно отводили глаза... И тут из смиренно застывшего ряда людей в темно-синих френчах неожиданно взметнулась кверху рука — сильно, несгибаемо и вслед за ней решительно прозвучали слова:

— Разрешите сказать, товарищ полковник.

— Пожалуйста, лейтенант Агрба.

— Товарищ полковник, я не намерен делать подарка Гитлеру и поэтому требую немедленной отправки на фронт. Мотивировка — незаменимых нет и мое место займет достойный. — Он на миг замолчал — волнение перехватило горло, но, взяв себя в руки, твердо добавил, — а мое место на фронте, в открытом бою.

— Все свободны, — забеспокоился полковник, — а вы задержитесь, — кивнул Агрба.

Однако инициатива, видимо, была упущена вновь, ибо, вопреки команде в комнате остались еще несколько человек.

— Вот так убедили мы с вами их, Семен Степанович, — невесело улыбнулся полковник. — Видать — никому дышные мы агитаторы.

Агрба ответил:

— Агитаторы вы сильные, но наше желание бить врага еще сильнее, товарищ полковник. И кто, как не Вы, учили нас быть истинными защитниками Родины.

— Так-так, хвалю за находчивость, — сдерживая раздражение, сказал полковник, — а теперь ближе к делу. — Взгляд его вновь обрел пронизательность, слова зазвучали резко:

— Да, защита Родины с оружием в руках — священный долг. Но прошу не забывать, что интересы коллектива, страны в целом, тоже священны. А интересы страны, учитывая суровое время, утверждают — нет фронта без тыла, нет готовых кадров без учебных заведений, нет учебных заведений без учителей, в том числе военных школ без инструкторов. А если уж хотите побольше трудностей, пожалуйста, нам разрешили сократить штат инструкторов. Их остается теперь меньше, чем по штатам военного времени, а это значит, что они будут работать с небывало большой нагрузкой, следовательно, им будет не легче, чем на фронте.

Чувствуя, к чему клонит начальник школы, Агрба явно забеспокоился и снова возразил:

— Товарищ полковник, нас можно поменять на других выпускников из резерва. Не сомневаюсь — там есть не только способные, но и желающие, а нас отправить вместо них в маршевые полки.

— Спасибо за мудрый совет, а мы как раз гадали, как выйти из создавшегося положения, — с явной иронией ответил полковник, — и видно поспешил с приказом, утвердив тех, кто, по нашему мнению, лучше справится с ответственными задачами, поставленными перед школой партией и правительством. Так что, товарищи командиры, приступайте к выполнению учебных программ. Это и будет для вас вкладом в «фонд обороны».

Сказал и дал понять, что теперь уж в самом деле свободны все. Когда же удрученные таким исходом дел инструкторы вышли из комнаты, начальник школы неожиданно повеселел:

— Ну, как тебе нравится, комиссар, такая позиция наших молодых, а?

— Радует и очень, товарищ командир. Глядишь на них и ощущаешь подлинное величие нашей преобразованной страны. И в каждом потенциальный герой!

— Да, притом такой, который не отступит ни перед каким врагом, — подтвердил полковник.

Они еще долго говорили о создавшейся обстановке, о судьбе и развитии страны, о роли молодежи...

Советская молодежь 40-х годов!

Как она не была похожа на некоторых юношей 90-х годов, всячески стремящихся увильнуть от службы в рядах вооруженных защитников Родины... От самого святого долга каждого мужчины...

Воспитанная на революционном энтузиазме, она хорошо понимала, что только эта, действительно народная, социалистическая революция дала им истинно человеческое достоинство, за которое веками боролись их предки и которое завоевали их отцы, а они — вчерашние парни в лаптях и домотканых штанах, брезентовых куртках и кирзовых ботинках, успели вкушать плоды великих завоеваний. Пусть пока очень маленький исторический срок — каких-то 15 лет! — пользовались они ими. Но и этого было достаточно, чтобы ощутить смысл таких понятий, как свобода и равноправие в труде, учебе и любви... «Каждому по количеству и качеству затраченного труда!» Бесплатное образование, отдых, больница. Родственное плечо товарища в отношениях между людьми разных наций, возрастов, профессий. Иди, шагай размахисто по родным просторам, не боясь никого, потому что тебя оберегает общество, где, в случае чего, каждый поделится последним куском или последним глотком воды. И это будет не христианская или магометанская слезливость, зачастую показная, а осознанное человеколюбие, от сердца идущее братство. Такова идеология трудового человека. Мир — его политика.

И вот над завоеванной только вчера свободой сегодня уже нависла угроза чужеземного ярма... И парни всей советской земли собрались на великий сход:

— Не бывать тому! — поклялись они грозно, — лучше погибнуть стоя, чем жить на коленях. Никому не вернуть нас в прошлое рабство, никому не растоптать чудо XX века — свободное, самое справедливое рабоче-крестьянское государство, государство, как тогда утверждалось, победившего социализма. Они были в этом искренне убеждены.

И клятву они свою сдержали: кинулись в танки и в самолеты, впряглись в пушки, залегли в окопах. Поднимаясь в атаки, бросаясь беззащитными телами на вражьи амбразуры, тараня врага, умирали, но не сдавались!

Таковыми были наши двадцатилетние лейтенанты. Понять их было просто — они рвались в бой, желая громить врага за поруганную свою землю. Но нужно было понять и начальника школы, его комиссара: путь к победе — укрепление тылов. Если двадцатилетний с реакцией мгновенно

венного ответного удара не мог еще думать «впрок», за него должен был думать тот, кто нес за него ответственность.

* * *

Итак, полковник и комиссар, решив, что беседа с молодыми инструкторами подействовала на их умы, ждали, что почти все или, по крайней мере, большинство возьмут свои рапорты назад и возврата к этому вопросу больше не будет.

Но на следующий день произошло событие, имевшее большое значение для всей страны. 3 июля выступил по радио И. В. Сталин с обращением к народу, в котором проанализировал создавшееся положение и изложил программу действий партии, народа и армии. Лозунгом: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!», выдвинутым от имени партии, он вдохновил советских людей, вселил уверенность в их сердца и души.

Текст выступления был тщательно изучен постоянным составом и курсантами школы и произвел на всех огромное впечатление.

Агрба и его друзья решили, не откладывая, подать рапорт вторично, теперь уже на имя вышестоящего начальства. Правда, шагать «через голову» комиссара не хотелось, и 5 июля их встреча состоялась.

— Вопрос все тот же, товарищ старший батальонный комиссар, — с ходу заявил Агрба, — мы хорошо подумали и пришли к выводу, что иного пути у нас нет.

Но комиссар, как видно, был далек от желаний своих подопечных.

— Вы за себя говорите, лейтенант Агрба, а потом послушаем и ваших товарищей, — сказал он сухо, — пожалуйста, говорите первым...

— Товарищ старший батальонный комиссар, — заволовновался Агрба и вдруг на одном дыхании: — «Идеальным вариантом выбора места в жизни является выбор, позволяющий делать максимальное для блага общества, наибольшим и наилучшим образом удовлетворять личные потребности, моральные, материальные и эстетические». Это ваши слова, записанные мной на лекциях.

— Не отрицаю... Мои.

— Вот-вот. Раз так, товарищ комиссар, вы и должны помочь мне попасть на фронт. — Ведь сейчас, очевидно, максимальную пользу Родине можно принести там, где

уничтожается враг, посягнувший на ее благополучие и свободу...

— Так, допустим. По крайней мере ваш первый аргумент согласуется со здравым смыслом. Еще какой аргумент у вас припасен?

— Значит, товарищ комиссар, Вы не станете лишать человека права принести максимальную пользу Родине?

— А ее можно принести только на фронте? Так что ли, товарищ Агрба? — с улыбкой закончил его мысли комиссар, тут же становясь серьезным. — Суждения ваши не лишены логики. Только не кажется ли вам, товарищ Агрба, что вы упускаете один маленький, но немаловажный вопрос: всегда ли может человек сам выбрать свое место в обществе, тем более в условиях войны, где все подчинено приказу. Поставьте себя на место тех, кому дано право отдавать приказы, т. е. распоряжаться людьми, учитывая и необходимость, и желания каждого гражданина, как можно целесообразнее сочетая их.

Исходя из этого, вы и определены приказом командования инструкторами, что само по себе почетно — специфика этой работы требует большой энергии, мужества и мастерства. И не меньших, чем на фронте.

Понимая, что и на этот раз теряет шанс, и то, что комиссар совершенно прав, Агрба ощутил вдруг горечь обжигающей обиды за себя, за свои нерастраченные силы.

— Приказ есть приказ! — выдохнул он, срываясь, — а если просто по-человечески?! Если просыпаешься по ночам от нестерпимой боли в руках, вжавшихся в штурвал, а утром топаешь себе в учебный ангар... Если скупые сводки — «Оставили», «Отошли» — кричат тебе — «подсоби, братишка, ты же сильный!», а ты сидишь в натопленной каптерке и только сочувствуешь... Если нет больше терпенья ждать и есть одно — «бить и бить фашиста!» Тогда как?!

Он смолк, но глаза его горели такими огнями, сжатые губы выражали такую решимость, будто он и впрямь шел в яростную схватку с ненавистным врагом. И несгибаемый комиссар спасовал, прежняя твердость пропала — такого упорства он не встречал.

Вопрос был решен. Но сразу сдавать своих позиций не хотелось и, уже ни на что не надеясь, комиссар все-таки спросил:

— А не будет жалко училища, товарищей, с которыми четыре года делите хлеб-соль и пот пополам, и главное — своих питомцев? Они ведь ждут вашей помощи. Не жалко бросить начатое дело?

— Очень жалко. Но еще прискорбнее видеть, как фашисты топчут мою Родину. А с товарищами и питомцами я обязательно встречусь на фронте.

— Ясно, товарищ Агрба. А вы, товарищ Картавицкий, с какими аргументами пришли?

— Согласен с лейтенантом, но хочу добавить: вчера враг занял мой родной город, я не знаю, что с ним и с моими близкими. Хочу лично участвовать в их освобождении.

— Так, понятно. А вы товарищ Игнатов?

— Полностью присоединяюсь к Агрбе и добавлю от себя: на фронте погиб мой брат. Хочу лично мстить за него.

По завершении опроса выяснилось, что причины у всех весьма убедительны, а главное — никто на этот раз не уступит позиций.

* * *

Сообщив начальнику школы о случившемся, комиссар, видимо, поддержал их просьбу. В результате этого (а может и 3 июля сыграло свою роль), смягчилось сердце и у начальника школы. Так или иначе, но через три дня Агрба и несколько его товарищей узнали о том, что выводятся в резерв, а на их место назначаются другие.

* * *

Итак, скоро на фронт. Но прошло три дня, пять..., а об отправке на фронт ни звука. Ликование сменилось унынием. Незнание удручала. Ни наземная «муштра», ни караульная и гарнизонная службы, которые они несли весь июль и большую часть августа, не могли поддерживать душевного равновесия. Лишь в конце августа пришел долгожданный приказ об их назначении. Агрба и десять его однокурсников получили предписание убыть в г. Воронеж в распоряжение командира 568-го штурмового авиационного полка (ШАП).

СОЗДАЕТСЯ СЕМЬЯ БОЕВАЯ

Прибыв к месту назначения, они узнали, что полка по существу нет, он только начал формироваться. Приуныли. Но ненадолго, вскоре сообщили, что укомплектовались личным составом, полк сразу приступит к переучиванию на самолете Ил-2, а освоив программу боевого применения, без задержки отправится на фронт. Ра-

дости не было конца. Это на Ил-2! На замечательном штурмовике! Слава о нем с быстротой молнии облетела все авиационные полки и школы, как только он прошел первое боевое крещение. Оседлать его мечтали сотни, тысячи летчиков: и опытных, и молодых.

Формирование завершилось к 10 октября. Полк был укомплектован за счет выпускников военной школы и расформированной разведэскадрильи, технический состав — из числа специалистов той же эскадрильи и переформировавшегося дальнебомбардировочного авиационного полка, того, в котором совершил свой бессмертный подвиг капитан Гастелло. Его техник — Иван Семико тоже попал в 568-й шап.

Переучивание началось сразу же, но прервалось на несколько дней в связи с переброской на один из аэродромов Куйбышевского узла, на базу 5-го запасного авиационного полка (ЗАП), где и продолжилась напряженная учеба.

Теоретический курс летный и технический состав освоили за рекордно короткие сроки. Годовую программу — конструкцию, принципы действия и основы эксплуатации двигателя, самолета, вооружения и специального оборудования прошли за полтора месяца. И уже с конца ноября начали готовить самолеты.

Учебных Илов еще не было, и летчикам предстояло без вывозных полетов сразу на новейшем одноместном боевом самолете вылетать самостоятельно. Трудная задача и надо подготовиться к ее выполнению основательно, до полной уверенности.

Для первоначальной отработки навыков техники пилотирования боевой самолет-тренажер был установлен на специальные козелки так, чтобы по ходу движения рулями управления он мог принимать соответствующее положение к горизонту по всем элементам полета, выпускать и убирать шасси, посадочные щитки, управлять двигателем на различных режимах, хвостовым колесом, множеством рычагов, кнопок и тумблеров вооружения и спецоборудования.

Не знаю, может ли человек ковать свое счастье (как бы упорно ни утверждала пословица), а вот доверенное ему дело довести до утонченного, блистательного мастерства ему вполне по силам.

На счастливого Агрба в те памятные дни похож не был, так как чувствовал, что до этого мастерства еще далеко. Постоянная сосредоточенность и явное недовольство собой тенью лежали на его лице. Тщательно изучая

устройство и работу каждого агрегата, каждой детали, тренируясь в кабине самолета (стараясь довести до автоматизма свои действия при работе с арматурой кабины на каждом участке полета, начиная с запуска двигателя и выруливания, кончая заруливанием и выключением двигателя) или часами наблюдая за взлетами, полетом по кругу и посадками уже летающих на Ил-2 летчиков других частей, мысленно представляя и производя тот или иной элемент полета, он не ощущал времени — он торопился... И снова изучал, и снова перепроверял.

К середине декабря он доложил командиру эскадрильи, что готов к самостоятельному полету, и попросил принять зачет. Тот удивился, но обещал доложить об этом командиру полка. Прошла неделя, другая, а разрешения на самостоятельный вылет не поступало.

Поговаривали, что самолетов еще не хватает, да и командир полка, якобы, не особенно рвется к началу массовых полетов — не ладит с руководством запасного полка и командиром обеспечивающего подразделения, к тому же в личной жизни допускает аморальные поступки...

Эти слухи, очевидно, имели основание, ибо в самом конце декабря, накануне нового, 1942-го года личному составу представили другого командира — майора Хомутова Николая Дмитриевича.

* * *

И вот перед строем полка стоял высокий, смуглый, летчик в кожаном реглане с двумя шпалами на петлицах.

— Реформ не ждите, — займемся делом. В кратчайшие сроки превратим полк в боеспособный коллектив и подготовим для перелета на фронт, — сказал он, как отрезал, а весь личный состав оживился, воспрянул духом. Уверенность нового командира отзывалась в каждом надеждой.

Командир проверил условия жизни летного и технического состава, расспросил о материальном обеспечении и отправился к командирам зап и обслуживающей части. Вечером собрал всех летчиков, руководящий инженерно-технический состав, политработников и работников штаба, заслушал доклады о состоянии дел в полку и эскадрильях.

— Как вы считаете, сколько летчиков уже подготовлено к полетам на Ил-2? — спросил начальника штаба командир полка.

Тот не смог дать внятного ответа.

— Разрешите мне, — поднялся с переднего ряда капитан Касимов, секретарь партбюро полка.

Серо-зеленые его глаза пристально и строго смотрели на сидящих, видно, на всякий случай, для порядка, поскольку слова не соответствовали такому взгляду:

— Товарищ командир! Полк укомплектован надежным личным составом. Все добросовестно, как говорится, день и ночь изучали материальную часть самолета Ил-2 и его оборудование. Личный состав с нетерпением ждет начала полетов и затем отправки на фронт. К немедленным полетам, полагаю, готовы шесть человек, через день-два будут готовы и все остальные. О других вопросах доложу отдельно.

— Спасибо, товарищ капитан: доклад ваш четкий и ясный. Прошу садиться. А теперь не худо бы спросить и самих летчиков. Кто считает себя подготовленным к самостоятельному вылету, прошу встать.

Поднялись семь человек: два командира эскадрильи, три командира звена и два летчика, в том числе Агрба.

— Не густо, — заметил майор. — Но вполне достаточно для того, чтобы начать полеты. Завтра в 9.00 всех проверю лично на готовность к самостоятельному вылету. Прошу всех выспаться — после проверки приступим к непосредственной подготовке и первым полетам полка.

На следующий день, как и было сказано, командир полка самым тщательным образом проверил готовность к полетам на Ил-2 всех семерых. Шестерым дал добро, а седьмого, одного из командиров звеньев, к полетам не допустил, — тот нечетко ответил на вопросы о действиях летчика в особых случаях. Одним из аналогичных вопросов, заданных Агрбе, был такой:

— Пилотируете в зоне и вдруг замечаете: самолет падает на левое крыло, начинает круто снижаться, вращаясь влево вокруг своей оси. Что это такое и ваши действия?

— Это — левый штопор, товарищ майор. Немедленно убираю газ, даю до отказа правую ногу, а ручку от себя, с прекращением вращения ноги ставлю нейтрально и вывожу самолет из пикирования, — отчеканил Агрба.

— Правильно. Вы подготовлены хорошо. Жду таких же полетов, но без особых случаев, — добавил он, улыбаясь.

Уже на 2 января 1942 года майор Хомутов назначил официальный день предварительной подготовки к полетам, запланированным на 3 января.

Технический состав и специалисты зап готовили самолеты, летчики самым тщательным образом тренировались в кабине самолета-тренажера, потом в кабинах самолетов, на которых должны лететь, осматривали взлетно-посадочную полосу. К концу дня командир полка вместе с инструкторами зап решил провести контрольный розыгрыш предстоящих полетов, на который пригласил не только их участников, но и всех летчиков полка — пусть постепенно привыкают, втягиваются, учатся. Присутствовали его заместители, секретарь партбюро и все начальники служб.

На стене висел лозунг «Тщательная подготовка к полетам и образцовое их проведение приближают день перелета на фронт».

Эта мысль подтвердилась и докладом парторга полка, заместителей и начальников служб. После контрольного опроса летчиков командир полка начал было подводить итоги, но тут неожиданно вошел незнакомый майор и, обращаясь к командиру, спокойно и внятно доложил:

— Майор Барков на должность начальника штаба вверенного вам полка прибыл.

Невысокий, лобастый, внимательный взгляд умных глаз. И никак не вяжется коверкотовая его гимнастерка и синие галифе с образом боевого командира, скорее — с сельским учителем. И ни тени волнения, полнейшая невозмутимость, будто не новому командиру представляется, а докладывает о чем-то заурядном, обыденном давно знакомому старшему товарищу.

— Здравствуйте, товарищ Барков, — как-то в тон ему и тоже не совсем по-военному ответил командир полка и крепко пожал его руку. — Знакомьтесь. Весь летный и руководящий состав налицо. Попали очень кстати.

— А я ушлый — вызнал, когда вы все соберетесь, — засмеялся майор.

— Вот и отлично. Не теряя времени даром, берите бразды правления штабом в свои руки, как говорится, «с корабля на бал», посмотрим насколько окажутся легкими ваши руки... и ноги тоже, — заметил командир под общее оживление присутствующих.

— Итак, — подытожил он, — люди и техника к полетам подготовлены. Приказываю хорошо отдохнуть. Завтра исторический день для полка — первые полеты на но-

вом боевом самолете. А вас, товарищ майор, представлю полку на предполетном построении.

* * *

С первых дней, скорее часов, командир и начальник штаба нашли общий язык, взаимопонимание во всем, что так необходимо для плодотворного руководства коллективом. За считанные дни они навели в полку уставной порядок и дела пошли так, как того требовала обстановка военного времени. Человечных, справедливых и чутких — личный состав полюбил их сразу. Полюбил их и Агрба, и, разумеется, не безответно: выделявшийся своей целеустремленностью и настойчивостью, основательным решением любого вопроса, он не мог быть незамеченным. Отныне установятся меж ними особо уважительные, доверительно-теплые отношения, что бывает не так часто между начальником и подчиненным...

СТАНОВЯСЬ НА НОВЫЕ КРЫЛЬЯ

3 января 1942 года. Для недавно сформированного 568-го штурмового авиационного полка наступил долгожданный летный день. Понятно, волновались все: летчики и штабисты, техники и механики всех специальностей, рядовые и инструкторы, и начальники всех рангов, присутствовал здесь и представитель ВВС округа.

Первый показательный полет сделал командир полка. Полет удался; и взлет безукоризненный, коробочка аккуратная с четкими разворотами на установленных местах, и посадка плавная на три точки у самого «Т». Своим полетом он как бы задал тон «Делай как я!». И, забегая вперед, скажем — этим извечным командирским принципом он очень умело и эффективно пользовался всю свою довольно долгую жизнь как в служебных, так и в личных делах.

После полета построил всех летчиков, спросил:

— Видели? Значит, как видели, так и делайте и никаких мудрствований. Условия благоприятные. Начинаем в соответствии с плановой таблицей.

В этот день вылетело четыре летчика: два командира эскадрильи, два командира звена, сделали по два полета без особых отклонений от требований инструкций, а после поделились впечатлениями и провели подготовку к завтрашним полетам.

На второй день вылетело пять летчиков: три командира звена и два летчика, в том числе Киазим. Он вылетел третьим.

— Наконец-то пришел ты, день мой желанный, — шептал он, еще до конца не веря в это.

Он был уверен в себе твердо, но волнение его не оставляло вплоть до запуска двигателя на выруливание. Затем все улетучилось, он успокоился и весь ушел в полет: вырулил, поставил самолет параллельно «Т» носом на выбранный ориентир, нажал на тормоза, дал полный газ, прожигая свечи и проверяя показания приборов, контролирующую работу винтомоторной группы. Все в норме. Увидел белый флаг финишера, разрешавший взлет, отпустил тормоза и стал плавно увеличивать обороты. Самолет тронулся с места, начал разбег... Пора ручку от себя. Вот нос самолета, т. е. капот мотора опустился почти до горизонта, на нем виден ориентир. Самолет держит на него. Скорость нарастает. Он с трудом удерживает ручку в положении «от себя». Самолет рвется все сильнее, поднимает капот, слегка виляя хвостом по сторонам, но Агрба ножными педалями выравнивает его. Вот толчки самолета становятся мягче, меньше, вот он как бы повис над землей и, быстро двигаясь вперед, безудержно норовит поднять нос. Но почему так тяжело держать ручку от себя? А, триммер! Оборотик триммером дает от себя. Теперь легче. Создает угол набора высоты, устанавливает нужные обороты. Более двух тысяч лошадей, мощно ревя и клокоча, влекут самолет ввысь. Массивный, длинный темно-зеленый нос стремительно рвется к небу, его приходится удерживать в нужном положении так, будто смиряешь ретивого коня, силой берешь его под уздцы. «Да, машина что надо! Куда до нее По-2 или Ут-2», — невольно подумалось и тут же вспомнилось, как те порхают перышками, ведомые всего сильным пропеллером, стрекочущим на их коротеньких и узких носиках. Посмотрел на высотомер — 200 метров. Надо делать первый разворот. Слегка отжал ручку от себя и влево, капот чуть опустился, заскользил по горизонту и, развернувшись на 90 градусов, вышел в прямолинейный полет. Через некоторое время в определенном положении самолета к «Т» на высоте 400 метров сделал второй разворот, потом вдоль «Т» совершил горизонтальный полет и, проходя «Т», оказавшись к нему примерно под 45 градусов, сделал на 90 градусов третий разворот.

Теперь, идя перпендикулярно к линии «Т», несколько не доходя до него, он перевел самолет в планирование, т. е. произвел предварительный расчет для захода на посадку, и понял — пора осуществить самый ответственный, четвертый, расчетный разворот.

Вот как он это делает: слегка дает газ, не поднимая носа самолета, на планировании же создает влево вращательное движение до тех пор, пока самолет не окажется вдоль посадочного «Т», чуть правее него. Пора выводить. Надо уточнить расчет на посадку. Направляет нос на точку в 200 метрах от «Т», ближе к самолету, с установленным углом и на необходимой скорости планирует на эту точку. Но почему-то «Т» удаляется? Значит, надо подтянуть. Достиг границы летного поля, высота 30 метров. Теперь взгляд на землю, влево и вперед на 25—30 метров. Так он должен скользить, пока не произведет посадку. Ага, пора выводить из угла планирования и полностью убрать газ, — земля все ближе, ближе! Постепенно берет на себя ручку, самолет нос свой направил вверх, вот-вот коснется земли. Агрба берет ручку полностью на себя и в этот момент самолет мягко касается земли точно на уровне «Т». Отлично! Есть первый самостоятельный полет на новом самолете!

Командир поднял два пальца вверх и показал на линию старта. Это значит, не заруливая на стоянку, сразу совершить второй полет. Такое, между прочим, позволяется не всем...

Так он стал летать на новейшем самолете, легендарном и грозном штурмовике.

* * *

Командир за первые самостоятельные полеты объявил ему благодарность. Киазим был рад безгранично — его мечта начинается сбываться, он становится летчиком-штурмовиком!

Все первые и последующие полеты прошли без особых замечаний, так, как учили инструкторы. И вот настало время выполнить один из последних — в зону на отработку техники пилотирования. Агрба занял место над установленным ориентиром на заданной высоте и скорости и сделал положенное количество мелких и глубоких виражей вправо, влево, боевых разворотов. Оставалось выполнить еще один, правый боевой разворот и глубокие спирали. Он дает полный газ, разгоняет максимальную скорость и энергично берет ручку на себя и

вправо. Самолет стремительно и красиво набирает высоту с одновременным крутым разворотом вправо. Но Агрба чувствует, — угол набора круче, чем обычно, и крен больше, чем положенные 60 градусов... Развернулся градусов на 150 и только подумал начать вывод самолета, как тот вдруг задрожал, почти перевернулся на спину, резко опустил нос и стал падать...

А на старте один из наблюдавших, расценив это по-своему, восторженно закричал, показывая рукой в сторону зоны Агрбы:

— Смотри, смотри, что выделяет Киазим.

Все посмотрели в ту сторону и увидели падающий носом самолет, вращающийся одновременно вокруг своей вертикальной оси.

— Он же штопорит! — крикнул кто-то, и все онемели... Что же будет дальше?

А Агрба тем временем, сделал один оборот, второй, а на третьем, с трудом прекратив вращение, стал выходить из пикирования. Выходить надо постепенно, а земля все ближе, ближе!.. Успеет или нет? Угол пикирования вроде стал меньше, но и земля рядом... Люди закрыли глаза...

Агрба оказался на горизонтальном полете, высота не более пятидесяти метров. Набрав 400 метров высоты, он постепенно и как бы на ощупь подошел к аэродрому, сделал два круга и только тогда произвел нормальную посадку. Зарулив на стоянку, выключил мотор, вылез из кабины и, стоя на плоскости, оглянулся вокруг, затем прыгнул с крыла и решительно зашагал к командиру полка:

— Товарищ майор, лейтенант Агрба первый тренировочный полет в зоне выполнил... с небольшим приключением: при последнем боевом развороте сорвался в штопор, но, оценив обстановку, вышел из него... с вашей помощью.

— «С небольшим приключением», «с вашей помощью»... Шутить изволите?

— Не шучу, товарищ майор. При проверке готовности к первым полетам вы мне дали вводное именно на оценку положения самолета при штопоре и на действия летчика при этом. Я и действовал точно так, как вы учили.

— Хитер бобер, но и мы — не лыковые: при выводе из штопора вы действовали «как учили». Но кто вас учил входить в штопор?

Агрба несколько стусевался:

— Я понял, что перетянул ручку и передал ногу. И на критическом углу атаки, на верхней точке, сорвался в штопор...

— Но почему же передали ногу и перетянули ручку?! Вы хорошо знали, что этого нельзя делать.

— Почувствовал силу и решил попробовать по-своему, товарищ майор.

— Так сказать, проявить самостоятельность, а заодно и проверить — соответствуют ли указания командира и инструкции возможностям самолета, так что ли?

— Выходит, что так, товарищ майор.

— И тут же убедились, что сила-то еще недостаточная, а инструкции написаны умными людьми на основе серьезных расчетов, большого опыта и... крови.

— Так точно, товарищ майор.

— Верю, поняли. А о технике выполнения фигур пилотажа поговорим на разборе полетов в присутствии всех летчиков.

* * *

Этот случай даже сильным летчикам, каким считался и Агрба, показал, что и с таким «простым» и стойким в управлении самолетом надо обращаться на «Вы». Только при умелом и вежливом обращении он может быть послушным и ласковым, в противном же случае становится строгим, привередливым, а то и несносным. Особенно он не любил, когда его «усталого», т. е. потерявшего скорость, высоко задирали над землей, чаще перед приземлением на посадке: он мог легко свалиться на бок с переходом на нос, что приводило к неприятностям, иногда к серьезным. А если такое происходило на высоте, как в случае с Агрбой, он срывался в штопор и выйти из него мог только искусный и хладнокровный летчик.

Агрба навсегда запомнил этот случай и, когда стал командиром и учил своих летчиков на пережитом примере, всегда подчеркивал, что авиация не любит ошибок, в том числе и «мелких», тем более нарушения правил, что надо от души уважать и самолет, и инструкции по его эксплуатации, а «отсебятина» может быть проявлена только в исключительных условиях.

* * *

Вскоре приступили к выполнению элементов боевого применения. Учились самолетовождению на средних и

малых высотах, прицеливанию с пикирования и бреющего полета, затем, по мере подготовленности летчиков, практическому бомбометанию и стрельбе, одиночно и в составе групп от трех до девяти самолетов строем «клин самолетов» в звене и «клин звеньев» или «пеленг звеньев» в эскадрилье. Впечатляющими для Агрбы были полеты на предельно малых высотах или, как называли сами летчики, бреющий полет, но особое восхищение вызывали своим зрелищным эффектом стрельбы реактивными снарядами. Он по-детски радовался, когда трассы пуль или снарядов влетали прямо в цель и, напротив, болезненно огорчался, когда они шли мимо. Тогда он кропотливо доискивался причин неточного попадания и, найдя их, старательно исправлял. Для этого он не стеснялся просить даже сверхплановые тренировки в воздухе.

Но это означало проведение дополнительных полетов, а они были ограничены. Торопил фронт. Ему нужны были воздушные войны, грозные штурмовики, новейшие истребители. Сжатые сроки давали летчикам минимально возможные навыки боевого использования самолетов. И все надежды были на фронт, на открытый бой, где удастся наверстать недостающее, отшлифовать все элементы боевого полета.

Налетали по 12—14 часов и полк был объявлен готовым для отправки на фронт.

Весь личный состав ликовал — труд увенчался успехом!

В конце февраля в составе 20 экипажей полк получил на заводе новенькие самолеты Ил-2. «Мечта, прямо-таки, чудо-машины», — поставили свое «тавро» летчики, как только обкатали самолеты на заводском аэродроме.

В свежей темно-зеленой окраске, с широко распластанными крыльями, стояли настороженные Илы и, словно припадая на сильные ноги, и как бы готовясь к мощному прыжку, действительно были похожи на чудо-птиц. И этот первый свой прыжок в полном составе они совершили 3 марта, перелетев на подмосковный аэродром Астафьево.

* * *

Как только последний самолет зарулил на выделенную для полка стоянку, командир собрал весь личный состав и объявил:

— Мы находимся на промежуточном между фронтом и тылом аэродроме. Здесь нам скажут, на каком именно

участке фронта будем сражаться с врагами Родины. Основные задачи на первые два дня: провести профилактический осмотр самолетов, вооружения, всего оборудования и подготовить их к перелету в район боевых действий. Провести тщательный осмотр всего личного состава, помыться, одеться во все чистое, привести в порядок общевойсковую и специальную экипировку.

Через два дня на построении все стояли чистенькие, с иголочки одетые, бодрые, радостные и можно было подумать, что не на фронт они собираются, а на какое-то волнующее торжество. А по земле шагал мороз. Он ощутимо пощипывал их лица, а низкие мутные облака, стремительно несущиеся над самой землей, цепляясь за ее поверхность своими рвано-лохматыми краями, обрушивали на них волну за волной мощные снежные заряды. Но люди, казалось, не замечали всего этого. У них был настрой совсем иной.

— Прошу всегда быть подтянутыми, какими вижу вас сейчас, — командир полка закончил осмотр внешнего вида. — Главная же задача на ближайшие дни — постоянная готовность к перелету, — он досадливо посмотрел в небо, добавил:

— Только вот божеская канцелярия перемутила небеса и, похоже, отодвинула сроки... А потому разрешаю сутки увольнения в Москву и близлежащие населенные пункты тем, у кого проживают там близкие.

Агрба заволновался: он поедет, поедет непременно и сейчас же! Указав в списке отъезжающих адрес и получив на всякий случай суточный рацион сухим пайком, он помчался к платформе электропоездов. А через два часа уже шел вдоль лесопарка к желанному дому...

КАК РОЖДАЛИСЬ МЕЧТЫ И... ЛЮБОВЬ

Для ясности вернемся в 1936 год.

...За окном пылал сентябрь, источая горько-нежное дыхание обреченных уже листьев, а в тесной, заставленной койками комнате общежития стояла духота. Табачный дым, запахи одеколона, гуталина и зубного порошка тесно грудились под потолком и, казалось, создавали преждевременные сумерки. Впрочем, когда Агрба распрямил, наконец, спину, поднимаясь из-за стола, было действительно поздно.

Весь выходной день он просидел за конспектами лекций и теперь решил отдохнуть. Убрав со стола книги и тетради, сложив в портфель все то, что завтра возьмет

на занятия, он вышел на улицу и направился к парку, где бывал ежедневно. Яркими огнями высвечивались аллеи и несмотря на поздний час в парке было шумно, людно. А ему хотелось тишины и он свернул на пустынную слабоосвещенную дорожку. Стоял тихий сентябрьский вечер, один из тех, какие бывают в пору бабьего лета. Повечернему свежий, но еще не остывший и мягкий воздух приятно ласкал лицо. Тишина и покой располагали к размышлениям, уносили далеко за пределы Москвы, в парки и леса Причерноморья...

Вот и еще один день уплывал в личную историю Агрбы — трудовой, насыщенный до краев и полный свежих сил и надежд. Запахи привядших цветов, прелых листьев бередили молодую душу, сулили вечность и, казалось, — нет у жизни конца и начала, а есть большой пролог, за которым-то и хранится настоящее. И он торопился — размашисто шагая по аллеям.

Сдавленный женский крик проник в сознание медленно, как бы издалека... Но тут же повторился снова, и Агрба, скорее машинально, чем осознанно, рванулся в сторону крика. Пробился через густой кустарник и то, что увидел, привело его в ярость: здоровенный верзила, зажимая рукой рот девушке, волок ее к краю дорожки. «Ну, птаха, теперь ты не упорхнешь от меня!» — хрипел он на ходу. Девушка беспомощно металась в его цепкой хватке, пытаясь вырваться, а шагах в пяти от них шла неравная потасовка: один отбивается от двух. Для раздумий времени не было. Стремительный рывок — и грозная фигура Киазима предстала перед мучителем и его жертвой... Тот от неожиданности опешил. Пользуясь его замешательством, Киазим молниеносным, одному ему известным ударом свалил верзилу наземь и кинулся на вырубку юноше. Хулиганы поначалу растерялись, но, быстро оценив «расстановку сил», обнаглели вновь. Один из них, внушительного телосложения, бросив на ходу напарнику «Держи, Чиж, ухажерал», повернулся к Киазиму, окинул его хищным взглядом, цинично процедил:

— Кацо, видать, только-только свалился с Казбека и ему все повально косулями кажутся... А тут — люди. Смекаешь, фрайер? — И передернутое злобой молодое лицо и смердящий перегаром прокуренный рот близко придвинулись к Киазиму... — Отвали по-хорошему, а то хуже будет...

Киазим не шелохнулся, хотя яростно сжал кулак.

— Уйдете вы оба и немедленно, — сказал тихо, но внушительно.

— Тогда на — слопай штуку! — словно выплюнул хулиган, пытаясь нанести удар с оттяжкой.

Киазим увернулся, успев крикнуть:

— Значит, не хотите уйти по-хорошему?

Вместо ответа тот вновь свирепо набросился на него. Тут уж не до морали. И точный боксерский удар настиг нападавшего... Он зашатался и, падая, царапнул лицо Киазима, затем, цепляясь за воздух, наткнулся на рукав противника и сильно потянул его к себе...

Меж тем его напарник тоже лежал на земле — минутой раньше подбежавшая девушка обрушила на его спину и голову легкие свои кулаки и это оказалось живительной силой для ее парня — он приобрел уверенность, удары его стали попадать в цель, и, не выдержав их, хулиган упал.

Тем временем «клиент» Киазима пришел в себя, и Киазим вежливо его спросил:

— Сами уйдете или карету скорой помощи вызвать?

Тот что-то невнятно промычал, пытаясь поскорее уйти, но Киазим преградил дорогу:

— Э, дорогой, так не пойдет. Где же «плечо товарища»? Шефа-собутыльника бросить решили? А ну-ка, вы оба, возьмите его и ведите куда скажу.

Странная картина открылась вскоре замороженному взору девушки: еще недавно разнузданно буйствовавшие молодчики сникли, пригнулись под тяжестью побитого их «лидера». Было смешно и жалко смотреть, с каким сияющим старанием волокли они его к дверям милицейского поста.

Бандитский прием «гоп-стоп», рассчитанный на внезапность и слабые нервы, почти всегда бьет наверняка. На этот раз слабонервным оказался спутник девушки, и если бы не Киазим...

Сегодня Киазим защитил честь одной девушки, и мог ли он предположить тогда, что через каких-то пять лет ему, как и тысячам его сверстников, настоящим мужчинам, придется вступить в смертельный бой с оружием в руках на защиту чести всех девушек, всех женщин, всего советского народа? А это испытание «на испуг», между тем, уже готовилось.

Вон как размахались факелами германские мальчишки. Какая там ночь, какие парки и темные аллеи? Средь бела дня вышагивают ордами по городским асфальтам. Рубашонки коричневые закатаны по локоть, свастика, что татуировка, впилась в рукав — «Хайль», и нет человека, «Хайль, хайль!», и нет семьи, родовой фамилии,

а то и целых групп, партий. «Хайль, хайль, хайлы!» — и нет тысяч и тысяч коммунистов и других антифашистов, — уже пошел четвертый год с тех пор, как был провокационно подожжен фашистами рейхстаг и развязан кровавый террор против инакомыслящих. Правда, Э. Деладье и Н. Чемберлен забавляются пока в головокружительном танце в обнимку с А. Гитлером, и чопорная Англия, и ветренная Франция, и спесивая Польша, и многие, многие другие страны распевают пока песенки на родном языке, да и граница Страны Советов пока на замке, но уже готовит Гитлер воровской свой набег на мирные народы, а твою молодую Республику, Киазим, — взять на «гоп-стоп», т. е. по-немецки, на «блицкриг», он наметит через четыре года.

Как-то поведешь ты себя, Киазим? Дрогнешь? Растеряешься? Или, как и сейчас, расправишься с бандитской шайкой? Гляди, как они расстарались — тащат своего бугая, торопятся, будто не в милицию бегут, а куш делить жирный. Наглость — неверная сила, дунь на нее посильней, рассыплется.

Но и у сильных бывают слабости:

— Как вас зовут? — спросил Киазим девушку. Спросил просто так, чтобы заполнить общую неловкость.

— Светлана, — ответила та, — а вас?

— Киазим...

И как волшебным током ударило его, радостно забило сердце — он увидел ее лицо: милое, единственное... «Светлана» — нежно отдалось в душе, и все, кроме этого имени, утратило смысл, поблекло...

Меж тем сопроводили они хулиганов до милицейского поста, оформили протокол и вышли из парка. Спутник Светланы, угрюмо и подавленно молчавший, теперь, видно, пришел в себя и приобрел прежнюю решительность.

— Пойдем, уже поздно, — спесиво заметил он, а Светлана словно и не слышала его:

— Киазим..., — проговорила она с расстановкой, — красивое имя... А вы учитесь или работаете?

— Учусь... — рассеянно ответил Киазим, — на первом курсе Кооперативного. Живу в общежитии. — И вдруг, как бы спохватившись: — Пожалуйста, приходите к нам на вечер отдыха в субботу!

— Спасибо. Я приду. А это Владик — мой школьный товарищ. Ой, извините, извините тысячу раз, — вдруг воскликнула она, — мы так растерялись, что даже забыли поблагодарить вас. Если бы не вы...

— Я ничего особенного не совершил, — тихо сказал

Киазим, — любой бы на моем месте... — и встретился глазами с Владиком...

Лицо его выражало недовольство и запоздалую решимость, Киазим выдержал его взгляд и спросил в упор:

— Может вас проводить до дому?

— Спасибо, — одарил его Владик насильно выдавленной улыбкой, — до дому, надеюсь, без охраны доберемся, еще многолюдно, да и дом стоит на бойком месте.

— Мы живем в одном доме, — поспешила объяснить Светлана, — если бы не так поздно, была бы рада пригласить вас к себе. Но вы ведь придете, да?

— Приду. Только сначала вы приходите... На вечер отдыха. Жду!

* * *

Она сдержала обещание и пришла на вечер отдыха. Встретились они непринужденно и держались весь вечер как старые знакомые.

Молодежные вечера тридцатых годов! Казалось, незримый кудесник наполнил эликсиром радости юные сердца, научил непринужденному веселью: песням, танцам, играм — до того все было неповторимым и ярким. Да, умели работать, умели и отдыхать! Вон как ловко отплясывает Киазим: легко, дерзко, пластично. Не каждому и профессионалу по плечу такая абхазская лихость. Движения его так многообразны и стремительны, что изумленный взгляд Светланы едва поспевает за ним. Но вот глаза их встретились... Заиграла в них тайна зарождающегося чувства, затеплилось понимание... Так они и пойдут, рядышком, по предназначенной им яркой, но короткой дороге любви.

Четыре весны останутся за их спинами, четыре зимы и четыре лета. А когда наступит пятая весна и будет сдан последний госэкзамен, тогда-то новоиспеченный лейтенант военлетчик Киазим Агрба, поскрипывая новенькими ремнями, впервые переступит порог дома любимой девушки и, замирая от счастливого томления, попросит у родителей ее руки...

Так думал он, так думала она, но война распорядилась по-своему.

О, ЭТО ЧУДО-БАБУШКА, ИЛИ ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

...Он спешил и волновался — как-то там у нее? В последнем письме писала, что предстоят некоторые переме-

ны. А какие? И дома ли она? Жаль, что у них нет телефона, можно было предупредить... Думая об этом, он все ближе подходил к дому, в котором так ни разу и не побывал. Да, как ни странно, зная хорошо Светлану, он не был знаком с ее родными и их жильем. На «ты» он был только с наружной дверью квартиры, до которой обычно провожал Светлану. Переступить же порог квартиры и представиться ее родителям считал возможным только при окончательном решении вопроса. Во всем, что касалось его личной жизни, он был застенчив до крайности. Война ворвалась в каждое сердце, перетрясла каждый характер, предлагая взамен самым тонким душевным перепадам железную логику суровых будней. Предложила она и Киазиму — желаешь видеть любимую девушку — поступишь устоями.

Вот и дом знакомый до каждой черточки, ладный и основательный, из красного кирпича, стиля конца XIX — начала XX века. Слава Богу, его не задела ни одна бомба, стоит цел и невредим.

Волнуясь и торопясь, он в три прыжка одолел нужное расстояние и оказался перед «своей», так хорошо знакомой, ставшей давно «милой» и дорогой дверью, обитой черным дерматином и с белой металлической цифрой «21» на верхней половине. Киазим улыбнулся, — когда-то, увидев эту цифру первый раз, он сказал ей шутливо:

— Двадцать один, очко, значит будешь счастливой.

— И тот, кто будет вместе со мной, — загадочно улыбаясь, ответила она.

И вспомнилось лицо Светланы... Он вздохнул и решительно нажал на коричневую кнопку.

За дверью зашаркало, зашуршало. Сердце Киазима так затрепетало, словно приготовилось выпрыгнуть.

— Кто тааам? — услышал он немолодой женский голос и забеспокоился еще сильнее. «Кто это?»

— Знакомый Светланы, ее друг. Я прилетел сегодня, можно вас побеспокоить на минуту, — ответил он торопливо, боясь, что его не поймут и не откроют дверь. Нет, вопреки сомнениям, что-то заскрежетало, послышался скребущий звук ключей и медленно открылась сама дверь. В ее проеме показалась голова незнакомой пожилой женщины:

— Здравствуйте, — сказал Киазим.

— Здравствуйте, — ответила она и, внимательно посмотрев, спросила:

— Вы Киазим, Киазим, э-э-э...

— Да, да Киазим Агрба.

— Да, правильно, Агрба, который летчик? Света мне говорила про вас.

— Да, да, он самый. Правильно вы догадались.

— Нетрудно догадаться, видом вы кавказский; да и куртка на вас вроде летчитская. Ой, да что это мы стоим, проходите, пожалуйста.

Заперла дверь на засов, на цепь и ключи.

— Всякие тут попадают, — пояснила, но, заметив нетерпеливый взгляд Кязима, сказала:

— Я Светина бабушка, Вера Петровна. А Света на курсах, военных, учится на радистку какую-то... Она придет скоро. Как только начнутся сумерки, так она и придет.

А был всего полдень, точнее — 14.00.

— Вера Петровна, вы не знаете, где находятся эти курсы? — Агрба решил не терять драгоценного времени даром.

— Не знаю, она мне не говорила, знаю только, что едет туда целый час. Да вы не беспокойтесь. Сейчас чаю попьем, перекусим немного, а там глядишь и она подъедет.

— Спасибо. Я не хочу есть. Вот тут немного из сухого пайка, — Кязим протянул сверток с банкой консервов, пачкой галет, плиткой каши-концентрата, сахаром и салом, — приготовите к приходу Светы что-нибудь, а я пока посмотрю на военную Москву.

Он вышел и наметил маршрут: памятный для обоих парк, свой институт, общежитие.

В семь часов вечера он снова нажал кнопку двери под номером 21.

— Кто тааам? — спросил его тот же голос.

— Кязим, — ответил он, и дверь открылась со скрежетом и стуком, освободившись от запоров и цепи, правда, быстрее, чем первый раз. За ней показалась все та же бабушка Вера Петровна.

— Заходите, заходите, ее еще нет, он она вот-вот придет, посидите, почитайте что-нибудь.

Он разделся и только было направился в указанную комнату, как сразу же раздался двойной звонок.

— Это она, идите пока в комнату, — бабушка хитро улыбулась и пошла открывать дверь.

— Добрый вечер, бабуля. Ну как ты тут без нас день провела! Что с тобой, бабуля? Ты так улыбаешься, будто всех немцев перебили...

— Нашла кого вспомнить в такой день...

— В какой?

— А вот в такой... Самый для тебя подходящий.

— Не томи, бабуля.

— Тогда закрой глаза и отвернись.

— Ну вот, закрыла...

Киазим тотчас вышел из комнаты и встал за спиной Светланы.

— А теперь повернись лицом сюда, — скомандовала Вера Петровна и скрылась за кухонной дверью.

Светлана повернулась... На мгновение оторопела, с удивлением разглядывая Киазима, но тут же глаза ее загорелись, засияли, и душа Киазима наполнилась мягким теплом.

— Здравствуй, Света! Вот я негаданно, так сказать... Не ждала?

— Киазим... Как в сказке... Только подумала, а ты уже тут, — будто выдохнула она и осторожно взяла его руки в свои. — Каким же чудом?

— Просто повезло. Мы сели по пути на подмосковном аэродроме и немного задержались. И я решил хоть на часок заглянуть к тебе.

— Только на часок?

— Прибавь еще немного.

— Спасибо и на том. Умойся, посмотри журналы, альбом, хочешь, почитай сегодняшнюю «Правду», ты ведь любишь ее читать, а мы с бабулей приготовим ужин.

Киазим успел посмотреть лишь семейный альбом, а уж стол был накрыт белоснежной скатертью и Светлана легко и искусно подавала ужин.

Комната наполнилась дразнящим ароматом. На душе стало тепло, по-домашнему уютно. Киазим блаженствовал. Сели за стол — она напротив, сбоку, с торца — бабушка, а на самом столе прямо довоенная благодать! Тут и изумрудом налитые пузатенькие огурчики, и перламутром подернутая капуста, и разноликие кружочки грибов, золотисто-румяная картошка с консервированным мясом, в чудо превращенная гречневая каша-концентрат и разрубленная на равные куски курица.

— Откуда такая роскошь? — невольно вырвалось у него.

— Творение золотых рук нашей бабули, — улыбнулась Светлана. — В основном все это с дачного участка в Балашихе. Запасов хватает нам почти на весь год, а сегодня, говорят, нам еще кое-что подбросили... — и спохватилась. — Ой, что же это мы ничего не предложили гостю?! Я налью, Киазим, немного в честь встречи, там что-то есть у папы.

— Спасибо, Света. Ты же знаешь, я не люблю и не употребляю спиртного.

— И курить, небось, не научился?

— Нет. И не думаю.

— Ну и молодец. Зачем травить-то себя, — вмешалась бабушка.

— Да, молодец, — Светлана на миг задумалась. — Там, на войне, наверное, нужны свежие головы...

— Там еще много кое-чего надо... — неопределенно вздохнул Киазим.

— Ой, что будет-то дальше, и когда она, проклятая, кончится? — откликнулась Вера Петровна.

— Когда кончится — трудно сказать. Враг сильный. А вот началась она с Московской битвы, это точно. А где папа с мамой, Света? — решил Киазим перевести разговор.

— Папа почти круглые сутки на заводе, спешно делают новую радиоаппаратуру, кажется, для вас, для авиации. Приходит домой только помыться и переодеться. А мама сегодня дежурит в госпитале.

— Понятно. Если скажешь что-то и о себе, будет полная ясность. Что, например, с институтом?

— Мужчины, и студенты, и преподаватели, ушли на фронт: кто в ополчение, кто в регулярные войска, остальные рыли окопы и траншеи. Сейчас там курсы, готовят чуть ли не всех технических специалистов — для фронта, в основном.

— Мне Вера Петровна сказала, ты учишься на радистку, это там же?

— Там. Учусь на радистку-оператора. Да, можешь поздравить — вступила в ряды Красной Армии. Пока не успели одеть в военную форму и разместить в казарме. Еще 3—4 дня и не застал бы меня дома.

— Вот как. И где же ты будешь работать?

— Создаются специальные радиостанции для дальнего обнаружения самолетов противника и наведения на них своих истребителей. Вот на них и буду оператором.

— Поздравляю. Как говорится, дай Бог удачи. А сколько учиться?

— Месяца три-четыре, потом пошлют в части противовоздушной обороны, на фронт или туда, где надо защищать от бомбардировок объекты тыла, — на подъеме заявила Светлана.

— Чего ты радуешься, глупенькая, ведь на фронт готовишься, а не в лес под Балашиху за ягодами, — вздохнула Вера Петровна.

— Ах, бабуля, чтобы ягодки собирать, надо Балашиху от немца защитить. А врага надо бить весело. Вот я и радуюсь. Правильно, Кязим?

— Правильно, Светочка. Уверен, Вера Петровна так же думает, только считает внучку свою совсем еще маленькой... Верно я говорю, Вера Петровна?

— Верно, верно, Кязим. Ох уж эта война: и стар и млад — все под ней оказались...

— Временно, Вера Петровна, все это временно. Давайте лучше выпьем душистого чаю по-московски, очень я соскучился по нему.

— Сейчас, сейчас, Кязим.

И Вера Петровна побежала готовить чай.

— Только по чаю соскучился? — лукаво спросила Светлана.

— И по чаю тоже... Но по хозяйке чая больше...

— А хозяйка чая — бабушка.

— Вот я по ней и соскучился — очень, очень... — Лицо Кязима озарила счастливая улыбка. Ярким румянцем запылало и лицо Светланы.

— Очень? — спрашивают глаза Кязима.

— Очень, очень... — отвечают глаза Светланы.

Тем временем Вера Петровна подала чай:

— Вот вам настоящий московский. Пейте, наслаждайтесь. А я к соседке... Еще с утра договорились ночевать вместе. Она одна живет, тоскливо ей. Мы с ней и попьем чайку. Так что, не обижайтесь... — и скрылась за дверью.

— Какое чудо твоя бабушка! — только и сказал Кязим.

— Да, настоящая волшебница и сама доброта.

— А ты похожа на нее?

— Не мне судить...

— А кому же?

— Тому, кто будет со мной рядом.

— Всегда?

— Всегда.

Слова куда-то пропадали. Кязим молчал. «А бабушка удивительная, — думал он, — сумела понять, как мне дороги эти часы уединения». И словно продолжая его мысль, Света сказала:

— А папа тоже ночует на заводе... И мама придет только утром.

И трепет охватил стойкую душу Кязима:

— Значит мы одни?

— Пей чай... — уклончиво ответила Света, — смотри, какой ароматный...

Они молча попили чаю, убрали со стола, вымыли посуду и сели на диван. Светлое таинство вершилось в их душах. Близость волновала, уводя в неведомый край счастливых миражей, где только он, она и вечное небо.

— Ты надолго отпущен? — как бы издалека донеслось до Киазима.

— Ровно до полуночи, — зачем-то сказал он, хотя увольнение было до утра.

Лицо Светланы преобразил испуг, на глаза навернулись слезы. Полуоткрытые губы задрожали:

— Как? Прямо сейчас встать и уйти... Нет, это невозможно... Ведь ты останешься со мной? Останешься? На всю ночь, до утра. Мы будем одни, совсем одни, ладно? Ну скажи — ладно. Я тебя все равно не отпущу. Хочешь, встану на колени?!

Киазим стремительно поднялся, поднимая и ее.

— Что ты, не надо так, — только и сказал, глубоко заглядывая в ее глаза.

Вот перед ним она — его мечта, его желание, вера его, надежда и любовь... В распахнутых ее глазах — отчаянье и жгучая мольба, и нельзя обидеть ее, нельзя поправить ее желания. Но и нельзя... воспользоваться порывом чистой души, растоптать святую целомудренность...

Он любил ее и этим было все сказано. Любил на протяжении вот уже нескольких лет, постоянно нося ее образ в душе, как носят теперь бойцы в нагрудных карманах фотокарточки любимых. Возникни это чувство сейчас, ослепи новизной ощущения, да еще в экстремальных условиях войны, кто знает, как воспринял бы он такое предложение. Но выверенная временем любовь замешана на бережливом отношении, на незримом культе чистоты, и предать их вдруг значило предать себя — разрушить алтарь святости.

Конечно же, Киазим в данный момент не философствовал. Все это лежало глубоко в нем, а сейчас он испытывал лишь растерянность застигнутого врасплох: стойко храня свой «алтарь святости», не мог он сдержать и трепета, властно охватившего его от теплого и близкого дыхания любимой... А если мы вспомним и о возрасте Киазима, и о горячей и сильной крови абхаза, способной воспламеняться вмиг безотчетно и страстно, то невольно станем свидетелями смятения, царившего в душе юноши. Нет, он ни на секунду не допускал какой-либо вольности по отношению к Светлане, но природа помимо воли заставила его, поистине стальное, сердце работать с

перебоями... И тут он увидел ее глаза, спокойные, как бы заглядывающие в его душу.

— Вижу, озадачила, удивила тебя, — говорили они. — Будь спокоен — чего не должно быть раньше времени, того не будет. Просто я соскучилась и хочу подольше побыть с тобой, когда еще увидимся. А в тебе я уверена, и меня ты хорошо знаешь...

И смятение улетучилось мгновенно, все встало на свои места. Но на прощанье все-таки царапнуло ядовитой мыслишкой: «А может Светлана тебя пожалеть захотела?»... И, сдерживая обиду, прикрывая ее лукавством, он полусуто, полувсерьез спросил:

— Пожалеть решила? Война ведь...

Светлана не обиделась, напротив — рассмеялась по-детски заразительно — до того, видно, его вопрос показался ей нелепым:

— Это тебя жалеть — «беспомощного котенка»?! Ах ты, неблагодарный тигрище!

Тут уж и Киазим рассмеялся:

— Ого, я и не знал, что такой хищный... А вот возьму и съем тебя...

— Ну ешь на здоровье! Принести горчицу?..

И новая волна смеха помогла преодолеть неловкость.

Они много говорили в эту ночь. Рассказали друг другу все, что произошло с ними за это время, но главное хранилось в их молчании, в их глазах:

— Любимая, — немо говорил взгляд Киазима, — как бы я хотел унести тебя на своих крыльях далеко-далеко...

— Нельзя, мой единственный, — мягко отвечали ее глаза, — война догонит всех...

— Даже в самом жестоком бою ты будешь со мной. Верь, Светлана!

— Верю. Ты умный, храбрый и должен их победить.

— Спасибо. Я буду делать все, чтобы умело бить их — за тебя, за Родину. Но война есть война, бой есть бой, дорогая. Враг сильный, коварный, лютый... И я не хочу тебя успокаивать — все может случиться. Ты должна быть готова ко всему.

— Любовь убить нельзя, Киазим. Она — вечна.

Рассвет обозначил их силуэты, высветил мебель, напомнил: «Пора...»

Понимая, что с каждым новым признаком утра приближается их разлука, Светлана резко встала, словно желая приостановить рассвет и, как бы осознав свое бессилие, но не желая уступать позиций, сказала дрожащим голосом:

— Разреши мне поцеловать тебя...

И снова заволновалось сердце. И наперекор ему и своим вмиг расходившимся чувствам Киазим шутливо ответил:

— Только не особенно нежно и сладко, ладно, дорогая? А то я сам стану нежным и сладким, а на войне, сама понимаешь, люди должны быть твердыми...

Он не договорил — губы Светланы приблизились и сомкнулись с его губами... И комната и сама, казалось, Москва уплыли из-под ног, растворились в счастливом небытие...

Он первый раз в жизни поцеловал девушку — неумело, но трепетно. Часто забилося сердце, он почувствовал себя окрыленным, готовым лететь в неизведанные дали и совершать сказочные подвиги.

Каким оно будет, их счастье, рожденное в грозовую пору? Об этом скажет только время.

Пока же они вместе. Стоят, обнявшись, позабыв о войне и разлуке. Но стрелки часов неумолимы — «Пора! Пора!».

— До свидания, Светлана... Береги себя. Мы еще будем вместе! — и после короткой паузы добавил: — как только с победой закончим войну.

— До свидания, Киазим. Я буду ждать тебя всегда.

* * *

Он как раз успел к завтраку, а через полчаса полк был построен на аэродроме перед стоянками самолетов.

Едва закончили осмотр и проверку личного состава, как появился командир 1-й резервной авиабригады и с ним незнакомый военный в темно-синей шинели с двумя звездами на голубых петлицах.

— Равня-я-я-й-сь, сми-и-и-и-и-р-но-о-о! — зычно и по особому торжественно подал команду командир полка и, молодцевато подойдя к высокому военному, четко доложил:

— Товарищ генерал! 568-й штурмовой авиационный полк по вашему приказанию построен. Командир полка майор Хомутов.

Генерал поздоровался с полком:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравс-с-с, товарищ генерал! — мощно и дружно ответил строй.

— Главком ВВС поручил передать, что ваш полк зачислен в резерв ВГК. Это очень ответственно и почетно,

товарищи. Главком просил поздравить вас с этим, а также с прибытием на аэродром, откуда направитесь на фронт для выполнения священного воинского долга. Знаю, ждете этого часа с нетерпением. Уверен — с честью и достоинством выполните свой долг, мужественно и умело вступите в бой с ненавистным врагом. Через час вы должны быть готовы... — выдержав довольно продолжительную паузу, внимательно оглядев строй, он продолжил, — к полетам в районе аэродрома. Проверим сегодня ваше умение взлетать, садиться и пилотировать самолет в воздухе, а завтра — мастерство в самолетовождении, стрельбе и бомбометании.

Все переглянулись в недоумении.

— Там проверяли, здесь опять проверяют, когда же на фронт? — вполголоса, сдерживая досаду, проговорил Феоктистов.

Феоктистов — летчик, имеющий несколько больший налет и определенный опыт боевой работы. Он друг Агрбы. Собственно, у Киазима Агрбы много товарищей: и младшие лейтенанты Смирнов и Щербаков, Картавицкий и Игнатов, но лейтенант Лозоренко и Феоктистов — друзья. Их всегда тянуло друг к другу и всюду, где только могли, они старались быть вместе. Общность интересов и взглядов выльется в крепкую мужскую дружбу, которая со временем выдержит все испытания фронтовой жизни, станет во многом определяющим фактором их боевой судьбы.

— Есть вопросы, товарищи? — обратился к строю генерал.

— Разрешите? У меня один вопрос — когда на фронт перелетим, товарищ генерал? — услышали все негромкий, но решительный голос Киазима.

— Сначала определим степень вашей боеготовности, затем установим сроки перелета, — спокойно ответил генерал. — Товарищ майор, — обратился он к командиру полка, запланируйте мне, пожалуйста, полеты в паре с этим младшим лейтенантом в зону и по маршруту.

Феоктистов, полусерьезно, поддел Агрбу:

— Вылез с вопросом и попух. Теперь держись, — по тебе будет судить и о моей готовности.

— Не беспокойся. Твоя готовность не пострадает. Думаю, и остальных не подведу.

Вскоре начались полеты. Летали по кругу и в зону. Взлет, построение коробочки над аэродромом, посадка — все это хорошо было видно со старта. Но качества пилотирования издали не определишь, а двухместных учеб-

но-боевых самолетов еще не было. Поэтому проверяющий пристраивался к самолету проверяемого и точь-в-точь повторял за ним его движения, маневр, оценивая таким образом технику пилотирования, точнее говоря, технику выполнения фигур пилотажа.

Сначала Киазим сделал три полета по кругу. Взлет, построение маршрута над аэродромом, заход, расчет на посадку и само приземление, как ему показалось, он сделал хорошо. Доложил генералу о готовности к полету в зону. Перед взлетом майор Хомутов успел сказать ему: «Спокойно, не перестарайся».

Генерал уточнил задание, дал добро на вылет, тоже призвал к спокойствию. А Киазим действительно волновался. Но, взлетев и заняв место в зоне, успокоился и начал пилотаж. Заложил самолет в крен для выполнения левого мелкого виража и посмотрел на самолет генерала. Тот следовал за ним на точно установленных дистанции и интервале. Агрба закончил вираж, посмотрел назад — генерал на своем месте. Закончив выполнение всех мелких виражей, Киазим начал глубокий вираж влево, сосредоточив все внимание только на горизонте и приборах. Сделав замкнутый круг с креном 60 градусов, вывел самолет в горизонтальный полет и, посмотрев вправо — назад, ахнул от удивления, — самолет генерала как привязанный был рядом с ним. И так при выполнении всех глубоких виражей, боевых разворотов, спиралей влево и вправо, а также при пикировании с дальнейшим набором установленной высоты с довольно большими углами подъема. «Вот это да, — вот это летчик, хотя и генерал», — подумал Киазим, ибо знал, что очень трудно удержаться за впереди идущим самолетом при выполнении фигур с большими кренами и углами подъема и спуска. Затем по сигналу самолеты поменялись местами. Теперь уж Агрба должен был следовать за генералом, производя фигуры пилотажа одновременно и вместе с ним. Задача для молодого летчика, прямо скажем, не из легких. Генерал повторил все, что перед этим показал Киазим, и в такой же последовательности. Мобилизовав все свое умение и стойко держась на своем месте, Киазим чуть увеличил дистанцию и интервал с целью не допустить опасного сближения с генералом. Вот-вот самолет генерала выйдет из последнего правого боевого разворота. Ну что это? Не дойдя до расчетной точки, он вдруг становится по горизонту и тут же входит в левый глубокий вираж и, перевалившись в правый, резко переходит в крутую спираль.

Этого Киазим не ожидал... и упустил генерала из виду. Чтобы не столкнуться, он сбавил скорость, отвернул немного вправо, поставил самолет прямо и осмотрелся... Где же генерал? Должен быть левее и ниже его. Но на фоне местности не так-то просто заметить камуфлированный самолет. До боли напрягая зрение, он обшаривал все воздушное пространство: десять, двадцать, тридцать секунд! Генерала нет как нет... Всерьез расстроенный, потерявший всякую надежду обнаружить его, Киазим вывел самолет в горизонтальный полет с тем, чтобы взять курс на аэродром. Привычно посмотрел влево, вперед, вправо и... обомлел: самолет генерала, как ни в чем не бывало шел рядом с ним. Генерал смотрел на него через форточку и... улыбался, показывая знаком идти на аэродром.

Киазим благополучно посадил самолет. Теперь надо было доложить генералу о выполнении задания. Нетрудно представить, как он переживал свой промах и, конечно же, ждал серьезного нагоняя. А генерал стоит себе и улыбается во весь рот:

— Все было отлично, товарищ младший лейтенант... за исключением последнего промаха. Вы поняли свою ошибку?

— Так точно, товарищ генерал. Рано успокоился... И никак не ожидал, что вы совершите такой маневр. Понятно, на миг расслабился и потерял вас...

— Правильно. Честное признание ошибки не только признак мужества, но и верный путь к ее исправлению. Благодарю вас. Вы летите на войну, а враг коварен, хитер и опытен. Знайте: предельное внимание, нужная высота и скорость, умелый маневр и меткий огонь — вот залог успеха в воздушном бою.

Потом генерал тщательно разобрал все элементы полета, причины допущенных ошибок, наметил пути их исправления и в завершение сказал:

— У вас есть все для того, чтобы стать умелым бойцом. Только не успокаивайтесь, дальше шлифуйте все элементы воздушного боя, творчески применяйте тактические приемы, умение управлять самолетом сообразно боевой обстановке. Желаю вам успехов в этом.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Киазим до глубины души был тронут поступком генерала. Всю жизнь не забывал его отцовского напутствия и всегда стремился выполнять его.

Генерал управления ВВС, командир бригады и командир полка проверили 15 летчиков, т. е. почти весь

полк. Обсудили результаты проверки: Кудряшов, Смирнов, Заболотный, Лозоренко, Агрба, Феоктистов, Гаврилов показали хорошую подготовку к боевым действиям. Однако у летчиков, пришедших в полк сразу после окончания военной школы пилотов, уровень подготовки не был утешительным. Да и мог ли он быть высоким, если налетали они на новом боевом самолете не более 10—12 часов! А фронт настойчиво требовал авиационной поддержки войск, и потому приходилось мириться с таким уровнем подготовки летчиков, надеясь, что продолжат они совершенствоваться в ходе боев и промежутках между ними, что недостаток опыта компенсируется их высоким морально-боевым духом.

Проверка элементов боевого применения убедительно подтвердила закономерную истину о том, что кто умело и грамотно управляет самолетом, тот метко стреляет и бомбит с него, точно водит его по заданным маршрутам. И опять среди лучших были все вышеназванные летчики, в том числе Киазим.

— Мы доложим Главкому ВВС, что полк подготовлен к ведению боевых действий, — сказал в заключение генерал, — для устранения вскрытых недочетов и окончательной подготовки к перелету на фронт отводим вам еще два дня.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

СВИДАНИЕ С ФРОНТОМ

Утром 16 марта полк был поднят по тревоге и командир бригады объявил:

— Вам приказано вылететь в действующую армию в распоряжение командира 2-й ударной авиагруппы, поддерживающей войска Северо-Западного фронта.

— Наконец-то! — радостно вырвалось у многих.

Летели к фронту на малой высоте для обеспечения скрытности перелета, опасаясь вражеской разведки и фашистских стервятников, снующих почти безнаказанно на отдельных участках прифронтового неба.

Маршрут перелета был выбран так, чтобы враг, в случае чего, не мог определить сразу, на какой именно участок фронта идет группа. Ось маршрута пролежала над лесистыми районами, сначала на север, затем, огибая Бежецк, поворачивала на запад, следовала вдоль железной дороги Бежецк — Бологое — Валдай — Крестцы и упиралась в точку Вины.

Полк шел двумя группами по эскадрильям в колонне звеньев на необходимых временных интервалах и визуальной видимости между ними. Полет по маршруту прошел благополучно. Через полтора часа лидер, покачивая крыльями, резко взмыл, делая левый разворот со значительным креном. Это был условный сигнал, означающий, что полк достиг конечного пункта.

Агрба, неотрывно следивший за своим командиром звена, понял, что пора строить маршрут по кругу для захода на посадку. Но где же аэродром? Внимательно наблюдая за землей, он видел лишь небольшую деревню, сплошь окруженную лесным массивом, да сероватое поле овальной формы...

Когда же лидер и следующий за ним самолет стали

планировать на поле, он понял, что это и есть полевой фронтальной аэродром.

Посадил самолет хорошо. На конце пробега встретили его два технаря, помогли зарулить, закатить самолет на специальную стоянку в глубину леса и замаскировать его так же тщательно, как были замаскированы и другие самолеты.

Полк встретил сам командующий 2-й ударной авиационной группой генерал Кондратюк. Летчиков было 20 человек и прилетевшие вместе с ними в фюзеляжных люках трое офицеров штаба и семнадцать инженеров и техников всех специальностей. Собрав всех на окраине аэродрома в землянке, Кондратюк ознакомил их с обстановкой на фронте, охарактеризовал расположение и численность войск противоборствующих сторон, особенности боевых действий как на земле, так и в воздухе.

В конце своего выступления, поздравив личный состав с прибытием, пожелав успехов в боевом крещении и выразив надежду, что они с честью оправдают это высокое доверие, генерал сказал:

— Обстановка на фронте напряженная. Фронт остро ощущает недостаток авиации и, понятно, войска ждут вас с большим нетерпением. Готовность к первому боевому вылету полка завтра, 17 марта, в 12.00.

* * *

Вслед за разгромом немецко-фашистских войск под Москвой, в январе-феврале 1942 года были предприняты наступательные действия и войсками Калининского и Северо-Западного фронтов, которые, продвинувшись далеко на запад, окружили в районе Демянска семь пехотных дивизий 16 А немцев. Попытки наших войск уничтожить окруженную группировку с ходу не увенчались успехом. Тем не менее в середине марта они предприняли новые наступательные бои, на этот раз с целью срыва оперативных планов противника, готовившегося прорвать кольцо окружения встречными ударами Старо-Русской и Демянской группировок. Он сосредоточил девять пехотных и одну танковую дивизии в районе Старой Руссы, перебрасывал свежие силы в район окруженной армии. Действия своих войск прикрыл сильным огнем зенитной артиллерии (ЗА) и большим количеством самолетов истребительной авиации. Линия фронта проходила от аэродрома на юге в каких-нибудь 30 километрах, на

западе, в направлении Старо-Русской группировки, — 40—50 километрах.

Ближайшие задачи полка: нанесение штурмовых ударов по живой силе и боевой технике 16 армии фашистов на переднем крае ее обороны в полосе наступления наших частей в районе Лычково — Лужно.

Итак, завтра долгожданный вылет по выполнению этой первой в истории полка боевой задачи. Как он свершится? Да и вообще, как будет воевать полк? С чем он начинает войну? Что ожидает его? Эти и другие мысли, естественно, волновали всех. И прежде всего командование полка.

Летный состав в основном молодой. Налет их на Ил-2 мизерный (не более 14 часов), нет боевого опыта, а враг — сильный, коварный, натренированный, оснащенный передовой техникой, его самолеты-истребители пока превосходят по тактико-техническим данным наши, да и по количеству их больше, а летчики же его в бой допускаются, только достигнув налета 500 и более часов.

Нашим крылатым парням в кровавых боях придется осваивать науку войны и прокладывать огневую дорогу к Победе. Они уверены, что добьются этого. Залогом тому — любовь к Родине, преданность своим идеалам, непоколебимое чувство ответственности за великое и священное дело своего народа, жгучая ненависть к жестокому врагу, неукротимое желание скорее встретиться с ним на поле боя и бить его, пока не смоют позор поражений, не освободят захваченных врагом территорий, пока не добьются окончательной победы над фашистской нечистью и не уничтожат ее совсем. Так думали летчики, так думали и командир полка майор Хомутов Николай Дмитриевич, и военком полка старший батальонный комиссар Прохоров Сергей Ильич, и начальник штаба майор Барков Михаил Георгиевич, и секретарь партбюро старший политрук Касимов Михаил Иванович, разъясняя задачи личного состава перед боями.

— Итак, — заключил командир полка постановку задачи на первый день боевых действий, — пришел наш черед вступить в схватку с заклятым врагом. Борьба предстоит нелегкая. Но не так страшен черт, как его малюют. В наших руках могучая техника, такая, которой нет у него. Используя ее, будем приобретать в бою необходимые навыки своими силами, своим умом, творчески используя имеющийся опыт тех, кто уже встречался с врагом.

Прислушивайтесь к их словам, дотошно выясняйте

все перипетии боя в разных условиях. Внимание и спокойствие! Взаимопонимание и поддержка в бою! Точность исполнения приказов и распоряжений командиров.

До позднего вечера летчики беседовали с командирами и рядовыми пилотами соседнего штурмового авиационного полка, уже второй месяц воюющего с этого аэродрома. Их интересовало все. Но особенно — действия на поле боя, способы атак различных целей в условиях противодействия сильного огня вражеских зениток и истребителей.

Потом под руководством своих командиров эскадрилий и полка изучали линию фронта, предполагаемые районы боевых действий, характерные ориентиры в них и на пути следования к ним, а также аэродромную сеть свою и противника. Особое внимание было обращено на отработку предполагаемых вариантов действий в боевых порядках различных групп.

После занятий, получив указание обязательно выспаться, летчики были отпущены на отдых в село. Там в четырех домах на дальнем от аэродрома конце им оборудовали общежития.

Стояла тревожная мартовская ночь. Они шли вдоль опушки леса, переговариваясь меж собой, жадно вдыхая весенний воздух. Легкий морозец приятно бодрил. И вдруг очарованные они остановились... Матовый диск луны величаво и торжественно освещал округу. Загадочно-блестящий свет заполнил собой вселенную, притихшую, казалось, на время от стонов и кровавых ран, промытую до последнего деревца луной и холодной этой влагой. А ближе к земле, распластавшись по густому мраку, плыли разбухшие за день кучевые облака, сбрасывая на землю бесшумные десанты искристой снеговой пыли. Остро пахло хвоей и все, как в сказке, оделось в волшебный наряд: и кусты, и деревья, и даже полуразваленный пенек — преобразились, увлекая странников в блистательное царство. И только одинокий гул мотора, нет-нет да и доносившийся издали, напоминал о реальности, о том, что в царстве этом искусно затаилась ратная мощь, готовая в любой момент обрушиться на вражьи силы. Но пока была тишина и вершилась волнующая сказка.

Пятеро друзей: Лозоренко, Феоктистов, Агрба, Багутдинов и Картавицкий всё стояли, зачарованные красотой окружающего мира. Наконец Агрба не выдержал:

— Какая прелесть! Да еще в ночь перед боем! Пусть это послужит нам хорошим предзнаменованием.

— Да, зрелище дивное, будто взывает: «Как прекрасен мир! Защитите его от варварства!» — согласился Борис Лозоренко. — Только это мираж — памятка о довоенных настроениях... Уведет он тебя в дали дальние, а сам окажется иным предвестником...

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Киазим.

— Борис, видно, хочет сказать, что эта чудная картинка для кого-то из нас — последний дар земли... — как всегда с сарказмом заметил Сергей.

— На этот раз — «в молоко», Сережа... Не то я имел в виду. Вспомните, какой был день: теплый, ясный, облака — кучевки-барашки. А сейчас поглядите: высоту затянуло сплошной слоистой облачностью, а облака уже не барашки, а целые слоны, притом с северо-запада, со стороны «гнилого угла». Ясно — погода ухудшится.

— Не должно бы... — неуверенно возразил Киазим.

— Не имеет права портить наш первый боевой день, — полушутя заметил Феоктистов.

— Не позволим! — подхватил Киазим.

— Ладно, утро рассудит, — откликнулся Борис, — а не пойти ли нам, друзья, к нашим самолетикам? Не узнать ли нам, как они настроены к завтрашнему дню?

— Молодец, Борис, думаем в унисон, — за всех ответил Агрба, а Феоктистов прямо-таки с нежностью добавил:

— Да, как они, кони наши боевые, подготовлены к завтрашним набегам...

Называя «боевым конем» свой самолет, летчики отождествляли его с живым дыханием, силой и преданностью благородного животного. К тому времени молодая еще Советская республика хорошо помнила славные победы Красных эскадронов в гражданскую войну. Они составляли основную ударную силу Красной Армии, о чем, к примеру, частенько рассказывал Киазиму его отец — участник тех немеркнущих событий. И сейчас Феоктистов подчеркнул это слово прежде всего для друга Киазима, зная его приверженность к такому определению. Надо сказать, что поначалу Киазим называл так любой самолет, но когда в ходе боевых действий именно его самолет показал свою жизнеспособность, не раз вызволяя из самых опасных передраг, это любовно-романтическое название утвердилось только за ним.

Итак, друзья подошли к стоянкам.

«Кони боевые», облепленные зелеными ветками сосен и елей, покрытые тонким слоем белого пущка, казались мифическими созданиями. Сосредоточенно и напряженно

разглядывали они из своих «стойбищ» — лесных углублений — каждого, кто появлялся тут.

Первым на глаза попался техник Антонов. Он поприветствовал летчиков, и Агрба спросил:

— Как успехи, Володя, как чувствуют себя наши кони, накормили, напоили их?

— Все сделано как надо, товарищ командир.

Навстречу летчикам вышли техники: Акимов, Ефимов, Макаров, Семико. Тут были и старшие техники эскадрилий Гридюшко, Борисенко и старший инженер полка Павлов Василий Иванович. Они радостно улыбались, наперебой расспрашивая, что нового, когда начинаем, кто идет первым и т. д.

Потом рассказали о своих делах:

— Работы в основном закончены, доделываем мелочи и будем периодически прогревать двигатели. А если учесть, что на каждого техника приходится в среднем по три самолета, можно понять, как пришлось попотеть, но весь объем работ завершили вовремя и качественно.

Вскоре летчики разошлись по своим самолетам, осмотрели их, проверили кабины, еще раз поблагодарили техников за успешную работу и ушли отдыхать.

* * *

Сегодня 17 марта 1942 года.

В первый свой боевой день полк должен действовать по переднему краю обороны противника и уничтожить его огневые точки, живую силу, подавить артиллерию в районе Коврино, Стрельцы, Федоровка. На выполнение этой задачи летели два звена по три самолета, в общей группе из шести. Агрба ни в одну из них не попал и был, конечно, удручен. Ну а те — ликовали! Еще бы — они открывают первую страницу в боевой истории полка, первыми сразятся с ненавистным врагом. Агрба не мог понять, что же произошло? Он был уверен, что полетит среди первых или, в крайнем случае, полетят в этот день все. Но вышестоящее командование решило иначе, а командир полка выбирал группы по соображениям, известным ему одному.

Агрба не выдержал и обратился к нему с просьбой, чтобы и его включили в одну из двух групп. Командир полка спокойно ответил:

— Боевых вылетов впереди будет много, еще навоюетесь. Слышали поговорку: «Не лезь наперед — не стать бы позади?»

И Киазиму ничего не оставалось, как терпеливо ждать своей очереди.

А как же с погодой? Ведь ничто так сильно не зависит от нее, как летание. Да, Борис Лозоренко оказался прав — погода ухудшилась. Утром небо закрыла сплошная облачность. Шел снежок, тихий, редкий и мелкий. Летчики забеспокоились: «Видать, небесная канцелярия против нас настроилась... Того и гляди, сорвет наше свидание с фрицами». И озабоченно взглядывались в мутное небо.

Но к полудню облачность поднялась, постепенно стала разрываться, показывая кусочки голубого неба. Улучшилась и видимость.

Летчики первых групп готовились к боевому вылету: прокладывали маршрут полета, изучали объекты удара, отработывали порядок действий над целью.

— По самолетам!

Киазим, находившийся вместе с остальными летчиками в готовности номер 3, решил посмотреть, как будут вылетать первые.

Вот уже группа в составе капитана Кудряшова, лейтенанта Смирнова, старшего лейтенанта Шелопутнова, сержантов Белова и Штевнина во главе с опытным ведущим из соседнего полка вырулила на линию старта для взлета.

Киазим, с волнением следивший за действиями товарищей, невольно залюбовался строем «Илюх» — так называли летчики и техники свой самолет. Как зачарованный смотрел он на них. И овладело им вдруг такое чувство гордости и радости, которого он до сих пор не испытывал. Какое почетное возложено на них дело, на каких прекрасных самолетах они будут выполнять его. Он с искренней благодарностью подумал о конструкторе, инженерах и рабочих, создавших эту чудесную машину. Какими золотыми руками надо обладать, какую силу духа и энергии надо иметь, чтобы в немыслимо короткие сроки (в самом начале войны!) наладить серийное производство этих «изумительных летательных аппаратов», — так называл их старший инженер полка. Теперь они уже не казались Агрбе угрюмо притаившимися загадочными существами. Грозные боевые машины, названные фашистами «черной смертью», стояли открыто и гордо, и чудились теперь гигантскими птицами с распластанными стальными крыльями, готовыми по первому зову стремительно взмыть и повергнуть любого врага.

И он, Агрба — вольный крестьянский сын из малень-

кого, абхазского села, запрятанного где-то далеко за горами и лесами, будет повелителем этих чудо-машин с грозным и страшным для врага оружием на борту. И военное небо, овеянное дыханием сильных, дерзких, закаленных, не зря назовет его крылатым витязем.

С КП поднялась зеленая ракета. Группа начала взлет. Собравшись на круге в два звена по три самолета, взяла курс на запад... И начались томительные минуты ожидания — «Как они там?..»

Самолеты показались через полтора часа. Шли на небольшой высоте, несколько растянувшись в глубину. Все ли? Раз, два, три, четыре... пять... А где же шестой? Тревожная пауза. Проходит секунда, пять, двадцать, сорок... И появился... шестой. Идет грузновато, слегка ковыляет, вихляется. Ага... Понятно — одна нога болтается в полуопущенном состоянии. Не исключено, что есть и другие повреждения. Ладно, посмотрим, пусть сядут.

Сели, зарулили благополучно. Техники и летчики побежали к ним.

Вот они, счастливики, первооткрыватели боевой работы полка! Выходят из кабин, потные, разгоряченные. Их поздравляют, обнимают. И вопросы, вопросы, вопросы... Выясняется, что атаковали автомашины с фашистами на дороге Белый Бор — Кирилловщина... Были разноцветные трассы и шарики, круглые дымовые «шапки» от разрывов снарядов, один прямо под самолетом Борисова. Его-то самолет и вихлялся, ибо был изрядно изрешечен. Повреждены воздушная система и замок, удерживающий правое шасси в убранном положении. Шасси ему удалось выпустить аварийно. А Кудряшов успел увернуться от атаки «мессера», но все же привез две пробоины. «Мессеров» отогнали наши истребители прикрытия, они тоже вернулись без потерь.

Итак, первый боевой — вполне успешный.

Второй и третий вылеты состоялись только на следующий день.

* * *

18 марта. Раннее утро.

На подавление огневых точек на окраине опорного пункта противника — Лычково — удачно слетали Лозоренко и Малютин. Под вечер полетели четверо: Исензон, Заболотный, Щербаков и ведущий Федоров. Уничтожали машины и живую силу по дороге Костьково — Шумилово,

Лычково в расположении окруженной группировки фашистов.

Все вернулись на аэродром. Но это отнюдь не значило, что посадка группы завершится успешно. Даже в обычных условиях на этом сложнейшем элементе полета бывали досадные моменты, а в боевых и подавно могут быть всякие неожиданности. Об этом предупреждали старшие начальники и опытные фронтовики и в этом сейчас убеждались наши летчики, и в их числе Киазим, наблюдавшие с КП за возвращением и посадкой группы Федорова — Исензона.

Двое из группы произвели посадку нормально и уже зарулили. Садился третий, Заболотный. Он только приземлился и начал пробег, а четвертый, Щербаков, находился на посадочном курсе на удалении от аэродрома километра в три на высоте метров 40—50. Вдруг истребители, прикрывающие посадку штурмовиков, засуетились, закружили, раздалась трескотня самолетных пулеметов и пушек.

Так наблюдавшие с земли стали свидетелями внезапного воздушного боя четырех наших ЛаГГов с двумя небольшими, тоненькими, крестообразными самолетами с обрубленными крылышками и острыми носами. Это «Мессершмитты — 109».

А где же два наших ЛаГГа? А вот и они — стремительно несутся к аэродрому с небольшим углом к посадочному курсу. Почему? Ах, вот в чем дело! Пара «мессеров» начинает маневр для атаки Щербакова, уже находящегося на пробеге, а наши ЛаГГи набрасываются на них, и ведущий с дальней дистанции открывает огонь по фашистам. Но и «мессера» не дремлют — трасса пулеметной очереди вонзается в самолет Щербакова.

Однако он продолжает пробег, только заюлил, завихлял, постепенно уклоняясь влево, а «мессершмитты» легонькие, с талиями ос, с характерным свистом и жужжанием на бешеной скорости пронесли над аэродромом и взмыли ввысь. За ними с напевным гулом двигателей, с выхлопами черного дыма из патрубков погнались пузатые и грузные ЛаГГи. Но как бы ни насиловали они свои двигатели, видно было, что на горке, с большими углами набора высоты они явно отставали от преследуемых. Фашисты не стали больше атаковать самолеты на земле, а ринулись к карусели на высоте, где другая пара «мессершмиттов» вела отвлекающий бой с нашими истребителями прикрытия.

Вот «мессера» подкрадываются, строят маневр, отхо-

дя чуть в сторону, и набирают высоту. Похоже, готовятся к внезапной атаке, а наши, увлеченные боем, не замечают их. Так и есть. Один из наших истребителей остался без прикрытия. И мгновенно кинулся к нему в хвост ведущий «мессершмитт». За ним неотрывно следовал его ведомый. А наш ЛаГГ без всякого маневра идет по прямой с набором высоты за впереди идущим самолетом. Ясно, у него скорость постепенно уменьшается, а «мессершмитт» более легкий, с сильным двигателем и, имея запас скорости, стремительно приближается к нему. Вот уже дистанция 400, 300... ЛаГГ, оглянись же назад! Видимо, ничего не подозревает, идет как шел. А между тем дистанция уже 200, 150 метров... И непрерывная длинная цепочка трасс вражеских снарядов прошивает ЛаГГ. Он вспыхивает, переворачивается и начинает штопорить. Потом в какой-то миг прекращает вращение... От него отделяется комок, и сразу же раскрывается купол парашюта.

Самолет упал недалеко от стоянок на северо-западной окраине аэродрома. Летчик же благополучно приземлился тут же, невдалеке. Он был легко ранен в ногу и голову.

Фашистские самолеты неожиданно перешли на крутое пике, затем, свечой взмыв вверх, вышли из боя и ушли с понижением.

А Щербакову в этот раз повезло — пулеметная очередь прошла по стыку между фюзеляжем и центропланом, не повредив серьезно жизненно важные участки самолета — пробоины можно залатать своими силами.

— Какие же выводы делаем, товарищи фронтовые летчики? — спросил командир полка.

— Сразу же не сообразишь... — неуверенно сказал старший лейтенант Окунев.

— А все же, если на быструю сообразительность? — допытывался Николай Дмитриевич.

— Если на быструю, то сразу видно, что «мессера» превосходят наши ЛаГГи и по скорости, и по маневренности, особенно на вертикалях, поэтому даже под прикрытием «на бога надейся, а сам не плошай», — выпалил Феоктистов.

— То есть, ты хочешь сказать, — надо уметь вести бой самостоятельно, независимо от прикрытия. Верно. Но главное, как вести его. Думаю, если «мессера» снизу вверх идут гораздо быстрее и легче, чем мы, надо лишить их этого преимущества и вести бой на малых высотах, даже на бреющем полете, чтобы они не могли атаковать

снизу и на глубоких виражах, чтобы они не могли зайти нам в хвост, ибо радиус виража у них почти такой же, как и у Ила, — поддержал Сергея Агрба.

— Короче, стараться вести бой на горизонталях, используя свои козыри: небольшой радиус виража и мощную броневую и огневую защиту самолета, — вряд ли они добровольно захотят лезть под огонь наших пушек и пулеметов. А при необходимости надо вести бой на встречных, — вмешался в разговор Лозоренко.

И пошло, поехало... Летчики наперебой высказывали свое мнение. Нашелся и скептик — Шелопутнов, он, к примеру, заявил:

— Не выйдет! Ишь чего захотели — с «мессерами» драться! Да они нас с прикрытием-то потрошат запросто. Вон какие они: быстрые, легкие, вертлявые, одно слово — лучшие в мире.

— Ну ты даешь, Харитон! Видать, нервишки тебе по ошибке от впечатлительной девушки достались... Только с испуга можно такое городить, — поднял брови Агрба.

— Говору, как соображаю! — ничуть не смутился Шелопутнов.

— Да, дела... — возмутился Багаутдинов, — выходит — напали «мессера», а ты и лапки кверху: «Сдаюсь, мол, фриц, тебе на милость»?!

— Сразу уж и «лапки кверху»... Можно и без лапок... — не сдавался Шелопутнов.

— А как можно поступить в бою, если не принять его? Если не драться с врагом всеми силами, всеми способами, какие у тебя есть?

— Не вступать в драку и все! Используя маскирующие признаки местности и другие обстоятельства, уклониться от боя с противником, превосходящим в силе, и ввязаться в бой, когда у нас появилось явное преимущество, особенно в истребителях прикрытия.

— Гляньте-ка на этого вояку! — взорвался Агрба, — неужели он не понимает, что у нас пока не только по количеству, но и по качеству истребителей превосходство на стороне врага. И мы не знаем, когда оно изменится в нашу пользу — через год, полтора... Значит, все это время в своем родном небе мы как воры должны вести себя крадучись — подойти к врагу, ткнуть раз-два и быстрее тикать, даже не давая сдачи, когда его стервятники начнут колошматить нас?!

— Я не говорю просто ткнуть, товарищ Агрба, — спохватился Шелопутнов. — Конечно, удары должны быть

эффективные, но и внезапные, чтобы и самим нести меньшие потери. А как же иначе? Нам не только врага бить, но и силы беречь для уничтожения его в будущем... в решающих боях.

— Для нас каждый бой — решающий. Эффективные удары надо наносить в каждый вылет. Иначе когда же мы его разобьем? А силы беречь мы должны умелым маневром, а также активным противодействием противнику, умелым и смелым подавлением его.

Вмешался Говоров:

— Я полностью поддерживаю Агрбу, Лозоренко, Фектистова и Багаутдинова. И, разумеется, не согласен с Шелопутновым. Ведь фрицы только и ждут твоего «уклонения», Харитон, а по-моему, извини, настоящего бегства. Я категорически против этого и не хочу, чтобы они били меня, позорно бегущего, а хочу сам их бить до полной победы, используя все свои возможности, все достоинства нашего Ила, а они немалые.

В оживленную беседу друзей включились Кудряшов, Смирнов, Картавицкий. Они горячо поддержали сторонников активного боя и высказали ряд своих соображений.

В заключение высказался командир полка:

— Рад, что меж вами, хотя и экспромтом, но состоялся довольно активный и, надо сказать, полезный обмен мнениями. И это хорошо, ибо, как известно, в споре рождается истина. Большинство правильно понимает суть проблемы, хотя и не надо забывать, что готовых решений, годных на все случаи, не может быть, что в каждой конкретной обстановке надо использовать соответствующие именно этой обстановке тактические приемы. А товарищ Шелопутнов, надеюсь, поразмыслив на досуге и поняв, что заблуждался, докажет нам это в реальном бою...

Объявляю отбой, завтра готовность в шесть ноль-ноль.

— Что день грядущий нам готовит? — не то пропел, не то обратился с вопросом к друзьям Сергей, когда они направлялись в село на отдых.

— Ваш черед. Вы и начнете завтрашний боевой день, — заверил его Борис.

— Хорошо бы. Люблю утренние вылеты с восходом солнца — во всем свежесть: в душе и природе — мечтательно вздохнул Кязим.

— А если не будет солнца?

— Лишь бы утро было, а солнце нарисуем.

ПЕРВЫЙ БОЙ, ОН ИНТЕРЕСНЫЙ САМЫЙ

19 марта. Ровно в шесть утра командир полка поставил боевую задачу перед летным составом на весь день.

Агрба летел в паре с ведущим первой четверки Малютиным, Феоктистов — напарником ведущего второй четверки Мшвенирадзе. Первая четверка наносит удар в 8.20, вторая — 8.35 по окопам, арtpозициям и блиндажам противника западнее Белого Бора. Боевые действия групп прикрывают по 4 ЛаГГ-3. Еще две группы должны лететь во второй половине дня.

Как только командир полка закончил постановку боевой задачи, определил основной порядок ее выполнения, летчики разошлись по группам.

Теперь надо было тщательно подготовиться, обговорить все детали уже под руководством ведущих групп.

Старший лейтенант Малютин подробно рассказал о действиях каждого летчика на выруливании и взлете, на сборе над аэродромом, при следовании по маршруту, перелете линии фронта и работе над целью, а также о порядке сбора и следования на обратном маршруте вплоть до посадки.

— Прошу проложить и изучить маршрут полета, обратив особое внимание на район целей. Через 30 минут проверю готовность каждого, — закончил он.

Началась самостоятельная подготовка. В группу Малютина, кроме Агрбы, входили старший лейтенант Шелопутнов и младший лейтенант Картавицкий. Картавицкий пришел в полк из училища вместе с Агрбой. Хорошо подготовленный летчик, воспитанный, тактичный командир и верный товарищ. Уважали его за мягкий, доброжелательный нрав, за готовность прийти на помощь к тем, кто в этом нуждается. Сейчас он, как всегда подтянутый, склонился над картой, спокойно и сосредоточенно. Вот подошел к нему Шелопутнов, о чем-то спрашивает, показывая на карту: движения суетливы, в лице чрезмерная бледность, взволнованность — резкий контраст с хладнокровием Картавицкого. «Чувствительный, потому так остро реагирует даже на свой второй боевой вылет», — подумал про себя Агрба. В действительности Шелопутнов мало походил на чувствительного. Обладая шумливым характером, он не отличался ни внутренней, ни приобретенной грамотностью, не обнаруживал и высоких деловых качеств спеца, а вот панибратство было налицо. «Почему его назначили заместителем командира эскадрильи?» —

недоумевали летчики, знавшие его ближе. Очевидно, уважили возраст. По возрасту он даже командира полка обошел года на три-четыре, долго проработал в школе летчиков инструктором, командиром звена.

Агрба быстро развернул карту, нашел место, где предстоит наносить удар... Реальный удар реальными боевыми бомбами и реактивными снарядами, реальным, настоящим пулеметно-пушечным огнем по реальному врагу. Почему-то вдруг вспомнилось училище, клуб и на стене его красиво оформленный лозунг: «Вооруженная защита Родины — священный долг каждого гражданина СССР». И до предела ясно и четко раскрылся смысл его — защитник Родины. Вот и пришло для тебя время познания того, ради чего ты жил и живешь, к чему готовился всю жизнь, чему посвятил свою юность, всю силу разума, весь жар души, в чем видел и видишь смысл своей жизни. Каким он станет твой первый бой, таким и лечь ему в память военной хроники. Да, через какой-нибудь час ты встретишься с врагом в открытом бою... Чей будет перевес?

«Все зависит прежде всего от тебя», — подумал Киазим, — от того, как подготовишься и как будешь осуществлять весь полет...». Он как никогда старательно проложил указанный командиром маршрут, обвел синим карандашом цель, скрупулезно изучил ориентиры вокруг нее и на маршруте. Детально продумал все возможные действия в исключительных случаях. Мысль его работала четко. Делал все быстро, почти автоматически. Посмотрел на часы: до конца отведенного на подготовку времени еще пять минут. Его охватило нетерпение. Доложить что ли ведущему о готовности? Киазим аккуратно вложил карту в планшет и поднялся. Его заметил ведущий:

— Закончили подготовку, товарищ младший лейтенант?

— Так точно, товарищ старший лейтенант.

— Прошу подойти ко мне.

Проверил карту, уточнил несколько вопросов, сказал:

— Считаю вас подготовленным. Проверю остальных и доложу командиру полка о готовности всей группы.

Через десять минут вернулся, объявил:

— Все по плану. Вылет по сигналу с КП. Еще раз напоминаю: старайтесь все элементы полета выполнить как договорились, спокойствие, еще раз спокойствие. Внимательно следите за мной. Сейчас по самолетам!

— Наконец-то! — вырвалось у Киазима и сильно забилося сердце.

Подъехали к самолетам. Они стояли совершенно открытые, освободившиеся от камуфляжа, защищавшего их от вражеских взоров, и, казалось, вздыбились, разгорячились, горделиво приподняв головы и сильные крылья, готовые вот-вот взметнуться в небо. Киазим подошел к своему «крылатому коню», похлопал по мотору, приговаривая: «Ну, дружище, идем и мы с тобой. Не подведи».

Подошел техник, доложил командиру экипажа о готовности самолета к боевому вылету. Агрба тем не менее произвел, как это предусмотрено инструкцией, полный предполетный осмотр вплоть до ободков — «подков» на лыжах — «копытах», на которые опирались в зимнее время крепкие ноги штурмовика. Надев парашют, сел в кабину, застегнул привязные ремни и мысленно приказал себе: «Успокоиться! Ты — весь внимание!» Включил аккумулятор, проверил напряжение в сети, исправность и показания приборов, особенно давление воздуха и соответствие показания бензиномера количеству заправленного топлива. Убедился, что все системы вооружения стоят на предохранителе, а ручка аварийного сброса нейтрально. Поставил как надо электросбрасыватель. Руки работали быстро и точно.

С КП взметнулись ракеты: зеленая и белая. Это сигнал к вылету.

— От винта!

Техник приложил руку к головному убору — сигнал, означающий разрешение на запуск двигателя.

Агрба открыл воздушный кран — винт нехотя завращался, включил магнето, нажал кнопку стартера — мотор зафыркал, затем заработал, зарокотал. Прогнал его на всех режимах — все в порядке.

А вот Малютин уже выкручивает. Пропустив его метров на 200, увеличил обороты двигателя, чтобы следовать за ним. Малютин остановился сразу на линии исполнительного старта. Рядом встал Агрба. Подрулила сзади вторая пара. Малютин показал рукой вниз — техники поставили колодки впереди лыж, чтобы на полных оборотах прожечь свечи. Посмотрел на ведомых летчиков, кивнул им головой. Они приложили руки к шлемофонам: к взлету готовы. Малютин дал полные обороты двигателю, потом сбавил их. Техник убрал колодки. Значит, будет взлетать.

«Пора и мне прожигать свечи», — подумал Киазим. Плавню увеличил обороты до максимальных. Посмотрел на приборы, контролирующие работу винтомоторной группы. Показания нормальные и на слух мотор работает

хорошо. Малютин уже начал разбег. Киазим уменьшил обороты, дал команду убрать колодки. Как только Малютин начал отрываться, Киазим скомандовал про себя: «Ну, пошел!» и постепенно дал полный газ. Мотор, обладающий мощностью почти двух тысяч лошадей, заклокотал, зарычал. Самолет поерзал на месте и тронулся, с каждой долей секунды ускоряя свой бег, а Киазим педалями-рулями поворота стремился удержать направление взлета на выбранный ориентир. Вот капот мотора стал уклоняться влево, нажал на правую педаль. Самолет остановил отклонение. Так, постоянно работая педалями, удерживал самолет по прямой. И как только набрал нужную скорость, плавно оторвал его от земли.

* * *

Мотор загудел мерно и певуче, увлекая самолет ввысь. Малютин уже набрал метров сто пятьдесят и начал первый разворот. К моменту второго поворота Киазим настиг его и произвел разворот одновременно с ним, только чуть снизу и сзади, а после выхода из разворота занял свое место левее его метрах в пятидесяти по интервалу и двадцати в глубину. На третьем развороте пристроился Шелопутнов и только после четвертого — замыкающий группы Картавицкий. «Долговато собираемся», — подумал Агрба. К группе подошли истребители. Четверка ЛаГГов расположилась вверху, сзади, попарно слева и справа. Набрали 600 м высоты и легли на курс по направлению к линии фронта.

Только сейчас, пожалуй, Киазим успокоился совсем. Бросил беглый взгляд на ведущего — идет на необходимом удалении от него. Зафиксировал курс, высоту, засек время. Удобнее положил на левое колено планшет. Обычно он любил вести не только общую, но и детальную ориентировку. А погода сейчас как нельзя лучше способствовала этому: прозрачный морозный воздух позволял четко видеть мельчайшие ориентиры на местности, а высокослоистые облака создавали ровное освещение всей земной поверхности. Внимательно осмотрелся, чтобы слить карту с местностью. И изумился: «Красота-то какая!» Перед ним лежал один из участков знаменитой Валдайской возвышенности, покрытой темно-зелеными массивами хвойных лесов, вперемешку с буроватыми семейками лиственных пород. В этом растительном океане лишь изредка небольшими островками попадались синеватые, самых причудливых форм прогадины. Да еще, то

прячась в лесных чашобах, то выбегая на эти прогалины, молочно-матовой змейкой извивалась небольшая речушка — Мошня. Вдоль нее, держа ее по правому борту, и летела группа. Вот показалась большая просторная поляна, по правой, то есть западной ее кромке продолжала свой бег Мошня. Попетляла, попетляла, круто повернула на запад и скрылась в лесной чаще. Через лесной перешеек началась новая поляна, такая же большая, как и первая, но вытянутая — градусов на двадцать на восток. Ведущий развернулся несколько влево и взял курс точно по направлению левого края поляны, держа ее по правому борту. Группа последовала за ним. Пролетев пару минут, ведущий сделал движение с крыла на крыло и стал снижаться. Группа постепенно снизилась до сорокапятидесяти метров. Это почти бреющий полет. Неожиданно лес оборвался и впереди открылось ровное, совершенно открытое поле. Перед глазами все мелькает — ведь высота минимальная (это надежный шанс уйти от огня противника, обеспечить внезапность при перелете линии фронта и подходе к объекту удара), а скорость самолета около 10 метров в секунду, следовательно, с такой же скоростью «мелькают» земные точки и объекты, что изрядно затрудняет ориентировку.

И сейчас поле показалось пустым, но, вглядываясь внимательнее, Агрба различил дороги, а на них подводы и машины, затем речку с мостиком. А вот потянулись линии окопов и каких-то насыпей различной формы и люди около них, машущие им вслед. Пристально следя за ведущим и землей, Агрба увидел под углом к курсу железнодорожное полотно, окопы, блиндажи по обе стороны и понял, что они перелетают линию фронта. «Внимание!» — скомандовал он себе и до предела усилил наблюдение. Он шел на первую встречу с врагом и не знал — как тот встретит его. Главное — не дать ударить прицельно и внезапно. Напряжение нарастает. «Важно не потерять ведущего и вовремя повторить все его движения», — вспомнил он слова командира, сказанные на предполетной подготовке.

Тем временем ведущий покачал самолет с крыла на крыло и стал быстро набирать высоту. Агрба и остальные летчики потянулись за ним. Мгновения, и, набрав метров пятьсот высоты, они оказались над лесом. Агрба посмотрел вперед и увидел по левому борту полусгоревшую деревню. Ведущий быстро качнул самолет дважды вправо, что значило: «Приготовиться к атаке. Занять нужную дистанцию!».

«Вот она, первая твоя! Спокойнее... — Агрба чуть отстал от ведущего, перешел вправо от него и вдруг ощутил легкость в теле, жаркую сухость во рту и расчетливо точные удары сердца, какие бывают на охоте при виде еще живого, но уже обреченного хищного зверя. «Внимание на ведущего!» — приказал он себе, заметив, что ведущий заложил самолет в левый крен и пошел вниз. Выдержав пару секунд, Агрба решительно перевел самолет в пологое пикирование с одновременным разворотом влево. Быстро направил капот на ближайшую окраину — «положил деревню на капот самолета». Там должны быть артиллерийские позиции. Но где они? Быстрей! Самолет неудержимо снижается. Где же цель? На синеватом снежном фоне сереют какие-то полукруги. Может быть они? Вот с самолета ведущего эрэсы как раз направились к ним. Значит они. Быстро взял в сетку прицела один из полукругов, выпустил залпом четыре эрэса и нажал на гашетки пушек. Его стальной конь дробно задрожал, изрыгая яркое пламя. Необъяснимое тревожное чувство сменилось ликованием, когда он увидел протянувшуюся от него более чем на полкилометра непрерывную цепь трассирующих реактивных и пушечных снарядов, длинным огненным клином прорезавшую сначала один, потом и второй темный полукруг, в середине которого заматались фигурки. Пора выходить. Ручку управления чуть потянул на себя и тут же, нажав специальную кнопку, сбросил бомбы, дал полный газ и кинул взгляд вперед — где ведущий? Вот и он — с разворотом вправо, с небольшим снижением на повышенной скорости спешит на лесной массив юго-западнее цели. Сохраняя дистанцию, Агрба устремился за ним. Ведущий вывел самолет из разворота. Прошел полторы-две минуты по прямой на бреющем полете и начал пологий разворот влево с набором высоты. Вместе они развернулись почти на 180 градусов и достигли высоты 500 метров. Ведущий качнул самолет с крыла на крыло и с небольшим доворотом перешел в пикирование. Через мгновения последовал за ним и Агрба и сразу увидел внизу перед собой деревню. Да ведь это та же самая деревня. Только сейчас подошли они к ней с обратной стороны. Ну, конечно, — те же зигзаги и полукруги плюс невесть откуда появившиеся темные пятна с рваными краями, разбросанные совсем рядом и в некотором отдалении... Но раздумывать некогда, надо начинать новую атаку.

Он быстро направил самолет в нужное место и в тот же миг увидел, как раскаленные докрасна шарики, це-

почкой потянулись к ведущему, выходящему из атаки. Это забили вражеские малокалиберные зенитные пушки. Молниеносно созревает решение — он доворачивает самолет, берет в сетку прицела огневую точку и давит на гашетку пушек и пулеметов. Но снаряды ложатся мимо... Он мгновенно приподнимает нос самолета, нажимает на кнопку эрэсов, на гашетки пушек и пулеметов и долго-долго их не отпускает, — до тех пор, пока непрерывная цепь трассирующих снарядов и пуль не пронзила вражескую зенитную установку, только что пытавшуюся поразить ведущего. Не теряя времени, Агрба выводит самолет из атаки и на максимальных оборотах решает догнать ведущего. Но только было начал движение рулями, заметил вытянувшуюся гирлянду разноцветных шариков из-под левого крыла и еще не успел среагировать на них, как услышал металлический стук в самолет. Скорее машинально, чем осознанно, он кидает самолет вверх и вправо, но тут же череда трассирующих снарядов нагоняет его справа. Он бросает самолет влево и вниз, а перед самой землей ставит его по горизонту и переходит на бреющий полет. Кажется, ушел... Теперь надо искать ведущего. Развернулся влево, чтобы уменьшить курс. Вывел самолет из разворота, идет прямо, продолжая тщательный обзор пространства вокруг. Ведущего нигде не видно. Делает отворот вправо, влево, опять прямо, пристально глядя впереди и по сторонам. Никого. Зная, что после второй атаки они должны уходить на свою территорию «змейкой», на бреющем полете с общим курсом 30 градусов, он решительно берет нужный курс.

Самолет-истребитель проскочил над ним неожиданно... «Кто такой!» — вздрогнул Агрба. Но, присмотревшись, вздохнул с облегчением: «Ведь это наш ЛаГГ». Тот покачал крыльями, сделал короткую «змейку» и резкое движение вниз или, как говорили тогда летчики, «клюнул» с небольшим доворотом влево. Агрба догадался — это сигнал для него и не медля устремился в том же направлении. Не пролетев и полминуты, увидел Ил-2, взгляделся и... узнал своего ведущего. Малютин посмотрел на него через открытую форточку и одобрительно кивнул...

Ни первая, блестяще проведенная атака, ни смертоносные снаряды, чуть не настигшие Агрбу, не могли захватить так полно его души, как огромная радость — жив ведущий! Цел и невредим! Через некоторое время пристроились и два других самолета группы. Группа взяла курс на аэродром.

Посадку произвели благополучно. Агрба высочил из кабины, встал на плоскость, бегло осмотрел самолет: крылья, фюзеляж, хвостовое оперение и... остолбенел — в стыке левого крыла с фюзеляжем в метре-полтора от сидения летчика зияла дыра, то бишь пробойна от разорвавшегося снаряда. Если бы не бронекоробка, осколки неминуемо вонзились бы в Агрбу. Но это было не все: левый бок фюзеляжа был изодран как раз посередине, а сверху стабилизатора кружком торчали рваные края третьей пробойны.

— Горячо, видно, было, товарищ командир, — сказал механик самолета, старший сержант Вербицкий, успев мельком осмотреть свой самолет.

— Да, угостили на совесть... Запомнится боевое крещение. Спасибо верному коню. Не подвел и вынес из огненной круговерти. И вам спасибо, дорогой Миша, хорошо подготовили моего коня. Думал, загоню его — как только не бросал: вверх, вниз, влево, вправо... Но не подвел, выдюжил.

Агрба крепко пожал руку техника и направился к самолету ведущего. Еще издали заметил группу техников и механиков. Они сгрудились у самолета и что-то оживленно обсуждали. Невдалеке от них склонились над планшетом с картой Малютин и майор Барков. Видимо, Малютин докладывал о выполнении боевой задачи. Но почему это вдруг начальник штаба сам приехал на стоянку? Согласно указанию, летчики докладывают о выполнении задания на КП. Агрба в нерешительности остановился, но начальник штаба его заметил:

— Подходи смелей, Агрба, не удивляйся, что я здесь, — с вышестоящего КП срочно требуют разведданные из района боевых действий вашей группы. Вот я и приехал... — как-то не по-начальственному мягко произнес он.

Агрба подошел и, приложив руку к головному убору, начал было: «Товарищ майор...», — но Барков прервал его:

— Поздравляю с успешным выполнением первого боевого вылета! И ведущий отозвался о вас весьма лестно.

— Да, товарищ майор, если бы не он, мой самолет не отделался бы только ранениями, наверняка бы остался там вместе со мной, — подтвердил Малютин.

Тут Агрба мельком взглянул на самолет и увидел: зияют пробойны в левой части стабилизатора, киле, а левое крыло обрублено до самого элерона. «Вот, оказыва-

ется, почему там люди. Сейчас и к моему самолету пойдут», — подумал он.

— Молодец, товарищ младший лейтенант, начали хорошо, надеюсь, дальше будет лучше. Благодарность своего командира получите потом, а сейчас прошу доложить, как выполнили боевое задание и что видели при этом.

Киазим четко и коротко доложил.

— А за лесом и в самом лесу восточнее цели по дороге от Ямника на Лычково ничего не заметили? — спросил начальник штаба.

— Не обратил внимания, товарищ майор, — сознался Киазим.

— Ну ладно, спасибо и на этом. А вообще, неплохо, очень неплохо для начала.

Киазим не понял, что неплохо: как выполнил задание или как доложил. Но не спросил, боясь показаться несообразительным. Да и времени не было: уже зарулили и шли докладывать Шелопутнов и Картавицкий.

Выслушав их доклад, майор Барков спешно уехал на КП полка, а Малютин провел с летчиками группы тщательный разбор хода и результатов боевого вылета, дал оценку действиям каждого из них.

— Особо отмечаю смелые и инициативные действия младших лейтенантов Агрбы и Картавицкого, показавших отличный пример взаимной выручки в бою — оба прицельным огнем подавили огонь батарей МЗА: Агрба, выручая меня, при выходе из второй атаки, Картавицкий, выручая Агрбу. Об этом будет доложено командиру полка и доведено до всего летного состава. Все свободны. Старшего лейтенанта Шелопутнова прошу задержаться.

— Ты смотри, как он все приметил? Я, например, кроме зенитки, почти ничего не видел и то случайно, по трассе, — сознался Картавицкий, когда они остались одни.

— Опыт, дорогой мой, практика да и не без таланта. Если нам удастся налетать в боях столько, сколько он, может быть, и мы будем такими.

А насчет той зенитки... Не знаю, как и благодарить тебя. Я думал, куда она делась, почему так быстро прекратила огонь по мне? А это ты заставил ее замолчать. От души спасибо!

— Преувеличиваешь. Я просто выполнял свою задачу и свой товарищеский долг.

— И все же именно ты кинулся на огонь, а не Шелопутнов, хотя был ближе. Если бы он вовремя атаковал зенитки, возможно, меня бы и не потрепало.

— Не знаю. Наверное, было несподручно. А потом,

ты же помнишь приказ командира группы — зенитный огонь подавлять мне.

— Да, перед атакой цели. А во время атаки, когда по впереди идущему стреляют, а идущий за ним не идет на выручку — это как понимать?

— Не знаю. Думаю, командиры разберутся...

* * *

Они действительно разбирались. Оставшись наедине с Шелопутновым, Малютин без всяких подходов спросил у него напрямик:

— Товарищ старший лейтенант, почему вы не атаковали зенитку, открывшую огонь по самолету Агрбы, хотя шли непосредственно за ним, и вам было гораздо удобнее, чем Картавицкому?

— Я точно выполнил ваш приказ, товарищ старший лейтенант, бил по указанной цели и другого приказа не получал, — быстро выпалил Шелопутнов, видимо, заранее подготовленный ответ.

— А если бы на месте Агрбы были вы, а Агрба поступил так же, как вы?

— ???

— Скажите, где вы родились и выросли?

— Это не имеет отношения к данному вопросу.

— И все же скажите.

— Ну, в Донбассе.

— Среди шахтеров?

— Да, я из шахтерской семьи.

— И там, где особо ценятся взаимопомощь и взаимовыручка, вам ни разу не говорили о них?

— Говорили. Но там совсем другое дело.

— Здесь тем более — это постоянный профессиональный долг, долг души что ли, а по-военному — постоянный приказ, предусмотренный соответствующими положениями боевых уставов и наставлений, которые надо выполнять неукоснительно, но творчески, с умом, потому что обстановка в бою складывается самая неожиданная и разнообразная, никакими самыми мудрыми приказами все не предусмотреть. Запомните твердо: может быть пока не довели до сведения тыловых частей, но у нас на фронте, по опыту боев сложилась бесспорная традиция — в первую очередь бить обнаруженные зенитки и атакующих истребителей противника, иначе они тебя побьют и не дадут выполнить основную задачу.

Хорошо, что наши молодые летчики оказались на вы-

соте, проявив исключительно важную и умную инициативу, иначе кто-нибудь остался бы под обломками своего самолета на радость врагу!

Тем временем произвела посадку вторая группа. Все четверо — Мшвенирадзе, Феоктистов, Гаврилов и Багаутдинов, успешно выполнив боевую задачу, вернулись на свой аэродром, хотя тоже серьезно потрепанные зенитным огнем.

Друзья тепло поздравили их. И все направились на КП. Там их ждали летчики, офицеры штаба и руководство полка. Конечно же, снова радость, поздравления, объятия.

Зашли в землянку и сразу же заметили красочно оформленный листок-молнию, посвященный успешному завершению первого боевого вылета.

Командир полка, комиссар, секретарь партбюро и начальник штаба очень внимательно выслушали ведущих групп и отдельных летчиков по всем вопросам — «мелким» и принципиальным, составляющим емкое понятие «боевой вылет», начиная с выруливания на взлет, кончая заруливанием на стоянку после посадки, сделали анализ всего положительного и негативного и высказали пожелания на предстоящую боевую работу, делая основной упор на необходимость достижения меткости ударов, тактической грамотности и максимальной безопасности.

Итак, первые вылеты наших витязей прошли вполне удачно. Это вселяло надежду на успех, укрепляло в единственном желании: как можно чаще скрещивать свои клинки с ненавистным врагом, бить и бить его нещадно до полной победы.

НЕДОЛГО ДЛИЛАСЬ ТИШИНА

Сегодня под вечер полетят еще две группы, но в их составе Агрбы нет. Поэтому он решил побыть в уединении, продумать еще раз все, что произошло, извлечь соответствующие уроки, да и остыть, успокоиться от горячки боя. А где найдешь место лучше, чем тишь и краса живой природы, в данном случае — лес, вплотную подступивший к их летному полю. Любой лес в любое время года чем-то прелестен, а этот, Валдайский, манил особенному.

Получив разрешение у командира эскадрильи и сказав своему технику, где будет находиться, он направился в край тишины и покоя.

Северный лес! Сколько в нем радостной прозрачной грусти и тайных нерастраченных сил. И, подчиняясь им, пошел он в намеченном направлении, то легко скользя по затверделому насту, а то проваливаясь по колено в рыхлых местах. Шел не спеша, глубоко и с удовольствием вдыхая терпкий воздух, наслаждаясь миром, в котором царило загадочно-пленительное безмолвие.

И не верилось, что меньше часа тому назад он метался в раскаленном небе и адский грохот боя, утомительное гудение двигателя, трескотня пушек и пулеметов и еще какие-то бесконечно гнетущие, давящие смертоносные звуки разрывали, казалось, глаза, уши — самую его суть.

И вот благодатный покой! Этот контраст еще больше усиливал тишину, делая ее чудодейственной.

Ощущение тишины он испытывал и раньше, во время охоты в лесных дебрях предгорий и долин Бзыбского хребта. Она бывала то торжественной, то тревожной, но всегда хранила величественную тайну природы. И он любил ее сильно, неистово и всегда изумлялся природной тишине и особым чувствам, вызванным ею.

И сейчас он, парень из южного леса, оказавшись волею судеб в лесу северном, испытывал нечто возвышенное, светлое:

— Какое чудо! Какая красота! — восторженно произнес он, чутко прислушиваясь к лесу и в который раз убеждаясь, что только в тишине можно понять, прочувствовать истинную красоту природы.

Задумчиво и величаво царила она повсюду, вся еще в ярких одеждах зимы, и лишь мартовский ветер нет-нет да и доносил едва уловимую весеннюю свежесть. Но на глаз ее нельзя было заметить. То ли дело в селе: солнце чуть пригреет, а уж звонкая капель будоражит всю округу, сочится снег с крыш, появляются проталинки на бугорках и наезженных дорогах. Но в лесах свои законы. Зима здесь держится до последнего, а в этом году она и вовсе припозднилась. Но как бы там ни было, природа берет свое, и от пытливого взора не могут ускользнуть наметившиеся в ней перемены. Вот хотя бы снег — уж не лежит он роскошным одеялом и не искрится тысячью бриллиантов, а заметно осел, плотно прилип к прогалинам, к земле и тускло отсвечивает синевато-матовым оттенком. А лес по-прежнему прекрасен! Небесно-синяя акварель разлита не только по снегам, но и по выси и меж стволов деревьев. Сколько их здесь, и у каждого свой характер. Белотелые березы и дымчато-зеленые оси-

ны слегка пригнулись, словно пытаюсь скрыть свою оголенность. А вот кокетливой ольхе нагота не мешает — стоит открыто, в полный рост, поигрывая золотистыми сережками. Стройные ели и разлапистые сосны горделиво любят своим вечно зеленым нарядом. Ничто не может принизить их достоинства. Даже тяжелые снежные шапки, склонившие их ветви к земле, и те кажутся украшением, но не грузом... А вон у безымянной лесной речушки, закованной пока крепкими льдами, застенчиво жмутся друг к другу кусты тальника, ивы. На них уже лопнули и заметно приоткрылись почки, оголяя радостно бархатистые глазки-пуговички. А вот и живой привет весны — лесная пичужка. Веселая, лазурно-голубая. Да она, оказывается, не одна... чуть ниже выглядывает вторая. Ясно — птички разбились на пары, значит, весна на пороге. И как бы подтверждая это, верхняя вдруг встрепенулась и сначала негромко, но все набирая голос, запела. Агрба невольно улыбнулся — уж очень старательно выводила она птичью мелодию, выражая этим, видимо, свое восторженное отношение к окружающему миру и к приближающейся весне. Не успела она закончить, как лес наполнился новой, более звонкой трелью. Агрба повернулся в ту сторону, откуда доносилось это залиvistое ликование, и увидел черную блестящую головку с белыми щеками, проворную, вертлявую и, казалось, самостоятельную от общего тельца — зеленоватой спинки и желтого брюшка.

«Тебя-то я знаю, ты — синица, а раз так заливаешься, значит, самец», — подумал Агрба, и точно, к певцу подседа другая птишка. «Ясно — завлек-таки подругу. Ну, в добрый час!» Едва умолкла синица, как раздалось иное мелодичное посвистывание. «О, это тоже что-то знакомое. Да, так и есть, снегири. Откуда вы, дорогие? Не с юга ли? Ведь ваши братья и сестры бывали и в моем родном лесу». Самец с ярко-красной грудкой, самка — с буровато-серой, оба с черными хвостиками и шапочками на голове — залюбуешься! В ответ на его восторг они с еще большим усердием залились многозвучной трелью.

— Надо же, поют совсем как в Гудауте и Джархва! — воскликнул Агрба и задумался. Интересно, как там сейчас? Благоухает ли, как прежде, ароматом зелени и цветов южная жемчужина страны? И в памяти Агрбы вмиг раскинулся, засиял дивными красками поистине райский сад, бело-розовой дымкой магнолий и олеандров подернулось южное небо, пахуче и разнолико зацвели азалии и рододендроны — будто все южные земли нашей необъ-

ятной Родины несли сюда, на передний край сражений, вечноживое тепло, красоту и благодарство.

Видение исчезло, и Агрба снова оказался в заснеженном лесу. «Да, обширна ты, Родина, и мила, в какой части твоей ни окажись», — подумал он, и вся душа его наполнилась ласковым теплом... Где-то рядом послышался звук, напоминающий скрип несмазанного тележного колеса. «Точно как у дяди Самсона», — вспомнил Киазим одного из крестьян своего села и почти рядом увидел странно трепещущие, сплошь в желтых крапинках кусты — это крохотные птички фигурки качали их ветви.

«Да вас тут, красавицы, целое царство! И все парочками. Значит, готовитесь к весне, к продолжению рода своего. Живите долго, бесечно и радостно, а я уж сумею защитить ваши малые крылышки своими стальными...»

И как бы приветствуя его мысли, бравурно рассыпал свою дробь по лесу незримый дятел. Стараются... То ли кормежку себе достает, то ли уж начал готовить дупло для гнезда? Где-то заголосила сорока, и взрыв птичьих голосов потопил ее одинокий призыв. Да, лес жил своими законами. Налетел легкий ветерок, вспугнул новые парочки нарядно одетых птичек. Ведь и они имеют свой род, свои корни. Жаль, в свое время недостаточно интересовался ими. А вот Светлана их знала хорошо. Как-то были они ранней весной в лесу под Звенигородом — о, какие чудесные места! Светлана рассказывала о приметах леса, с нежностью узнавала птиц, почти безошибочно называя их по внешним признакам и голосам.

И мысли его мгновенно переметнулись туда, к ней...

Светлана! Как-то она там теперь? А родные? Двое суток, как здесь, а до сих пор не написал им ни строчки... Он оглянулся, ища место, где бы присесть, и увидел шагах в двадцати не то корягу, не то поваленное дерево.

«Напишу домой, отцу с матерью, потом Светлане», — решил он.

Примостился на стволе, положил на колени планшет и, достав листок бумаги, начал писать:

«Здравствуйте, дорогие мама и папа, братишки и сестренка! Вот я наконец на фронте; на том его участке, где некогда русские под руководством Александра Невского наголову разгромили немецких псов-рыцарей. Но этот урок истории, видимо, их ничему не научил, и вот через 700 лет решили они повторить попытку своих надменных предков. Однако и этих «завоевателей» ждет позорное поражение. Залогом тому решимость всего нашего народа

и его защитников. Я убедился, как самоотверженно сражается каждый советский воин. Сегодня получил боевое крещение. Для начала неплохо. Это благодаря моим боевым друзьям. Какие они замечательные! В любую минуту, в самые опасные моменты готовы придти на выручку. И вообще, весь полк замечательный. И соседи, начавшие воевать значительно раньше нас, очень хорошие. Они делятся своим опытом, учат, как лучше бить ненавистного врага, самим неся меньшие потери. Мы глотаем каждое их слово, внимательно следим за их действиями и будем воевать, как они. Обо мне не волнуйтесь сильно — ведь здесь все за меня и я за всех.

Крепко целую всех. Ваш Киазим».

Сложил письмо во фронтовой треугольник и, написав адрес, положил в планшет. Посмотрел на часы, массивные «кировские». «Есть еще время» — подумал и, немного поразмявшись, сел на облюбованное место. «Вот уж никогда и в голову не пришло бы, — снова подумалось с улыбкой, — что я, выходец из лесов кавказских, буду сидеть в лесу Валдайском и сочинять письмо девушке из лесов Подмосковья».

Но предстоящий разговор с любимой заставил его сосредоточиться:

«Светлана, душа моя, здравствуй! — вывел он аккуратным почерком. — Нежно обнимаю тебя. Ты, наверное, только что пришла со своих трудных занятий и, конечно, утомилась. И все-таки давай поговорим немного. Итак, я наконец там, куда так спешил. Добрались благополучно. Устроились хорошо, работу начали тоже неплохо. Но об этом чуть позже. Сейчас о тебе, о нас... Пишу тебе, вижу твое лицо и душа ликует неопишимо. Помнишь весенний лес под Звенигородом? Звонкий от радостной капли и говора мелких птичек. Сейчас я почти в таком же лесу, только на Новгородчине. Забрел на несколько минут после работы и наблюдаю, как рядом с «гнездами» больших наших птиц снуют веселые, совсем как звенигородские, пичужки, и я не могу наглядеться на них. А рядом — ты, твои глаза, твои руки... И мне кажется, что я в постоянном парении. Ощущаю тебя всегда — близко-близко... Ты постоянно со мной, где-то рядом. Кажется, раздвинь я сейчас кусты, и ты выпорхнешь мне навстречу. Как все-таки хороша жизнь! У меня есть все, чтобы быть счастливым: есть ты, есть моя Абхазия, мои родители, сестры и братья, есть боевые верные друзья и грозная стальная птица, доверенная мне великим и свободным нашим Отечеством. Но ты — особая моя радость, которую невозмож-

но выразить обычными словами. И всем, что во мне, я обязан им и тебе, тебе и им. Какая чудовищная сила может отнять у меня все это — все мои радости? Нет такой силы! Знай, любимая, если придется, зубами буду рвать врага — за радость свою, свободу, за тебя. И поверь — он будет повержен — паук коричневый, но не я. Поэтому ты обо мне слишком не беспоко... — он не дописал: услышал зловещее прерывистое гудение и понял — так гудят только «юнкерсы». Машинально вскочил, устремив взор в небо и сразу увидел приближающиеся точки... Удивился: почему они идут с востока и не на большой высоте?

Затягивали наши 37-миллиметровые зенитные пушки, а «юнкерсы» двумя колоннами в правом вытянутом пеленге с небольшим интервалом друг от друга стали пикировать на аэродром. Послышались взрывы...

Он стоял неподвижно и как заколдованный смотрел на вражьи самолеты, атакующие его полк, его товарищей, его боевых коней; а он был не в состоянии ни помочь им, ни принять дельного решения. «Что же делать? Бежать к ним? Что это даст? Переждать здесь? Но это похоже на бегство в опасную минуту». Тут он увидел, что один из бомбардировщиков, как ему показалось, планирует прямо на него. Он рванулся и, добежав до первого дерева, шлепнулся в снег, зарываясь глубже, прижимаясь ближе к земле, как бы ища у нее защиты. Едва успел чертыхнуться: «Не хватало, чтобы на земле...» — как гроыхнуло совсем близко, и упругая воздушная волна еще плотнее прижала его к земле...

В оцепенении он ждал новой атаки... Но вокруг воцарилась немая, давящая тишина. Подумал: не оглушило ли? Приподнял голову, прислушиваясь, сдвинул шлемофон и ясно различил слабеющие звуки уходящих самолетов, резкое, отрывистое твяканье малокалиберной зенитной артиллерии. Он приподнялся, встал на колени и огляделся. Куда ни глянь — комья земли, снега, сломанные ветки деревьев, разбросанные вокруг, точнее, веером, уплотняясь к его основанию, находившемуся, видимо, где-то за деревьями в направлении аэродрома. Понятно. Значит, там же должны быть воронки.

Прошел несколько шагов. Так и есть. За кустарником, в каких-нибудь пятнадцати-двадцати метрах, там, где он, удобно примостившись на стволе поваленного дерева, только что сочинял свои весточки, дымились два бугра взрыхленной земли. Подошел вплотную: перед ним зияли две конусообразные ямы глубиной до трех метров. Да, бухнули не менее как сотки. Эх, Киазим... не успеешь ты

отбежать, и завтра потрясло бы извещением твоих родителей: «Героически погиб в жестокой схватке с врагом», а Светлана томилась бы всю жизнь в страшных догадках, пока не узнала правду случайно, ибо она еще не получала письма отсюда, а у друзей нет ее адреса. Киа-зим огляделся. Ощущение дарованной ему жизни заставляло его по-особенному, как впервые, разглядывать все вокруг. Остро захотелось яркости, движения — этих примет жизни, так необходимых ему сейчас. В памяти солнечно вспыхнул кустарник — озарил ее недавним видением, где крохотные беспечные пичуги вершили таинство рода. Нет, он не надеялся увидеть их вновь, но хотел, страстно хотел убедиться, что, почуяв опасность, они улетели. Он направился в знакомую сторону и вскоре остановился как вкопанный. Страшная картина предстала его взору.

За одним из кустарников метрах в двадцати-двадцати пяти от воронок валялись перья и безжизненные тельца этих чудных птиц. Ему стало не по себе — ведь только что они радовали глаз живым пушистым разноцветьем и в считанные секунды превратились в безжалостно разорванные клочки.

Да, война жестока, не щадит никого.

И, не оглядываясь на жуткое это место, Киазим побежал к аэродрому:

— Живые, ведь только что были живые... — задыхаясь на ходу, шептал он, ноги его то и дело проваливались в глубокие и рыхлые снега, меховой комбинезон и унты сковывали движения. А он все бежал, шел и снова бежал и вскоре, весь потный, выскочил к самолетам. Бегло окинул взглядом стоянки. Слава богу, пожаров и взрывов не видно, и, кажется, все самолеты целы. Стрелой метнулся к своему и через минуту сияющий от радости техник самолета ему доложил:

— Все в порядке, товарищ командир, члены экипажа и наш подопечный не пострадали. Мы очень беспокоились за вас и рады, что вы целы-невредимы.

— Спасибо, дорогой, спасибо. Я тоже бесконечно рад за экипаж. А как у других?

— Откровенно говоря, успел только бегло осмотреть свой самолет. Ни с кем еще не говорил, — виновато произнес техник, — да и многие только-только вышли из щелей.

— Ну что ж, пойдем вместе осмотрим.

Самолеты полка стояли на стоянках в глубине леса, даже не в шахматном порядке, а почти беспорядочно не

менее чем в 75-100 метрах друг от друга. И чтоб осмотреть каждый, надо было десяток раз одолеть стометровый снежный путь по лесу. Зная это, техник Вербецкий осторожно спросил:

— Товарищ командир, может, мы осмотрим стоянки самолетов своего звена? А при необходимости и остальные...

— Ты прав, Миша, так и сделаем.

И они, постоянно проваливаясь в снег, напрямую пошли к соседней стоянке. Их догнал техник Антонов. Подошли к его самолету. Он накренился на правый бок и развернулся вправо почти на 90 градусов. Рядом с ним в каких-нибудь десяти метрах дышали зловещим жаром две воронки. Правое крыло самолета, фюзеляж сверху, фонарь кабины и мотор были засыпаны комьями земли, снегом, ветками деревьев. Приглядевшись, увидели и другие изъяны: правый бок фюзеляжа, руль поворота, киль, часть правого крыла были в осколочных пробоинах разной величины и формы. Глазам не верилось, что грозный и боевой этот конь мог оказаться таким беспомощным.

Тягостную тишину распорол чей-то испуганный возглас:

— Смотрите, смотрите, кто это на дереве лежит?!

И действительно, на нижних ветках соседнего дерева, примерно на уровне крыльев, полувисел-полулежал человек в зимней куртке... Подойдя вплотную к дереву, Антонов воскликнул:

— Да это же Сидор! Сидор Чудило. Мой моторист! Сидор, Сидор! Ты живой? — и потрогал его за ноги, потом и за руки, за голову...

Сидор молчал. Антонов повторил вопрос. Опять молчание. Принесли стремянку, и Вербицкий с Антоновым сняли его с дерева, а кто-то побежал звонить, чтобы прислали врача на «скорой помощи», как ее тогда называли, «санитарке». Антонов с Вербецким тормозили Сидорова, внимательно всматриваясь в его лицо. Антонов положил руку на его лоб, Вербецкий прощупывал пульс.

— Лоб вроде теплый, — сказал Антонов.

— Да и руки тоже, — отозвался Вербецкий.

— Должно быть, живой, — сказал кто-то снизу.

— Сидор, а Сидор, ты жив? Что с тобой? Ну говори же!

Глаз Сидора приоткрылся, и он вроде бы зашевелил губами...

Антонов повторил свой вопрос, и Сидор, с трудом подняв обе руки и похлопав ими по ушам шапки, сделал по-

перечные движения, отрицательно мотая головой. Ничего не слышу — говорил этот знак. Развязав его шапку, Антонов вплотную приблизил свои губы к его уху и спросил:

— Ты нас слышишь?

Чудило отрицательно покачал головой и проговорил очень тихо:

— Я и вас почти не слышу и себя тоже...

И снова Антонов прокричал ему в ухо:

— Говори громче — как жив-здоров, как чувствуешь себя?

— Я еще и сам не знаю, как я жив-здоров и как чувствую себя, — пробормотал Чудило.

Все недоуменно переглянулись — что это с ним? Такого никому еще не приходилось видеть.

— Разрешите, товарищ техник, я ему помогу определить, как он жив-здоров и как себя чувствует, — вдруг пробасил подошедший к стремянке здоровенный детина: куртка на богатырском теле вот-вот треснет, шапка-ушанка еле прикрывает большую голову, на широком круглом лице лукавством поигрывают черные глаза. — Так разрешаете, товарищ техник?

— Пожалуйста, — неуверенно согласился Антонов.

— Ну и как жизнь молодая? — с напускной строгостью спросил Черпаченко Сидора.

— Я же говорю, сам не знаю, живой я или не живой... — несколько раздраженно проговорил Чудило, — а кто ты есть, чтобы меня расспрашивать?

— Это я — твой друг, Нестор!

— Какой-такой Нестор?

— Ну и напугали тебя фрицы, видать, и душа из тебя выскочила, раз друга своего позабыл?! — И со словами «Ну я тебе сейчас покажу, как забывать своих друзей!» Нестор подставил одну руку под грудь, другую — под живот Сидора. Антонов с Вербецким и опомниться не успели, как Нестор приподнял его, как перышко, над головой и спросил:

— Ну, теперь вспомнил, какой-такой есть Нестор, а? Потом, перехватив его за поясной ремень, поставил на землю. Сидор стал падать. Черпаченко удержал его и снова взял на руки.

— Так что же с тобой, Сидор? — удивлялся Нестор.

— И сам не знаю, Нестор, — недоумевал Сидор.

— А как оказался на дереве? Или в небеса к святым собрался?

— Вообще не отказался бы побывать святым, но как попал на дерево — не помню.

— Уж не контужен ли он, — вмешался Антонов, — положим его пока на чехол под плоскостью.

Так и сделали.

В это время Агрба, до сих пор молча и с интересом наблюдавший за этой неожиданной сценой, обратился к Антонову:

— Действительно, Володя, случай странный... Как он оказался на ветках дерева, почти на уровне самолета? Не мог же он залезть туда сам? Залезть на дерево при бомбежке, значит, выставить себя на явное поражение.

Антонов и сам недоумевал. Он нагнулся над Сидором и снова спросил:

— Чудило, ты помнишь, как оказался на дереве?

— Нет, товарищ техник. Помню, как подготовили самолет, прогрели двигатель. Вы ушли. А я... Виноват, товарищ техник, я... нарушил инструкцию — решил залезть в промоину мотора под чехол погреться... Так сказать, отдохнуть малость, и... Наверно, задремал. Проснулся от сильного гула, вскочил. А тут как засвистит, земля огненным факелом взметнулась и все зашаталось... Что было дальше, не знаю...

— Вот так отдохнул, чуть на тот свет не угодил, — полушутя-полусерьезно проговорил Антонов. — «А ларчик просто открывался». Когда налетели фашисты, я был у стартера во 2-м звене. Мы тоже сначала слышали какой-то гул и, только когда увидели пикирующие на нас самолеты с выпущенными шасси, поняли, что это «лапотники». Стартер крикнул: «По щелям!» И мы едва успели юркнуть в ближайшую щель. А Чудило в это время преспокойно дремал в тепле под мягким толстым чехлом. Тогда-то и взорвались у нашего самолета бомбы, сброшенные с «юнкерса», и взрывной волной скинуло Сидора с мотора и положило на нижние, горизонтальные ветки могучей сосны, что и спасло его от удара на землю. Да и самолет подсобил: прикрыл его своим телом от осколков и основного напора ударной волны — спас от полета в небеса к святым или к самому Христу.

— Да, похоже так. Выходит, чудом, прямо-таки редкостным чудом спасся Чудило, — заметил Агрба.

— Воистину святой дух спас тебя, Сидор, — с серьезным видом заявил Нестор.

— Святой дух или кто другой... Но то, что в рубашке родился, это ясно, — глубокомысленно подытожил Вербецкий.

— Будет действовать вопреки установленным порядкам, никакая рубашка не поможет и навсегда станет святым, вот это ясно, — отрезал Антонов.

Все почему-то посмотрели на Чудило, как бы желая узнать, слышит ли он слова Антонова. А он, казалось, лежавший спокойно и невозмутимо, вдруг поманил своего друга и похлопал себя по бедру. Черпаченко быстро нагнулся:

— Кровь, кровь у него на брюках, видать, он ранен, посмотрите!

И все увидели сзади на левом бедре большое мокрое пятно, а рядом — рваное отверстие в брюках.

— Да он бледнеет на глазах, — глядя ему в лицо, сказал Антонов. — Вербецкий, срочно найди машину, в лазарет его немедленно. А пока перевяжем. Есть у кого пакет?

Пакета не оказалось ни у кого, но у соседнего самолета стоял стартер. Не прошло и пяти минут, как Черпаченко повез на нем Чудило в лазарет БАО.

Агрба хотел было продолжить осмотр следующего самолета своего звена, как подошла полуторка. Почти на ходу соскочили с нее начальник штаба и старший инженер полка, быстро подошли к самолету, и майор Барков спросил:

— Ну как у вас тут?

И увидев самолет, добавил:

— Ага, у вас тут, кажется, посерьезней, чем у других.

Агрба и Антонов доложили обо всем случившемся.

Выслушав их внимательно, начальник штаба подытожил:

— Да, повезло вам, крупно повезло. Наверное, авиация не может обойтись без чудес. Надо сказать, повезло нам всем. Одна бомба угодила по изгороди склада боепитания, метров пятьдесят левее — и он бы взлетел на воздух. А там ведь недалеко и другие объекты. В остальном, по счастливой случайности, мы отделались испугом: восемь бомб взорвалось вдоль стоянок, точнее, у опушки леса. Очевидно, фашисты полагали, что самолеты стоят недалеко от опушки. Просчитались. Стоянки оборудованы надежно в глубине леса. Технический состав действовал отлично — после боевого вылета успел и поставить самолеты по своим местам, и хорошо замаскировать.

— Притом всего минут за пять до налета, — добавил старший инженер.

— Видите, опять случай сработал на нас, — подыто-

жил начальник штаба. — Да еще три бомбы попали по летному полю и все потому, что они лишь мимоходом, по пути с Крестцов, остатки бомб на нас швырнули. Основной удар, в составе сорока бомбардировщиков и двадцати истребителей прикрытия, они нанесли по железнодорожной станции Крестцы и порушили там немало... Но для нас и нашего достаточно, пусть будет уроком.

— Теперь прошу подготовить самолеты к следующему вылету, а этот, как видно, придется «лечить» в ПАРМе. Ну что, товарищ лейтенант, — обращаясь к Агрбе, закончил беседу начальник штаба, — поедem на КП, что ли, будем готовиться к ответному удару по фашистам?

По пути на КП, наблюдая, как проворно чинят взлетно-посадочную полосу и перебирая в памяти все пережитое за эти последние минуты, Агрба думал и о фашистском самолете, сбросившем бомбы в лес, туда, где сидел он: «Будучи замыкающим в правом пеленге, «юнкерс» просто не влез в строй по ширине захвата стоянок и взлетно-посадочной полосы и вынужден был сбросить бомбы на авось, где попало», — решил он и вздохнул: «Да, сиюминутная радость на войне может кончиться большой печалью!»

* * *

В этот день еще две группы по четыре самолета нанесли ответный удар по врагу. Первая — в составе лейтенанта Малютина, капитана Исензона, лейтенанта Заболотного, младшего лейтенанта Щербакова — по артиллерийским позициям в районе Алешинка, вторая — лейтенант Мшвенирадзе, старший лейтенант Киреев, старшие сержанты Белов, Штевнин — по огневым позициям и живой силе фашистов в землянках, на западных склонах оврага, в полутора километрах западнее Белого Бора. Задание обеими группами было выполнено успешно.

С наступлением темноты летчики в хорошем настроении пришли домой.

— Марфа Петровна, можете нас поздравить с успешным боевым крещением! — с ходу воскликнул Феоктистов, обращаясь к хозяйке дома, у которой он жил вместе с Лозоренко, Агрбой, Картавицким и Багаутдиновым.

— Поздравляю, поздравляю, дорогие мои, я так и думала: мои, мол, тоже, наверное, летают — уж очень много сегодня гудело, — заулыбалась Марфа Петровна, — дайте я вас расцелую за то, что успешно били иродов.

— Спасибо, Марфа Петровна, только начните, пожа-

луйста, с Киазима, он сегодня, можно сказать, именинник, — дважды мог сгореть: первый — в небе от зенитки, спасибо, Саша Картавицкий вовремя подоспел, второй — уже здесь, в лесу за самолетными стоянками, едва немецкой бомбой его не разорвало на куски, чудом уцелел.

— Ой, Киазим! Крутым, видать, было твое крещение... Да видит бог — смелого пуля боится, — с этими словами Марфа Петровна стала целовать Киазима, как ребенка, в щеки, в лоб.

Сергей засмеялся:

— Марфа Петровна, не особенно крепко целуйте, а то он у нас с горячим кавказским темпераментом и бурлящей кровью...

— Мой кавказский темперамент тоскует по твоей спине... И кровь бурлит, — грозно посмотрел на друга Киазим.

— Не возмущайся, Киазим, ведь он шутит, — вмешалась Марфа Петровна, — знает, что я вам гожусь в матери, значит все вы для меня сыновья, а меж собой — братья, поэтому всем вам моя материнская любовь, если, конечно, заслужите, — улыбнулась она мягко и ласково, — а теперь раздеваться, умываться и к столу — угощу домашним чаем из наших трав.

Она быстро прошла в свою половину и, едва «сыновья» успели снять меховые комбинезоны и умыться, прибежала с дымящимся чайником и подносом, заставленным стаканами и тарелкой каких-то печеностей.

КАК МИГ ПРЕКРАСНЫЙ

И только было Феоктистов открыл рот, чтобы выразить благодарность, как открылась дверь из хозяйской половины и вошла девушка...

И мир преобразился. Все замерло. Настала завороченная тишина.

Девушка, как бы застигнутая врасплох, остановилась. Но ни тени смущения, растерянности. Напротив, удивительной выразительности ее глаза смотрели спокойно, уверенно, само же лицо было настолько красивым, что казалось нарисованным: над ярким блеском темных глаз миниатюрными крылышками разметались брови, прекрасный овал лица обрамлен русыми волосами — легкими, шелковистыми. И платье... Неуместно-довоенное, оборчато-беспечное, нарядное, праздничное... Ловко облегло оно девичью стать, на стройных ногах модельные туф-

ли. Словно незримое дыхание той недавней прекрасной жизни обожгло лицо каждого, больно и сладостно защемило сердца, засветилась память отчими окнами, повеяло родными запахами мирной жизни, оставшимися там, за роковым, кровавым воскресеньем. И военные мальчишки 40-х, замерев от изумления, все смотрели и смотрели на дарованное им чудо.

Трудно сказать, сколько продолжалось бы это молчание, но первой нашлась девушка:

— Здравствуйте, — сказала она, стараясь быть спокойной, но, по всему, волнение передалось и ей.

— Здравствуйте, — дружно ответили молодые люди и опять замолчали. Выручила Марфа Петровна:

— Будьте знакомы — моя дочь Маша. Случайно, проездом. Прошу к столу, за чаем поговорите, познакомитесь.

Сели за стол. Марфа Петровна разлила чай, душистый, приятно пахнувший ароматными травами.

— Какой вкусный чай, — с напускной бодростью сказал Сергей, — почему не предупредили, Марфа Петровна, мы бы кое-что организовали к нему.

— Я и сама не знала. Маша приехала только в полдень.

— Ясно, тогда прощаем. Надолго к нам? — обратился он к Маше.

— Послезавтра опять в дорогу, — ответила она обыденно, словно собралась к подруге в соседнее село.

— Зачем так быстро. Побудьте немного, не лишайте нас праздника!

— К сожалению, не могу. Дела и тоже военные.

За чаем напряжение первых минут спало, началась непринужденная беседа. Говорили о войне, обстановке на фронте, особенно о последних наступательных операциях Красной Армии и о делах своих собственных. Ребята рассказывали о себе, дошла очередь и до Маши:

— Война началась, когда мы сдавали экзамены за 10-й класс. Вот это платье, что на мне, шилось к выпускному вечеру. Так и не пришлось одеть его... Не до вечеров было. Получили аттестаты и разъехались кто куда. А сейчас мама настояла: «Жалко затраченных трудов — шили, готовились... Надень хоть сейчас его, побудь в нормальном девичьем одеянии, вспомни довоенное время». Я и решила пощеголять немного...

— Да, мир... Только сейчас понимаешь ему цену, — с горечью проговорил Феокистов. Только начали жить — широко, привольно — шагай в полный рост, трудись на

свое благо. И вот тебе — война! Все вдребезги! Эх, «жизнь моя, иль ты приснилась мне!..»

— Сон твой затянется, если народы всей земли не ощутят себя хозяевами жизни и не потребуют у имущих этого законного права, как это сделали мы, — заметил Агрба.

— Жалко, что этим правом пользовались мы недолго, отняли-таки его у нас дьяволы, — вмешалась в разговор Марфа Петровна, — только-только почуяли себя людьми, по-человечески жить стали, хлеба досыта наелись, лапти скинули, ботинки да калоши надели, узнали, что такое шелковый платок да новое платье. Я вон Маше шерстяной костюм собрала, а сыночку-то, Коленьке, не успела, так и уехал в шевиотовом. В люди вывести их хотела. И сами они старались: и учились хорошо, и работали ретиво, помогали колхозу и дома. Нет, не дали природы проклятые...

— Да, вековая мечта времени требует, а его нам история отвела в обрез, — как бы продолжил мысли Марфы Петровны Агрба.

Видно, только в беде человек в полной мере сознает и ценит утраченные блага. И Агрба, и его товарищи лишь теперь, испытав ужасы войны, отчетливо представили преимущества мирных лет — полнокровных, свободных, независимых. Только хозяин своей судьбы, возвращенный на идеалах равноправия, мог поистине в легендарные сроки совершить грандиозную реконструкцию своей земли.

Империалистическая, затем и гражданская войны превратили Россию в гигантское пепелище. Но за каких-то неполных десять лет она как птица Феникс, возродилась к жизни и самый передовой социально-политический строй стал ее уделом: от сохи на трактор, от цепа на комбайн. Голодная, голая, лапотная Россия со всеми забытыми окраинами превратилась в мощную промышленно-аграрную державу. А какую оборонную индустрию удалось создать! И все это сделал человек нового образа мыслей, воочию убедившись, что труд по желанию есть высшая духовная цель. Только тогда появляется потребность всестороннего познания мира, приобретения знаний в различных областях жизни, и любовь — высшая награда природы, не стиснутая рамками национальных условностей, расцветает многогранно и ярко.

Так думал Агрба. Так думали его товарищи, и, как бы выражая общую мысль, сказал Борис:

— Да... За такие, можно сказать, мгновения произошли в стране огромные перемены... И даже дух захваты-

вает, если представить, что было бы, если дали бы нам фашисты потрудиться еще лет десять?

— В коммунизм бы шагнули! — воскликнул Феоктис-тов.

— Не знаю, как в коммунизм... А то, что социализм победил бы полностью — это точно.

— Ой, возможно ли это, и увидим ли это мы, матери ваши? Будем ли жить как до войны? — усомнилась Марфа Петровна.

— Будем, Марфа Петровна, обязательно будем, да еще и получше, — заверил Агрба.

— Ох, будем ли... Сколько тысяч жизней не досчитаемся... Сколько наших богатств украдут еще да уничтожат, — продолжала сомневаться Марфа Петровна.

— Не надо, мама, — не выдержала Маша, — и богатств, и возможностей у нас хватит. А главное — люди. Ты же видишь, как они настроены: и остановим и разобьем фашиста, и мир отвоюем, пусть даже очень дорогой ценой и не так скоро, как думали вначале.

— Правильно, Машенька. Разобьем навсегда. Надолго отвадим от наших границ и тогда не десять лет, как, к примеру, говорил Борис, а постоянно будем наслаждаться миром, — поддержал ее Киазим, — и все упущенное наверстаем, и все намеченное выполним.

— Ох, уж заживем тогда, — мечтательно перебил Камал, — действительно, как в песне. — И он неожиданно запел: «Всюду жизнь привольно и широко, точно Волга полная, течет...»

И все, не сговариваясь, подхватили куплет, за ним второй, третий, а допев, начали другую...

Вот залихватски, с огоньком «заплясала» по комнате веселая «Катюша»:

— Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет...

И вспомнилась любимая кем-то: Оля, Сулико, Маруся, Адиба...

А уж по комнате плыла другая песня, где остывающие лучи заката красили родную сторонку, и все ходил и ходил там около чьего-то дома робкий парень... И многие сейчас узнавали в нем себя: сколько их — нецелованных, так и не решившихся открыться любимой, ушли на фронт.

— В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят...

— Маша, — сказал кто-то тихо, когда наступила ми-

нутная пауза, — носите всегда это платье... Пусть оно напоминает всем о мирных, счастливых днях.

Вместо ответа Маша запела:

— Нам не страшны ни газы, ни шрапнели,
Нам есть за что бороться до конца,
Мы бережем походные шинели,
Чтобы сменить и мужа, и отца...»

Маша допела последний куплет, и наступила торжественная тишина. Пройдет время, многие, быть может, забудут прекрасное лицо Маши, но голос ее: высокий, чистый, пронизывающий душу, останется в памяти у всех надолго. А сейчас ребята как бы заново разглядывали девушку, стараясь запомнить ее удивительный образ. Прервал тишину никогда не унывающий Феокистов. Он неистово захлопал в ладоши, и комната наполнилась дружными рукоплесканиями:

— Вот это Машенька! Артистка! Барсова! Шульженко!

Маша запротестовала:

— Не скромничайте... Все мы вместе спели не хуже ансамбля, не было только оркестра...

Агрба засмеялся. В глазах его играли озорные огоньки:

— Согласны. Не спорим. Только в каждом оркестре есть первая скрипка... В данном — это Маша и Марфа Петровна. Вы задавали тон, а мы уж старались не подкачать. — И, обращаясь к товарищам: — попросим, друзья, наших удивительных женщин спеть нам что-нибудь эдакое, отчего и сердцу радостно и душе тепло.

Маша вздохнула, мол, желание гостей — закон и обратилась к матери:

— Давай, мама, вместе твою любимую «Калинушку».

И они запели: красиво, нежно, искренне. Поплыла песня, чудная, протяжная, идущая из глубины души и сердца:

Ой, да ты, каллиниинушкаааа,
Ты, малиниинушкаааа

.....

Ой, да трудовой солдат
Домой просится

.....

Ой, да отпусти домой
До матки родной

.....

Мать и дочь пели..., а небесные солдаты, замороженные чарующими звуками, мысленно уносились к родимой стороне, где ярко светило солнце, голубело небо, где пахло дождем и зеленью трав. Величаво и гордо вставали в памяти Киазима горы Кавказа, бескрайней гладью стелилось Черное море. А в глазах сибиряка Бориса стоял могучий, разморенный жарой смолянистый кедр, вобравший в себя запахи всей тайги. Уроженец Поволжья Камал дышал разнотравьем необъятного поля, дубравы Белой Руси шумели над Сашей, и не памятники, храмы и дворцы столицы видел сейчас коренной москвич Сережа, а свой щербатый кирпичный дом, свое окно, и в нем лицо матери...

Долго в этот вечер горел огонь в окнах Марфы Петровны, долго и тесно сидели ребята — шел бесконечный разговор.

— Ну, а когда началась война, что было? — неожиданно спросил Машу Картавицкий, самый молодой, самый застенчивый и молчаливый. Все с удивлением посмотрели на него. Он смутился, на загорелом его лице выступил румянец. Очевидно, заметила это и Маша, ибо сразу ответила:

— А дальше — папу взяли в Красную Армию. Сейчас он на Ленинградском фронте. А мы с братишкой попросились в партизанский отряд, где и находимся в настоящее время.

— Теперь ясно, почему в Винах нет девушек... — начал было Феоктистов, но на него выразительно посмотрели и Борис, и Киазим. Он сразу умолк.

Маша сделала вид, что ничего не заметила, стала рассказывать дальше: в каких условиях и как живут и воюют советские люди в тылу врага, как бесчинствуют фашисты, и как отвечают на это народные мстители. Говорила просто, негромко, но убежденно. Слушали ее с исключительным вниманием. И чем больше говорила она, тем больше рос интерес к ее рассказу. Героизм и смелка партизан поражали. Все слушали ее как замороженные, нисколько не пытаясь скрыть своего восхищения ею.

Но с каким вниманием слушал ее Картавицкий! Затаив дыхание, он подался вперед, боясь, казалось, пропустить хоть одно ее слово, хотя, судя по нему, он мало что слышал, он только видел. Ее...

Даже невозмутимый Феоктистов, мельком взглянув на него, с удивлением покачал головой...

Она замолчала, а он продолжал сидеть в оцепенении. Маша несколько смутилась и спросила сразу всех:

— Может есть вопросы?..

Вопросов, конечно, оказалось много. Все интересовало ребят, и Маша отвечала, а вопросы сыпались снова и снова...

Наконец Маша сказала:

— От души желаю вам успешных боевых полетов. Бейте фашистских гадов беспощадно, мстите за всех замученных наших, но сами оставайтесь живыми.

— Спасибо, Маша. И мы желаем вам в рискованном вашем деле удач. А теперь, после знакомства с вами, будем бить их с удвоенной энергией, — ответили летчики почти хором.

— Спасибо. Я так и передам своим товарищам, — сказала Маша, собираясь проститься с летчиками. Но не тут-то было...

— Можно еще один небольшой вопрос, Маша? — подал вдруг голос Киазим.

— Да, конечно, пожалуйста.

Киазим, как и все его товарищи, был во власти услышанного. Дорого бы он дал, чтобы прямо сейчас выполнить команду — «От винта!», ощутить себя в самолете и, вжавшись руками, протаранить черное небо. И ослепить потом вражьи точки дикой пляской всепожирающего огня.

— Если мы попросим вас выступить завтра перед всеми бойцами и командирами нашего полка? — спросил он Машу напрямик, рассчитывая на ее согласие.

— Ой, сумею ли я? И что скажу им? Выступить перед всем полком?! Страшно.

— Сумеете. И скажете все то, что рассказали нам. Это для них очень важно, Маша. К тому же летчики — народ простой и скромный. Ну как, договорились?

— Раз так надо — договорились.

— Спасибо, Машенька, спасибо.

— Вам спасибо, — поднялась Маша, — пока вы есть — наше небо самое синее. А сейчас спокойной ночи, завтра вам предстоит тяжелая работа, а я немного погуляю перед сном — очень соскучилась по родной деревне.

— Приятной прогулки, а потом и крепкого, сладкого сна в родных стенах, — пожелали ей летчики, но видно, поспешили — Машу остановил негромкий голос:

— Сейчас уже ночь. Разрешите пойти с вами?..

И все посмотрели на Картавицкого, самого скромного и застенчивого из них, и настолько были ошарашены неожиданной его смелостью, что напрочь онемели.

А Маша сказала просто:

— Спасибо. Действительно будет безопасней.

И они вышли.

— Вот это любовь, как в кино, — с первого взгляда, — только и сказал Багаутдинов.

— А я сразу понял... Надо было видеть поглупевшее от счастья его лицо, — заметил с иронией Сергей.

— Дай Бог им счастья. Они вполне достойны друг друга, — серьезно сказал Агрба.

И действительно, как потом признался Картавицкий Агрбе (а на фронте близкие друзья доверяли друг другу самое потаенное), он влюбился в Машу сразу и навсегда и признался ей в этом тогда же, в первую прогулку с ней.

Она не удивилась, сказала только:

— Не надо, Саша... Война ведь... Главное, что мы нашли друг друга. — Она на секунду задумалась, затем тихо добавила. — Странно как... Еще утром я была сама по себе, а сейчас нас стало двое... До встречи, Саша. До нашей с вами встречи после победы...

— Да, да, конечно! Я не тороплю вас. Мне достаточно того, что вы есть. Вы теперь постоянно со мной в моей душе, и в бой я буду ходить с вашим именем. Одержим победу и я вас найду. Где бы вы ни были — найду! — И он осторожно и бережно взял в свои сильные руки ее хрупкую ладонь. И внутреннее волнение разлилось по его нутру, незримо и жарко передалось Маше.

Вот и еще два любящих сердца соединились, невзирая на военное лихолетье. Любовь смерти не подвластна, как молодость не подвластна рассудочности. Встретились двое и полюбили. Но так же, как Киазим со Светланой и многие их товарищи, запрятав поглубже свои чувства, простились они сдержанно:

— До свидания, Саша.

— До скорой встречи, Машенька.

Они были молодостью 40-х годов, и этим многое объяснилось. Их свобода, их независимость, их любовь и их Родина находились в опасности, и защитить все это могли только они — мальчишки и девчонки 40-х.

Утром следующего дня летчики были вызваны на КП полка к шести часам, а уже через тридцать пять минут группа в составе Малютин — Агрба, Феоктистов — Картавицкий вылетела на уничтожение живой силы и техники противника на западных склонах оврага в районе Белый Бор. Атаковали цель внезапно и довольно удачно. Как заметили летчики (и потом на разборе отметил ведущий), особенно стремительной и прицельно точной была атака Картавицкого. Вскоре нанесла удар по цели в этом же районе вторая группа, в которой были Мшвенирадзе, Окунев, Смирнов, Багаутдинов. И это задание было выполнено успешно. После этого Агрба сразу доложил командиру и комиссару полка о вчерашней беседе с Машей и о целесообразности такой встречи. Оба сразу же согласились.

— Грешно было бы не воспользоваться такой редкой возможностью, так ведь, Сергей Ильич? — обратился командир полка к старшему батальонному комиссару Прохорову.

— Да, Николай Дмитриевич, и очень кстати. Молодцы летчики, — проявили разумную инициативу.

— Отлично. Решено. Вылет групп в семнадцать часов, значит сбор полка можно назначить на четырнадцать в большой землянке.

Итак, полк был собран в «большой землянке в три наката», как ее называли в шутку и всерьез, служившей клубом и столовой.

Точно в назначенный час руководители полка вместе с Машей зашли в землянку, и летчики как один, не дожидаясь команды, встали...

— Товарищи, — сдерживая понимающую улыбку, сказал командир полка, — выполняя боевое задание своего командования, в наших краях оказалась разведчица и связная одного из партизанских отрядов Западной Новгородчины уроженка здешних мест Маша. Она пришла к вам, чтобы рассказать о том, как живут и борются советские люди в тылу врага. — И уже непосредственно к ней: — пожалуйста, просим вас, Маша.

И как сотни ружейных выстрелов дружно раздались ружейные выстрелы и враз смолкли. Это поднялась Маша...

Была она сегодня в своей обычной, неброской, но хо-

рошо подогнанной одежде, в какой ходили в то время почти все девушки и женщины: в стареньком шерстяном платке, поношенном пальто и валенках. Но эта одежда не только не портила, напротив, подчеркивала ее красоту и обаяние. Легким движением она откинула платок, открыв чистый высокий лоб и гладко причесанные, собранные в тугий узел на затылке волосы. И стала еще милей и притягательней. Лучистые ее глаза полны достоинства. Тонкое лицо хранило спокойствие, и лишь подрагивающие ресницы выдавали скрытое волнение.

— Здравствуйте, дорогие товарищи, — робко и как бы по-ученически заученно сказала она, — от имени партизан и советских людей, находящихся в тылу врага, приветствую вас, славных летчиков-фронтовиков, — и посмотрела так трогательно и так доверчиво, словно прося прощения и поддержки одновременно, что у сидящих перед ней бойцов потеплели души, засветились глаза. Они понимали и поддерживали Машу, радость встречи с ней была искренней. Перед ними была живая, настоящая «полномочная» представительница легендарных советских людей, героически сражающихся под боком коварнейшего врага, слава о боевых делах которых с быстротой молнии распространилась по всему свету. К тому же они уже узнали, что она была комсомолкой-активисткой, смелой разведчицей и связной, успешно перешедшей линию фронта. А как она своей простотой, непосредственностью напоминала им любимых девушек, матерей, сестер, вчерашние мирные дни!..

Если же ко всему этому добавить, скольким летчикам при вынужденной посадке в тылу противника спасли жизни партизаны, то станут еще понятней их симпатии к девушке с той стороны фронта.

Маша почувствовала взаимопонимание, — щеки ее нежно разрумянились, ярким огнем загорелись глаза, и она заговорила раскованно и звонко:

— По пути к вам я видела людей, технику и оружие наших войск. Душа радуется и дух захватывает, — это ведь родная Красная Армия превратилась в такую могущественную силу! Начала бить фашистов, гнать их с нашей родной земли! Это же замечательно, товарищи!

Потом она рассказала о положении дел на «малой земле», прежде всего в западных районах Новгородской, восточной зоне Псковской и южной части Ленинградской областей, превращенных в мощный партизанский край. Привела многочисленные факты неслыханно чудовищных зверств фашистов. Рассказала и о народных мстителях.

Слушали ее поначалу с вежливым любопытством, отдавая предпочтение главным образом самой рассказчице. Но искренность ее и одержимость постепенно передались всем.

А она все говорила и говорила — вдохновенно, убежденно. Яростью загорались глаза ребят, и они готовы были немедленно ринуться в бой.

Князим сжал пальцы в кулаки. Они хрустнули, он невольно посмотрел по сторонам — не слышит ли кто из сидящих рядом. Нет, не до него.

Борис, неотрывно глядя на Машу, о чем-то думал. Сергей — вечный балагур и заводила, впервые, казалось, загрустил. И даже обычно невозмутимые Багаутдинов и Гаврилов, всецело поглощенные рассказом, не могли скрыть своей разгулявшейся удачи — то и дело толкали друг друга в бок и бессвязно что-то восклицали. Потеплели и усталые глаза командира полка.

— А ведь этой девочке могу позавидовать и я, — тихо сказал ему комиссар, — такая и в атаку поднимет и под пыткой не дрогнет.

— Да, выходит, что и комиссарам надо помнить, что значат от сердца идущие живые слова, — улыбнулся командир.

И лишь один Картавицкий (да простим это влюбленному) не слышал Машу. Он видел только ее лицо — единственное, родное и будь его воля — остановил бы время, чтобы глядеть и глядеть на него...

В заключение Маша сказала:

— Дорогие товарищи! Побывала у вас — словно воды живительной напилась, потому что такие, как вы, не подведут — будут стоять насмерть. Помните, в начале войны мы немного растерялись... Все ждали армию, которая вот-вот подойдет и сразу освободит... Забывали, что армия-то наша создается и поддерживается всей страной, по своему духу, по своей сути она народная. Значит, мы с вами, — все вы, я, сотни и тысячи таких же подтягивающихся сейчас к фронту, — это и есть советская армия. Только от нас самих зависит боевое мастерство и умение. Давайте будем добиваться его ежечасно, ежеминутно, а родной наш тыл обеспечит вас огнем и сталью. Дорогие соколы! Бейте немецкую сволочь, а мы — лесные ваши братья — вам поможем.

Все встали. И долго дрожали стены землянки от дружных аплодисментов.

И трудно сказать, что больше подействовало на наших фронтовиков: зажигательная ли речь Маши, или до прон-

зительности нежный, беззащитно девичий ее облик, который ярко высветил всю бесчеловечность, бессмысленность, противоестественность войны, невозможность сочетания ее ужасов с прекрасным.

Но одно совершенно ясно: светлый образ Маши надолго останется в памяти каждого и призыв ее «бить без пощады фашистов» будет сопровождать их в небесных боях!

* * *

Едва летчики переступили порог КП, а техники добрались до самолетов, как поступил приказ: вылет, назначенный на 17.00, переносится на 15.45 и не по ранее назначенным целям, а по совершенно другим, хотя примерно в одном районе. Времени, таким образом, до вылета оставалось не более 25—30 минут, а это значит, что летчики успеют только бегло изучить маршрут полета и район цели, согласовать порядок следования до цели, действий над ней и на обратном пути, а технический состав — снять чехлы, маскировку и прогреть моторы. Вот уж действительно: с лучезарного корабля да на дьявольский бал... Тем не менее работали быстро и вполне уложились в отведенное время.

Группы в 4 и 6 Ил-2 под руководством Федорова и его заместителя Исензона, Малютина и заместителя Гаврилова (с временным интервалом в 10 минут под прикрытием 6 и 9 ЛаГГ-3 с 3-х заходов, что бывало в то время редко) метко и мощно атаковали огневые точки и живую силу противника в районе населенных пунктов Пустошки и Гадилово. С каким вдохновением и с какой яростью кидались они на врага, какая слаженность и четкость соблюдались в действиях летчиков обеих групп! И результаты налицо: выведены из строя две артиллерийские и три минометные батареи, уничтожено и повреждено четыре землянки с фашистскими солдатами и офицерами. И в завершение, как бы салютуя воздушным воинам, высоко в небо взметнулись два сильных взрыва. У самих же никаких потерь!

Так они выполнили боевой приказ и обещание, данное Машеньке.

Рано утром следующего дня, когда до ухода летчиков на аэродром оставалось минут десять, неожиданно зашла Маша.

— С добрым утром, товарищи!

Такая же ясноликая, все с той же милой улыбкой, но в глазах затаилась грусть...

— Здравствуй, Машенька! — так и засияли лётчики, — хорошо, что пришла, а то мы уже было засомневались — была ты вчера или приснилась в счастливом сне...

— Попрощаться зашла, — сказала Маша, — увидимся ли еще? И вообще... Живите долго, ребята, — назло врагам, на радость отечеству. Боевых вам успехов!

— До встречи, Машенька! Светлого вам пути! — по-братски попрощались с ней лётчики, уходя к самолетам.

Картавицкий задержался...

— Я вчера вас до поздней ночи ждал. — Все казалось, что вы придете. Глупо конечно...

— Зачем вы так, Саша. — Дела задержали. Освободилась далеко за полночь. А сегодня, видите, пришла...

— Спасибо. Даже не верится, дотронуться хочется... рукой. Глаза ведь и обмануть могут.

— А вы дотроньтесь, — и вдруг сама припала головой к его груди, к его взволнованному сердцу.

Он замер, не в силах даже дышать, ощущая запах ее волос совсем рядом.

— Как надежно и как хорошо... — прошептала Маша и, с трудом оторвавшись от него, поцеловала в обе щеки:

— Прощай!

* * *

Картавицкий догнал товарищей почти на полпути к аэродрому. Сергей, беззастенчивый остряк, и на этот раз шутя спросил:

— Ну, чем закончилась «встреча у фонтана»?

— Расстались до победы, — подавленно ответил Саша, не расслышав подвоха.

— Значит прощальный поцелуй затянулся надолго?..

Саша остолбенел. Кровь ударила в лицо, ровно плеснули в него ковш крутого кипятка. Он было шагнул к обидчику, но вовремя остановился.

— Ну и циник же ты... — только и мог выговорить.

Сережа не обиделся, напротив, спохватился, решил выкрутиться, замять промах:

— Брось, Санька, я ведь «шутю»: Маша девочка «не из тех», да и ты — телок подходящий. Какие уж там поцелуи, одна политграмота...

Но, видя, как потемнело лицо Картавицкого, и, видимо, искренне недоумевая, почему и на этот раз его шутка не удалась, он поспешил заменить ее «вокалом»:

«Зачем, зачем, о люди злые! Вы их разрознили сердца?» — пропел он с чувством и наткнулся взглядом на Бориса. Тот был возмущен не менее Картавицкого. Образ Маши так свежо и ярко стоял в памяти каждого, олицетворяя собой все лучшее, что есть в жизни, что любя самая безобидная шутка в ее адрес казалась кощунственной. К тому же и было задето чувство к ней друга.

— Не на тот предмет шутишь, Сергей, — сдерживая гнев, сказал Борис, — а скорее всего — завидуешь... Маша — дар божий для любого из нас, и хорошо, даже прекрасно, что таким оказался Саша. Уверен, что их любовь будет большой и чистой.

— А я что говорю? — стушевался Сергей, — тоже самое и говорю: Маша — явление. Блеснула перед всеми как миг прекрасный, а полюбила Картавицкого...

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ КАК МОЛНИЯ СВЕРКНУВШАЯ ЖИЗНЬ

21 марта полк поднимал свои самолеты трижды. Первые две группы по 6 самолетов наносили удар по противнику на поле боя в том же районе северного выступа окруженной группировки, третья — восемью самолетами по вражескому аэродрому Глебовщина, что в 8 километрах юго-западнее Демянска. Действовали тем же способом.

Полет до цели и переход линии фронта осуществляли на бреющем полете, чтобы подойти к объекту удара скрытно, внезапно, избегая атак истребителей и зенитных средств противника. За 6—8 километров перестраивались в нужный пеленг. За 3—4 километра «выскакивали» на 300—500 метров и с пологого планирования обстреливали цель реактивными снарядами (эрэсами), из пушек и пулеметов. На выходе из планирования, на предельно малой высоте, сбрасывали по цели бомбы. До сих пор, потому ли, что враг не совсем раскусил тактику действий штурмовиков, или потому, что, давая время полку освоиться в пороховом небе, его посылали на малоактивные участки фронта, группам удавалось выполнять боевые задания без встреч с истребителями и интенсивным зенитным огнем противника. Но сегодня положение заметно изменилось.

Первая группа, в составе которой был и Агрба, завершив первую атаку, произвела маневр для атаки цели второй раз. И только он ввел самолет в разворот, как ощутил резкий стук в левое крыло... И сразу же молниеносно пронеслись над ним два тонких крестообразных силуэта. «Мессера!»

Машинально резким движением он ввел самолет в обратный разворот со скольжением. Затем вывел из разворота. Осмотрелся... Впереди Малютин и Окунев разворачивались для второго захода, за ними неотступно шли Феоктистов, Картавицкий. А Шелопутнова, замыкающего, который должен был прикрывать группы от внезапных атак воздушного противника, он не увидел.

А где же свои истребители?

На плавной змейке, продолжая полет за двумя впереди идущими, он еще раз осмотрелся и тут заметил карусель истребителей выше группы метров на 800—900. Метнувшись взглядом прямо вперед, влево, назад и... — что за чертовщина! Откуда?! Примерно с ракурсом 2/4 к нему пристраивался и находился уже на расстоянии около 400 метров (конечно же, для атаки!) «Ме-109», а за ним, на таком же удалении, второй.

Киазим бросает самолет влево—вниз с глубоким скольжением и тут же замечает трассирующую очередь над собой, а выводя самолет из крена и угла снижения, видит пару «худых» — так называли «Ме-109». Через 2—3 секунды пронеслись три наших ЛаГГа, но «худые» в это время, круто и стремительно набрав высоту, намеревались, видимо, произвести новый маневр. Карусель наверху крутилась сама по себе. Меж тем ведущий выходил из второй атаки. Вскоре и Агрба, атаковав цель, стал догонять группу. Она уходила «змейкой» на минимальной высоте: четыре самолета. Он пятый. А где же шестой, Шелопутнов?

Позднее выяснилось следующее: попав под огонь «мессершмиттов» при первой их внезапной атаке, самолет его получил несколько пробоин стабилизатора и консоли крыла. Воспользовавшись этим, а может, полагая, что самолёт больше не в состоянии участвовать в бою, он аварийно сбросил все бомбы, ушел под группу, а потом, прижавшись к самой земле, покинул поле боя... За это он был опять строго предупрежден.

В бою участвовало всего четыре «Ме-109» против девяти ЛаГГов и шести Ил-2. И опять сработал их четкий метод — часть сил, в данном случае одна пара, отвлекала боем наших истребителей прикрытия, другая пара в это время наносила удар по штурмовикам — внезапно, стремительно. Каким-то чудом нашим штурмовикам удалось отбить атаки «мессеров» и осуществить противоистребительный маневр, отделавшись немалым количеством пробоин и «легким испугом». Короче — теория теряет смысл,

если отсутствует творческая инициатива — четкий ориентир складывающейся ситуации.

Такой вывод был сделан на разборе этого первого воздушного боя, точнее, первой встречи летчиков полка, в том числе Агрбы, с фашистскими истребителями.

Во второй группе был сильно поврежден огнем ЗА самолет Багаутдинова. Он сел вынужденно вне аэродрома на своей территории «на пузо» и в тот же вечер вернулся домой. Встречен был товарищами, понятно, с неподдельной радостью. Только Феоктистов считал нужным пошутить и не совсем уместно:

— Ты, Камал, открыл счет, посмотрим, насколько легка твоя рука...

— Как бы с этой «легкой руки» ты бы сам не пошел «по рукам»... — нахмурился Киазим.

Итак, на пятый день боевых действий полк потерял свой первый самолет. Причиной этого прискорбного факта было то, что противник явно усилил зенитный огонь, а наши летчики еще не научились своевременно обнаруживать и подавлять его.

Тем не менее в тот же день полк нанес удар по вражескому аэродрому в самом центре кольца окружения. Внезапно, умело, дерзко! Было уничтожено 10 самолетов противника и склад с боеприпасами, а восемь Ил-2 и девять ЛаГГов благополучно произвели посадку на своем аэродроме.

* * *

Стояли погожие мартовские дни, голубело небо, разогретое солнцем. Черными пятнами лысели бугорки и пригорки, подставив свои бока мягким лучам. И яркими слезами, прощаясь с зимой, плакали, истекая влагой, сосульки. Выйдут поутру люди из домов и невольно зажмурят глаза от ослепительного блеска ледяного хрусталя, развешанного по всем крышам.

«Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!» Нет, эта песня не была еще написана, но как точно отражала она настроение людей. Несмотря на жестокие будни «весенняя музыка» касалась любой души. Даже техники, механики и мотористы, намаявшись в холодные бессонные ночи (температура нередко опускалась до 25 градусов ниже нуля), днем, позабыв усталость, подолгу вдыхали первые запахи весны. Всю ночь они устраняли дефекты, возникшие в полете. Латали повреждения, полученные в бою, через

каждый час, дабы не остыла вода, прогоняли моторы и только днем, когда солнце поднималось выше горизонта, испытывали облегчение — шла весна-красна.

Но, как известно, почти каждая красавица — своенравна. Сегодня она улыбается, завтра сердито хмурит бровь и невозможно угадать ее настроение... Так было и теперь.

На шестой фронтовой день полка и после нескольких ярких деньков задул холодный порывистый ветер, стремительно нагнал и понес целые кучи темно-серых лохматых облаков, то закрывая небо сплошь, то открывая его рваными просветами.

Атмосферные метаморфозы совпали и с нерадостными фронтовыми сводками.

До сих пор наступательные действия вели наши войска. Но им так и не удалось расчлениить и уничтожить окруженную Демянскую группировку. Враг сопротивлялся изо всех сил, цепляясь за каждый клочок ворованной земли, хорошо понимая, что уничтожение группировки привело бы не только к тяжелым потерям в живой силе и технике, но и открыло бы путь к дальнейшему наступлению советских войск на Запад к Прибалтике, то есть в тыл армий, блокировавших Ленинград. Этого допустить враг не мог и довел свою оборону до крайнего иступления. К тому же его цепкости способствовали мощные долговременные оборонительные сооружения, лесисто-болотистая местность и глубокий снежный покров. У нас же пока не хватало подвижных сил, артиллерии и авиации для создания на нужных участках превосходства, не имелось опыта окружения и уничтожения больших сил врага, поэтому наши наступательные действия не увенчались успехом.

А тем временем врагу удалось не только сдерживать натиск наступления, но и перебросить (пользуясь отсутствием воздушной блокировки) значительное количество дополнительных войск, сосредоточив тем самым превосходящие силы на внешнем фронте южнее Старой Руссы. 19 марта при поддержке 1-го воздушного флота он начал операцию по деблокаде своих войск, т. е. наступательные бои одновременно с двух сторон: с внешнего фронта и со стороны окруженной группировки. Наступающие группы имели целью — Рамушево, где и должны были соединиться.

На этот участок фронта и были направлены основные усилия наших войск, в том числе авиации, с целью не дать возможности им соединиться. Теперь уже наши штур-

мовики наносили удары по наступающим силам противника, поддерживая оборону и контратаку своих частей. И 568 шап продолжил боевые действия с 22 марта в этом направлении.

* * *

Погода явно портилась, но пока высота облачности и горизонтальная видимость позволяли поднимать самолеты. Ровно в семь утра первая шестерка, а через десять минут вторая с четырьмя истребителями сопровождения каждая ушли на задание. Цель удара: артиллерийские и минометные батареи, живая сила противника в районе Чернышево и Свинухово и подходящие к ним свежие резервы...

Командир полка и его заместители хорошо понимали всю сложность оперативно-тактической обстановки и потому серьезно волновались: противник в полосе своего наступления сосредоточил небывалое количество зенитных средств и истребителей, и это вызывало большую тревогу. Как там? Справятся ли летчики со своими задачами в невиданном до сих пор плотном огне? В напряженном ожидании проходили минуты: 30—40... Вот уже первая группа должна появиться над аэродромом. Но проходит пять, семь, десять минут, а группы нет. В чем дело? Волнение усиливается... Наконец, загудели, а потом и вынырнули из-за леса... один, второй, третий... всего три самолета. А где еще три? И кого нет? Что случилось? И командир, не выдержав, кидается к машине и мчится к месту заруливания самолетов, чтобы быстрее узнать о подробностях боя.

А было так... Над целью группу встретили шквалом зенитного огня в тот момент, когда первое звено уже пикировало и вело огонь эрэсами и из пушек, а второе только «выскочило» на высоту перехода в атаку и тут же было окружено множеством черных «шапок» разрывов снарядов среднего и цепями трасс малого калибра. Сразу же загорелись самолеты Щербакова и Заболотного. Сбросив аварийно бомбы и выпустив залпом все эрэсы, они развернулись на обратный путь. Шедший замыкающим Картавицкий удачно сманивировал, произвел прицельную атаку артиллерийской позиции и чуть в стороне от курса группы засек батарею МЗА. Решив подавить ее, он после первой атаки спустился на бреющий полет, развернулся на 45 градусов вправо, потом прошел прямо, развернулся влево почти на 200 градусов с набором высоты 400 м и,

предупреждая огонь вражеской батареи, перешел в атаку, выпустив по ней длинную очередь из всех четырех огневых точек. Батарея замолкла, но две другие, ранее не замеченные, открыли по нему бешеный огонь, схватили в огненные клещи и держали до тех пор, пока вдруг не отлетел от его самолета какой-то обломок... Вращаясь вокруг своей оси, самолет врезался в расположение вражеской батареи, превращая себя и ее в мощный фонтан пламени...

Так пал в неравном бою Картавицкий, отважный сын мужественного белорусского народа, до конца выполнив свой сыновий долг перед республикой, перед всем социалистическим отечеством.

Судьба же Заболотного и Щербакова была пока не известна...

Минут через десять после посадки первой группы пришла вторая и тоже с потерями. В ней не хватало двух самолетов: Лозоренко и Феоктистова. Вот что доложил о ходе боя этой группы Агрба, летавший в ее составе замыкающим.

Учитывая, что цели расположены на открытой, издали просматривающейся местности и дабы не копировать тактику действия передней группы, ведущий решил первый заход на бомбометание произвести с горизонтального полета на предельно малой высоте. Это удалось. Как шли с линии фронта, прижавшись к земле, так и вышли к цели. Сбросили бомбы и прошли дальше в глубь территории противника не менее 10 км. На бреющем сделали разворот, чтобы выйти к цели со стороны ее тыла под небольшим углом к линии фронта. Это давало возможность после атаки с небольшим отворотом быстро уйти на свою территорию. Но атаку эрэсами и пулеметно-пушечным огнем производили уже с пологого пикирования. Но только набрали внезапной горкой метров триста и собрались перейти в атаку, как сразу же натолкнулись на сплошную стену черных разрывов. И засверкали, заплескали мириады разноцветных шариков... Группа перешла в атаку. И тут же Агрба увидел, как задымили самолеты Лозоренко и Феоктистова...

После атаки перешли на бреющий полет, все время используя противозенитный маневр, ибо огонь сопровождал их до самой линии фронта. А когда осталась позади река Ловать, сел «на пузо» Феоктистов, а через некоторое время на поляне в 2-х километрах южнее Лажины,

что примерно в 40 километрах от аэродрома, приземлился таким же образом Лозоренко.

Оба вернулись на попутных машинах на аэродром невредимыми уже к полудню.

В этот же день к вечеру добрался до аэродрома и Заболотный. Он сумел посадить «на живот» самолет на своей территории с сильно поврежденным, а затем и остановившимся двигателем.

На следующий день утром из вышестоящего штаба пришло сообщение, что горящий самолет Щербакова, едва перелетев линию фронта, упал восточнее Старой Руссы и разбился. Тяжело раненный еще в бою летчик, не придя в сознание, скончался. Похоронен пехотинцами на месте.

Вот так на шестой день боевых действий полк потерял сразу двух замечательных летчиков и пять самолетов. Этот день, 22 марта, воистину стал его черным днем.

Весь личный состав был подавлен, удручен. И конечно же, это встревожило командование и партийную организацию. Они ясно видели, как сильно переживание людей, потерявших своих боевых товарищей. Особенную скорбь испытывали летчики. Потрясенные, они не могли до конца поверить в то, что нет и не будет больше никогда среди них такого жизнерадостного крепыша Щербакова! Такого задушевного красавца Картавицкого!..

И нагнеталось, нагнеталось чувство давящей печали и надо было не медля провести такую работу, чтобы это внезапно налетевшее состояние, к которому еще не привыкли люди, не перешло в общее уныние, не подействовало отрицательно на морально-психологический климат полка, на боевой настрой летчиков в особенности, не пошатнуло бы их уверенности в своих силах. Для этого надо было прежде всего разобраться в причинах потерь. С этой целью командир полка собрал весь летный состав, внимательно выслушав каждого летчика, тщательно проанализировал ход боевых вылетов. Была выявлена основная причина потерь. Она заключалась прежде всего в том, что на верхней точке выскакивания перед атакой чрезмерно уменьшалась скорость самолетов, они как бы зависали, превращаясь в удобную мишень для вражеских зениток. Поэтому было обращено внимание на применение разнообразных способов действий над полем боя, в том числе противозенитного маневра в зависимости от конкретной обстановки. Было указано на особую роль ведущих. По конкретным вопросам провели товарищеский обмен мнениями с летчиками соседнего полка. Наи-

более опытные из них доказывали, что исход боя зависит прежде всего от самих летчиков, от их боевого мастерства, что его надо совершенствовать всемерно. Роль и задачи коммунистов и комсомольцев в этой обстановке были обсуждены на их оперативных собраниях.

После такой беседы невольно потянуло летчиков на стоянки своих самолетов.

— Пойдем, поглядим на наших крылатых коней, да и сами походим, подышим, успокоимся несколько, — предложил Киазим.

И зашагали друзья, но теперь уже четверо — навсегда без одного... Техники и механики, как всегда трудились в поте лица, и их настроение было подавленным.

— Чего там... Тяжело, — сказал Акимов, — потерять сразу двоих братьев родных... Голова-то верить велит, а сердце не верит. Тут к самолету привыкаешь, как к живому, каждую его пробойну, как собственную рану носишь, а не дай бог сгорит, так хоть вой по нему, волосы дери... А тут — люди. Да еще какие...

— Извини, Василий, ведь и я не сберег твоего подопечного, — вздохнул Сергей, обращаясь к своему технику Макарову, — уж было очень горячо.

— Что делать, на войне, как ни странно даже убивают, — вмешался в разговор Киазим, — надо терпеть и держаться, а то и привыкать к любым неожиданностям.

— Да, пожалуй привыкнешь... — вздохнул Макаров, глазами показывая на круглолицого, чернобрового техника Семико, сгорбившегося сейчас под стать старику, — второго командира «хоронит», — тихо пояснил Макаров, — первым был Николай Гастелло и вот сегодня Картавицкий...

А Семико, с трудом распрямившись, уставился в пустое небо, словно желая отыскать там приметы «ожившего» самолета.

— Лучше бы я сто раз сгорел... — бессвязно бормотал он, — зачем они? Зачем...

И в немой подавленности стояли летчики — где уж там «терпеть», «держаться»...

Но скорбь бывает разной. Эта — возникшая из ненависти к врагу, не расслабляла духа, напротив — формировала его в крепкоспаянную, организованную силу. И скорбная тишина, царившая в этот вечер за ужином, и влажные от слез глаза летчиков, прикованные к двум навсегда невыпитым стопкам, все это было великим прощанием с товарищами. Прощанием, но не поминанием... Поминкам же предстояло свершиться завтра, послезавтра

и в каждый боевой вылет, вплоть до Победы. Огонь всепожирающий страшный огонь, поглощающий ту хваленую технику, «железный дух», превращающий в угольный прах тела фашистских гадов — вот достойные поминки по боевым, незабвенным друзьям.

Все так и будет, хотя сегодня «боевые сто грамм», предписанные медициной для снятия нервного напряжения, разрядки не дали.

После ужина долго ходили, чтобы остыть, придти в себя, но домой вернулись подавленными. Марфа Петровна это заметила, спросила с беспокойством:

— Что с вами? Какие-то вы уж очень... невеселые. Случилось что?

— Да, Марфа Петровна, дорогая вы наша хозяйшшка, случилось. Только, крепитесь... — сказал Киазим и замолчал, очевидно, не желая сразу поразить ее неожиданно тяжелым известием.

Марфа Петровна мгновенно оглядела всех и охнула, простонала:

— Саша?!

Киазим рассказал все, о чем узнал со слов ведущего группы. Да надо ли было теперь скрывать?

Марфу Петровну качнуло, она побелела и, как бы сразу осев, грузно, с трудом пошла в свою комнату. Так прощаются только с родным сыном.

А друзья еще долго говорили о Саше, вспоминали многое, ставшее так вдруг прошлым.

— Помните, как он хотел освободить родную Белоруссию? — сказал Камал Багаутдинов.

— Да, очень сильно хотел. Но не суждено было. Совсем немного, правда, но здорово сражался он с врагом и отдал жизнь за свою Белоруссию на дальних ее подступах, — ответил Киазим.

— Понимаю умом, что война есть война, но душа и сердце никак не соглашаются с такой несправедливостью. Ведь жизнь Саши проблеснула как молния, а ему бы жить до старости — ярко, пламенно, — проговорил Борис.

— Для этого у него было все. И даже — любовь — первая, настоящая, которую он встретил в этом доме, — поддержал Киазим.

— И, конечно же, погиб с ее любимым образом в сердце, погиб, так и не узнав вкус ее поцелуя, — вполне серьезно сказал Сергей.

— Как и многие его сверстники, — продолжил Камал.

— Такая уж историческая доля нашего поколения, — рассудил Борис.

Говорили много. Вспоминали любые мелочи, ставшие теперь значительными, как вдруг Сергей, верный своей необузданности, не кстати и не к месту, заявил:

— Слушай, Камал, а ведь в самом деле твоя рука оказалась легкой — на второй же день после тебя такие невосполнимые потери...

Все насторожились. Иных даже передернуло. Ждали, что Камал достойно ответит на хамство. Но тот стушевался:

— Я тут ни при чем... Я только потерял самолет, а не сам себя.

— Да ладно тебе. Я пошутил, — как ни в чем не бывало заявил Сергей, не подозревая даже, что своей бестактностью задел душевную рану Камала. Мнительный по характеру и даже суеверный Камал и без того перенес болезненно разговор о «легкой руке», а гибель друзей принял так близко к сердцу, будто и впрямь был виновником трагедии. Сейчас его губы дрожали:

— Прошу, Сережа, не трави душу. Я и так не забуду этого до конца своей жизни.

Да, он не забудет. Только ни он, ни его товарищи не знали, сколько осталось до этого конца...

УРОКИ ПОГОДЫ ИЛИ РАЗУМНЫЙ РИСК ОДНОГО, БЕСТАКТНОСТЬ И ПОЗОРНОЕ ЧП ДРУГОГО

Сегодня седьмой фронтовой день полка. С шести утра одна группа находится в готовности номер один. Это значит, летчики в кабинах самолетов ждут только сигнала ракеты. Вторая группа в готовности номер два, иначе говоря, летчики также готовы к вылету, но пока находятся около самолетов. Задача обеих групп все та же: бить наступающие вражеские танки, артиллерию и минометы. Прошло 30 минут, а сигнала нет. Вероятно, виновата погода. Она хмурится больше, чем вчера. Облачность стала ниже, видимость хуже. Ясно, что первая группа пойдет без истребителей прикрытия. Поведет ее, если вылет состоится, Кудряшов, второе звено в ее составе возглавит Щелопутнов.

Агрба в составе второй группы. Она вылетит после прилета первой, уточнившей цели и состояние погоды.

Прошло еще пять минут, но ракеты на вылет нет. Еще три... Еще и еще... Будет или нет? И как-то почти по горизонту прорезала мутноватый воздух зеленая ракета...

Вылет!

Группа должна возвратиться минут через 45—50. Опять ждать. Агрба примостился на еще не убранную бомботару, достал карту из планшета, стал уточнять район полетов — надо хорошенько запомнить основные ориентиры, мало ли, всякое может случиться в такую погоду. Сколько так просидел не знает, но вдруг услышал гул моторов. Посмотрел на часы — прошло 35 минут со времени вылета Кудряшова. Значит, кто-то другой... Вот появился один, второй. Заходят на посадку. Через минуту — третий. Вот уже самолет и... что это? Номер самолета Шелопутнова?! А где же Кудряшов и Киреев со своим ведомым?..

Сразу же после посадки Шелопутнов с двумя ведомыми побежали на КП. Через 20 минут благополучно вернулись Кудряшов и Киреев...

Агрба и его товарищи по группе заняли места в кабинах самолетов. Приготовились. Но проходит пять... десять минут, сигнала нет. Минуты все набегают: пятнадцать, двадцать... И вдруг бежит посыльный, машет рукой, жестом велит выйти из кабины...

— Товарищ мл. лейтенант, командир полка приказал всем летчикам прибыть на КП! — прокричал запыхавшийся посыльный.

Пришли. Руководство полка в сборе.

— Товарищи, похоже, в нашем полку произошло позорное ЧП, — отрывисто сказал командир полка сразу же как только все заняли места.

А случилось вот что.

Группа пролетела около четырех минут, погода ухудшилась, и Шелопутнов потерял из виду ведущего и его напарника. Не сличая в полете карту с местностью, потерял и ориентировку. И желая ее восстановить, стал делать разворот. Неожиданно увидев населенный пункт, вывел самолет из разворота, снизился на бреющий и рассмотрел деревню на опушке леса, а на перекрестке наезженных дорог два трактора, две машины и людей. Убедившись, что находится на своей территории, взял примерный курс на свой аэродром. В это время его ведомые, потерявшие ориентировку, приняли разворот, а потом и снижение своего ведущего за атаку цели и открыли огонь из пушек, зрэсов, а потом и сбросили бомбы по тем тракторам и машинам, приняв их за танки противника. При этом они не выполнили предварительную установку о том, что атаку цели можно осуществить только по команде ведущего.

— Вот так, товарищи. Из-за вопиющей халатности до-

пущено самое недостойное и позорное — удар по своим. И мы еще не знаем результатов этого удара. Если есть жертвы, значит, не избежать трибунала. Конечно, мы уточним место происшествия и его последствия. А до выяснения сути дела Шелопутнова и его ведомых отстраняю на это время от полетов, — закончил командир полка. Постоял, подумал и обратился к Шелопутнову:

— Товарищ старший лейтенант, вы так и не сказали нам внятно, как вы, вполне опытный летчик, потеряли ориентировку?

— Известно, как ее теряют... Но по данному полету я пока не готов дать исчерпывающего ответа... Это ведь с земли кажется, что в небе все по расписанию.

— На земле и в небе расписание для всех одно — устав, написанный кровью и личная совесть... — командир полка осекся на слове, почувствовал, что может сгоряча наговорить лишнего. Слова Шелопутнова его больно задела. Он воспринял их как намек на собственную «бездеятельность». Дело в том, что он еще перед перелетом тяжело заболел воспалением легких. Хотя врачам и удалось заглушить опасное развитие болезни, но нездоровые процессы в организме продолжались. Врачи категорически запрещали ему летать, а он, понятно, сильно переживал, что не может показать личным примером своего проверенного принципа — «делай как я».

Когда-то в школьные годы он вписал в записную книжку понравившиеся слова:

«Очень легко сидеть в своем кресле и критиковать — так поступает анекдотический тип, который, увидев тонущего человека, не бросается его спасать, а начинает с берега давать ему полезные советы по теории плавания».

И теперь невольно приходила мысль, а вдруг подчиненные уподобят его такому типу! Не все могли знать, что он имеет моральное право давать «полезные советы» и требовать, ибо к этому времени уже имел значительный боевой опыт, по крайней мере, больше, чем кто-либо другой в полку. В составе 243 шап он в первые же дни войны по своей инициативе на самолете И-153 трижды поднимался на отражение налетов «юнкерсов» на Проскуров, одним из первых без учебного самолета самостоятельно вылетел на Ил-2, в совершенстве овладел им и обучал этому искусству других летчиков, а затем на нем штурмовал немецко-фашистские войска: в августе-сентябре — под Новгородом, в октябре-ноябре — под Москвой, явившись таким образом, одним из пионеров применения нового грозного штурмовика в боях. И это было далеко

не всей его боевой хроникой. Об этом знали лучшие летчики полка, такие как Кудряшов, Лозоренко, Агрба, Феоктистов, Гаврилов, Киреев, Смирнов и некоторые другие. На них он возлагал большие надежды и сам черпал от них немалый моральный запал.

* * *

Меж тем фронту не до рассуждений. И надо было направить туда сегодня же минимум две группы, а погода не улучшалась. Кого включить в состав группы? Кто наверняка справится? На это, пожалуй, ответят только сами летчики. И, сделав характерный жест к небесам, командир спросил:

— Кто считает себя способным в этих условиях прорваться к цели и нанести надлежащий удар, прошу выйти из строя.

Не сговариваясь, выходят шестеро: Кудряшов, Лозоренко, Агрба, Феоктистов, Киреев, Смирнов, а затем через паузу-заминку — Гаврилов, Багаутдинов, Окунев.

— Спасибо, товарищи, — у командира радостно заблестели глаза, — спасибо за решимость, не боюсь сказать, за готовность к подвигу, ибо к полетам в этих условиях вас никто не готовил, но убежден, все вы справитесь с этой задачей с честью.

Посмотрел каждому в глаза, будто проверяя достоверность своих слов:

— В первой группе, вернее на сегодня уже во второй, пойдут Кудряшов с Киреевым, они знакомы с обстановкой. И Лозоренко, Агрба, Смирнов. Цели те же.

Перед вылетом ведущий группы Кудряшов сказал:

— Взрыватели замедленного действия. Значит будем бомбить с бреющего на первом заходе и только по моей команде. Если над целью поднимается облачность — сделаем второй заход для штурмовки эрсами, из пушек и пулеметов. Не отрываться. Друг друга из виду не терять. А теперь — по самолетам.

Маршрут Агрба выверил тщательно: вел не только общую, но и детальную ориентировку — вдруг по какой-то оказии потеряет группу. Вот деревня на опушке леса на характерном изгибе реки. Это Дубровы. Пошли вдоль речки, курс почти 270 градусов, правильно. Скоро подойдут к месту, где Пола делает крутую петлю. Так и есть: впереди Ловать, правее — устье Редьи, а через минуту двойной изгиб Полисты. Все правильно, вот эти изгибы. Все! Это уже боевой курс — сразу за пересечением Па-

русьи. Внимание! Теперь надо снять предохранители бомбосбрасывателя! Наши уже стреляют, отбиваются. А это... Это уже вспышки вражеских огневых точек. А вот и они сами. Да здесь и танки! Палец на кнопку. Сброс! Только сейчас заметил замелькавшие разноцветные шарики... Трассы! Подбираются к нему... Спокойно, Агрба! Автоматически потянул ручку чуть на себя и в сторону, потом от себя и в обратную сторону. А смерть, облаченная в яркие шарики, беснуется рядом, вот-вот настигнет. Скорее ручку в сторону, педаль в другую, газ полностью! Ага, трассы ушли в противоположном направлении. А ведущий уже развернулся почти на 90 градусов, сейчас выйдет на свою территорию. Мельком взглянув вверх, Агрба определил облачность — она чуть приподнялась. Значит, снова заход? Точно. Ведущий разворачивается влево. Понятно, — теперь атака с другого направления, с юго-востока. Вот развивает скорость, значит, сейчас будет горка, а там атака с пологого планирования. Внимание! Снять предохранители гашеток пушек, пулеметов и кнопки эрэсов... Ведущий планирует, стреляет... Переходи и ты! Прицел! Где цель? А, вот они, серые коробки! Огонь! Огонь! Огонь! А вот уже и земля. Ручку на себя, полные обороты и разворот влево. Случайно посмотрел назад, невольно вздрогнул — второй от него самолет, окруженный черными шапками разрывов и схваченный к тому же в клещи двумя трассами МЗА, клюнул с верхней точки горки и тут же ярко вспыхнул, рассыпался множеством горячих кусков и клочьев по воздуху... «Это же Коля, Коля Смирнов!.. И опять на вершине горки», — мелькнула досадная мысль...

Сделал резкий разворот вправо со снижением и пошел за ведущим.

* * *

Еще одна группа в составе Гаврилова, Багаутдинова и Окунева благополучно слетала сегодня в этот же район.

* * *

На следующий день, 24 марта, погода продолжала ухудшаться. Несмотря на это, одна группа слетала успешно на боевое задание. Другая уже третий час находится в готовности. Хорошо, что первую готовность перевели во вторую. Ждет группа, когда появится хотя бы незначительный просвет. Агрба с нетерпением и на-

деждой посматривает вверх. Но просвета нет. Напротив, становится все хуже. То непрерывным потоком, то полосами проносятся низко над землей мрачные тучи, цепляясь неровной, грязновато-серой кромкой за деревья и крыши домов, сплошь закрывают поверхность земли рыхловатым туманом. И рвет душу северо-западный ветер: воет, стонет, словно несет скорбные вести о людских страданиях, навевая тоску и грусть. Но иногда, свирепо швыряя тяжелые тучи по сторонам и вверх, он открывает на какой-то срок незначительные окна...

Воспользовавшись таким моментом, решили выпускать группу.

Поначалу все шло нормально. Высота была небольшая, но вполне терпимая. Но вскоре она стала снижаться, быстро достигла верхушек наиболее высоких деревьев и, понятно, горизонтальная видимость резко ограничилась. Не прошло и полминуты, а уж Агрба потерял впереди идущий самолет. Курс все тот же — впереди никого. Зато сзади, плотно пристроившись к нему, уверенно шел Багаутдинов. Агрба обрадовался, — не один! Но где они летят? Посмотрел вперед и... узнал деревню. Это же Дубровы! Значит, идут правильно, т. е. точно по вчерашнему маршруту. Ведь и цель та же. Все это ему знакомо. Решено — он идет на выполнение боевого задания самостоятельно вместе с Багаутдиновым.

Повернув вдоль речушки на 270 градусов и не пролетев и трех минут, увидел крутую петлю Полы. Все верно. По вчерашнему маршруту вышел в район цели. Покачав с крыла на крыло Багаутдинову, чтобы бросал бомбы, на предельно малой высоте, сбросил свои и с пологим левым разворотом, прижимаясь к самой земле, ушел на свою территорию. Зенитчиков явно застали врасплох.

Обратно шли низко, едва не задевая за макушки деревьев, но точно вышли к аэродрому и благополучно произвели посадку.

Агрба, конечно, не отдавал отчета, что принял дерзкое решение и успешно осуществил его, ибо в таких сложнейших условиях на Ил-2, с его ограниченным обзором даже специально подготовленный летчик пролетел бы не без труда.

Итак, первый самостоятельный полет к цели, пусть и вынужденный, прошел успешно. Командир полка, хотя и сдержанно, но похвалил его за настойчивость, инициативу и ответственность. А вот кое-кто посматривал косо: при такой предельно минимальной высоте и види-

мости, группы не смогли прорваться к цели и вернулись, понятно, не выполнив боевого задания. Они поступили вполне правильно, «по инструкции», и, конечно же, за это их никто не упрекнул. Но решимость Агрбы в какой-то мере поставила их в неловкое положение. Агрба юридически поступил неправильно — при таких условиях он тоже должен был вернуться. Но поступив иначе, допустив отчаянный риск — обрел успех. А победителей, как известно, не судят.

Но зависть — чувство коварное и Шелопутнов, к примеру, улучив минутку, ядовито шепнул Агрбе:

— Что, решил отличиться?

— А почему бы нет? По крайней мере ударил по врагу, как и было велено, — в тон ему ответил Агрба.

Шелопутнову ничего не оставалось, как ретироваться.

Через два часа, когда несколько прояснилось, подняли еще одну группу, в составе которой снова был Агрба.

— Ты имеешь теперь опыт, можешь пригодиться, — сказал командир полка, включая его в полет.

Но группа прошла всего семь минут и попала в такую мусть, что о попытке пробиться к цели не могло быть и речи. Ведущий дал команду о возвращении домой. Успели сесть три самолета, и аэродром закрыло туманом. Остальные три вынуждены были произвести посадку на аэродроме Веребье. Среди них был и Агрба. Они вернулись на свой аэродром сразу же, как только прошла полоса тумана.

* * *

Непогода держалась и 25 марта. Но это не мешало неприятелю остервенело атаковать позиции наших войск, положение которых на отдельных участках было критическим. Фронт требовал поддержки с воздуха. Тем не менее двери в небо были наглухо закрыты. Посланный разведчик и тот вернулся, не дойдя до линии фронта. Только к полудню незначительно приподнялась облачность, улучшилась горизонтальная видимость, и командир решил направить сидевшую в готовности группу. Однако и этот вылет сопровождался неудачами: из-за сильного бокового ветра один летчик не взлетел — на разбеге резко повело его самолет в сторону, пришлось прекратить взлет. Другой уже перед линией фронта потерял группу, на цель не вышел и произвел посадку на аэродроме с полным комплектом боеприпасов. И только трое летчиков с трудом добрались до цели и нанесли бомбовый удар.

Еще задолго до наступления темноты было видно, (да о том же докладывал и офицер-синоптик), что эта каверзная погода, принесшая полку немало неприятностей, сегодня не прекратится. Значит не будет вылетов. Командир полка решил собрать летный состав и побеседовать. Главный вопрос беседы, а точнее сказать занятия — самолетовождение на малых высотах при ограниченной видимости горизонта и высоте облачности применительно к данному театру военных действий. Тщательно разобрал недостатки, допущенные за это время летчиками, выслушал их мнения, изложил свое, а также рекомендации старшего штурмана авиационного соединения. Во второй части занятия подверг обстоятельному анализу недавнее позорное ЧП. Начальник штаба рассказал о результатах поездки на место происшествия в район деревни Маята. Вот как было дело...

Три самолета на большой скорости с небольшим углом снижения появились внезапно. В это время из деревни выходили три гусеничных трактора и две крытые машины дорожно-хозяйственной части для чистки дорог. Люди не успели опомниться, как два самолета, летевшие вслед за первым, обстреляли тракторы эрэсами и из пушек, а потом и сбросили бомбы. Но люди успели спрыгнуть с машин и залечь рядом. Самолеты больше не возвратились.

Случайно или закономерно, но ни люди, ни техника не пострадали, если не считать кузова одной машины, он был задет пулеметной очередью. Остальные снаряды и пули угодили на придорожные кусты впереди и в стороне от пяти до пятидесяти метров, а бомбы легли с перелетом 250—300 метров от тракторов. Видимо, «помогли» снос, возникший на развороте, но не успевший погаснуть, и большая скорость. Да, это спасло людей от смерти, но не спасло летчиков от позора — как факт удара на своей территории, так и факт беспомощности накрытия «цели». Недаром один из свидетелей спросил не без удивления:

— Они и по фрицам так «метко» стреляют и бомбят? Майор Барков стушевался:

— Всякое бывает, — ответил уклончиво. — Ведь и на земле много пуль и снарядов уходит в «молоко». Если бы все артиллеристы, танкисты и пехотинцы всегда разили цель, то немцев бы давно в помине не было. А здесь молодые, необстрелянные... Рвутся в бой, как в омут... Ну и в спешке нажали на гашетки пулеметов, пушек и кнопки бомбосбрасывателей...

Но и командир полка, его заместители и командиры эскадрилий, капитаны Кудряшов и Исензон были едины во мнении. А именно: основной причиной этого происшествия явилась безответственность Шелопутнова, потерявшего ориентировку и не подавшего своевременно и четко соответствующих команд ведомым. А можно ли обвинить ведомых, этих неискушенных в жизни юношей, совсем еще молодых пилотов, в каком-либо умышленном поступке?!

Вспомним, как начиналось их обучение, История отпустила им на это очень мало времени. Только-только расправили они свои ученические крылышки, а уж нагрянула буря, притом буря небывало чудовищной силы и размаха, заставившая их, едва оперившихся птенцов, прямо из родных, насиженных гнезд броситься в бушующую огнем воздушную стихию. И то, что эти «желторотые» соколики, учившиеся летать, оказались в самостоятельном «ураганном» полете — не их вина, скорее беда, а то, что они на неокрепшем своем оперении держались не только стойко, но и смело шли навстречу матерым коршунам и стервятникам — право же, делало им большую честь. Представим на секунду молодого, необстрелянного летчика в первом бою: нервы взведены как курок... Мысль, раскаленная до предела, пока не видит, но рисует, рисует врага... Он всюду! Руки готовы в любую минуту нажать на роковую кнопку и бить, бить до иступления тех, кто обокрал его юное сердце, затмил солнце Родины. Как жизненно важны в этот миг такому пилоту команды старшего опытного товарища. А их-то в данном случае и не произошло. И налицо — ЧП — летчики заблудились и свои тракторы приняли за вражеские танки...

Характеризуя случившееся, педантичный штабист написал бы коротко: «недоученность в технике пилотирования, в боевом применении и самолетовождении в сложных погодных и тактических условиях, плюс отсутствие боевого опыта». Однако за формальными словами всегда стоят живые характеры и непредвиденные обстоятельства. На этот раз командование учло и то, и другое и, конечно, — отсутствие потерь и жертв; ограничилось строгим указанием по отношению к молодым летчикам, но официальным «предупреждением о неполном служебном соответствии» — по отношению к Шелопутнову и как к ведущему, и как к летчику, более опытному в самолетовождении, с большим налетом и отменной техникой пилотирования в различных условиях. Эти навыки дала

ему многолетняя работа в качестве летчика-инструктора в школе пилотов. Потом они были закреплены в полку в ходе подготовки к фронту. Но, к сожалению, как показывает практика, он не воспользовался ими сполна.

Не согласился с решением командования только один оперуполномоченный, требуя военного трибунала, если не всем, то уж Шелопутнову обязательно. Командир с комиссаром, начальник штаба, командиры эскадрилий, да и все до единого летчики выступили с категорическим возражением, встали буквально горой на их защиту.

— Это что, круговая порука? Коллективное противление законам военного времени? — взвился оперуполномоченный.

— Нет, правильное понимание сути происшедшего и обстановки момента, — спокойно ответил командир.

— И здесь нет ни умышленных действий, направленных против советских законов и нанесших ущерб делу, ни факта трусости, а есть ошибки молодости и некоторые обстоятельства, не относящиеся ни к военной, ни к гражданской преступности, о которых вы осведомлены полностью, — поддержал командира комиссар.

— Я буду докладывать...

— Можете. Только прошу хорошенько все продумать. Девять дней полк воюет, а уже потеряли трех летчиков, а сколько их погибнет в ближайшие дни? Давайте еще и этих троих отправим в трибунал. А кто будет воевать?! Вы? Не сумеете, не подготовлены.

Оперуполномоченный молчал. Похоже, он даже смутился.

— Ладно, время покажет... — сказал потом неохотно. — Но в случае чего будем отвечать вместе.

«ПОЛОСА НЕВЕЗЕНИЯ» ИЛИ УРОКИ ПРОТИВНИКА?

«Полоса невезения» — как назвал период всех этих неудач начальник штаба, потянулась дальше. Неужто в самом деле «беды ходят чередой?» — недоумевали люди. И казалось, чем дальше, тем сильнее затягивает эта полоса невезения.

В ночь на 26 марта командир полка не спал. Без конца выходил из землянки командного пункта на улицу, то с нетерпеливой надеждой, то с сомнением и досадой посматривал на небо, но кроме низко ползущих грязных лохматых туч ничего не мог разглядеть. Чертыхаясь про себя, заходил обратно в землянку, чтобы через неко-

торое время выйти опять. В очередной раз вышел около пяти утра и...

— Синоооооптиик! — вдруг вскричал он, словно с неба посыпались золотые россыпи. — Зонд! Срочно зонд! Прибежал встревоженный синоптик...

Не особенно четко, но определили, что высота облачности около трехсот метров.

— Начальник штаба! Прошу срочно поднять летный состав. Готовность номер 2 в 6.00.

* * *

Две группы штурмовиков по 4 самолета в каждой во главе с ведущими Кудряшовым и Гавриловым с интервалом в один час, несмотря на сильный огонь ЗА, нанесли чувствительные удары по танкам, артиллерии и живой силе фашистов в районе населенных пунктов Дмитрово, Большие и Малые Горбы. Все летчики вернулись.

Через 30 минут после посадки второй группы пошла третья: ведущий — Киреев, с ним — Агрба, затем Шелопутнов со Штевниным.

Умело маневрируя, группа нанесла прицельно первый удар и пошла на второй заход. Когда ведущий выходил из атаки, а Агрба только ввел самолет в пологое планирование для стрельбы по цели, он увидел, как справа, почти на одной высоте с ним атакует ведущего... «худой». Машинально развернув самолет на «худого», Агрба открыл по нему огонь. Тот вильнув со снижением вправо, стал уходить. Направляя свой самолет на него, Агрба нажал на гашетки пушек, но «худой» тут же взмыл и скрылся в облаках. Развернувшись влево, чтобы найти ведущего, и выйдя из разворота, Агрба прошел по прямой не более 10 секунд и... ощутил вдруг пулеметную очередь справа по борту. Резко бросил самолет влево вниз. Вывел! Перекинул вправо! Бросил беглый взгляд туда же и... чуть ли не перед носом увидел... ведущего. Радуюсь безмерно, направился к нему. Пристроился. Ведущий тоже увидел его и через форточку показал большой палец.

Агрба осмотрелся, но нигде не обнаружил Шелопутнова и его ведомого.

Где они?

Вероятно, это заботило и Киреева — он сделал отворот влево, вправо, повторил еще раз, но нигде не видно было ни их, ни, к счастью, «мессеров». Через минуту — две, сделал полный вираж. Опять никого. Пошли домой,

благополучно произвели посадку. Зарулили на стоянку. Киреев подошел к Агрбе. В голосе его звучало волнение:

— От души спасибо, друг — вовремя отбил атаку «худого». Каждый раз задаю себе вопрос — в чем же сила товарищества?

— «Агуеибабра», — засмеялся Агрба, — а по-русски «Отдай огонь сердца другому», вот и весь секрет. А вот кто открыл огонь по мне и почему сразу же прекратил, я так и не понял.

— Это второй «мессер». Вижу, отбивая меня, идешь за «мессером». Я, естественно, за тобой, на всякий случай... Оказалось, кстати. Только взял направление, вижу — справа заходит к тебе «мессер»... Немедленно поворачиваюсь к нему, выхожу из разворота и только направляю на него самолет, как он открывает огонь по тебе... Нажимаю на гашетки, очередь, вижу, проходит перед его носом. Не успеваю взять поправку, как он мгновенно шарается вправо вверх и скрывается в облаках.

— Вот так дела! Выходит это я тебя должен благодарить! Если бы не ты — не стоять бы мне сейчас на земле. От всего сердца спасибо!

— Не сгущай — все нормально. И потом я был вынужден сделать этот маневр, ибо не видел за тобой Шелопутнова и его ведомого Штевнина. Хотя и с большим отставанием, но первую атаку на цель они произвели, а куда делись потом и что с ними случилось, не представляю...

— Я тоже их не видел.

Их ждали с беспокойством и тревогой весь день, но так и не дождались. Только утром следующего дня появился Шелопутнов, один. Сразу направился на КП. Там находилось почти все руководство полка.

— Слава богу! Докладывай быстрее, что случилось?! — не скрывал своей радости командир.

Из доклада Шелопутнова:

После первого захода его и Штевнина атаквали два «мессера», отбиваясь от которых они крутились и туда и сюда. Сколько времени прошло так, не помнит, но отбили не менее четырех атак... Понятно, на цель второй раз не попали, Киреева и Агрбу потеряли, и как оказалось, — не только их, но и ориентировку. С целью ее восстановления сделали большой круг, но местность Шелопутнов не опознал и взял курс 45 градусов. Пролетели 6 минут, полагая выйти в район аэродрома или хотя бы на шоссе, а по ней на свою точку или на Крестцы, но дорогу Шелопутнов не заметил, прошел с тем же кур-

сом еще три минуты, однако никаких знакомых ориентиров не встретил. Решил сделать круг и на развороте вдруг увидел железную дорогу, затем и небольшую станцию, а рядом с ней, как ему показалось, ровное поле не менее двух километров длины. Какая это станция, определить не сумел. Посмотрел на бензиномер, он показал, что горючее на исходе, и Шелопутнов решил произвести посадку на замеченное поле. Сам сел нормально на лыжи, за ним — все время шедший неотступно Штевнин, но на конце пробега его самолет споткнулся, стал на нос и погнул винт. Оставив его охранять самолеты, Шелопутнов всю ночь на перекладных добирался домой.

— А где все же произвели посадку? — спросил старший инженер полка.

— У железнодорожной станции Селищи, товарищ инженер.

— Василий Иванович, прошу срочно направить эвакубригаду на место, а вы, товарищ старший лейтенант, позавтракайте и в эскадрилью. В деталях разберемся позже.

— Неужто авиация в самом деле не может обойтись без чудес и происшествий? Или только нам не везет? — в голосе инженера звучало нескрываемое сомнение.

— Если попустительствовать и чудесам, и происшествиям, — ответил, как отрезал, комиссар.

— Верно, конечно, но все же согласитесь, в данном случае есть и элемент явного везения: легко представить, как бы завершился полет, если бы горючее кончилось над лесом...

— Да, наука не отрицает случайности, но и в народе говорят, что «дуракам везет», — отреагировал комиссар.

Вмешался в разговор до сих пор молчавший оперуполномоченный. Обращаясь в основном к командиру полка, он сказал:

— Опять Шелопутнов отличился. Что же это: закономерность или случайное совпадение?

— Нет, не случайность. Но и не то, что вы всегда имеете в виду.

— Выходит, опять ошибка?

— Хуже. Неподготовленность к сложным и опасным испытаниям. По крайней мере, не злой умысел.

— Вы твердо убеждены?

— Да.

— Ну что же, — и еще поживем, и еще увидим...

— Только не будьте дальтоником...

Командир полка хотел было еще что-то сказать, но

в это время к нему быстро подошел начальник штаба:
— Товарищ командир, вас просит к телефону командующий.

Через две минуты командир полка вернулся и сообщил:

— Товарищи, командующий объявил на весь день отбой боевой готовности полка. Через час он будет здесь. Прошу собрать на КП всех заместителей командира полка, начальников служб и весь летный состав. Всем быть готовыми к докладу о состоянии дел по вопросам, входящим в круг своих обязанностей. Знайте, он не любит многословия, требует конкретного доклада: что, как, почему, выводы и предложения. А вы, товарищ старший инженер, организуйте полноценный день подготовки авиационной техники.

Ровно через час над аэродромом полка появился и быстро мастерски приземлился ЛАГГ. Подумалось, что это вынужденная посадка истребителя с соседнего аэродрома. И только после того, как он зарулил на ближайшую от КП стоянку и встретил его сам командир полка, а потом и доложил на вытяжку вышедшему из него человеку, все поняли, что прилетел сам командующий.

Через десять минут перед руководящим и летным составом полка в землянке командного пункта стоял невысокий, крепко сбитый человек в военно-авиационной форме с четырьмя шпалами на петлицах, с двумя орденами на груди — Ленина и Красного Знамени. Люди сидели, боясь шевельнуться. Волновались, сознавая не только то, что перед ними сам командующий ВВС по существу всего фронта, но и то, что он прилетел в полк в период их серьезных неурядиц в боевой работе. Ожидали разноса. Но его слегка выпуклые, темно-серые глаза смотрели доброжелательно, снимая напряжение с присутствующих. Да и весь его внешний облик — черные волосы ежиком, высокий и открытый лоб, почти изящные черные брови и умные глаза на широком и несколько скуластом его лице, нос с малозаметной горбинкой, тонкие, чуть припухшие губы и даже горошина «родимого пятнышка», удобно примостившаяся на левой щеке, — все это, слитое воедино, выражало уверенность и спокойствие, искреннюю простоту и душевность.

— Товарищи летчики-штурмовики, бойцы воздушные, бойцы переднего края, — по-отечески мягко заговорил он, — я прибыл к вам не как инспектор, ни даже как старший начальник, а прежде всего как старший товарищ по оружию. И прибыл не для проверки и дачи «ценных

указаний», а посмотреть, как приняли вы «боевое крещение», чему научились и чего не учли... Вот и хочу вместе с вами разобраться в причинах первых ошибок с тем, чтобы их не повторять. Потерь на войне не избежать. Тем более на такой как эта: враг, возвращенный на устоях бандитизма, оснащенный до зубов военной техникой, будет беспощаден. Наша мораль — свободы, чести, независимости категорически противопоставлена бандитской и этим мы сильны, но, к сожалению, уступаем пока в технике. Я сказал «пока» и не оговорился, товарищи — наш тыл нас не подведет. Зря что ли строились «Магнитки», возводились «Кузбассы», «Донбассы», а стахановцы всех профессий поставляли стране отборный уголек, нефть, газ, плавил нашу советскую сталь. Нет, совсем не зря. И теперь со всех этих — народных наших накоплений пойдет великая отдача. Вы и сейчас уже имеете такой замечательный самолет, какого никто в мире не имеет. Побольше бы только таких стальных птичек... А ваше дело — освоить их до виртуозности.

Могу с ответственностью сказать, что скоро, очень скоро фронт получит должное количество отменных истребителей. А сейчас решающее значение имеют время, опыт. Вы уже кое-что испытали, имеете определенную практику. Так, давайте откровенно и поговорим. Будут вопросы, задавайте, выясним вместе. Будут предложения — тем более предлагайте смело.

Говорил он негромко, просто, по существу, как бы взвешивая каждое слово.

— Ну, кто начнет, кто самый смелый? — обратился он в заключение к сидящим. И хотя он полностью расположил к себе людей, сняв с них напряженность, смелых пока не находилось.

Затянувшуюся тишину нарушил Агрба:

— У меня такой вопрос, товарищ командующий. Он волнует всех нас. Новый самолет всем хорош. Мы его очень любим, но есть у него и серьезный недостаток — не видит, что делается сзади него и не может дать отпор врагу, атакующему его с задней сферы. Мне кажется половина потерь из-за этого. Нельзя ли предложить конструктору самолета, чтобы он сделал заднюю кабину для воздушного стрелка с пулеметом?

— Вопрос очень правильный. Его ставили и в других полках. Мы уже вошли с таким ходатайством в главный штаб ВВС. Полагаю, вопрос решится положительно, но не раньше второй половины года — понадобится время и на переустройство самолета и на подготовку стрелка.

— Пожалуйста, следующий.

— Лейтенант Лозоренко. Товарищ командующий, вы знаете, что мы вынуждены действовать, как правило, с предельно-малых высот. Знаете и о том, что это затрудняет ориентировку, сковывает маневр в зоне зенитного огня, делает быстротечным пребывание над целью, что в свою очередь, снижает эффективность ударов. А подняться выше, допустим на 800—900-метров, не можем, избегая встречи с истребителями противника, да и с зенитными его средствами, особенно среднего калибра. В связи с этим вопрос: не будет ли в ближайшее время возможности увеличить количество истребителей сопровождения, чтобы они могли контролировать и нижнюю сферу в случае, если штурмовик увеличит высоту, поднимется выше?

— Да, вопрос, как говорится, животрепещущий. Прямо скажу, в данный момент возможности ограничены. Не хватает пока истребителей. Вам здесь хоть лес помогает: на его фоне и «мессера» вас не сразу заметят, и зенитки не видят заранее, откуда вы появитесь. А как на ТВД с открытой местностью, особенно степных? Там на десятки километров все как на ладони, а подняться надо и нижнюю сферу прочесывать надо. А недостаток истребителей там острейший... И вот штурмовики вынуждены комбинировать: то на малых, то на средних в зависимости от условий и наличия сил. И, представьте, справляются. Так что и вам пока надо вопросы эти решать творчески. Терпение и выдержка. Страна прилагает невероятные усилия, чтобы наладить производство новых машин, в том числе истребителей и бомбардировщиков, и летчиков готовит в достаточном количестве. Уверен, не пройдет и полгода — господство в воздухе будет нашим.

— Прошу следующего.

— Лейтенант Гаврилов. Мой вопрос связан с предыдущим. Нельзя ли, товарищ командующий, улучшить прикрытие штурмовиков тем количеством истребителей, какое выделяется сейчас. Что имею в виду: как только появляются «мессера», на них кидаются все наши ЛАГГи, а мы остаемся без прикрытия. В это время скрытная группа «мессеров» внезапно атакует штурмовиков и обзатесно перед штурмовкой цели. Естественно внимание рассеивается — либо цель накрывай, либо сам отбивайся...

— Да, есть и такое. Очень серьезная болезнь и опять-таки упирается в количество истребителей. Но не толь-

ко. Не секрет, что некоторые наши истребители не решаются вступить в бой с превосходящими силами воздушного противника. Не только опыта, но и смелости у таких не хватает. К тому же наш ЛАГГ значительно уступает «мессеру» в скорости и маневренности. Как видите, вопрос не однозначный... Но решать будем. Попробуем поговорить, а то и потребовать. Трусость отдельных не решает исход боя. Большинство наших истребителей, в том числе молодых, сражаются по-настоящему отважно и героически и, знаете ли, сбивают — и немало и «мессеров», и «юнкерсов». А улучшать прикрытие штурмовиков надо.

— Еще кто? Пожалуйста.

— Старший лейтенант Кудряшов. Всем ясно, что успех зависит от опыта, натренированности. А вы, товарищ командующий, знаете, что подготовленность молодых не ахти какая, прямо скажем, недостаточная. Конечно, мы понимаем, что это вынужденно, но это характеризует и тот недостаток, о котором хочу сказать — во-первых, слабая групповая слетанность вообще, а в условиях высокой маневренности в частности: долго собираемся и над аэродромом и после атаки цели. Растягиваемся. А это ведет к нарушению взаимной выручки, к потере ведомыми ведущих, к утрате обороноспособности; во-вторых, отсутствие достаточных навыков самолетовождения, детальной ориентировки, сличения карты с местностью и фиксирования курса и времени, ведут к потере ориентировки, посадке на чужих аэродромах, а то и в поле. Навык, конечно, необходим во всем, но в данном случае эти недостатки относятся в основном к летчикам бомбардировочной авиации, привыкшим летать на больших высотах с помощью «дядей», т. е. штурманов, а в нашем полку летчиков-бомбардировщиков, переучившихся на штурмовиков, но не успевших получить достаточных навыков самостоятельного вождения, не меньше половины всего состава. И, наконец, в отличие от летчиков одноместных самолетов, у этих свои особенности в технике пилотирования, что сказывается на умении вести воздушный бой с истребителями противника. Простите, товарищ командующий, за то, что отнял у вас столько времени, но... наболело. А если коротко, вопрос такой — нельзя ли их использовать по назначению, а штурмовиков готовить из летчиков одноместных самолетов или, в крайнем случае, из бомбардировщиков фронтовой авиации.

— Можно и нужно. Вскоре всех расставим на свои места. В начальный период неразберихи многого недоуч-

ли. Сейчас наводим порядок. Кстати, расширение и усиление дальней авиации — вопрос насущный. Это не значит, что сегодня же они будут переведены, но думаю, этот вопрос будет решен скоро. А пока и им надо воевать хорошо, старательно. Простите, этот вопрос кто задавал?

— Старший лейтенант Кудряшов, командир эскадрильи.

— Спасибо. Вы подняли очень важный вопрос, очень существенные проблемы.

Командующий ответил и на многие другие вопросы, например, такие как: «Предпринимается ли что-либо конкретно американцами и англичанами для оказания нам непосредственной военной помощи», «Положение на других, особенно на соседних, фронтах», «Не увеличат ли количество зенитных пушек на аэродроме?» и т. д.

Затем по его предложению командир полка проанализировал характер первых боевых вылетов, особенности тактических приемов в них и более подробно причину боевых потерь и вынужденных посадок. Он указал и на меры, принятые по отношению к виновникам происшествий.

— А как с дисциплиной в полку и вообще с морально-политическим состоянием личного состава? — спросил командующий.

— Морально-политическое состояние личного состава вполне здоровое, не боюсь сказать, высокое, товарищ командующий, — ответил комиссар полка, — фактов нарушения дисциплины, порядка, расхлябанности при выполнении служебных обязанностей, в том числе при подготовке техники и оружия, не допущено. Люди с рвением выполняют свой воинский долг. Есть два рапорта — один от мастера по вооружению, другой — от авиамоториста, с просьбой направить их на передовую. Просьба не удовлетворена. Мы и так ощущаем большой недостаток в специалистах.

В заключение совещания или, скорее, просто беседы, несколько слов сказал командующий. Выразив удовлетворение характером и содержанием беседы, тем, что в полку думающие и беспокойные люди, что может стать основой будущих успехов, он сказал:

— Прошу понять, что период вашего становления или, как говорится, «боевого крещения» кончился. Да, да. Кто-то может и удивится — прошло мол всего 10 дней. Но такому можно и возразить: один фронтовой день по своей напряженности равен не менее десяти обычным,

мирным дням. Календарный счет, друзья, понятие доверенное — он выкладывался днями. Теперь же он исчисляется минутой... Ибо фронтовая минута решает подчас не только торжество или крах стратегии, оперативного искусства и тактики, но и самой жизни. И если мы сложим все минуты этих десяти дней, то получим внушительную картину опыта и закалки на мужество. Правильно я говорю? Вот и выходит — школярами вы были вчера — а сегодня — опытные, крылатые бойцы родного неба. Но это и не значит, что вы все постигли — фронт, это минное поле, которое одним мужеством и отвагой не возьмешь: выдержка, смекалка, постоянно работающая мысль — вот те компоненты, без которых войны не одолеть. Поэтому — тренироваться и тренироваться: и в технике пилотирования, и в самолетовождении, и в работе с арматурой, и в совершенствовании способов ведения боя — не только практически в воздухе, но и на земле, используя каждую свободную минуту, в кабине самолета, «пешем по-летному», вопросами — ответами по самым разнообразным, в том числе «невероятным» случаям. Первостепенное значение придавать способам повышения результативности ударов по врагу и снижения своих потерь при этом, совершенствовать старые формы обеспечения безопасности и творчески искать новые пути эффективной борьбы с зенитными средствами и истребителями противника в конкретных условиях боя с учетом специфики местности, погоды и т. д. Поймите, товарищи, никаких готовых рецептов никто на блюдечке не приподнесет: «делай только так», а могут дать только рекомендации, советы... Прошу, как можно старательнее избегайте шаблонов, над полем боя в особенности, как можно чаще меняйте направления, высоты заходов и атак, старайтесь находиться самое минимальное время на верхней точке горки, в частности — в момент перехода в атаку. Смелее выдвигайте ведущими не только «стариков», но и молодых летчиков, умело показавших себя в боях. Завтра в бой. Желаю успехов.

Воистину «военную минуту» отдал на прощанье командиру полка и его заместителям и направился к своему самолету. Взлетел энергично, красиво. Не набирая высоты, прижавшись к самой земле, лег на курс.

ЗА САМОЛЕТАМИ... НА ПОЛЕ БОЯ

Остаток дня прошел под впечатлением встречи с командующим. Простые и четкие слова его запали в душу

каждого, и каждый в этот день старался на совесть. Последним занятием летчиков был тренаж в кабине самолетов, оставалось посмотреть технику, побеседовать с техниками и механиками; кто-то вспомнил о перерыве. Решено было сделать передышку и тут к собравшимся у самолета летчикам подошел механик по вооружению Котюнин с забинтованной рукой на подвеске. Что-то «поискал» в бомболюках, пошептался с техником самолета и направился было к другому самолету, но любопытный Феоктистов остановил его:

— Что это с тобой, Котюнин, не фриц ли тебя цапнул?

— Эх... «Не бойся врага — бойся дурака»... — пробормотал Котюнин.

— Не темни, выражайся внятно...

— Пусть лучше техник Макаров выразится внятно — он был старшим и все видел.

Один из лучших техников полка воентехник 2 ранга Макаров Василий Иванович возглавил первую группу специалистов для эвакуации первого подбитого в бою самолета Багаутдинова. Место вынужденной посадки — болотистое мелкоколесье недалеко от деревни Замощье. Не считая повреждений, полученных в бою, самолет был цел и вполне пригоден для эвакуации и восстановления, только трудными оказались работы по его подъему и обезвреживанию. Эрэсы, сорванные с рельсов при посадке и разбросанные недалеко от самолета, нашли и обезвредили сравнительно легко. С пушками справились. А вот при разрядке одного из пулеметов Котюнин допустил неосторожность, точнее — прямое нарушение правил безопасности и в результате... прострелил себе руку. Более того, пулеметная очередь прошла совсем рядом с орудийным расчетом одной из артиллерийских батарей... Понятно, возмущенные кулаки артиллеристов оказались бы похлеще пулеметной очереди, но Макарову, человеку деликатному и рассудительному, удалось завершить этот курьез не только мирно, но даже сочувствием и дружбой, ибо артиллеристы помогли потом поднять самолет и вытащить его на своих тягачах на более удобное и безопасное место.

Котюнин же был доставлен в медсанбат, откуда и вернулся через несколько дней в полк.

Макаров закончил рассказ, Феоктистов, скрывая улыбку, подбодрил Котюнина:

— Не унывай, Котюнин, считай — в рубашке родился... А то ведь... Кулак артиллериста не легче нашего...

— Да я уж и так.., товарищ лейтенант.

А в это время на соседней просеке готовилась к отправке за самолетами Шелопутнова и Штевнина солидная бригада во главе с Акимовым.

— Пожелаем людям счастливого пути? — предложил Феоктистов.

— Да, да, — как бы спохватился Шелопутнов, — и мне надо кое-что уточнить...

Летчики подошли к двум ЗИС-5. Там стояло человек десять техников и механиков, а техник второго ранга Александр Васильевич Акимов, прекрасный специалист и чудесный человек, высокочтимый всеми, отдавал последние указания.

— Здравствуйте, товарищи! Вот пришли пожелать вам счастливого пути, — сказал за всех Борис, — да и Шелопутнов хочет уточнить кое-что.

— Пожалуйста, пожалуйста, — разублачился Акимов, — доброе слово всегда кстати.

— Значит в путь? — спросил Киазим.

— Да, товарищ лейтенант, жалко оставлять наших коней без присмотра.

— Уж поаккуратнее с ними, пожалуйста... Каждый такой «конь» для врага — огонь...

— А два коня — две тонны огня... — поддержал Борис.

— Знаем. Перевезем, как хрусталь — без единой трещинки. И быстро.

— Само собой — золотые руки, золотые дела творят. Только под прицел «мессеров» и «юнкерсов» не попадите, они — гады сейчас понахалке шныряют без перерыва на обед.

— Поостережемся. Будем двигаться только ночью, от сумерек до восхода солнца.

— Значит, порядок.

— Александр Васильевич, там на место посадки ведут две дороги: одна через село, другая в обход. Езжайте по второй, она шире и лучше накатана, — подсказал Шелопутнов.

— Спасибо, так и сделаем.

Бригада Акимова рано утром доберется до места, разберет, погрузит самолеты и к следующему утру доставит их на аэродром. После их ремонта самолетный парк полка снова восстановится.

Это прекрасное начинание — возвращение в строй подбитых и севших на своей территории самолетов — зародилось в полку с первых дней и поддерживалось почти всю войну. Работа осуществлялась бригадами, специально создаваемыми из своих техников и младших авиационных специалистов различных служб. Всего на Северо-Западном фронте специалистами полка было эвакуировано и восстановлено 17 боевых самолетов! Какой это клад! Какая материальная основа для боевой живучести полка. Неоценимо значение работ этих бригад. Они действовали зачастую прямо на поле боя, под огнем артиллерии и минометов противника, проявляя и мужество, и остроумную солдатскую находчивость. К примеру — никогда не унывающий весельчак Геннадий Путинцев утащил подбитый самолет прямо из-под носа фашистов:

Самолет лежал на нейтральной полосе и виден был как на ладони. Понятно, о работах днем не могло быть и речи. Путинцев в первую ночь со своим мотористом подтянул и закрепил на самолете буксировочный трос длиной около 100 метров, а во вторую, попросив у артиллеристов тягач, с его помощью уволок самолет на свою сторону. Затем он был разобран, доставлен на аэродром и восстановлен. Наши техники ухитрялись эвакуировать самолеты не только своего, но и других полков. Если самолет оказывался непригодным для эвакуации, с него снимали исправные детали и агрегаты на запчасти. Успешной деятельности этих бригад мешали не только вражеские минометные и артобстрелы, но и труднодоступные места, бездорожье, отсутствие специальных подъемных средств. Домкраты для подъема железнодорожных вагонов или автомобилей были подчас единственным для них подспорьем. Несмотря на эти сложности, техники справлялись с этой крайне важной работой успешно. На этом неоценимо важном поприще, как и вообще в обеспечении безотказной работы самолетов, их оборудования и вооружения, отличились техники: Акимов, Смирнов, Дегтярев, Белоусенко, Макаров, Путинцев, Кольцов, Семико; механики и младшие авиационные специалисты: Хорошавин, Нефедов, Квасных, Донской, Бугаев, Белецкий, Лушников, Сунгатуллин, Бахшин, Осадчий, Кербер, Бурков, Червяков, Воронин, Стрижев, Бутрем и другие.

28 марта. 5 часов утра.

Летчики у самолетов. Настроение у всех приподнятое, боевое. Предстояла, как сказал начальник штаба, большая работа, и погода шла на явное улучшение. Циклон, бушевавший в эти дни, уступал место антициклону. В беспорядке и торопливости убегали его грязно-серые потрепанные клочья, уступая место белокурым стадам кучевок, а над ними, в небесной вышине, отсвечивая серебром, неспешно и величаво, словно стаи сказочных белых лебедей, плыли легионы перистых облаков. Воздушная среда над районами действий наших крылатых витезей становилась благоприятной, заманчивой.

В 5 часов 20 минут подъехали начальник штаба и командир полка. Первый уточнил обстановку на фронте, особенно изменения на линии боевого соприкосновения, аэродромной сети и зенитных точек. Командир полка поставил непосредственную задачу первой группе и предварительную — второй и третьей.

— Как видите, противник и на земле и в воздухе усиливает натиск, учтите это. День по всему сегодня будет напряженным, — сказал в заключение он и посмотрел на часы:

— Первая группа, по самолетам!

Командир не ошибся — двенадцатый фронтовой день полка стал действительно одним из самых горячих.

В 6 часов 20 минут группа в составе Кудряшова, Лозоренко, Заболотного и Белова успешно нанесла с двух заходов удар по танкам, артиллерии и живой силе фашистов в районе Борисова, Михалкино и Большие Горбы.

Благополучно собрались, легли на обратный курс и уж летели по своей территории около трех минут, когда внезапно налетели «мессершмитты» с ходу сбили Заболотного и скрылись. Ни истребители прикрытия, ни сами штурмовики не успели даже опомниться. Как позднее показали летчики группы, Заболотный упал в лес, примерно в 20 километрах севернее железнодорожной станции Пола.

На этом злоключение дня не кончилось. Нечто подобное произошло через 2 часа, но теперь по пути на цель. Гаврилов, Багаутдинов и Рытов шли на выполнение задания в тот же район. До цели оставалось три минуты полета. Конечно, внимание летчиков, особенно ведущего, приковано было к сличению карты с местностью, строгому соблюдению курса и времени — для точного вы-

хода на цель. На это и рассчитывали истребители противника. Изучив постоянный маршрут штурмовиков, пользуясь законом «рыцарей с большой дороги», они подкараулили их и, вынырнув из-за облаков, нанесли воровской удар «в спину»... Сразу же задымил и стал падать самолет Гаврилова, но он все же смог вывести его из угла пикирования и посадить на живот в двух километрах юго-восточнее фанерного завода. А Багаутдинов и Рытов еще в течение десяти минут отбивались от атак «мессеров» и в конце концов, оторвавшись от них, благополучно сели на своем аэродроме. Но на цель они так и не попали.

В 17.15 вылетела группа в составе лейтенантов Малеева, Киреева, Агрба и сержанта Белова под прикрытием четырех ЛАГГ-3. Удачно преодолев почти сплошной зенитный огонь, она прорвалась на цель и нанесла эффективный удар по танкам и артиллерии противника в районе Михалкино, Большие Горбы. Но на выходе из второй атаки была подвергнута нападению четырех «Ме-109». Истребители завязали бой с ними, оставив штурмовиков без прикрытия. Илы заматались меж огнем зениток и истребителей, пытаясь уйти на свою территорию, но не успели пролететь и двух минут, как Агрба, увидев справа заходящий в атаку на Киреева «Ме-109», пошел наперерез ему и открыл огонь. «Мессер» взмыл, незначительно меняя направление полета, но, сделав небольшой отворот, снова перешел в атаку. Агрба погнался за ним, отгоняя его от Киреева, но в это время налетевший на Малеева второй «мессер» почти в упор расстрелял его самолет, тот перевернулся и камнем пошел вниз. Агрба не в состоянии был помочь ему, ибо был в стороне, но главное не мог упустить из поля зрения первого «мессера», который строил маневр для третьей атаки. Но по кому? Впереди выскочил Ил. И сразу же к нему протянулась трассирующая очередь «Ме-109». Агрба, не задумываясь, резко повернул свой самолет вправо на «мессера», тот немедленно прекратил огонь и шарахнулся вверх, в сторону. Агрба развернулся в сторону Ила и увидел его слева спереди. Но почему он стреляет? Ах, вот в чем дело! Он ведет огонь по «мессеру», атакующему опять Киреева. Агрба начал разворачиваться на «мессера», но только заложил самолет в левый крен, как над ним, чуть правее засверкали трассы... Он резко бросил самолет вниз, вправо и увидел, как над ним пронесся «мессер». Выйдя из разворота, Агрба посмотрел вперед и влево: «мессер» заходил в хвост впереди летящему Илу. Направляя са-

молет на «мессера», Агрба стал было обрамлять его в прицел, но тот открыл огонь по Илу. Агрба среагировал мгновенно. Не завершив прицеливания, по грубой наводке, сразу же нажал на гашетки пушек и пулеметов — лишь бы спугнуть «мессера». И действительно, тот отпрянул, а Ил пошел как ни в чем не бывало, делая отвороты то влево, то вправо.

«Мессера» больше не появлялись. Видимо, горячее было на пределе, и они ушли домой.

Агрба догнал Ил, от которого отогнал «мессера», и присвистнул — на нем была отбита почти половина правого элерона, зияла внушительная дыра в стабилизаторе, отсечена консоль крыла. И не понятно было — на чем держался самолет? Пилотировал им Белов. Поравнявшись с ним, Агрба покачал крыльями: мол, я с тобой, иди спокойно. Они пристроились к Кирееву и благополучно добрались до дому. На посадке выяснилось: кроме перечисленного выше, поврежден фонарь кабины, разбиты приборы и легко ранен в предплечье и правую щеку сам Белов. Он был сразу же направлен в лазарет, но утром прибыл на КП и стал настойчиво проситься в бой. Более того, вручил секретарю партбюро полка капитану Касимову заявление о приеме в ряды большевистской партии.

— Хочу бить фашистов в рядах коммунистов, — сказал молодой летчик комсомолец Белов.

* * *

На следующий день командир полка взял «тайм-аут». Надо было разобраться в причинах потерь, хотя и боевых, но очень чувствительных. Да и самолеты надо было привести в порядок — многие из тех, что пришли домой, имели серьезные повреждения. С утра собрали весь летный состав. Командир полка начал со Штевнина, вернувшегося вчера с места вынужденной посадки: виновность Шелопутнова в этом летном происшествии все еще оставалась расплывчатой.

Штевнин повторил почти слово в слово все, о чем говорил до него Шелопутнов. Но неуверенность и сбивчивость его тона насторожили командира:

— В какой момент напали на вас «мессера»: до или после потери вами ведущего? — строго спросил он.

— После потери, товарищ майор...

— Уточните, как вы потеряли его.

— Там еще зенитки стреляли. Кажется, совершая про-

тивозенитный маневр, он сделал отворот в противоположную сторону от ведущего дальше, чем надо было... Потому что, когда мы развернулись снова в сторону ведущего, его там уже не было.

— Вы все уяснили товарищи? — обращаясь к летчикам, спросил командир полка.

Все молчали.

Он понял, что ничего внятного не добьется и потому сказал:

— Ясно, прошу садиться.

По лицу его было видно, что сам-то он хорошо представлял сложившуюся обстановку, сопоставив показания всех участников вылета, и проведя тщательный анализ.

Заслушав участников вчерашних боев, выяснив их мнения об основных причинах потерь, их предложения по борьбе с ними, обобщил все сказанное, сделал выводы и дал нужные указания.

Потерю Маляева пережил скупой, но тяжело, а вот о вынужденной посадке Шелопутнова, высказался, не скрывая раздражения:

— Усматриваю в ваших действиях не просто ошибку и не только «замедленный противозенитный маневр», а нечто большее... Этот вылет едва не кончился боевой потерей. Вы отстали — оставили впереди идущих без прикрытия, т. е. создали условия противнику для внезапной атаки, что и случилось. Хорошо, что Киреев и Агрба вовремя заметили «мессеров» и с честью справились с задачами боя: и основное задание выполнили, и атаки воздушного врага отбили успешно. Я их ставлю в пример всем. Вас же за потерю ведущего и вынужденную посадку вне аэродрома по своей вине, подвергаю дисциплинарному воздействию: буду ходатайствовать о снятии вас с должности заместителя командира эскадрильи и назначении с понижением — командиром звена. Вопрос уже согласован с командующим. Конечно, ваш поступок вполне можно было квалифицировать как дезертирство, но тогда вами занялся бы трибунал. Мы на это не пошли, надеясь, что вы глубоко продумаете случившееся, сделаете выводы и проявите должным образом чувство ответственности за все возложенное на вас, как на воздушного бойца Красной Армии, вооруженного защитника Родины в опасный для нее период. Хотелось бы верить, что чувство мужского самолюбия и гордости не чужды вам, в противном случае вы окончательно подорвете свой авторитет не только перед летчиками, но и перед всем полком. Ваш возраст отнюдь не зелен и списать свою несостоя-

тельность на юношескую незрелость вам не удастся... Учитите это, Шелопутнов.

На этом разбор закончился.

* * *

Летчики вышли из землянки КП и направились к лесу в желании немного продышаться. Естественно, «повестка дня» все та же, только много раскованнее, откровеннее. Так было всегда, когда летчики оставались одни. Так было и в этот раз, говорили о боях, ошибках, крыли на чем свет стоит своих истребителей за их «предательство», «поминали» Шелопутнова... В ходе этих накипевших страстей Агрба как бы между прочим обратился к Штевнину:

— Скажи, Ваня, своим друзьям, братьям по оружию, честно скажи, как было на самом деле, как потеряли нас?

— По-братски?

— Да, Ваня.

— Ну, братишкам не врут... Значит так: почему-то он сразу за вами не пошел — вы влево, он прямо, а потом сразу вправо, снова влево — так змейками вилял около минуты и тут два «мессера»... Он сразу на бреющий, я за ним, конечно. Ну, маневрировали, отбивались, а потом вдруг «мессера» ушли, а мы вроде держались направления домой, но заблудились...

— Спасибо, Ваня, не соврал. А «мессера»-то оставили вас, чтобы нас раздолбать, ибо мы били их танки и артиллерию.

Мысль Агрбы работала четко: «Вот уже который раз Шелопутнов уклоняется от второго захода. Случайно ли это? А если поговорить с ним самим, что он скажет? Не говорить нельзя, — в следующий раз может снова подвести не меня, так кого-то другого. И дело тут не только в том, что сходит на нет взаимная поддержка, но и максимальная эффективность ударов. Можно ли за один заход прицельно израсходовать боеприпасы по заданной цели?» Агрба всем существом своим ощущал, что не отдавая бою все свое умение, всю мощь оружия, весь огонь своей души, победу не одержать — ни в единой схватке, ни в войне в целом. Неужели эту простую истину не представляет себе Шелопутнов, стоящий на служебной лестнице на две ступени выше его? — «Нет, так или иначе, надо с ним поговорить, в противном случае какой же я боевой товарищ?» Агрба знал, что не имеет юридическо-

го права на такой разговор, но совесть не давала покоя: «Как только подвернется первый подходящий случай, я выясню все начистоту», — решил он. Мысль его была прервана — подошли командиры звеньев, эскадрилий и их заместители.

— Ну что, перекуриваете? — спросил Кудряшов.

— Да, пока вы совещались, мы успели и покурить, и побеседовать, — ответил Агрба.

«А что, если с командиром эскадрильи поделиться, — подумал он, — или для начала посоветоваться с Лозоренко?»

Но ни того, ни другого не потребовалось. Случайное стечение обстоятельств распорядилось по-своему: когда все направились в землянку эскадрильи, они оказались вместе и позади остальных.

Разговор начал Шелопутнов:

— Ну, Кязим, не ожидал...

— Вы о чем, товарищ старший лейтенант?

— Даже не поговорив со мной, донес, что я оставил свое место в строю перед вторым заходом в последнем вылете?

— Доносчиком никогда не был. Это — во-первых. Имею привычку говорить в глаза и не подменять смысл слов: между «донести» и «доложить» есть разница. Во-вторых, на последнем совместном вылете был командир, ведущий, ответственный за все — он видел лучше, чем я. В-третьих, если вы действительно ушли (я не говорю о причинах), значит ваше место осталось и вправду свободным... Как же это назвать иначе?

— Есть вынужденные обстоятельства, а есть — самовольный уход...

— Правильно. Думаю, командование в этом разобралось до конца и без моей помощи...

— Выходит, я оставил свое место умышленно?

— Вам видней, товарищ старший лейтенант. Обратитесь с этим вопросом к компетентным лицам. Меня же, как летчика, могут интересовать определенные вопросы, например, как лучше поражать цель, как избежать потерь и т. д. Кстати, пользуясь случаем, разрешите задать вопрос? И вообще поговорить откровенно?

— Пожалуйста, если сумею ответить...

— Вполне. Они несложные. Вот первый: Как вы считаете, сколько заходов надо делать по цели?

— Чего ты хочешь? Делаешь маневр конем к следующему вопросу или советуешься?

— Прежде всего советуюсь.

— Допустим. Отвечаю: убежден, если над целью убийственный огонь, достаточно одного захода, если не особенно сильный, можно два.

— Вы себе противоречите: там, где «убийственный» огонь, там и большее скопление врага. Раз так, значит надо больше и метче бить его. А за один заход, за одну атаку вы в лучшем случае выпустите эрэсы и сбросите бомбы. Все остальные боеприпасы привезете обратно? Не значит ли это, что вы наполовину напрасно израсходовали горючее, моторесурсы, время, нервы и т. д. А как же ваши клятвенные обязательства о максимальной эффективности ударов по врагу, о необходимости уничтожения его техники и живой силы за счет каждой бомбы, каждого снаряда?

— И за один заход можно израсходовать все боеприпасы по заданной цели.

— А что толку?

— Как это что? Все равно ведь пущены по врагу.

— Не мне вам говорить о законе рассеивания, вероятности попадания и т. д.

— Рассеивание имеет место всегда.

— Но ведь чем больше коротких прицельных очередей, тем больше вероятность попадания в цель, следовательно, тем больше вероятность уничтожения большего количества врага за один выстрел, за одну очередь. А количество очередей — значит и прицельных выстрелов и бомбометаний, зависит от количества заходов и атак.

— Тоже мне, философ. «Пионерские» истины доказываешь. И вообще — чего ты хочешь?

— Вы же согласились на откровенный разговор? Согласились. Так уж послушайте: летал я с вами не раз, но однажды — помните, — сделали вместе с группой два захода, во всех остальных случаях по одному, хотя все минимум по два — три раза. Это заметили все летчики, не только я... Но, как видите, начальству не доложили, надеясь, что в конце концов совесть ваша сама заговорит.

— Ну, уж это через край! Много на себя берешь — не потянешь...

— В самый раз... Хочу одно понять: допустим, вас не заботит сколько ваших снарядов окажется для фашистов «холостыми», но предательство по отношению к своим товарищам? Вы ведь ставите их под удар, как это было в последний раз?!

— Забываешься, лейтенант! За такое и ответить можно... Хотя и понять тебя легко — к «шпалам» рвешься, вот и выслуживаешься перед... другими.

— Опять играете словами... Я — служу, но не выслушиваюсь! Служу своим товарищам, своему полку, а значит и своему народу, честно и добросовестно, в меру сил и умения, как можно метче бью, как можно больше уничтожаю врага в каждом бою, а вы-то, извините, похоже выслуживаетесь перед ним, обходя его позиции огнем и точностью.

— Да как ты!.. Как вы!.. Смеее мне! Старшему...

— Извините. Вынудили. Да, и говорил я в данном случае не как младший старшему, а как солдат солдату.

* * *

Пока летчики выясняли отношения, командир полка вышел из землянки и направился в глубь леса, решив, как обычно, «прогуляться, размяться и заодно придти в себя». Он любил уединяться в укромных местах, когда позволяло время и было о чем подумать. Требовательный по натуре, он привык подвергать себя строгому анализу, без скидок на субъективность, сбивающую с толку многих. «Предубеждение» — вот чего он боялся, стараясь взять любой «грех» на себя, нежели искать «стрелочника». Все ли он делает, чтобы обеспечить максимальные результаты и минимальные потери в боевой работе? — спрашивал он себя. — Техника, оружие? Тут он спокоен — слава богу, работают безотказно. Морально-психологическая сторона? Втягиваются. Фактов проявления явной трусости нет. Но... но случай с Шелопутновым настораживает. Тут надо работать... Основные недоработки в выучке? Больше внимания самолетовождению, бомбометанию и воздушно-стрелковой подготовке.

А тактика боя с воздушным противником? И здесь проблем хватает. Говорим, учим, но нужна практика. А для этого — время. Ну как решить проблему прикрытия, которая не зависит от тебя? Вот и на разборе вчерашних боев он больше напирал на промахи летчиков, но еле сдерживал негодование к истребителям прикрытия. Прямо зуд какой-то у них при виде «мессеров», так и кидаются на них, позабыв о прямом своем назначении. Штурмовики, конечно, должны смотреть в оба и уметь вести активный бой прежде всего сами, не особенно надеясь на «дядей», но сравнивать тактико-технические возможности «мессера» и Ила никак нельзя. Потому-то и дают прикрытые истребители. А они до сих пор не справляются со своими задачами, может быть чего-то не допнимают... Нет, пожалуй, надо доложить командующему

официально, хотя и очень неловко перед ним, но молчать о доле вины истребителей в потерях недостойно и даже преступно... Потом его мысль перекинулась на потери вообще, на вчерашние в частности. Человечный и чувствительный по характеру, он каждый такой случай переживал сильнее, чем кто-либо другой, тщетно пытаясь подавить свои чувства, неистово просил «всевышнего» вернуть ему его соколов. До сих пор «всевышний» как ни странно уже не раз возвращал ему его соколов к великой радости всего полка, но на этот раз помалкивал... Потому-то тягостно и угрюмо было на душе командира полка.

— Товарищ майор, начальник штаба срочно просит вас на КП!

Командир, как бы с трудом разглядывал радостное лицо посыльного:

— А вы что улыбаетесь...

— Да там... там... увидите сами, — разрешите идти, товарищ майор?

— Идите.

Майор почти побежал за ним. Быстро вошел в куточек-каморку начальника штаба:

— Что случилось, Михаил Георгиевич?

— Одну минуту, — разулыбался тот. Вышел и через пару секунд вернулся. За ним ввалились... Гаврилов и Заболотный. Командир оторопел. Но уж в следующую секунду пришел в себя, засиял и, не дожидаясь доклада, крепко обнял обоих. Он даже не пытался скрыть слез. Да и зачем? Ведь это плакала от радости его душа. И не только потому, что питала к Гаврилову — очень порядочному и способному летчику — особые симпатии, а просто потому, что они вернулись.

Товарищество! Какое это поистине великое слово. Фронтовое — вдвойне. Нет в нем ни тени фальши, эгоистического — «мое», а есть только — «наше». И потеря каждого из этого общего «наше» накрепко въедается язой в сердца и даже через много лет, вдруг всплыв неожиданно, разъедает память, содрагает нутро.

Командир полка был именно таким, и от таких, как он, шли корни товарищества.

Эти немалые потери случились сразу после встречи с командующим. Кем же должен был чувствовать себя в такой ситуации командир полка? Очевидно, человеком, не оправдавшим доверия начальства: смятенным, уязвленным в самолюбии и чести мундира, желавшим скорее взять реванш.

Болью переполненного его лица за погибшую душу

нельзя было скрыть даже от случайного человека в полку. Все отступало и меркло перед этими короткими словами «Не вернулся».

И вот теперь, глядя на живых и невредимых своих соколов, он плакал...

* * *

Воентехник I ранга Писаренко Николай Степанович — начальник воздушно-стрелковой службы. Чуткий к людям, требовательный, высококвалифицированный и добросовестный, он надежно обеспечивал постоянную исправность нового, сложного в то время вооружения и безотказную его работу в воздухе. Отказы, правда, случались, но, в основном, по конструктивно-производственным недостаткам. Даже в полевых фронтовых условиях проявлял он завидную находчивость и энергию для успешной стрелковой подготовки. Быстро был оборудован тир, где проводили стрельбы из личного оружия и пристрелки самолетного вооружения. Там же он организовывал практические занятия и тренировки с летчиками, соорудив нехитрое приспособление, позволяющее передвигать поднятый хвост самолета в горизонтальной и вертикальной плоскостях для прицеливания по макетам танков, автомашин и самолетов под разными ракурсами и на различных дистанциях. Как и всегда сегодня интересно прошло занятие по теме: «Как вести прицельный огонь по истребителям, бомбардировщикам и транспортным самолетам противника». Поделились опытом лучшие стрелки своего и соседнего полков. Затем каждый попробовал себя на практике — прицеливание и стрельба из кабины самолета. Писаренко подзадорил:

— Меткому — привет от нас, мазилу — фриц поблагодарит.

Между летчиками началось настоящее «сражение». Каждому хотелось послать как можно больше пуль и снарядов в круг вероятного поражения цели с учетом необходимого упреждения на заданные ветер, ракурс и скорость цели. Агрба и его друзья: Лозоренко, Феоктистов, Багаутдинов были среди самых метких, а вот Шелопутнов...

— Как же так, товарищ Шелопутнов... с неподвижного самолета, по неподвижной цели, в спокойной обстановке вы, прямо скажем, мажете... — услышал Агрба замечание Кудряшова.

Шелопутнов невозможно молчал. Когда шли со стрель-

бища, Агрба, мельком взглянув на него, как бы сказал: «Если при ведении огня на земле несколькими одиночными выстрелами вы лепите в «молоко», то какова же вероятность поражения цели у вас в воздухе длинными очередями с одного захода?» Шелопутнову ничего не оставалось, как молчаливо отвести глаза.

После занятия Агрба, по привычке, беседовал со своими подчиненными механиками. Когда же собрался уйти, вдруг услышал голос Черпаченко, такой радостный и изумленный, будто сам Христос с небес свалился:

— Смотрите, смотрите кто идет-то!

Сияя в улыбке подходил к ним Чудило.

— Товарищ техник 2-го ранга, моторист Чудило прибыл из лазарета, — доложил он Антонову, не успев полностью снять улыбку с лица.

— А, «святой» вернулся. Значит в нашем полку прибыло. Очень кстати, теперь нам будет полегче, — сказал Антонов, — ну здравствуй, с выздоровлением тебя.

— Спасибо, товарищ техник.

Находившиеся рядом Вербицкий, Черпаченко и другие с искренней радостью обнимали его, жали руку, приговаривая: «Ну, Сидор, как тебя лечили? Как здоровье?», «Да, действительно, с того света вызволили, истинно побывал рядом со святыми», «А, может, и сам стал святым? Ну, где спрятал крылышки, показывай...»

Прозвище «святой» стало постоянным его спутником, пока он находился в полку, т. е. до самой Победы, до увольнения в запас, правда, не единственное — будет и другое...

— Помнишь у Лермонтова — «прилег вздремнуть я у лафета...», — улыбнулся Агрба, — знай теперь, где спать...

— Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, теперь он под ушко будет класть подушку, а не «лафет». А на боевом посту проявит бдительность — чуть слышит вой фашистских самолетов — сразу в щель, а не в моторный проем..., — пробасил за него Черпаченко.

— Так что ли, Чудило? — засмеялся Антонов.

— Так точно, товарищ техник, то-есть я буду теперь внимательным и осторожным, такое больше не повторится.

Да, такое может быть и не повторится, но гарантировать, что фронтовая жизнь не отчудит с ним что-либо почище этого, пожалуй, не решился бы никто.

Закончив свои дела у самолетов раньше предполагаемого срока, летчики пошли домой. Все располагало к отдыху: и немалые физические затраты, и явно улучшающаяся погода. Все чаще и чаще выплывало теперь из-за

облаков дневное светило. А сегодня после полудня солнце держалось значительно дольше, чем все последние дни, и под его теплеющими лучами все на глазах менялось: голубее становилось небо, явственней птичий гомон и запах леса. Оголились и почернели насыпи, редкие бугорки в поле и отдельные участки дорог, образуя проплешины и проталины. Конечно — грачи и вороны... Важно расхаживая по талым местам, они как бы говорили: «Делайте, люди, что хотите, а мы знаем свое дело туго и будем заниматься им». Вовсю звенела капель. Крыши домов и сараев уверенно и неотвратно очищались от тяжелого, грязного снега. Потускнели и некогда блестящие холодными огнями сосульки, сохраняя от прежнего величия лишь увесистые размеры своих причудливых тел, достигающих почти середины окон. И запросто можно было достать руками любую из них. Когда летчики подошли к своему дому, неунывающий Феоктистов так и сделал. Сорвав одну из самых больших и привлекательных сосулечек, протянул ее Агрбе:

— На, Киазим, дарю тебе мартовский «цвет» севера. Пусть твоя жизнь будет так же светла и красива как это творение природы, а холод его растопит южное солнце твоей родины.

— Спасибо. А я мысленно собрал для тебя букет горных фиалок. Пусть твоя жизнь будет такой же прекрасной и яркой, как эти цветы моей Абхазии, — в тон ему ответил Киазим.

Зашли в дом, поговорили с Марфой Петровной о том — о сем, больше о погоде, о запоздалой, но упорно наступающей весне и занялись кто чем. Сергей пришивал подворотничок, Борис уточнял что-то по карте района боевых действий, а Киазим, наконец, решил в спокойном уединении прочитать письмо Светланы и сразу же написать ответ. Да, ему сегодня утром вручили ее письмо и весь день оно приятно грело его грудь, наполняло сердце беспокойным волнением... Но он терпеливо ждал минуты, когда ничто не помешает соприкоснуться душой с любимой, увидеть ее почерк, почувствовать ее рядом. И вот эта минута наступила. Он начал читать.

«...Дорогой мой! Как я рада твоему письму и тому, что у тебя все хорошо и ты успешно начал свою работу. Поздравляю тебя. Ты хоть чуточку представляешь, как я желаю, чтобы твои дела всегда шли благополучно? До сих пор беспокоилась о маме, бабушке и папе. А сейчас они отошли как бы на второй план. Все же мама в госпитале рядом с метро... Папа, хотя и бывает на фрон-

те, но в атаках не участвует, бабушка постоянно со мной. А ты — мой единственный в самом пекле...» Тут до слуха Киазима явственно донесся вой сирены (бог весть каким образом приобретенной и сохраненной начальником штаба), и тут же раздался голос Багаутдинова:

— Товарищи, воздушная тревога!

Подхватив Марфу Петровну, все выбежали из дому и только успели спрыгнуть в щель, как услышали противный свист и гул над собой «Ю-87». В то же мгновение все загрохотало, задрожало, затряслось, посыпались комья грязи, земли, снега, льда и досок... Через минуту-другую повторилось, но чуть дальше. Было слышно как надрывно гудели моторы «юнкеров», твкали зенитные пушки над аэродромом. Так продолжалось 3—4 минуты, и опять прогрохотала серия взрывов, судя по направлению, где-то в районе стоянок. Потом все стихло. Когда вышли из щелей, Марфа Петровна ахнула: одна бомба попала в сарай соседнего дома в каких-нибудь тридцати-сорока метрах от места их укрытия. Теперь там зияла дымящаяся воронка, вторая угодила в один из домов. Из-под его развалин извлекли изуродованные тела двух сельчан.

— Быстрее на аэродром! — прокричал Лозоренко и все помчались туда.

Дела там были не лучше: хотя большинство бомб легло вдоль стоянок и на летном поле, но прямым попаданием был взорван самолет, автомашина БАО, убиты водитель машины и механик по вооружению полка Осман.

— Да, на фронте не может быть неуязвимых мест и замороженных от смерти людей, здесь каждый может стать жертвой в любое время и на любом месте, — только и сказал Борис.

Тут летчики невольно обратили внимание на стоявшего неподалеку Черпаченко, такого горестного и мрачного, что Агрба обеспокоенно спросил:

— Что с тобой, Черпаченко?

— А-а-а, лучше не спрашивайте, товарищ лейтенант, — безнадежно махнул тот рукой.

За него рассказал Антонов.

Осман был закадычным другом Черпаченко. И вот, когда после отбоя тревоги нашли тело Османа, Черпаченко, полагая, что тот еще жив, только контужен или ранен, очень бережно взял его на руки и пронес несколько метров до санитарной машины. Так на руках и держал, пока везли, потом перенес с машины до приемного

покою. Положив тело, Черпаченко, чуть не плача, попросил врача:

— Спасите, пожалуйста, его, он очень хороший парень.

Врач прощупал пульс, посмотрел глаза, шею, грудь, живот и сказал:

— Он мертв, товарищ сержант, точнее — он был мертв сразу же после ранения.

Говорят, Черпаченко вовремя подхватили под руки — он чуть не упал.

* * *

1-го апреля, на двенадцатый день боевой работы полка, в воздух была поднята только одна группа. Четверо боевых друзей — Гаврилов, Киреев, Белов, Штевнин — в сопровождении семи истребителей прикрытия в 14 часов 45 минут направились для нанесения удара по врагу все в том же, горячем и злополучном районе Михалкино, Дмитриево, М. Горбы. И как всегда, возвращения группы ждали с большим волнением. Она должна была появиться над аэродромом через 40 минут. Но стрелки часов показали уже 15 часов 25 минут, а она все не появлялась... И потянулись томительные минуты: две, три, пять... Тишина. Напряжение нарастало. И вдруг на бреющем выскакивает на аэродром... Ил-2. Один. Из кабины самолета вылез Гаврилов — усталый, угрюмо подавленный... Говорил четко, но судя по лицу, был далеко — там, где остались товарищи.

Из рассказа Гаврилова:

На первом же заходе группу встретил сильный зенитный огонь, но, умело маневрируя, она успешно произвела атаку. На втором заходе зенитный огонь усилился: сплошная завеса огня встала перед ними. Прорвав ее, группа ринулась сквозь пекло на танки противника, атакующие передовые позиции наших войск и вскоре благополучно стала выходить из атаки. Сначала Гаврилов, за ним Киреев, Белов, сейчас должен выйти из пикирования замыкающий группы Штевнин и... На месте его самолета вдруг вспыхивает дикое пламя, рассыпается на множество огней и те, падая, накрывают собой вражеские танки и шедшую за ними пехоту.

Гаврилов начал маневр для третьей атаки, но в тот же миг заметил огненные трассы над собой. «Мессерал» Да, 4 «Ме-109» атаковали трех штурмовиков, на помощь

им бросились три ЛАГГа. Остальные четыре ЛАГГа были завязаны неравным, жестоким боем с несколькими «мессершмиттами». Бой длился около пятнадцати минут...

— Ребята дрались отчаянно, держались долго. Но в конце концов, «мессерам» удалось расстроить наш боевой порядок, принудить вести бой поодиночке... Как были сбиты Киреев и Белов и где они упали или сели — не видел... — закончил свой невеселый рассказ Гаврилов и надолго ушел в себя.

* * *

3 апреля штурмовики выполняли новую для себя задачу. Капитан Александров, лейтенант Гаврилов и младшие лейтенанты Агрба и Феоктистов вылетели на уничтожение железнодорожных эшелонов на перегонах станций Тулебля, Взгляды, Волот с целью не допустить подходящие резервы противника к Старой Руссе. Вначале все шло по предусмотренному «сценарию»: группа с ходу нанесла удачный удар по Тулебле. Вражеские зенитчики не успели даже открыть огонь, а на станции уже горел эшелон. Следуя далее на Запад, на подходе к Взглядам, летчики обнаружили большой комбинированный эшелон из открытых платформ с военной техникой, оружием и товарных вагонов. С первого же захода Александров зажег паровоз, другие прицельным огнем подожгли несколько вагонов и на больших скоростях пошли к Волоту. Внезапно выскочив, увидели на его путях три эшелона (один из них с цистернами с горючим), и сразу же атаковали их. Куски щепы и раскаленного железа закувыркались в мощном взрыве и летчики, вдохновленные удачей, ринулись на второй штурм. Но, наконец, опомнившись, вражеские зенитчики открыли плотный огонь. Казалось, невозможно проскочить к цели. Но штурмовики не дрогнули — пробили адскую огненную стену и расстреляли эшелоны оставшимися эрэсами. Сразу же загорелось несколько вагонов.

Однако на этот раз не повезло и штурмовикам: после выхода из атаки на змейке задымился самолет Феоктистова... Покачиваясь с крыла на крыло, он направился к лесу километрах в десяти северо-восточнее от Волоты. Александров, за ним и остальные последовали за Феоктистовым. Через полторы-две минуты увидели как его самолет, спланировав, скрылся в чащобе...

Александров, Гаврилов и Агрба легли на обратный маршрут. Подходили уже к Политово и, видимо, в какой-то мере расслабились, ибо заметили четырех «мессершмиттов» только тогда, когда их ведущий открыл с близкой дистанции губительный огонь по самолету Александрова, который тут же, перевернувшись, нырнул в озеро Синицкое...

Гаврилов и Агрба оказались вдвоем на одном уровне, т. е. в строю, который назывался «фронт». Долго ждать не пришлось: на Гаврилова сзади слева пикировал «Ме-109». Агрба развернулся на стервятника, грубо навел прицел и мгновенно нажал на гашетки пушек и пулеметов. Трассирующая очередь прошла очень близко от «мессера», что заставило его сразу же отвернуться и... что это? «Он же уходит! Уходит — ура! Да еще оставляет черный шлейф дыма!...» Но некогда радоваться. Оказавшись левее Гаврилова, Агрба заметил атакующего «худого» справа, кинулся навстречу, дал короткую очередь. «Худой» прекратил атаку... В это время Гаврилов пошел в его сторону и тоже открыл огонь... Не успел Агрба понять в чем дело, как над ним прошла трассирующая очередь. Он машинально бросил самолет вниз и влево, в сторону Гаврилова и, оказавшись снова левее его, вышел в горизонтальный полет. И снова увидел стремительно несущегося на Гаврилова «мессера». И только начал энергичный разворот в сторону стервятника, как и Гаврилов, вдруг глубоко накренившись в сторону Агрбы и не успев еще до конца выйти из разворота, выпустил длинную очередь, которая слилась с очередью Агрбы... Так они маневрировали много раз, отгоняя друг от друга «мессеров» и не отрываясь при этом далеко от оси маршрута, делая непрерывно вдоль нее почти равномерные змейки, пересекающиеся между собой... «Это же здорово! — вдруг осенило Агрбу. — Это же очень удачный маневр двух самолетов при отражении атак истребителей!...»

Позднее выяснится, что нечто подобное, как бы само собой получалось и у других летчиков не только этого, но и других полков. Так стихийно рождались элементы одного из способов воздушного боя пары штурмовиков с истребителями противника, приобретшего впоследствии название «ножницы»...

Но, внимание! Опять атака. Разворот и...

Резко и дробно застучало за спиной, запахло гарью... Решив энергичнее бросить самолет в скольжение, почувствовал — он не слушается руля поворота... И мгновенно проскочили над ним двое «худых» и тоже в строю почти

«фронт». «Понятно, атаквали одновременно нас .обоих. А что же третий?» Накренил самолет и только хотел посмотреть, где же он, как полоснуло очередь по правому его крылу и самолет завалило в ту же сторону. С большим усилием вывел он его из крена и, еще не понимая в чем дело, осмотрелся: правая плоскость прошита снарядами, отбита почти половина элерона...

На секунду пристроился к нему Гаврилов, показал через форточку кабины знак рукой: «спускайся на бредущий, иди вперед, домой». — И сразу, отвернувшись, исчез...

Руль поворота бездействует полностью, элеронами можно работать в минимальных пределах, ибо при большом отклонении самолет сразу же начинает валиться и ручку удержать очень трудно. Нормально действовал только руль высоты. И то, слава богу. Агрба осторожно спустился на бредущий, осмотрелся — удивительно, «худых» не видно! — и взял курс на аэродром.

На посадку зашел «блинчиком», сделав большой, растянутый круг. Посадочные щитки не выпустил, ибо центроплан тоже был пробит. Подошел к посадочной полосе «на моторчике», с минимальной скоростью и приземлился с некоторым недолетом... Выключил двигатель, открыл фонарь и почувствовал тяжесть, придавившую тело. Не выпрыгнул из кабины, как обычно, а продолжал неподвижно сидеть, видимо давая возможность хоть немного расслабиться телу, и самому придти в себя, собраться с мыслями после такого изнурительного полета. Но уже через минуту-другую он поднялся, упругим движением прыгнул на плоскость, потом на землю, но не доложил с нетерпением ожидавшему его технику о том, как вели себя в воздушном бою мотор и самолет, а быстро подошел к нему, сгреб его в свои цепкие объятия:

— Спасибо, Миша, дорогой ты мой брат! От всего сердца спасибо за руки твои золотые. Не подвел конек боевой! Работал правда с предельным напряжением, но сколько ни кромсали его — пришел-таки домой. Был момент, скажу я тебе, страшноватый: гляжу — двигатель вот-вот раскалится добела и развалится на куски вместе с самолетом. Но нет — сдюжил. Вообще — дай руку, друг! Плечо ты мне подставил крепкое.

— Спасибо, командир, но я тут ни при чем, таким его сделали конструктор, рабочие и инженеры, — только и мог сказать растерявшийся и смущенный вконец техник.

— От души благодарю и за оружие, оно действовало

безотказно, как хорошие часы и покрошило немало фашистов, — крепко пожал руку Киазим и подошедшему технику по вооружению Камаеву. Потом спросил:

— Гаврилов не сел?

И получил ответ:

— Пришли и сели только Вы один.

— Ясно, будем ждать.

На техника самолета Феоктистова больно было смотреть. Он стоял сам не свой — бледный и удрученный...

У Агрбы дрогнуло сердце. Не мог он спокойно смотреть на техников, чьи самолеты не возвращаются с боевого задания. Ведь они теряли близкого друга — командира, лишались ставшего родным «железного боевого коня» и становились сразу полными сиротами «с опущенной душой», как однажды высказался Семико.

— Разрешите обратиться, товарищ лейтенант, — техник подошел к Агрбе.

— Пожалуйста, Гена.

— Вы не знаете, где мой командир?

— Знаю, Гена, знаю. Он подбит. Приземлился в лесу на территории, занятой противником. Но надеюсь более-менее благополучно. Ты же знаешь Сережу — он умеет выходить из самых сложных положений.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — глаза Путинцева зажглись надеждой, — значит можно ждать?

— Да, Гена. Обязательно, но, наверное, не сегодня... А вот Гаврилова надо бы дожидаться сейчас же.

Томительно проходят минуты ожидания, наполненные то искрами надежды, то тяжестью дурного предчувствия. И так, нетерпеливо поглядывая на часы, прождали 20 минут.

— Через 2—3 минуты горячее будет на исходе, — с глубоким беспокойством произнес Акимов. И тут же (о, есть же бог!) — все услышали характерный гул родного «АМ-38». Самолет, незаметно подобравшись по самым макушкам леса, с ходу произвел изумительную посадку. Это был Гаврилов.

Первым его обнял Киазим, обнял порывисто, так, как могут это делать только крепкие, сильные характером мужчины и горячо любящие друг друга родные братья, встретившиеся после тревожных лет разлуки.

— Нет слов, дорогой друг, — так самоотверженно и так искусно никто еще не выручал меня.

— Не нам считаться, Киазим. Сколько ты спасал меня в одном только бою и каждый раз — от неминуемого конца. И получалось это у тебя очень даже умело. Во-

обще у нас с тобой в этот раз сложился неплохой дуэт. А? Как ты считаешь? И пожалуйста, результат налицо: и врагу наделали немало хлопот, и сами стоим на родном аэродроме живые и невредимые, — и спохватился, — Киа-зим, дорогой, как же это я не поздравил тебя с победой! С первой твоей победой над фашистским стервятником! Славно ты открыл на «тойфелей» счет.

— Спасибо, Миша. Но прошу, не считай, пожалуйста, это победой...

— Почему это? Он же явно подбитый, дымящийся убежал из боя...

— Вот именно, подбитый и дымящийся, а не сбитый и не объятый пламенем. Так что не будем торопиться... Может этот фриц сейчас сидит себе и потягивает кофе; хотя, конечно, и не исключено, что упал где-либо или разлетелся на куски. Но это только «может быть», так что забудем это. В следующий раз постараемся бить наверняка.

— Но я все же доложу командиру.

— Как знаешь, я считаю — не стоит. Расскажи лучше, что было с тобой.

Из скупого рассказа Гаврилова:

— Сначала отбил несколько атак «мессеров» от Агрбы, когда же тому удалось скрыться, стал отбиваться от их назойливых наскоков, постепенно продвигаясь на свою территорию. Отбивался только маневром, в основном глубокими виражами на самой малой высоте, без единого патрона, ибо к этому моменту они были израсходованы полностью. Не добившись ничего, «мессера» вынуждены были обратиться восвояси...

* * *

К вечеру в полк пришла от летчиков-истребителей и командующего ВВС 11-й армии полковника Иванова (наблюдавших этот неравный бой на одном из передовых аэродромов), телеграмма такого содержания: «Восхищены мастерством и мужеством летчика-штурмовика, ведшего бой сегодня с тремя «Ме-109». Хотели бы иметь его в своих рядах».

Вечером за ужином только и было разговору, что о телеграмме истребителей и обо всем, что было связано с ней.

— Она равносильна награде!

— Молодец, Миша, ты доказал, что отлично владеет самолетом, можно на равных драться с фашистами.

— Это же здорово — один против трех!

— Уточним — один штурмовик против трех истребителей.

— Правда, на лучшем в мире штурмовике.

— Да, но штурмовик, есть штурмовик. Он и тяжел, и уступает по скорости и маневренности, особенно на вертикалях, и еще, и еще раз — он был один...

До сих пор спокойно слушавший товарищей Гаврилов, наконец, не выдержал:

— Не хватит ли вам, дорогие друзья, славословить... Что-то во рту аж сладко стало... Считаю, что в подобной ситуации, так может драться каждый из вас. Посмотрели бы вы на Кязима в первой половине боя! Виртуозно, прямо скажем, получше меня разделявал «мессеров» и даже в сложнейшем маневренном бою подбил одного гада.

— Вот это да! Что же ты молчал до сих пор? Поздравляем, Кязим. Молодец! — посыпалось со всех сторон.

— Получилось случайно. Я не принимаю это за победу. Если бы сбил или протаранил, другое дело, — отбивался Агрба, — а для этого нужно и побольше скорости, и лучшей маневренности, и точности огня, в чем, к сожалению, уступают даже наши истребители.

— Да, не мешало бы и нам прибавить скоростенки, да маневренности, — мечтательно вздохнул Багаутдинов.

— Надо полагать, Илюшин думает о дальнейшем совершенствовании своего самолета, а сейчас хотя бы самолетов-истребителей побольше и получше, — отозвался Лозоренко.

— Будут, будут и получше, и побольше, подождем немного, — уверил Кудряшов, — а сейчас надо лучше использовать то, что имеем.

* * *

Назавтра состоялся обстоятельный разговор о способах воздушного боя штурмовиков с истребителями противника. Начался он с подробного доклада Агрбы и Гаврилова о всех перипетиях воздушного боя сначала в составе пары против четырех, потом одного против трех «Ме-109». Оба они пришли к единому мнению: два штурмовика могут успешно вести воздушный бой с истребителями противника в том случае, если, находясь в строю «фронт» или «пологий пеленг», с появлением истребителей начнут делать на разных высотах (чтоб не столкнуться), развороты навстречу друг к другу. Проскочат друг

над другом, выведут из крена и через 2—3 секунды снова развернутся навстречу друг другу, и так все время — как бы змейкой вдоль оси движения. Этот маневр не позволяет противнику бить прицельно и обеспечивает более удобную позицию тебе самому для отражения его атак по твоему товарищу.

Агрба и Гаврилов напомнили при этом о недостатках всех предыдущих боев, когда отбивая «мессеров», атакующих отдельный самолет или всю группу, штурмовики отходили далеко друг от друга, теряли друг друга и в результате позволяли вражеским истребителям бить себя поодиночке.

Лозоренко на конкретных примерах из своего боевого опыта подтвердил жизненность и целесообразность изложенного выше.

— Опыт воздушных боев пусть стихийно, но настойчиво и меня подводил к этому выводу, — подчеркнул он.

С этими доводами согласились все летчики и командир сказал:

— Быть посему отныне!

Согласились все, уже в который раз, и с выводом о том, что одиночному штурмовику лучше всего вести воздушный бой с истребителями противника на глубоких виражах или непрерывной крутой змейкой, как можно ближе прижимаясь к земле.

— Вы еще раз убедились, товарищи, что в умелых руках штурмовик способен вести с истребителями не только оборонительный, но и наступательный бой, — сделал вывод командир.

«А что если?» — озарило вдруг Агрбу. Он даже хотел поднять руку, но невыверенная мысль всегда робка, и он промолчал, — скажет он об этом позже. Со временем выяснится, что подобная мысль приходила и Лозоренко, но и он промолчал, ибо и большими группами пока не ходили и боевого порядка пары как такового не было. А мысль эта формулировалась так: «Что если применить способ боя двух штурмовиков не только для самообороны, но и для защиты с задней полусферы всей впереди идущей группы?»

Этот дерзкий по своей смелой задумке метод найдет применение позже, начиная со Сталинградской битвы, и, распространившись во всех штурмовых соединениях и частях фронта, будет служить до самого конца войны. Но начало тому, пусть робкое и стихийное, вершилось именно сейчас.

По обычаю вторую половину дня летчики провели с

техническим составом у самолетов. «Побудьте с ними, им сейчас очень тяжело», — сказал командир полка. Да, им было тяжело.

День и ночь с неимоверным напряжением «лечили» они израиенных «коней» своих: и тех, что приходили на аэродром «на честном слове и на одном крыле», и тех, что приводили с мест вынужденных приземлений. И все это делалось без отрыва от основных работ по устранению «собственных» технических дефектов, по осмотру и подготовке к каждому вылету по-существу голодными людьми. Дело в том, что немецкая авиация разбомбила в Крестцах продовольственный склад, и полк сел на весьма скудный паек. Летчикам и тем давали половину предусмотренного, а техникам и младшим авиационным специалистам — четвертую часть положенной нормы. Люди почернели, щеки ввалились. Крупно проступили глаза на осунувшихся лицах, но лихорадочный блеск в них выражал отчаянное упорство и решимость.

Командиры стремились поддержать их всячески, нередко делясь с ними и без того легковесным своим пайком. Будешь ли сыт с этих крох? Да ведь забота важнее. И в благодарных глазах людей не было уныния, напротив, шутили по-всякому поводу.

— Вы носы только кормите? Что-то они у вас заметно выросли в последнее время, — смеялся Макаров, обращаясь к Белоусенко и Керберу.

— И хотя каждый из них имел тот нос, который «для семерых рос, но одному достался», сейчас, на фоне исхудалых лиц, приобрел и вовсе сказочные размеры.

— Бог не без милости, просак не без счастья, — подтрунивал Антонов, — поглядите, каким легким на ногу стал Черпаченко, стрелой может домчать до столовой. Вот если б эту легкость, да ему в руки — то-то работа закипела бы, не остановишь...

— А вы, видать, одни глаза кормите... — отвечал Черпаченко, — вон как растарасились — и все-то они выматривают, все-то засекают. А я не вражий объект, что-бы меня пеленговать.

В короткие часы отдыха, особенно ночью, люди валились прямо тут же под крылья самолетов на что придется: на ящики, чехлы, а кто и забирался на самое «плацкартное» место — в теплый моторный выем, опускал ноги в туннель воздухозаборника охлаждения водяного радиатора, сверху укрывался каким-либо чехлом и мгновенно засыпал, да так крепко, что только единственное слово «Тревога!» могло пробудить такого.

Летчики беседовали с механиками, мотористами, мастерами по вооружению о положении дел на фронте, когда подошел старший инженер полка военинженер III ранга Павлов Василий Иванович. К нему обратился Агрба:

— Товарищ инженер, разрешите обратиться?

— Да, пожалуйста.

— Сколько у нас на сегодня самолетов в строю?

— Семь. На трех из них производится работа по устранению дефектов, а четыре — на восстановительном ремонте после эвакуации с мест вынужденных посадок.

— Значит, завтра не на чем лететь на боевое задание?

— Да, к сожалению.

— Когда же будут готовы они?

— К седьмому апреля исправим четыре самолета.

— Маловато, а «исправных» летчиков шестеро и все они спешат на помощь войскам нашего участка. Дела там складываются, прямо скажем, неважно. Скоро вернутся в строй из госпиталя еще шестеро.

— Мы стараемся. Дней через десять закончим ремонт трех, а там, глядишь, подвезут эвакубригады еще пару.

— Хорошо бы.

Вот так, за 18 дней пребывания на фронте и 13 дней боевой работы полк потерял шесть летчиков и 15 самолетов, из них 8 подбитых и произведших посадку вне аэродрома на своей территории.

А ЕСТЬ ЛИ ОН БОГ-ТО, ЕСЛИ...

Командование 2-й ударной авиагруппы на 3 дня, с 5 по 7 апреля сняло с полка боевую готовность и потребовало сосредоточить усилия личного состава на подготовку всех имеющихся самолетов. Летчики после обычных специальных занятий оказывали техническому составу посильную помощь. И все же командир полка в эти дни выкраивал им «личное время».

Наконец-то, Агрба получил возможность написать письма. Он прочитал письмо Светланы — уже который раз! — поцеловал его, прижал к груди и положил обратно в планшет.

«Здравствуй Светочка, душечка ты моя дорогая... — вывел он первые строки. — Нет, не представляешь ты, как душа моя взмыла вдруг ввысь, пронеслась вихрем над всем миром (и конечно же над Кавказом и Москвой) и, опустившись обратно на Новгородскую землю, наполнилась радостью, которая заставила выплясывать так ве-

село и азартно, и вприсядку и вприпрыжку, что я сам был в крайнем изумлении от таких хранившихся во мне талантов. Какие только кренделя мои ноги, руки и все тело не проделывали... Вот так заиграла во мне радость, когда я прочитал твое письмо, такое бесценное, долгожданное. Бесконечное тебе спасибо.

Вчера был тяжелый, но и победный для нас бой: почувствовал, что начинаю становиться летчиком — воином. Конечно, до «аса» еще далеко, но ведь и Москва не сразу строилась. Вот и я стремлюсь к совершенству каждую минуту, каждый час, каждый день, хотя это и нелегко. Обстановка и бои на нашем участке фронта в настоящее время очень сложные и напряженные. Теряем немало наших чудесных парней. Что поделаешь, иначе такого грозного и коварного врага не одолеть. Это понимают все и поэтому настроены по-боевому и оптимистично. И я тоже. Больше того, во мне постоянно живет уверенность, что со мной все будет благополучно. Верь мне. Это — точно. «Всевышний» поймет, что мы нужны друг другу и очень сильно хотим этого. Рад, что твоя боевая учеба идет успешно. Желаю дальнейших удач. Береги себя.

Крепко обнимаю, нежно целую.

Кназим».

А родителям и братьям, после обычных приветствий и расспросов о здоровье и житье-бытье всех близких, коротко написал на фронтовой открытке:

«...Здоровье мое отличное. Живу хорошо. Стараюсь не хуже своих товарищей бить своим мощным оружием фашистских извергов.

С приветом, целую крепко.

Кназим».

Положил письма в планшет. Камал и Борис тоже дописывали письма. Агрба предложил:

— Пошли на КП, отдадим свою корреспонденцию. Завтра с утра из группы должен придти «кукурузник»...

Тут открылась дверь из половины Марфы Петровны. Она вошла тихо, и грустно сказала:

— У соседки была, у Анастасии Егоровны. Горе у нее большое, похоронку получила на мужа, Матвея Васильевича. Ох, какой был мужик: хозяйственный, сильный, строгий к беспорядкам, добрый к справедливости. И вот забрала война... Сколь же жизнью она, проклятая, еще унесет! Тяжко... Умом-то понимаю, а вот душа не внем-

лет, противится... Каких людей теряем и сколько... И Сережа, вот... Нет ли весточки какой о нем?

— Нет пока, Марфа Петровна, но мы надеемся, — отозвался Борис.

— Дай-то бог. А может он встретился с моими? Как-то они там? Ведь вы говорите, что он в лесу сел, а партизаны в лесах и располагаются.

— Не исключено, Марфа Петровна. А если и не с Машей, так с другими партизанами встретится, — ответил Агрба.

— Хоть бы и так, лишь бы вернулся, — согласилась Марфа Петровна. — Только сердце что-то расходилось — скулит, как пес бездомный.

Сердце матери не обманешь. Да свершилось бы чудо — обманулось бы оно хоть раз в своих предчувствиях...

* * *

В последующий нелетный день в перерыве между занятиями Агрба побродил по лесу, размялся в физических упражнениях и, направляясь к землянке, неожиданно услышал голоса... Невольно остановился, заслонившись деревом, поскольку один из голосов слишком уж был знаком и настораживал. Там, невдалеке, стояли недавно прибывшие в полк младшие лейтенанты Солей, Игнатов, старший сержант Рытов, а в их кругу Шелопутнов. Он любил (и часто не без успеха) перед неискушенными разыграть преданного товарища, эдакого «своего в доску парня», — завоевать тем самым у легковверных дешевую популярность. И теперь, разглядывая их, «новоиспеченных», зелеными зрачками он залихватски вещал:

— ...внезапно появившись над врагом, обрушиваю на него всю мощь огня, ошеломляю, уничтожаю его и... ухажу также стремительно...

— С одного захода? — спросил кто-то.

— Да, как правило. При таком огне как сейчас, это лучший способ.

— А если у меня еще остались боеприпасы и цель не поражена? И потом — впереди меня командир. Я же должен делать все то, что делает он, да и защищать я его обязан, — возразил не по годам степенный и вдумчивый Рытов. Он прибыл в полк несколько раньше Игнатова и Солея и успел один раз слетать на боевое задание.

— Нет... Я не говорю, что не надо идти за командиром... Это на тот случай, когда сами будете ведущими,—

вывернулся Шелопутнов, явно смутившийся от неожиданного вопроса.

Тут, не выдержав, из своего вынужденного укрытия вышел Агрба. Заметив его, Шелопутнов заторопился:

— Ну, ладно, ребята. Все. Идите в землянку, разговор продолжим как-нибудь потом.

Уходя, они слышали, как Агрба сказал:

— Как же так, товарищ старший лейтенант...

О чем они говорили дальше, неизвестно никому, но, когда зашли в «класс», новички увидели, что лица их были хмуры.

* * *

Каких только не бывает неожиданностей на фронте! Только начался следующий час занятий, как распахнулась дверь и показался... Сережа Феоктистов. Тут уж не до занятий: восклицания, возгласы удивления, радости, и, конечно, крепкие мужские объятия!

— Спасибо, братцы за радостную встречу. Тронут. Но подождите... ликовать. Тяжело, но вынужден... должен сообщить вам... печальную весть. Я узнал... о... гибели Маши...

Все машинально встали, плечо в плечо, как в строй почетного караула. На лицах недоумение, растерянность, боль... И тишина — мертвая леденящая.

Открылась дверь, вошли командир, комиссар и начальник штаба полка. Спросили, что случилось — им ответили. Они пристроились к летчикам. И так стояли все в скорбном молчании несколько минут. Прервал тишину командир полка:

— Ну, здравствуй, с возвращением тебя, — сердечно обнял он Феоктистова. Когда то же самое сделали комиссар и начальник штаба, он продолжил:

— Теперь докладывайте подробно обо всем как было. Остальных прошу садиться.

Откуда ни возьмись, стремительно вошел оперуполномоченный. Поздоровался со всеми, в том числе с Феоктистовым и, сказав ему «очень рад возвращению», сел и весь ушел во внимание...

— Оказалась пробитой маслосистема, — начал Феоктистов, — едва дотянул до известного вам леса, как мотор заклинило. Но самолет на мелколесье посадил довольно удачно. Вывел из строя прибор СЧ, сбил волну радиоприемника, снял часы, распустил парашют, вытащил из планшета карту с записями и бросил к нему, поджег их

прямо в кабине и пошел в северном направлении. Снег тяжелый, идти трудно. Но все же к вечеру километров 25 проскочил. Гляжу — лесной массив, а на опушке леса деревня. До самой темноты наблюдал за ней... Все было вроде спокойно. Правда под вечер в один двор въехала повозка, с нее соскочили двое и скрылись в доме. Больше ничего не заметил. Ночью вышел из леса. На свой страх и риск постучал в дверь крайнего дома. Вышел человек с фонарем «летучая мышь». Молодой, не больше 30 лет, здоровенный мужик, на плечах внакидку не то пальто, не то шинель. Его вид доверия не внушил. Я насторожился, но поздно. «Куда, думаю, побежишь — усталый, голодный, унты и комбинезон тоже скорости не прибавят...» Пистолет, правда, за пазухой был, но мужик весь спружинился, словно дожидался первого моего неосторожного движения. Так с минуту посверлили друг друга глазами, потом он сказал: «Войди». Встал боком, пропустил в дом. Вхожу. За столом сидят трое: двое молодых и пожилой, лет под шестьдесят. Ужинают. У русской печки женщина, примерно тех же лет. А в углу, рядом со столом, четыре карабина...

— Вот гость к нам появился, прошу любить и жаловать, — подмигнул своим здоровяк и мне предложил, мол разденьтесь и, пожалуйста, к столу.

— Спасибо, — говорю, а сам соображаю — разденусь, пистолет вывалится... Хорошо, хоть документы оставил дома... А здоровяк все суетится:

— Раздевайся, раздевайся, смелее, ишь какой нерешительный. А ну, Гришка, Васька, поможем гостю... — Те встали, подошли, глядят нагло:

— Как зовут-то, парень, а? Игорь. Ну ты же вежливый, Игорь, знаешь небось, что в помещении раздеться полагается...

И хватъ меня за руки, аж в плече хрустнуло. А здоровяк в один момент обшарил меня и, понятно, вытащил пистолет. Присвистнул, прикинул его на руке и в карман положил — «пригодится». Заставили снять комбинезон, посадили за стол. Предложили самогону. Я отказался, но поест поел.

— Ну, а теперь побалакаем по душам: кто, что, откуда, зачем...

Чего уж тут мудрить, выкладываю как есть — советский летчик, говорю, вы это и сами видите. Летал бить немецких фашистов, но, к сожалению, был подбит сам и сел вынужденно. Самолет взорвался, вы его не найдете. Все. Ответ мой, говорю, исчерпан.

Конечно, приготовился ко всему. Но здоровяк, как ни странно, не завелся:

— В другом месте исчерпаешься..., — пообещал как-то наспех и велел всем спать. Васе и Грише поручил смотреть по очереди, «чтобы гость спал хорошо»... Даже извинился за отсутствие чистых постелей и разрешил надеть комбинезон. И место указал, где лечь — на полу в левом от двери углу комнаты.

Лежал и гадал, кто же они есть? Партизаны? Сказали бы сразу и вряд ли отобрали оружие. А если полицаи, почему обошлись без мордобоя? Не заметил, как заснул.

Утром разбудили рано, дали поесть остатки вчерашней картошки, черного хлеба, запить чем-то — чай не чай, трава — не трава и под охраной Гриши и Васьки вывели во двор. Там стояла повозка, как мне показалось, похожая на вчерашнюю.

Здоровяк велел сесть на середину повозки. А пожилой, сидевший впереди с вожжами, так и сверлил меня глазами, испытывал...

Сели. По бокам Гриша и Вася с карабинами, здоровяк — спереди, рядом с пожилым, но лицом ко мне. Тронулись... Проехали, может быть, с час, стало светать. И вдруг, как из-под земли вокруг повозки выросли фигуры... Их было не меньше десяти. Повозка остановилась.

— Руки вверх! Не шевелиться! — и тут же быстрее молнии накнулись на нас, смяли, скрутили...

— Ну, здорово, «Демон». Наконец-то встретились!.. — сказал один из напавших.

«Демон», как потом узналось, было прозвищем одного из самых верных псов немецкой охранки, главаря полицаев близлежащих сел, попавшего сейчас в руки партизан. Они за ним давно охотились и помог им в этом хозяин подводы, везший нас и оказавшийся разведчиком партизан. Они его с любовью называли «дядя Ваня». Руководил этой группой 25-летний Алексей Глазов, бывший комсомольский вожак района, а теперь отряда. Он и рассказал о трагической гибели Маши, когда узнал, что мы ее знали.

Маша была связной и разведчицей в этом отряде с конца 1941 года. Каких только рискованных заданий она не выполняла и всегда обходилось благополучно. Выручали: живой ум, смелость, находчивость. В последний же раз, успешно выполнив сложное задание на станции Дно и на двух перегонах восточнее ее, она, возвращаясь домой, случайно напоролась на головорезов «Демона». Тот сразу же узнал ее: в конце сорок первого и в начале

сорок второго Маша жила в той же деревне под видом племянницы у одной старушки. «Демон» влюбился и усиленно добивался ее, настолько решительно, что ей пришлось от его притязаний перебраться в расположение отряда. Но «Демон» искал ее непрерывно и, вполне возможно, не случайно попал на ее след. Поместил он ее в доме «дяди Вани», но держал под постоянной охраной, помогаясь ей и по-хорошему и угрозами. Она с презрением отвергла его. «Дядя Ваня» при первой возможности дал знать партизанам о случившемся. Те оперативно снарядили отряд для ее спасения, но «Демону» удалось чуть ли не из-под носа отряда вывезти Машу насильно. Полный ненависти к ней, к партизанам, ко всему советскому, в отместку за ее несговорчивость, он передал Машу в руки немецкой комендатуры, заявив ее, как комсомольского вожака и активную партизанку-разведчицу. Фашисты целую неделю лестью и обманом добивались показаний. Даже офицеры пытались достичь ее расположения. Она с омерзением отвергла их. Тогда стали шантажировать, но, потерпев полную неудачу, перешли к изощренным методам насилия. Пытали три дня, но ничего не добились... Так была замучена фашистами и ушла в бессмертие героиня, ставшая легендой, отдав жизнь за счастье Родины, самоотверженно выполнив дочерний долг, верно храня в душе облик любимого, хотя и ни разу не обласканного ею... Между прочим, Алеша Глазов признался, что сам любил Машу, но безнадежно, ибо она сразу сказала, что они могут быть только друзьями-товарищами по борьбе.

— А вы знаете, кого она любила? — спросил я.

— Нет, она не говорила об этом.

— Она любила нашего прекрасного летчика, чудесного парня, Сашу Картавицкого.

— От души завидую ему, не каждому выпадает счастье любить и быть любимым, тем более такой девушкой, как Маша. Передайте ему мое искреннее соболезнование.

— При всем желании не смогу сделать этого.

— Почему?

— На днях он героически погиб южнее Старой Руссы.

И Алексей, и все, кто нас окружал, молча сняли шапки... Они не знали Картавицкого, но скорбь по нему была такой же, как и по их замученному товарищу — Маше.

Вчера в ночь партизаны помогли мне перейти через линию фронта на болотистом участке Лисьи Горки—Белебелка, южнее нашего района активных действий... А вот это... — Феоктистов вытащил из внутреннего кармана за-

вернутый в бумагу пакетик: «прощальный привет Маши». Это был ее комсомольский билет, который она оставила на время выполнения задания в отряде. Его отдали Феоктистову, чтобы передал матери. Там же оказался и ее фотоснимок. Маша смотрела с него на летчиков живая, вдохновенно-лучезарная.

И в скорбной тишине прозвучал голос Агрбы:

— Прощай, Машенька, мы отомстим за тебя!

— Отомстим! — гневно откликнулся Багаутдинов.

— Отомстим! — клятвенно, в один голос выдохнули все летчики.

Весть о гибели Маши облетела всех с быстротой молнии. Технический состав, как и летчики, стихийно собравшись на стоянке самолетов, организовали траурный митинг. Редактор стенгазеты Манойло выпустил лист-молнию с общим заголовком «Отомстим за нашу Машеньку!»

А когда летчики, возвращаясь домой, шли по деревне, многие жители стояли возле своих домов, склонив обнаженные головы.

Марфу Петровну друзья застали в бесчувственном состоянии. Подруги-соседки беспомощно хлопотали вокруг нее. Агрба помчался за врачом. Большими его усилиями она была приведена в сознание. Все ее «сынки» стояли рядом... Увидев Сережу, она заметно оживилась.

— Сережа! Хорошо-то как, что живой...

— Спасибо, Марфа Петровна, спасибо... Я-то, вот живой... А Маша...

Лицо Марфы Петровны снова стало безжизненным.

— Будь он проклят, этот Гитлер... — еле прошептала... — И вдруг с надеждой — Сережа, а как там Коля, ты его видел?

— С ним все отлично. Молодец, в отряде его любят, — бодро ответил Сережа, хотя не видел его — тот отсутствовал, выполняя очередное задание.

— Дай-то бог, чтобы хоть он вернулся...

— Так и будет, Марфа Петровна, мальчик он очень сообразительный.

— Спасибо.

— Примите, дорогая Марфа Петровна, от нас всех, от всего полка искренние соболезнования, и простите..., что не сберегли мы, мужчины, нашу дорогую Машу, — тихо сказал Киазим.

— Считайте нас всех своими сыновьями, мы всегда с вами — вы наша дорогая мама, — эти слова Бориса шли от самого сердца.

— Спасибо, сынки, сердешные вы мои. Спасибо. Чтобы со мной было, если бы не вы...

Когда остались одни, Сергей тяжело вздохнул:

— Эх, Марфа Петровна, просит бога, чтобы сберечь Коленьку, а есть ли он, бог-то, если даже такое ангельское создание, как Машеньку, отдал на растерзание хищникам...

ОДИН АТАКУЕТ И ПОБЕЖДАЕТ, А ДРУГОЙ...

К началу апреля обстановка на узком участке фронта южнее Старой Руссы крайне обострилась. Сумев создать большое превосходство сил здесь и на западном выступе Демянского кольца, немцы упорно наступали, продвигаясь с двух сторон в направлении к Рамушево, расположенному на западном берегу реки Ловать, сужая таким образом коридор, отделяющий две свои группировки. Превосходство все еще было на стороне и в воздухе. В зависимости от погодных условий транспортные самолеты «Ю-52» под прикрытием «Ме-109» и «Ме-110» продолжали перебрасывать живую силу, технику и оружие в свою окруженную пока группировку.

В этой обстановке усилия штурмовой авиации, в том числе 568 шап, были нацелены на уничтожение группировки противника, наступающей из района Борисово—Рамушево, а также его транспортных самолетов, идущих с войсками и грузом из района железнодорожной станции Дно в район Демянска.

8 апреля рано утром полк был приведен в боевую готовность. Полк насчитывал всего 4 самолета, — сколько сумели подготовить к этому времени техники. На них поднялись Феоктистов, Агрба, Шелопутнов и Багаутдинов. Цель — нанесение удара по автоколонне на дороге Лычково—Белый Бор. Как видим, уже в который раз в нарушение принятого в то время боевого порядка — «клин из трех самолетов», стал пробивать себе дорогу «клин или пеленг из четырех самолетов», состоящий из двух пар. Этот боевой строй штурмовиков, родившийся неволью и в основном из-за нехватки самолетов, уже сейчас упорно доказывал свои удобства, отстаивая собственное будущее.

Итак, четверо штурмовиков, составленных как бы из двух пар, легли на боевой курс. Истребителей прикрытия не дали, ибо цель приходилась на северо-восточный выступ кольца окружения, где, полагали, встречи с «мессерами» не будет... Местность облетана, знакома. Вот и

дорога от Лычково на юг к Белому Бору, а вот и колонна машин на ней, внушительная, не менее 50 единиц.

Внимание, в атаку!

Перешли в пологое планирование и тут же заплясали трассы зенитных снарядов и пуль. Но до них ли — впереди в прицеле вражеская техника. Дистанция быстро сокращается, 1000, 800 метров. Пошли эрэсы, очереди пушек и пулеметов. Выход из планирования и... посыпались бомбы осколочно-фугасные, осколочно-зажигательные...

Конец первой атаки. Теперь разворот с набором высоты для следующей. Делают его вдохновенно, ибо видят огнем охваченную дорогу, разметанные куски горящих машин, разбегающихся в панике фашистов. Завершив разворот, Феоктистов начинает вторую атаку. Агрба следует за ним, держась на расстоянии не более 600—700 метров. Феоктистов открывает огонь, но справа к нему приближается «мессер»... Агрба бросает на него свой самолет и сразу же открывает огонь. «Мессер» с разворотом вправо взмывает вверх. Развернувшись к Феоктистову, Агрба перешел влево от него и... Что за видение? Перед ним чуть левее курса идут один, три, шесть, десять — о, сколько же их! — трехмоторных, пузатых «Ю-52». Идут тяжело, грузно... И без того горячая кавказская кровь бросилась в лицо, обожгла сердце, еле сдерживая неукротимый порыв. Но как же Феоктистов? Идет, явно не замечая «юнкерсов»... Агрба дает трассирующую очередь в направлении юнкерсов. Феоктистов заметил, качнул крылом, передал по радио: «Атакуй!», ибо удобней было стрелять Агрбе... И решение созревает мгновенно: небольшой доворот... Но, заметив две пары «мессеров», идущих выше и по бокам «юнкерсов», резко снижается до бреющего, решив подкрасться, маскируясь на фоне местности, и внезапно ударить снизу...

И властно вдруг позвал, повелев затрепетать сердце, охотничий азарт. Сделал змейку, прошел чуть по прямой, обороты двигателя полные, а вот и они — впереди и сверху пузатенькие. Ручку на себя — прицел, огонь! И ближний «юнкерс», объятый пламенем, рухнул в небесную пучину... «Это вам, гады, за Машу!» — крикнул Агрба, с ликованием следя за падающим гадом... Огонь, дым, шаркнулись в стороны «юнкерсы» и «мессера»...

Заметив, что Агрба ринулся к «юнкерсам», Феоктистов решил прикрыть его и, быстро развернувшись, пошел за ним. Он видел, как Агрба снизу ворвался в строй юнкерсов, как упал сбитый им самолет, но увлеченный, не

заметил сзади «мессера». И лишь когда неожиданно полоснула очередь по центроплану, Феоктистов резко бросил самолет вниз и вправо, в то же мгновение услышал стук сзади, взрыв сверху кабины, почувствовал, как чем-то обожгло правое предплечье и правую руку. Энергично переложив самолет в другую сторону со скольжением, увидел, что «мессер» пронесся над ним. Перед самой землей вывел самолет из скольжения, осмотрелся, где Агрба? Его нигде не было. Предположив, что он ушел домой, взял курс на аэродром, а вышел... на Крестцы. Посмотрел на бензиномер — горючего осталось мало, рука кровоточит. Решил произвести посадку в Крестцах. Его сразу же отправили в медсанчасть...

* * *

А где же был Агрба?

Сбив «юнкерс», он отвернул в левую сторону, но, увидев, что его атакует «мессер», метнул прямо под строй «юнкерсов» и прошел под ними... Потом влево, ниже и снова под «юнкерсы» — ему надо было сохранить необходимую скорость и лишить тем возможности «мессеров» бить по себе. Так и ходил он змейкой под ними, благо они с немецкой точностью шли на предусмотренной высоте. Наконец, группа в составе 30, вернее теперь 29 «юнкерсов», вышла на аэродром Хани, — на свою конечную точку... И тут, улучив момент при заходе одного «Ю-52» на посадку, Агрба пристроился к нему сзади и с очень близкой дистанции дал очередь из всех четырех точек. Тот ярко вспыхнул и грохнулся прямо на летное поле. «А это вам, гады, за Сашу!» — воскликнул Агрба и, пользуясь замешательством, царящим на аэродроме, с ходу атаковал скопившиеся впереди машины, людей, прижался ближе к земле и ушел...

Взяв курс на север с намерением выйти на свой аэродром, но выскочив на «железку» правее Крестцов, развернулся влево и совершил там посадку, ибо горючее было на пределе. Ему сказали, что и Феоктистов здесь. Попросив, чтобы самолет подготовили к перелету, он побежал разыскивать друга...

А где были и что делали Шелопутнов с Багаутдиновым? Минут на пять позже расчетного времени они благополучно произвели посадку на своем аэродроме. Шелопутнов доложил, что видел, как Агрба со второй атаки бросил группу и ушел куда-то в правую сторону... Что было дальше с ним и Феоктистовым, Шелопутнов не зна-

ет, ибо после второго захода по цели, они с Багаутдиновым подверглись нападению «мессеров» и отбили несколько их атак. Багаутдинов, неотступно ходивший за своим ведущим и добросовестно выполнявший роль ведомого, подтвердил воздушный бой, но и признал, что как во время, так и после второго захода не видел ни Феоктистова, ни Агрбы...

Когда Агрба приземлился на своем аэродроме, встретили его настороженно, даже холодно. Но вот он доложил в деталях о ходе выполнения боевой задачи, осветил воздушный бой с начала до конца и свое «свидание» с Феоктистовым, и глаза летчиков потеплели — гордость и радость за товарища хлынули наружу...

По данным Агрбы, соседний полк нанес удар по аэродрому Хани, уничтожив много вражеской техники и оружия. Командир этого полка после выполнения боевого задания позвонил и передал искреннюю признательность летчику, который «погулял» там до них, оставив после своего визита на границе аэродрома догорающие остатки большого самолета и много исковерканных машин.

Вечером, за несколько минут до объявления отбоя готовности, летчики для уточнения задачи на завтра зашли на КП. Открыли дверь и увидели техника по радио Манойло, внештатного редактора стенной газеты «Штурмовик». Он всегда очень быстро и своевременно выпускал ее, освещая наиболее характерные эпизоды из боевой жизни полка. Сейчас, рядом с самодельным плакатом, гласящим: «Что ты сделал сегодня для полного освобождения Родины?», он прикреплял очередной номер газеты, где крупно выделялся заголовок: «И мы можем бить... Молодец, Киазим!»

* * *

После вчерашнего боевого вылета все самолеты оказались с серьезными повреждениями. Их надо было чинить. Самолет Агрбы тоже имел несколько пробоин в плоскости и фюзеляже. Поэтому все они были опять поставлены на прикол, на полное попечение инженеров, техников, механиков и ПАРМ.

А летчики и весь руководящий состав полка собрались на свой очередной традиционный разбор полетов.

— Тема сегодняшнего занятия, — подчеркнул командир полка, — итог вчерашнего воздушного боя. Еще раз от души поздравляю лейтенанта Агрбу — основного «ви-

новника» событий, с очень важной победой. Он первым в полку сбил в трудном, но интересном, с точки зрения тактики, бою два «Ю-52».

Присутствующие дружно зааплодировали. И Агрба в этот раз не возражал.

— Бой показал, — продолжал командир, — что и у наших летчиков кроме смелости и дерзости начинает проявляться смекалка, находчивость, расчет, т. е. то, из чего складывается боевое мастерство. И каждую крупницу боевого опыта нам надо тщательно анализировать, изучать и применять творчески. Попросим лейтенантов Феоктистова и Агрбу рассказать нам еще раз в спокойной обстановке и более детально все как было. Это — наглядная школа, товарищи.

Феоктистов рассказал о первой части боя, — до того момента, когда он «прозевал «мессера» и позволил тяпнуть себя прилично».

На счастье раны Феоктистова оказались легкими и он вчера вечером, сделав перевязку, «убежал» из лазарета на попутной машине домой, в полк, на радость друзьям и товарищам. Теперь, рассказывая о себе, он полностью оправдал инициативные действия Агрбы, как умение правильно оценить обстановку, выбрать наиболее важную цель и мастерски атаковать ее.

— Когда увидел падающую в огне машину, душа возликовала — сколько там фашистов с техникой и оружием разлетелось на куски! — произнес он, — не скрою, такая тут зависть, дружеская, конечно, заиграла во мне... Ну, думаю, и от моей руки ты, фашист, сейчас на распылку пойдешь, но... не повезло.

Потом говорил Агрба. Детально изложив весь ход боя, уделил особое внимание своему маневру для атаки, прицеливанию, как и в какой момент открыл и вел огонь. Потом ответил на многие вопросы.

В конечном итоге способ Агрбы, примененный им в этом бою, был одобрен и взят на вооружение.

Дошла очередь и до Шелопутнова. Тот рассказал, что бой вели с Багаутдиновым поочередно, отсекая атаки «Ме-109», не отходя друг от друга далеко. Выразил признательность Багаутдинову за умелое взаимодействие.

— А когда потеряли Феоктистова и Агрбу? — спросил командир.

— Внезапная атака «мессеров» не позволила вести непрерывное наблюдение за ними...

— Что вы скажете, товарищ Багаутдинов?

— Верно, увлеклись боем. Хотя... В это время мы шли на значительно увеличенной дистанции, — сознался Камал.

— Как это понять, товарищ старший лейтенант?

— Надеялся при возникновении угрозы нападения сразу прибавить скорость и сократить дистанцию.

— Так почему же не прибавили скорость, когда Агрба, прервав атаку наземной цели, кинулся на выручку Феоктистову?

— Не успел, товарищ майор, только было собрался, а тут атака «мессеров»...

— Вы же знаете, что «мессера» очень быстрые, проворные... И, конечно, пока вы чухались, они успели ударить по вам и одновременно по первой паре. Общеизвестно также, что держать в поле зрения на такой дистанции впереди идущих и обеспечить огневую поддержку при этом невозможно. Так почему же вы все-таки отстаете и уже в который раз?

— Виноват, товарищ майор...

— Чем и как вас еще убедить, что «мессера» стараются прежде всего подобрать отставших, расстроить наши боевые порядки и колошматить разрозненные группы? За это мы уже заплатились.

— ...?

— И вчера, вы растянули дистанцию и дали возможность врагу дубасить себя поодиночке... А если бы защищались вместе, успех был бы внушительней — единый кулак бьет сильнее.

Прошу запомнить — «маленькое» нарушение дисциплины боевого строя ведет к большому нарушению огневого взаимодействия. И еще — повторение ошибок в меньшей мере неумно, в большей — преступно. Хотя ради справедливости, отмечаю, что оставшись вдвоем, Шелопутнов и Багаутдинов взаимодействовали удачно.

* * *

После разговора с летчиками командир полка пригласил к себе оперуполномоченного, спросил:

— Ну, что скажете теперь?

— В бою он действовал хорошо...

— И только? А если бы на его месте оказался другой, допустим тот же Шелопутнов?

— Трудно сказать. Всякое могло быть...

— Вот именно.

Чтобы понять смысл этого диалога, вернемся назад к тому времени, когда шла подготовка к вышеописанно-

му боевому вылету. К командиру полка подошел оперуполномоченный:

— Товарищ командир, прошу вас не планировать Феоктистова на выполнение боевых заданий, по крайней мере на некоторое время...

— Это почему?

— Надо проверить. Все-таки был в тылу у немцев...

— А я ему, рабочему московского метростроя, верю полностью.

— Но по нашей инструкции...

— К сожалению, ваша инструкция не может обеспечить фронт активным пополнением, — с едва заметным раздражением проговорил командир, — а нам сейчас до зарезу нужны воины, Феоктистов же — один из самых активных и способных штыков.

— Инструкция оберегает от лжештыков...

— Но не в данном случае.

БАНЯ ПО-ФРОНТОВОМУ

Сегодня с обеда до ужина баня. Обычно часа за два весь полк успешно справлялся с этой, по выражению старшины, «ответственной задачей». Для этого использовались добротные и вместительные деревенские бани. В одной из них мылась эскадрилья Агрбы и его друзей. Она нравилась им не только исконностью духа: жарким паром, терпким, ядреным запахом березового веника, но и близким от аэродрома расстоянием.

Итак, пообедав, летчики заспешили домой, чтобы переодевшись, побыстрее «оказаться в банном царстве». Прошли не больше половины пути и услышали своеобразный и уже знакомый, наполненный подлыми сочетаниями шипенья, жужжанья и свиста, звук. И тут же почти над крышами метеором пронеслась пара «худых». Зенитки, конечно, пребывали в таком же недоумении...

— Во, обнаглели! — возмутился Багаутдинов.

— Из-за голой наглости на рожон не полезешь..., — заметил Феоктистов, — не нравится мне это...

— Не сгущай... Они с самого начала наступления снуют во всю Новгородскую..., — успокоил Лозоренко, на что Агрба ему возразил:

— Благодарствуешь... А что если это разведка? Не дай бог наши последние самолеты добьют...

Однако домыслы домыслами, а баня тут рядом — до нее рукой подать...

Летчики, «с толком и расстановкой» смыли все гре-

хи, с наслаждением вкусив мыльный и жаркий рай, и вышли из бани. Подошла группа младших авиационных специалистов, среди которых были и неразлучные Черпаченко с Чудило. Они явно, предвкушая сладостное удовольствие, без конца выкрикивали «с легким паром», «хорош ли сегодня пар», «оставили ли нам жару» и т. д. Когда они прошли в предбанник, летчики направились домой: чудодейственная парилка настраивала на приятный отдых. Пришли, разделись, легли в хрусткую крахмальную постель, и почувствовали такую истоми, что мгновенно задремали. На войне только на первый взгляд кажется, что все — и судьба человека в целом и каждый его шаг — зависят от случайных, беспорядочных фактов, в самом же деле все четко обусловлено, хорошо продумано, выверено и только «чутье» той или иной стороны способно нарушить этот порядок. И не зря, видно, сегодня летал «худой», — радостные дымы бань не ускользнули от его внимания...

Как только летчиков сморил крепкий, хороший сон там, вне сферы их внутреннего мира, началась «потеха» всемирного сатаны: сплошным черным всполыхом задернулось небо, затягивали зенитки, мощно загудел воздух — загрохотал, рассыпался... Задрожала земля. Фронтовой сон чуток. Летчики молниеносно вскочили, кое-как оделись и, выбежав во двор, пулей домчались и с ходу бухнулись в щель. На дне ее бултыхалось, колыхалось под ногами месиво из талого снега, грязи и воды. Успели вовремя... Через какие-то секунды ухнуло, затряслось и так близко, что посыпались комья земли. Потом все стихло. Друзья выбрались из своего убежища, оглянулись и... остолбенели: дом их зиял темными проемами вместо окон, забор и ворота валялись, рядом дымилась внушительная воронка.

— Смотрите, горит! — воскликнул Багаутдинов.

Да, горело рядом с баней, где находился, по всему, технический состав.

Все как по команде помчались туда...

Дом в развалинах еще курился едким дымом, за ним, ближе к огородам горели, как факел, надворные постройки: сарай, хлев и еще что-то. Людей не было.

— Мы с Камалом останемся здесь, может под домом люди, а вы идите к своим, — бросил на ходу Феоктистов.

Агрба и Лозоренко бросились к бане и сразу же увидели ее целой и невредимой. Вбежали во двор и... хоть стой — хоть падай: перед баней стояли трое совершенно голых и что-то кричали, а чуть дальше со стороны ого-

рода подбегали к ним человек пять таких же голышей. С другой стороны навстречу Агрбе и Лозоренко — один одетый, другой в трусах, что-то показывают руками — да это же Черпаченко! — рядом женщина в военной форме с сумкой наперевес... Вот они поравнялись с летчиками и Черпаченко, крайне встревоженный, закричал:

— Там он, там!..

Летчики машинально последовали за ними и метрах в двадцати услышали панический выкрик: «Стой, стрелять буду!» и тут же увидели высунувшегося из придорожной канавы человека «в костюме Адама». На измазанном грязью его лице были видны лишь одни глаза, узнать его было невозможно. Кругом изрытая земля вперемешку со снегом и черные ямы воронок. Люди подошли почти вплотную, но человек из канавы так завопил: «Не подходи! Буду стрелять!», что они в нерешительности остановились.

— Интересно, чем ты собираешься стрелять, в руках даже палки нет и сидишь в чем мать родила, — проговорил с раздражением Черпаченко.

Но «Адама», видно, это не урезонило. Его смущало появление «Евы», и он яростно махал в ее сторону протестующей рукой...

Врачом была женщина, единственная в полку. С одной стороны это было хорошо. Вера Васильевна очень тактичная, добрая и заботливая образцово обеспечивала медицинский контроль, пользовалась большим уважением. Она была сестрой для всех: старшей для молодых, младшей для немногих пожилых. Гордостью и совестью полка считал ее каждый. Вместе с тем были и свои неудобства. Например, медицинский контроль. Или санитарная обработка в банные дни. Тут уж она могла осуществлять это только силами санитаров и медбрата.

Из обрывчатых рассказов Черпаченко и других очевидцев стала проясняться картина. Налет застал людей врасплох: кто-то ахая-охая с наслаждением шпарил себя веником, кто-то нежился в мыльной пене, натирая другому спину и услышанные как бы в отдалении гул и залпы зенитных орудий сразу до сознания не дошли. Но через несколько секунд рвануло совсем рядом, да так, что баня закачалась (удар по соседнему дому), и началась паника. Ошалелые, намыленные, красные от пара люди стрелой выскакивали и шлепались в укрытие, заполненное талой водой (потом будут смеяться, вспоминая эту «прохладительную» ванну после горячей парилки), а Чудило, как всегда, занесло в «обратную сторону», к ули-

це... Там он энергично приземлился в первой попавшейся придорожной канаве, видимо заняв оборону. В бане остались Вербицкий, Сунгатуллин и еще двое — «будь что будет, никуда не пойдём». Но тут гроыхнуло еще раз, но ближе к улице. Для Чудило, не лежи он животом вниз, этот взрыв мог бы стать роковым... В данном случае его легко ранило в ногу и царапнуло по ягодице...

Когда он завопил и замахал рукой, Вера Васильевна, конечно, остановилась, оценив «рыцарское» смущение Чудило. Но как только подошли мужчины, он весь грязно-синий и дрожащий с выпученными от страха глазами полез из канавы. И тут все увидели его окровавленную ногу. Подхватили на руки и потащили прямо в баню.

Переступили порог банной двери и столкнулись еще с одним «рыцарем»: маленький, юркий Сунгатуллин, застенчивый как девица на выданье, прикрыв ладонями стыдное место и забившись в один из дальних углов бани, с ужасом смотрел на входящих и что-то бормотал (как потом выяснилось, он умудрился уловить среди множества сильных шумов женский голос на улице). Но этот казус остался незамеченным, так как общее внимание было направлено на ногу Чудило.

Лежал он в лазарете недолго. Но зато долго ходили потом шутки о том, как чуть не лишился «Святой» самых важных мужских принадлежностей и не заполучил в связи с этим на всю оставшуюся жизнь профессии евнуха.

От налета пострадала не только деревня. Две бомбы упали совсем рядом с КП, разрушив капонир. К счастью, ни люди, ни самолет не пострадали. Три бомбы угодили на взлетно-посадочную полосу, а несколько легло вдоль стоянок самолетов и недалеко от автопарка БАО...

Марфа Петровна встретила летчиков, как с того света:

— Ох, дорогие мои, как хорошо, что вернулись целые-невредимые, бог знает, что я только не думала, — искренне запричитала она.

И когда, будто не веря глазам, теплой своей рукой оглаживала лица ребят, каждому казалось, что он дома, с родной своей матерью. Позже Марфа Петровна рассказала:

— Пошла я на минутку к подруге на другой конец села, да разве сразу-то уйдешь от нее... Она мне свое, я ей свое... Только было собралась, началась эта кутерьма...

— Может быть ваша любовь к беседам и спасла вас от возможных неприятностей, — улыбнулся Феоктистов.

— Верно, бог отвел..., а вот на окна мои за что-то рассердился — так вдребезги и разлетелись.

— Не унывайте, Марфа Петровна, «прорвемся», забудем их пока досками, слава богу дело пошло к весне, а там видно будет, — успокоил ее Князим.

КРЕСТЦЫ ВСТРЕЧАЮТ ФЕЙЕРВЕРКАМИ. К УДАЧЕ ЛИ?

А дело и правда пошло к весне. С раннего утра до позднего вечера, устраняя последствия вражеской бомбежки, люди ощущали ласку апреля и со смешанным чувством тревоги, радости наблюдали за внешними признаками стремительно наступающей весны. Зазвенели ручейки, поманили каждого в детство, где все наполнено ожиданием прекрасного, где жизнь обманывает вечностью и счастьем. Да, такова уж природа человека, и никакие испытания не в силах изменить ее. Талые воды, омывая землю, уносят с собой и муть душевную, погружая в прекрасный мир запахов и красок.

Весна, однако же, вносила и свои коррективы в жизнь полка. С аэродрома Вины, не имевшего искусственного покрытия, взлетать стало небезопасно, а в дневные часы почти невозможно. И встала во весь рост необходимость поменять базу сразу же, как только будут исправлены все имеющиеся самолеты.

Чтобы не травмировать внезапно Марфу Петровну, друзья решили предупредить ее об этом заранее. Но весть ее ошеломила: «Ой, да как же это? Зачем же это? Да как я теперь буду жить-то без соколиков своих...» Ей обстоятельно объяснили причину, заверили, что обязательно будут наведываться, но молчаливый крик души так и остался в ее глазах. Потом в них появилась озабоченность, неумолимая просьба, мольба:

— Пожалуйста, оставьте ее... Пусть она будет со мной всегда, — попросила Марфа Петровна, указывая кивком на сиротливо стоящую кровать Саши.

Друзья переглянулись. Светлая грусть омрачила их лица.

— Оставим..., — только и ответил за всех Князим, чувствуя комок, подступивший к горлу.

* * *

К вечеру 11-го апреля все самолеты были введены в строй. Утром, пока взлетно-посадочная полоса, утрамбованная и накатанная, была еще схвачена ночными за-

морозками, решили, сменив лыжи на колеса, перелететь на аэродром Крестцы, имевший твердое покрытие. Перегонку на новый аэродром доверили опытным летчикам, в их числе Агрбе, Феоктистову и Лозоренко. Перелет осуществили успешно. Теперь надо было адаптироваться в новых условиях...

Поначалу все шло хорошо. Летчики вели тренировочные полеты — знакомились с особенностями нового аэродрома, заодно и обкатывали самолеты после восстановительного ремонта. Техники и механики, большей частью прибывшие на машинах накануне, закатив самолеты в капониры, приступили к послеполетному осмотру и подготовке их к завтрашним боевым вылетам. Итак, все шло своим чередом. Но когда летчики собрались пойти на свой новый КП, неожиданно начался вражеский налет. Адресовался он не им, а железнодорожной станции и складам боеприпасов. «Юнкерсы-87» пикировали друг за другом, кидали и кидали свой смертоносный груз и каждый отдельный взрыв вливался в единый всепоглощающий грохот, возникали очаги пожара. Вакханалия длилась около 10 минут.

Но вот мрачное небо озарилось ярким огненным всполохом. И тут же другим... Это наши зенитчики сбили двух «юнкерсов». Зрелище впечатляющее, стервятники ушли. Отбой!

Да не тут-то было: со стороны пожаров полетели вдруг в небо снаряды с длинными огненными хвостами. Со свистом, крутясь, шипя и дымя, они носились над селом и аэродромом в разных направлениях, на разных высотах, то по вертикали вверх, вниз, то по горизонту, то с наклоном к нему... Люди в страхе попадали, попрятались, не успевшие укрыться, метались в панике... А небо все бесновалось в диком разнузданном хороводе, и огненные хвосты выметали с него все, до последнего облачка... А были это наши обыкновенные эрэсы, которые летчики выпускали со своих самолетов по фашистам. От детонации и высокой температуры накала пороховой заряд в них загорался, создавая реактивную тягу, но не сразу, а промежутками, потому они и вылетали не в одно и то же время. Очевидно, и стабилизаторы на них при взрыве и пожаре были деформированы, вот они и носились по самым невероятным траекториям... Потерь было немного, в большинстве своем они попадали за пределами аэродрома, но страху и паники сотворили «на совесть». Частенько потом посмеивались летчики:

— Вот так саяют! Фейерверк в честь нашей встречи с Крестцами, дай бог, чтобы это было хорошим предзнаменованием.

* * *

Боевые действия полка с нового аэродрома базирования начались на утро следующего дня. Цель удара — войска и техника противника, дороги Рамушево—Борисово, Бяково—Василевщина, по которым выдвигались его оперативные резервы на участок фронта, откуда он наносил основной удар против наших войск.

Агрба, Феоктистов, Багаутдинов и Шелопутнов полетели только 15 апреля. Штурмовали скопление танков и автомашин в 5 километрах северо-западнее Рамушево, т. е. в районе, который из-за максимальной насыщенности вражеской техники и оружия, был прикрыт наиболее плотным зенитным огнем. Преодолев огонь одной из батарей МЗА, выполнив боевую задачу, группа вернулась... в составе трех самолетов. Не было Агрбы. Где, как и что с ним случилось, никто не видел. Шелопутнов поспешил доложить, что Агрба совсем не участвовал в атаке цели. Феоктистов возразил, сказав, что не видел его только на второй атаке, которую вследствие изменившейся обстановки пришлось переиграть — были обнаружены танки, предназначенные для атаки против наших войск, поэтому и решили нанести удар по ним, как по наиболее опасной, непосредственно угрожающей цели, и, конечно, поступили правильно...

* * *

Агрба не пришел в этот день. Не пришел он и на второй, третий... По всему выходило — погиб. Друзья его ходили мрачными, но не торопились поставить ему за ужином скорбной стопки... Штаб же решил отправить извещение «Пропал без вести». Но командир полка упорствовал, не хотелось верить такому исходу. В душе его теплилась смутная надежда. И когда начальник штаба, уже в который раз напомнил ему об извещении, он сказал:

— Подождем, Михаил Георгиевич. Поспешность в таких делах непростительна — вдруг ошибка? Подумайте о его родителях.

Нет, не хотел верить командир, что может пропасть так просто его любимый летчик.

Так числился ли Агрба в списках живых — «без вес-

ти пропавших» или «пал смертью храбрых»? И какую выписку из этих двух, одинаково кровавых, предпочел бы он?

* * *

На выходе из первой атаки Агрба засек батарею МЗА. Она поначалу молчала. Когда же первые три самолета уже вышли из атаки, а продолжал атаковать только он, замыкающий группы, батарея открыла огонь. Уверенный, что и вторая атака состоится по основной цели (и не догадываясь о намерениях Феоктистова), он стремится подавить обнаруженную зенитную батарею до начала второй атаки: крутой разворот на 180 градусов с набором высоты, переход в пикирование на батарею и прицельный огонь одновременно эрэсами и из всех пушек и пулеметов. Батарея пыталась ответить огнем, но сразу же была подавлена. Выйдя из атаки, Агрба выбрал маневр, позволяющий ему быстро пристроиться к группе, и сделать второй заход по цели... Но тут же спереди слева и справа почти в упор потянулись к нему трассирующие очереди. «Черт побери, проморгал!» — только и успел подумать. Бросил самолет вниз, потом вверх с обратным креном, услышал противный металлический стук и снова увидел трассирующий снап очереди справа... Кинул самолет влево, снап за ним... Опять стук. Он вниз и вправо. А трасса стрелой выныривает слева спереди. Он вправо вверх и сразу вниз... Жестокое смертельное единоборство! Кязим еще надеется, борется из последних сил, применяет все свое мастерство! Но силы явно не равны — по нему бьют не менее четырех малокалиберных пушек, неистово, почти в упор. Он не сдается: кидает самолет в разные стороны, лишь бы успеть выйти из зоны огня! Но трассы преследуют неотступно. Вот послышался стук справа совсем рядом, похоже в центроплане, вот где-то сзади и тут же блеснула молния впереди, взметнула искра... И погасла, заливая правый глаз чем-то влажным, липким. И только самолет, послушный руке хозяина, идет, даже маневрирует. Курс? Север! Надо повернуть на 90 градусов вправо, на восток. Успел... Но где-то рядом снова стук, запах гарью. Вскоре огонь прекратился, но мотор заработал с перебоями, затем и вовсе задрожал, зафыркал, зачихал и через какие-то секунды... остановился. Он поглядел вперед — высота не более ста метров, внизу небольшой лес, за ним блестит поперек пути река Ловать. «Перетяну ее, буду у своих», — мелькнула мысль.

На том ее берегу кустарники, а левее их открытое пространство. Он направил нос самолета туда. Вот уже и река под ним, а высота 50, 25... Он смотрит вперед и влево. «Черт побери, там совсем не ровно, вроде окопы, траншеи, воронки...» Только успел выключить магнето, поправить ручку на себя и...

Самолет плюхнулся.

Когда очнулся, не помнит. Медленно начинает сообщать: сидит он в бронекоробке кабины, под ним только центроплан. А где же крылья? Надо выбираться... Отстегнул привязные ремни, попытался встать — неимоверная тяжесть и резкая боль в правой руке и предплечье пригвоздили его к месту. Превозмогая боль, он с трудом отстегнул парашют и вылез. Осмотрелся. Одно крыло лежало почти рядом, другое вместе с фюзеляжем и хвостовым оперением — чуть поодаль. «Надо же... Не загорелся», — удивился он.

Подошли солдаты и офицер. Артиллеристы.

— Повезло, здорово повезло вам! — сказал офицер. — Вы ранены. Санитар!

Солдат с санитарной сумкой быстро перевязал раны: мельчайшие осколки малокалиберного снаряда и разбитого при этом переднего бронестекла впились в кожу головы и в лоб, повредили бедро, руки и ноги. Ко всему — удар головы о прицел при приземлении, перелом ключицы.

— Быстрее в медсанбат... Наши позиции регулярно простреливаются артиллерией противника, — поторопил офицер.

Они быстро снарядили что-то вроде носилок, пронесли его какое-то время на руках, а потом пересадили в машину. Примерно через полчаса он уже был в медсанбате.

* * *

Да, «шестое чувство» командира не подвело. На седьмой день после случившегося к КП полка подошли двое молодых летчиков. Первый, с забинтованной головой под шлемофоном и рукой на привязи, с ярко выраженным кавказским лицом. Он решительно открыл дверь землянки КП, второй последовал за ним. Агрба постучал в дверь комнаты командира полка, никто не откликнулся. Тогда в дверь начальника штаба. Услышав «да-да», открыл дверь. Там, облокотившись на стол и низко склонив головы над большой, испещренной разными знаками картой, что-то колдовали командир полка, начальник штаба

и его заместитель. Они были увлечены и не обратили внимания на вошедших, и только когда услышали: «Товарищ майор, лейтенант Агрба с места вынужденной посадки»... вскочили и молча уставились на вошедших. Но это только мгновение. А дальше...

— Кiazим! Прилетел «соколик»! А ведь я верил, верил! — командир полка стремительно обхватил его крепкими руками, поцеловал в щеки, в забинтованный лоб...

За ним и все остальные.

— Ну и напугал ты нас, дорогой, — не унимался командир, — можешь говорить? Тогда валяй, рассказывай без утайки все по порядку, а то я не припомню, чтобы так возвращались «с места вынужденной посадки».

Кiazим доложил все по порядку, до мельчайших деталей.

В конце доклада сказал:

— Командир медсанбата не хотел отпускать, решив отправить в госпиталь. Да вот случайно подвернулся лейтенант Денисов, из соседнего 299-го полка. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Его подбили в том же районе и он посадил самолет «на живот» недалеко от медсанбата. Узнал, что есть собрат «по крыльям», зашел, поддержал меня, заручился, что доведет как надо. Вот мы на попутном ЗИЛе и примчались, благо Крестцы находятся на большой дороге.

— Спасибо, товарищ лейтенант, от души спасибо Вам за выручку и поздравляю обоих с возвращением домой, — командир полка крепко пожал им руки. Приподнятое настроение не покидало его и после того, как вышли Агрба со своим спутником.

— Ну, что я говорил, а? А вы «пропал без вести», — донимал он начальника штаба.

ВИТЯЗЯМИ ВОЗДУШНЫМИ ИХ ПРИЗНАЛИ, НАКОНЕЦ, А ТУТ «ПРОЩАЙ, ВАЛДАЙ!»

Этот боевой вылет Агрбы стал последним на Северо-Западном фронте. Местный лазарет, куда был отправлен Агрба, отнял много времени. А полк продолжал воевать до начала июня. Основные его усилия в этот период сосредоточились на перехватах и уничтожении транспортных самолетов противника в воздухе и на ударах по аэродромам. Были дни победные, радостные. Была и горечь потерь. Не обходилось и без досадных недоразумений.

Лазаретные дни Агрбы тянулись однообразно и скучно. Выручали друзья. Они часто посещали его и делились

новостями, он был в курсе всех событий, происходящих не только в своем, но и в соседних полках, т. е. продолжал жить делами, интересами родного коллектива. Дни, когда друзья приходили с радостными вестями или когда он получал добрые письма, были праздником. Горькие же сообщения переживали вместе.

Первым его посетил секретарь партбюро полка 35-летний старший политрук Касимов Михаил Иванович. Призванный в ряды защитников Родины с поста парторга ЦК Липецкого металлургического завода «Красный Сокол», он был одним из тех, кто составлял душу полка. Будучи строгим, требовательным, взыскательным к себе и подчиненным, он в то же время оставался простым и вполне доступным, не теряющим чувства юмора. Были у него и «слабости»: до глубины души любил он сильную натуру — честь и отвагу, преклонялся перед такими, прощая «шалости». К ним относил он и Агрбу. Чувств своих не выдавал, держался со всеми одинаково. Он рвался в бой. Упорно тренировался, но тщетными были пока его желания. В свое время он знал летное дело, окончил аэроклуб, служил в авиационных частях, летал на легкомоторных самолетах, на боевом в то время Р-5, но в 1937 году «за отсутствие достаточной бдительности и принципиальности в борьбе с проявлениями враждебной деятельности» был освобожден от должности, списан с летной работы и уволен из рядов РККА.

Сразу же по прибытии в полк в сентябре 1941 года он задался целью вновь обрести крылья. Однако в период формирования полка целиком был поглощен созданием парторганизации и мобилизацией ее действий на подготовку личного состава к боям. Только на фронте, за очень короткое время (каких-то полтора месяца), заново изучил самолеты По-2, Ут-2 и под руководством командира полка восстановил на них практические навыки. Вскоре сдал зачеты и по Ил-2, вылетел на нем самостоятельно и по сей день продолжал тренировочные полеты. Благодаря удивительной настойчивости, он станет не только подготовленным летчиком, но и замполитом полка, «железным комиссаром», как назовут его уважительно однополчане...

Редко с кем устанавливались у него «особые» отношения, какие установились с Агрбой: принципиально деловые и сердечно-товарищеские. Они от души уважали друг друга, если не сказать больше. Агрба был одним из тех, на кого он надежно опирался, организуя партийную работу в полку.

— Ну, здравствуй, витязь крылатый! — Из-под густых рыжеватых бровей блестят голубые глаза. — Говорят, и с докторами воюете отважно?

— Здравствуйте, товарищ старший политрук. Зажали они меня крепко.., — жалуется Агрба. А политрук смотрит на туго забинтованную его голову, плечо, руки, ноги и только вздыхает:

— Как же не зажимать, доктор говорит, что возникли новые осложнения, пока ехали из медсанбата.

— Пустяки, заживут...

— Заживут-то заживут... Только должен заметить, дорогой Киазим, — нет пустяков в двух делах: лечебном и летном. И в том, и в другом масса тонкостей — чуть не так вильнешь — и не та «змейка» получается. Глядишь, да и ужалит... Так что — терпение и выдержка. Жизнь ведь ваша только начинается, хотя и на войне...

— Спасибо, товарищ старший политрук, учту на будущее.

— Горячий привет и сердечные пожелания быстрее залечить раны передает весь полк, особенно командование и ближайшие друзья.

— Благодарю, товарищ старший политрук, буду стараться...

— А Феоктистов чуть не угодил к вам в соседи — он сегодня дрался один с двумя «Ме-110». Чего там... Сильно побили его, но не больше. Живет дальше, улыбается.

— Передайте ему пожалуйста мое поздравление. Жаль, что не смог подставить ему плечо...

— Спасибо, обязательно передам. А плечо подставляйте врачам. Надежнее будет. Ну, что еще новенького... Вот летчики наши стали ходить на боевые задания в общих группах с соседями 229-го и 567-го шап. Конечно, не сыгрались пока... Но ничего не попишешь — не хватает самолетов, да и каждый летчик на счету.

— И я тут нехстати, и еще самолет потерял...

— Не надо так, Киазим. Такой бой на себя принял, да и сам живой остался. Не вижу другого в вашей ситуации, хотя, храбрых нам не занимать. А самолеты найдем, дай нам немного времени. Я еще одну новость скажу по секрету — вас представили к правительственной награде за мужество, проявленное во всех десяти боевых вылетах и, особенно, за подвиг 8 апреля. Хочу первым поздравить, хотя тоже по секрету...

Когда парторг ушел, Киазим еще долго лежал, не двигаясь, охваченный волнением от стольких новостей: его впервые назвали «витязем», да еще крылатым. Этого

почетного звания в летном мире устаивались не многие, а только самые храбрые и умелые. Выходит, и он такой... Парторг врать не станет. Да и с земли виднее — кто есть кто. А вот награда... вызвала в нем двоякое чувство: конечно, радость! Конечно, гордость! Но что-то сокрытое глубоко внутри подтачивало душу: «Ведь ты рискуешь жизнью за свободу Родины, а не за регалии, чины и награды...», нашептывало сознание, рожденное его сутью. Добывший делами своего отца, своего народа и собственными трудами новую жизнь, принявший ее как лучшую, справедливую долю и не желая никакой иной, он защищал сейчас ее от захватчиков — яростно, самоотверженно, мечтая о единственной награде — освобождении ее от иноземного гада.

Но что ни говори — орден есть орден: знак уважения и славы, да и в конечном счете — итог твоих боевых дел. И естественное чувство радости берет верх...

Подумалось о Светлане, о родителях — то-то обрадуются. И как никогда захотелось в бой, каждой клеточкой тела ощущая в себе прилив великой силы.

* * *

Долго ли может жить радость на войне?

Не прошло и десяти дней после свидания с Касимовым, как пришла страшная весть о героической гибели Гаврилова и Багаутдинова. Они взорвались прямо над целью, над аэродромом Глебовщина, от прямого попадания зенитных снарядов.

Принесли ее Феоктистов и Лозоренко:

— Вот решили помянуть друзей вместе с тобой.

Встали, сняли головные уборы и минуту простояли молча.

Вот и еще одна советская женщина, Валентина Андреевна из Сеначи Сталинградской области, потеряла своего горячо любимого мужа и друга, еще один отец, Шарафутдин Багаутдинович из Иж-Байки Татарии, — своего единственного наследника, а земля Поволжья лишилась двух героических своих сынов-патриотов. Пусть потомки не забудут их. А их боевые друзья поклянутся мстить врагу беспощадно за незаменных товарищей.

— Прощай, Миша. Прощай, Камал, — тихо сказал Лозоренко. — Мы отомстим.

— Отомстим! — поклялись друзья.

— Теперь в комнате осталось нас только двое. Выхо-

ди быстрее, — бог троицу любит, — сказал перед уходом Феоктистов.

— Постараюсь.

Сказал и подумал: еще двух «витязей» утратила наша «рать». Да каких! Прекрасных, искусных, мужественных. Какую цену приходится платить за освобождение родной земли. Будь она проклята эта война, вернее фашисты. Не будь их, не было бы войны. И люди наши, замечательные в своем большинстве, творили бы чудеса. Он искренно любил и уважал Камала и Мишу, верных друзей — единомышленников, честных и скромных в жизни, безгранично храбрых в бою. Весть о их гибели воспринял с глубокой скорбью. Вспомнилось, как совсем недавно они жили, смеялись, надеялись... Вспомнил он и недавний душевный разговор с Камалом. По пути домой они разговорились о малой родине, о близких — как-то там они? Киазим говорил об Абхазии, любимом Джирхва, об отце, матери и братьях. Потом говорил Камал:

— Конечно, у моей родины нет гор и моря, радующих взор людей, но я люблю свои леса и рощи, а наши реки и озера чисты, как слеза, поля тучные, бескрайние, с лугов веет медовым ароматом. А какие люди на них трудятся! Другой раз глаза закрою и вижу родную деревню. Вот как тебя сейчас. Она на берегу Ижа стоит — веселого, говорливого такого... Похожего на наших сельчан. Особенно почему-то вспоминаю пору сенокоса и жатвы. Отчетливо вижу мать со снопом пшеницы в объятиях и отца с лошадьми, запряженными в лобогрейку... И, понятное дело, ее, мою Нафису: стоит на лугу, среди душистых трав с косою в руках и такая нежность в ее улыбке... Все золото земли отдал бы сейчас, чтобы хоть день или часик побыть там... Какое это будет великое счастье, когда после победы кинемся в родные объятия. А сейчас — бить, бить эту сволочь, потому что не хочу ни одного колоска с моей земли положить под фашистскую ногу. — Тут он хитренько улыбнулся. — А знаешь откуда я беру силы для боя? Потому что защищая Новгородчину, я защищаю свое Поволжье.

Тем и интересна, наверное, жизнь, даже на войне, что она переменчива. Чередуются в ней успехи и несчастья, печали и радости, будни и праздники...

* * *

Сегодня Киазим проснулся и встал на ноги вместе с солнцем. Настроение приподнятое. И не заметил, как ока-

зался на любимой лесной поляне (лазарет находился в лесу, в нескольких километрах от аэродрома). Остановился зачарованный прелестью мира. «Доброе утро солнце и небо, деревья и птицы! Горячо поздравляю вас, дорогие, с чудесным праздником нашим! — воскликнул он, с восхищением оглядывая весеннюю округу, — радуйте нас, радуйтесь сами! Мир вам! Да пусть он восторжествует повсюду и быстрее!»

Да, сегодня праздник — Первомай сорок второго...

Первомай! Как и все советские люди, Киазим очень любил этот день. Встречали его до войны повсеместно по-особенному торжественно, по-весеннему весело и с подъемом. Что и говорить! Сама природа, пробуждаясь, ликует в честь солидарности трудовых масс мира в борьбе за справедливость, истинно человеческое счастье, стремление к искренней дружбе всех народов...

Перед самым обедом пришел комиссар полка. Он тепло поздравил раненых с праздником. Рассказал, что несмотря на суровые условия войны, полк сумел прилично отметить его: торжественное собрание, концерт художественной самодеятельности, вполне сносный по обстановке, подготовленный в основном техсоставом исподволь и тайно, как сюрприз и подарок к любимому празднику. Организовали и скромненький торжественный ужин. Утром на построении полка были зачитаны праздничные приказы Верховного Главнокомандующего, командующего ВВС Армии и командира полка, затем состоялись на «полковой» просеке спортивные состязания между командами эскадрилий. И немцы не забыли «поздравить» — основной удар правда пришелся по станции, но попутно обстреляли и стоянки самолетов.

Однако их «Салют» не помешал завершению намеченных мероприятий. В конце беседы не преминул сообщить, что родителям Агрбы и двух его товарищей по лазарету направлены поздравительные открытки и благодарственные письма, в которых выражена горячая признательность и сердечная благодарность за воспитание сыновей мужественными, трудолюбивыми, честными и преданными Родине. Пожелав всем скорейшего выздоровления и возвращения в боевой строй, комиссар ушел, а вечером комсорг полка Петр Мазаев привел группу участников художественной самодеятельности. Концерт удался на славу. Искусно играл на баяне техник II ранга Зоркин. Под его сопровождение с душой и умением исполняли народные песни Путинцев и Камаев. Под гармошку, будто выколочивая дробь, сыпал сатирические куплеты

Кербер. «Раненого» под Москвой, с костью под мышкой Гитлера удачно пародировал... Шелопутнов. Были тут даже Пат и Паташон в лице длинного, прозванного «жердью», рыжого как огонь Воронина, и полнейшего его антипода тонкого, как прут и легонького, как перышко Кесарева.

Умело и весело вели концерт затейники Копылов и Кольцов... Много радости, смеха, музыки вобрал в себя этот поистине праздничный вечер.

* * *

И снова серое больничное однообразие... В один из таких дней, грустных и томительных, в палату Агрбы шумной ватагой ворвалась группа техников и механиков эскадрильи. Среди них и Антонов, и Вербицкий, и Черпаченко.

И сразу все посветлело, оживилось, возникла аэродромная атмосфера...

— Здравствуйте, товарищ лейтенант, — дружно и весело, почти в один голос приветствовали они своего командира.

— Здравствуйте, дорогие мои! — засиял широкой улыбкой Агрба.

— Как здоровье, как раны? Заживают? — спросил Антонов.

— Спасибо. Здоровье отличное, значит раны вот-вот затянутся...

— Очень даже кстати — за вами лезгинка.., — Антонов поднял над головой письмо и повертел его, — получите, если покажете, как ее надо плясать.

— А если эта вест совсем невеселая?

— Исключено. Уж очень почерк нежный, да еще из Москвы...

— Ну, так уж и быть, — Агрба, опираясь на палку, и под веселые выкрики друзей «асса-асса» прошелся по кругу в незатейливых «па».

— Вот это действительно — порядок! Значит дело явно идет на поправку. В честь этого и вручаем Вам это письмо...

Киазим взял конверт: от нее! Сердце екнуло, запрыгало, забилося, грудь заполнило волнующим теплом. Стараясь не показать вида, положил письмо в карман лазаретной тужурки («прочитаю в абсолютной тишине с тобой, Светлана, пусть это будет нашим праздником»), с деланным спокойствием спросил:

— Ну, какие дела, какие новости?

— Акимов с группой привел еще один самолет, а Смирнов на подходе со своим, так что еще двух коней подкуем, будет на чем бить фрицев, — ответил Антонов.

— Выздоровливайте быстрее, товарищ командир, и для Вас приготовим, — пообещал Вербицкий.

— Спасибо, Миша, приму дополнительные меры для этого: думаю подучить более эффективные физические упражнения...

— По-хорошему завидуем вашей воле, товарищ командир. Даже иногда задумываемся — а есть ли для вас что-либо непосильное? Мы думаем — нет.

— Не перехваливайте...

— Вам это не грозит.

— Спасибо. Да, чуть не забыл, а как Чудило?

— На табуретку пока не садится, зато стоит крепко, не шатается...

— Ну, главное — стоять, а сидеть научится. Желаю ему скорейшего выздоровления.

Вскоре друзья ушли и Кiazим с нетерпеливой жадностью прочел письмо... Да, так может писать только она, подумал он: теплом и нескрываемой тревогой веяло от строчек. Ему было и радостно, и беспокоино. «Стоит ли всегда писать правду?», — в который раз задавал он себе вопрос. «По силам ли ей — хрупкой, впечатлительной девчонке? Ведь сколько невысказанных страданий за меня хранит каждое слово...» И понимал, что иначе не может. Да и она, его Светлана, вряд ли поверит в бодренькую гладкопись.

Решил сразу же, не откладывая, написать ответное письмо. После сокровенных слов приветствия, как бы мимоходом, упомянул о вынужденной посадке, назвав ее «небольшим недоразумением» и, задумался... Как же все-таки объяснить любимой, что фронт — это ежеминутный риск с непредвиденным исходом... Не зная этого, значит поставить себя под заведомый удар — нечаянная беда бьет наотмашь. А зная — не каждому по силам. Вот она пишет: «Ох, как я желаю, чтобы ты хорошо бил врага и в то же время из всех огневых атак выходил живым, невредимым... Пожалуйста, старайся как можно надежнее беречь себя, свою жизнь...» Ну что тут скажешь? А отвечать надо. И он написал так: «Спасибо тебе, дорогая, за эти, из глубины идущие, пожелания. Знаю, что они продиктованы твоей любовью, боязнью за меня и все-таки... Давай немного посмеемся: будучи на прежней базе я как-то наблюдал за местными мальчишками. Они иг-

рали в войну. И вот, надо полагать, «командир» — самый боевой из них, закричал: «Вперед! В атаку! А я понаблюдаю за вами из-за амбразуры, а потом догоню!..» Не обижайся, дорогая, но твои пожелания бить врага наверняка и при этом беречь себя, напомнили мне эту ребячью игру. Хорошо сказал наш парторг, старший политрук Касимов, — себя пожалуй — врага не побить, бить его во всю мощь — спасти Родины честь. Добавить к этому нечего — все точно, ясно. Будет жива Родина — будет все: любовь, улыбка, радость... А без Родины все теряет смысл. Это знаю я, это знают мои боевые товарищи и это должна знать ты — моя любимая. И поэтому жизнь каждого из нас (а «человека с ружьем», особенно) принадлежит только Родине — прикажет, отдадим ее до последней кровинки, во славу победы и справедливости. Не можем мы быть спокойными, пока землю нашу топчут кровавые сапоги фашистских оккупантов. Не можем забывать ни на минуту, что за нами наша земля, любимый и вольный наш народ, который следит за своей родной армией и ждет с нетерпением, затаив дыхание, победных вестей с передовой. Вот почему мы готовы на все. Но ты должна понять, что «готовы на все» не значит, сломя голову, кидаться в омут, а воевать умело, с умом, т. е. уничтожая врага, рачительно использовать шанс на жизнь. Вот это могу тебе обещать. Извини, дорогая, что прочитал тебе целую «лекцию» об азах «политграмоты», хотя ты все это, наверное, представляешь не хуже меня.

Будь здорова, осторожна и внимательна, ибо на твоём «фронте» тоже могут быть всякие неожиданности. Крепко обнимаю, целую горячо и нежно. Киазим».

Был в основном светлым и день посещения лазарета начальником штаба полка. Михаил Георгиевич рассказал, как в течение одного дня Феоктистов сбил 3 самолета: в первом вылете «Х-126», во втором — 2 «Ю-52» и сразу после второго боя попросил, чтобы его приняли в ряды большевистской партии. Через неделю 2 «Ю-52» сбил Лозоренко, по одному — Окунев, Солей и вышедший из госпиталя после лечения язвы желудка Червонооккий.

Не обошлось и без черного пятна: после выполнения боевого задания совершил вынужденную посадку вне аэродрома Шелопутнов, но в этот раз из-за того, что был подбит ЗА противника.

Дней через десять после этого фронтовая судьба преподнесла, можно сказать, сюрприз, но отнюдь не желанный — лег в лазарет Лозоренко. В одну палату с Агрбой. Оказалось, от сплошного огня ЗА противника был под-

бит мотор, который, протянув немного, вскоре отказал. Борис произвел посадку в лес в районе южнее 3 километров станции Беглово. На следующий день прибыл в часть с ранением головы, ушибами тела. Киазим не скрывал своей радости — его ближайший и самый уважаемый друг остался жив. Но когда Борис сообщил, что после удара по аэродрому Дно не вернулся Червоноокий, Киазим помрачнел. И этот день стал черным.

6-го июня поздно вечером пришли проводить их командир полка, комиссар и Феоктистов.

— Здорово, соколики! Ну как, подлечили крылышки? Скоро лы вылетим из этого «уютного» гнезда? — засмеялся Николай Дмитриевич.

— Спасибо, товарищ командир. Мы хоть сейчас... Только вот врачи усердствуют: «Режим. Процедуры...» Дождутся — убежим... — ответил за двоих Агрба.

— Бежать не надо, думаю скоро по-доброму уйдете, — заверил их командир и замаялся... — Дела, соколики, неважные... Грустные дела... В жестоком воздушном бою погиб младший лейтенант Игнатов Николай Петрович, замечательный сын Вятской земли. Сначала сбил «Ю-52», потом был сбит сам незаметно подкравшимся «Ме-109».

Помянули боевого друга минутой молчания.

— Был и нет... Жаль парня. Красивой души был человек — исконно крестьянской. И ведь в последние дни боевых действий на этом фронте. Обидно, — проговорил старший батальонный комиссар.

Опять помолчали. Потом вышли во двор, точнее, на лесную поляну и сразу оказались во власти природы. Обновленная сила лесаставляла, казалось, товар лицом: изумрудные наряды, тончайший эликсир молодой зелени, «упакованный» в бутоны первых цветов, шелест нежных берез, и на фоне птичьего многоголосья, с хрустальным переливом песнь соловья. Перистые облака, блестя серебром, словно стая фантастических белых птиц, вытянулись в ровные колонны, насквозь пронизанные холодными лучами молодой луны. Свет ее смягчает землю, красит ее в мягкие, спокойные, молочно-серебристые тона — белая ночь. Все в ней кажется прекрасным, но холодным, непривычным, удваивает тревогу...

— Будем считать, что вам всем троим здорово повезло — первый раунд боев вы выдюжили, — явственно прозвучал в тиши голос комиссара.

— Дело тут не только в везении... — заметил командир.

— Согласен, — конечно и в мастерстве. Смотрите, кра-

сота-то какая! Кажется сама природа поздравляет вас с победным боевым крещением. Разрешите и нам, грешным, присоединиться к ней...

— Спасибо, товарищ старший батальонный комиссар. Постараемся и в дальнейшем не разочаровывать вас. И на счет природы вы точно заметили — будто специально для этого случая она такие волшебные «декорации» расставила и нас вместе собрала, так сказать — персонажей живой пьесы, — ответил Лозоренко.

— Только замечу при этом, вы не просто персонажи, а главные действующие лица, герои, — улыбнулся комиссар.

— Но герои бывают разными, — подхватил каламбурный этот разговор Агрба, — и положительными, и отрицательными... А вот природа всегда одинаково добра ко всем.

— Да, замечание очень справедливое. Природа мудра и требует гармонии во всем, — согласился Сергей Ильич, — и только тот духом смел, кто в ладах с флорой и фауной. Ну, как, Феоктистов, в ладах вы с ними? — и громко рассмеялся.

— Сегодня Сергей сбил еще 2 «Ю-52».

— Ну молодец! А мы-то думаем, почему он ведет себя так тихо, словно провинившийся. Ну, дай тебя обнять, поздравить от души! — Киазим крепко обнял друга. За ним и Борис.

Сережа рассказал в двух словах ход воздушного боя.

— Жаль, Киазим, тебя не вовремя подкузьмило. Был бы в строю, снял бы их гораздо больше, — заключил он, увидев, как у друга по-охотничьи азартно загорелись глаза.

— Если бы не сняли меня самого...

— Слабы в коленках... Для тебя, как я убедился, нет непредвиденных условий, зато есть предвиденное постоянное желание бить их...

— На днях Михаил Иванович признался мне, что окрестил Киазима, — скрывая улыбку, сказал комиссар — «витязем крылатым». Согласен. Двумя руками — за. Но вот такая штука получается... Я с детства полюбил картину Васнецова «Три богатыря» и всю жизнь хотелось мне увидеть их живыми — рядом, вместе... Аж дух захватило бы от такой силищи! И сколько бы мне так ходить приглядываться, неизвестно. Да вот спасибо матушке-природе, способствовала разглядеть всех трех... — Лукавые морщинки так и разбежались по его лицу. — Вот

они, богатыри наши: Агрба, Феоктистов, Лозоренко — крылатые витязи, отныне и навсегда.

— Полностью согласен с Сергеем Ильичем, — поддержал комиссара командир полка. — Только крылатый витязь может так разить врага. Однако хотел и напомнить, что у древних это считалось званием, причем самым высшим, олицетворяющим и славу, и высокую ответственность. Убежден, что наши сегодняшние витязи сознают это и головы их не закружатся от успеха... Тем более, что облетанное небо оставляем. А в новой обстановке как нигде нужна холодная, ясная, умная голова.

— Да, — выдохнул комиссар, — похоже оставляем небо Новгородчины...

И снова долго молчали, и каждый думал о своем.

О чем думали комиссар и командир полка? Наверное о том, что снова меняют небо, о новой притирке к чужим местам, о недостатках, о взлетах и потерях... И невольно задерживались взглядом на трех крепких парнях — «Живите долго, «соколики». Постарайтесь хотя бы...»

* * *

7-го июня состоялся последний боевой вылет полка на Северо-западном фронте. Выпал он на Шелопутнова. Прибыл он в полк после вылета только через день... «пешком». По его словам, самолет, подбитый огнем ЗА, остался на месте вынужденной посадки. Но его самолет не имел ни одной пробоины... Это выяснится через много лет после войны. Тогда же, техник, осмотревший самолет на месте, никому не скажет об этом.

8-го числа полк сняли с боеготовности, дав три дня на сдачу остатков техники и оружия соседям, на сборы и погрузку в эшелон для отправки в тыл за пополнением и на переподготовку.

А утром следующего дня полк выстроился на лесной поляне за опустевшими стоянками самолетов. Кругом, куда ни глянь, благоухало раннее утро, снимая напряжение фронтовой жизни, отдавая людям тепло и ласку нового дня. Эта земля встретила их белоснежной зимой, а провожает буйством летнего разнотравья, серебристо-белыми ночами. Страстно поют птицы, верша гимн солнцу и торжествующей природе. Они зовут к жизни... И снова соловей, забивая их многоголосье залиистой трелью, овладевает людскими душами, заставляя их любить, страдать, тревожиться...

Вот стоят молодые парни — часть той силы, которая

позволила полку с честью выдержать первое суровое испытание. Они составят в недалеком будущем и прочную основу нового полка, и тот снова вольется в ряды боевых сил, непосредственно громящих фашистские полчища. Сейчас каждый из них радовался открыто: и тому, что остался жив, и тому, что повоевал в этом небе на совесть. Но где-то там, в глубине души, поселились грусть и тревога... В памяти всплывало лицо ушедшего навсегда товарища — веселое, вечно молодое... Удушливый комок подступал к горлу, и неумеющие плакать глаза наполнялись непролитой слезой...

Итак, полк прощался с фронтовым аэродромом и со всем, к чему так привык, с чем слился воедино, что стало для него святым. Тут готовились сами и готовили боевое оружие к боям, отсюда направляли воздушных бойцов в смертельные схватки с жестоким врагом и с нетерпением ждали их возвращения. Теперь аэродром был пуст — ни одного боеспособного самолета. Лишь в дальнем углу стоянки виднелись два Ил-2. Они подлежали длительному «лечению». Грустное, щемящее до боли зрелище, представляли эти калеки для однополчан: понурые, сиротливо припавшие на «больную» ногу, они, казалось, с укором шептали своим хозяевам: «За что бросаете? В чем наша вина? Разве не отдали мы себя до последнего крыла, до последнего хрипа мотора? Разве не выносили мы вас от неминуемой гибели на последнем своем издыхании?» И летчики отводили глаза. Что они могли ответить преданным боевым конягам? На себе бы их вынесли в любой уголок земли, будь на то их воля... Да нельзя — война не ждет и потому — «Прощайте, кони! Прощай Новгородчина и люди твои, ставшие родными, и спаянная, верная фронтовая семья!»

Прощались они и с теми, кто героически пал на этой земле, и с теми, кому еще предстояло ее защищать...

Перед полком выступил комиссар, коротко рассказал о положении в стране, об обстановке на фронтах. Начальник штаба и старший инженер полка поставили конкретные задачи, о порядке в период подготовки, погрузки и пути следования.

Командир полка подвел предварительные итоги боевой работы личного состава и в заключение сказал:

— В итоге боев, ожесточенных, кровопролитных, нашим войскам не удалось воспрепятствовать соединению внешнего фронта немецко-фашистских войск с окруженной Демянской группировкой. Немцы сумели создать так называемый «Рамушевский коридор», хотя это и стоило

им неисчислимы потерь в живой силе, оружии и технике. Таким образом, значение операции северо-западного фронта в первой половине 1942 года свелось к огромному ущербу, нанесенному гитлеровским армиям. Только наш полк уничтожил более двух тысяч солдат и офицеров врага, около 40 орудий, минометов, 25 самолетов, не менее 10 танков. Кроме того, наши войска, в том числе и мы, учились воевать: наступать и обороняться в зимнюю стужу и весеннюю распутицу в лесисто-болотистой местности, не имея при этом ни опыта, ни достаточных сил: танков, артиллерии и авиации. Зачастую учились на собственных ошибках. Воздушные бойцы нашего полка отважно и мужественно бились с коварным врагом, стараясь не опозорить чести советского воина. Склоним же головы перед подвигом павших бойцов, да сохраним священную память о них навсегда. Воздадим должное и живым — нашим крылатым витязям, выдержавшим все испытания фронтового неба. Поблагодарим и наших безотказных стальных коней, за их надежность и силу. Низкий поклон наш рабочим, инженерам и конструкторам, породившим их, и золотым рукам тех, кто лелеял их в тяжелых фронтовых условиях.

Выразим сердечную признательность нашим боевым друзьям — соседям-летчикам, артиллеристам-зенитчикам, бойцами переднего края и авиационного тыла за их бескорыстную помощь во всем.

Поклонимся земле Новгородской, ее чудесным лесам и полям и в первую очередь — ее людям, что по-родному приютили нас и всячески поддерживали в тяжелую минуту.

Наш поклон и боевому крещению, подарившему нам приметы мужества и ценный боевой опыт. Закрепим же приобретенное и умело, творчески используем все это в будущих боях.

Несколько позже были подведены окончательные официальные итоги работы боевых действий полка на Северо-Западном фронте. Вот некоторые из них:

За 173 успешных боевых вылета уничтожено:

2070 фашистских солдат и офицеров, 42 полевых орудия и миномета, 13 танков, 120 автомашин с техникой и боеприпасами, 38 зенитных точек, 10 самолетов на аэродроме Глебовщина и 16 самолетов в воздушных боях, 4 паровоза и до 50 вагонов. Создано несколько очагов пожара при налетах ночью по аэродромам Дно и Тулебля.

Потери: летчиков — 8. Самолетов безвозвратно — 14. Требующих ремонта — 6.

Награждены орденами:

Красного Знамени — Лозоренко, Феоктистов;

Красной Звезды — Агрба, Гаврилов, Белов;

Медалями за боевые заслуги — техники Камаев, Косенко, Путинцев.

Кроме того, отличились: старший инженер полка Павлов В. И., начальник ВСС полка Писаренко Н. С., коммунисты-летчики: Кудряшов, Багаутдинов; коммунисты-техники: Акимов, Белоусенко, Гридюшко, Семико, Дегтярев, Макаров, Смирнов; комсомольцы-техники и механики: Кольцов, Боровский, Бакшин, Лушников, Донской, Горшков, Квасных, Бутрем, Стрижов, Хорошавин, Бугаев, Белецкий, Кербер и другие.

Перед отъездом друзья успели съездить в Вины к Марфе Петровне поблагодарить ее за материнскую ласку. Поклонились земле Новгородской:

— Спасибо и прощай, Новгородчина! Прощай, Валдай! Бог даст — свидимся...

Хомутов Николай Дмитриевич

Барков Михаил Георгиевич

Слева направо. Сидят: Агрба Киазим Хотхотович, Касимов Михаил Иванович, Хомутов Николай Дмитриевич, Лозоренко Борис Иванович. **Стоят:** Солей Виктор Кельсеевич, Рытов Александр Иванович, Феокистов Сергей Алексеевич.

Слева направо. Первый ряд: Кулаков Иван Гаврилович, Хомутов Николай Дмитриевич, Василенко Павел Иванович. **Второй ряд:** Феокистов Сергей Алексеевич, Касимов Михаил Иванович, Павлов Василий Иванович.

Слева направо: Лозоренко Борис Иванович, Хомутов Николай Дмитриевич, Василенко Павел Иванович, Кулаков Иван Гаврилович.

Лозоренко Борис Иванович (слева), Василенко Павел Иванович.

Писаренко Николай Степа-
нович

Калязин Николай Василье-
вич

Новин Рувим Бенцианович

Акимов Александр Васильевич

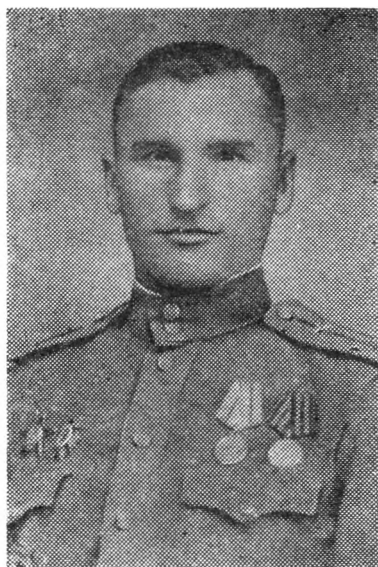
Манойло Василий Егорович

Семко Иван Николаевич

Макаров Василий Иванович

Белоевченко Николай Тихо-
нович

Дарвинич Виктор Сергеевич

Антонов Владимир Михай-
лович

Путинцев Геннадий Петро-
вич

Большаков Виктор Михай-
лович

ПЕРЕДЫШКА

И МАМА НА ДИВО ИЛИ — ИСКУШЕНИЮ НЕПОДВЛАСТНЫ

13-го июня полк погрузился в эшелон и тронулся в путь.

До войны, в период ее и какое-то время после победы, поезда (товарные, пассажирские, не говоря уже о военных эшелонах), ходили так, что по ним можно было сверять часы. И не удивительно поэтому, что полк точно в назначенный час, а именно 15-го июня, прибыл в конечный пункт своего маршрута — на станцию Кинель—Черкассы под Куйбышевым.

Агрба и Феоктистов, не завершив окончательного курса лечения, но не желая оставаться в лазарете, ехали вместе с полком.

Видимо в порядке поощрения, командир разрешил им задержаться в Москве. Таким образом, любимой девушке Агрбы и молодой жене Феоктистова готовился сюрприз... Сойдя в Москве с эшелона чуть за полдень 13-го, они должны были прибыть самостоятельно в полк к исходу 15-го июня.

— Значит в 9.00 у военного коменданта Казанского вокзала? — еще раз уточнил Киазим уже условленное место и время встречи для отъезда в Куйбышев.

— Договорились-то мы так, но пришла мне на ум одна мыслишка... Давай-ка сделаем по пути небольшой крючок и заедем в отдел Главного управления ВВС... Там занимаются воздушными перевозками. Потеряем каких-нибудь два часа, но можем выиграть 20. Один знакомый дядька, может быть, нас выручит, — сообщил Феоктистов.

— Ну, слышу речи не мальчика, — а мужа! — засмеялся Агрба. — Вперед, Сережа!

Не будем останавливаться на том, какие транспортные, патрульные и прочие затруднения Москвы военного

времени преодолели наши друзья. Скажем лишь, что все их мытарства закончились вполне благополучно. Находчивость вездесущего Феоктистова сработала — их возьмут на один из транспортных самолетов ВВС, следующий как раз на тот завод, где получают они новые самолеты. Вылет в 10.00 15 июня.

Таким образом, они выиграли не 20, а целых 25 часов, а всего в Москве они пробудут более 40 часов! Это уже в той обстановке воистину «манна небесная».

* * *

Итак, Агрба, полный сомнений и трепета, стоял перед знакомой и желанной дверью, обитой черным дерматином с белой цифрой 21. Он решительно нажал на хорошо знакомую коричневую кнопку звонка и с напряжением стал прислушиваться. Прошли секунды, выливаясь в минуту — за дверью тихо. Позвонил еще раз. Ни звука. Дал длинный с несколькими перерывами звонок. Дверь продолжала безмолвствовать. Сомнения и тревога усилились. Что делать? Может быть у соседей узнать? На лестничной площадке еще две квартиры. Решил позвонить в ближайшую, 22-ю. На звонок почти сразу же откликнулся женский голос:

— Кто там?

— Я военный, можно вас побеспокоить на минуточку? — почему-то заволновался Агрба.

— Сейчас все военные, что вам угодно? — неласково ответил женский голос.

— Я проездом с фронта, хочу вас спросить о соседях 21-й квартиры, — как можно мягче и спокойнее сказал Киазим.

То ли поверили за дверью, то ли простое женское любопытство возобладало, но так или иначе дверь тут же приоткрылась и показалась женская голова в платке. Подозрительность при виде военного летчика тут же сменилась доверием.

— Здравствуйте, — зашепшил Киазим, — извините, что беспокою. Но вынужден... 21-я квартира почему-то на звонок не отвечает, а мне надо встретиться с кем-либо из хозяев. Не знаете, где они могут быть?

— Здравствуйте, — ответила пожилая, болезненного вида женщина, — извините, что не сразу открыла, сейчас такое время, всякие попадают... А из 21-й только Вера Петровна, бабушка, дома, если не отвечает, значит ушла ненадолго продкарточку отоварить или подругу прове-

дать. Людмила Николаевна приезжает домой раз в неделю, помыться, поменять белье, хозяин и вообще редкий гость. Светлана, их дочь, как только перешла на казарменное положение (месяца два тому назад), еще ни разу не показывалась дома... Может уже на фронте, — выпалила она скороговоркой, не забывая однако изучать лицо Киазима.

— Спасибо, — только и сказал он, — видимо мне следует подождать Веру Петровну?..

— Конечно, подождите, она скоро должна прийти. Может и сама Людмила Николаевна подойдет, ее уже давно не было. Хотите, зайдите к нам — сидеть-то лучше, чем стоять...

— Благодарю Вас, но хочется побродить по улицам, посмотреть Москву военную.

Слова женщины прояснили не многое, а ничто так не томит, как неизвестность. «Неужели уехала? — думал он, — ведь писала, что курс обучения завершится во второй половине июня. И где расположены ее казармы? Жаль, не догадалась написать мне в письме. Хотя зачем? Кому бы из нас могло прийти в голову, что я в середине июня окажусь в Москве!

С этими мыслями он вышел из дому. Куда пойти, где скоротать время? Конечно же, в парк, в тот самый... И тут он увидел женщину и невольно остановился, неотрывно глядя на нее. Она была копией... Светланы, только значительно старше. Лицо серьезное и озабоченное. Поравнявшись с ним, она тоже остановилась. Киазим не отрывал от нее изумленного взгляда, а на него с вниманием и нежностью смотрели глаза... Светланы, большие, лучисто-серые, удивительно доброжелательные и ласковые.

— Вы Киазим Агрба, — не спросила, а уверенно заявила она и ее усталое, красивое лицо засияло обворожительной улыбкой. «Как и Света», — мельком подумал Киазим и в тон ей:

— А Вы мать Светы, Людмила Николаевна.

— И как же Вы догадались?

— Лица Светланы я еще ни с чьим не спутал...

— Да, говорят, мы похожи.

— Куда уж больше: увидел Вас и испугался — от чего это вдруг, думаю, Света так быстро повзрослела.

— Испугались или огорчились?

— Испугался, подумал — пережила какую-то неприятность. А огорчение... Думаю, что Светлана никогда мне такого чувства «не подарит»...

— Спасибо, — она улыбнулась еще милей и протяну-

ла руку, — будем знакомы: Людмила Николаевна. Да, я действительно мать Светланы.

— А я, истинно Киазим Агрба, с которым дружит Светлана. Разрешите вопрос: как Вы узнали, что я — это действительно я?

— Вас трудно не узнать: Вы точно такой, каким описывала Вас Светлана. Ну что же, будем считать, что знакомство состоялось, хотя и в обстоятельствах не совсем обычных.

— Это даже интересней. Запомнится лучше. По крайней мере я очень рад обстоятельствам, которые нас познакомили.

— Да, случай — бог. Я ведь не должна была сегодня приезжать. И мама у подруги на всю ночь. Да что же мы стоим, не пора ли в дом, Киазим, а?

— Как скажет хозяйка. Я не возражаю.

На пути к дому Людмила Николаевна рассказала о том, что поступает очень много раненых, приходится работать сутками, отдыхать мало, урывками... Он слушал ее рассеянно, сверлила единственно весомая мысль — «Где Светлана? Что с ней и почему мать до сих пор ничего не говорит?» И только когда зашли в квартиру, она, наконец, сказала:

— Однако Вы довольно терпеливы... Вижу — душа томится желанием быстрее узнать о Светлане, а разум проявляет завидную выдержку. Ну что могу сказать... Светлана на днях уходит на фронт. Обещала перед отправкой навестить нас или хотя бы дать знать. Пока молчит, значит еще на месте. Давайте попьем чайку и поезжайте-ка вы за ней... Попросите командование отпустить ее домой насколько возможно.

До чаев ли Киазиму? Как только заполучил долгожданный адрес, так и оказался на улице...

* * *

Здание, где находились курсы, нашел быстро. С ходу открыл парадную дверь и попал в просторный вестибюль. Там у небольшого столика с телефоном стоял дежурный. Агрба спросил у него, где сейчас находятся курсанты. Выяснилось, что они еще на занятиях, которые закончатся через полчаса. Не теряя времени, Агрба решил добиться разрешения на увольнение Светы, хотя бы на сутки, и уточнил у дежурного, как найти начальника курсов и кто он по званию. Подошел к указанной двери и постучал. Услышал «войдите», и решительно открыл дверь.

— Разрешите обратиться, товарищ военинженер I-го ранга? — отчеканил Агрба, подойдя к солидному столу буквой Т, за которым сидел полуседой мужчина выше средних лет, в очках, с пышными усами, в новенькой гимнастерке.

— С кем имею честь...

Агрба отрекомендовался:

— Военный летчик, лейтенант Агрба проездом с фронта за новым самолетом в Куйбышев, имею разрешение задержаться в Москве на одни сутки.

— Садитесь, пожалуйста, — указал военинженер на стул, — чем могу служить, товарищ лейтенант?

— На ваших курсах учится Светлана Добронравова, мы с ней... дружим около пяти лет. Давно не виделись... Разъедемся опять и неизвестно насколько... Очень прошу Вас отпустить ее со мной желательно на то время, пока я буду здесь, то есть на сутки.

— Значит, как поется в песне «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону», ясно.

Он знал, что 15-го июня будет доведен приказ о их назначении и на следующий день они отправятся по своим частям на фронт и будут выполнять очень важные задачи, прежде всего в помощь авиации. И видно учитывая это, седовласый человек в новенькой гимнастерке решил:

— Времени в обрез, но учитывая исключительность случая и принимая во внимание редкостные способности и прилежность Добронравовой, я ей разрешу отлучиться на сутки.

— Большое спасибо! Не знаю как и благодарить Вас... — сбивчиво пролепетал Кязим, до краев наполняясь внезапно нахлынувшим теплом большой радости.

Заметив такое его состояние и, видимо, довольный тем, что подарил воину-фронтовику счастливые минуты, начальник курсов ответил:

— Не надо благодарностей, лейтенант, — поднялся и, сказав, «Побудьте немного здесь», вышел. Агрба стал ждать. Прошло, может быть, минут пять-семь, когда энергично открылась дверь и перед ним возникла... она, его Светлана. Какое-то время, словно оцепенев, они разглядывали друг друга и только ликующий стонно-счастливый вскрик «Кязим!» вернул их к жизни.

— Света, Светушка моя, здравствуй!

Он целовал ее волосы, глаза, щеки и, ощутив вдруг горячее дыхание ее губ и сливаясь с ними воедино, замер в блаженном забвении...

Первой опомнилась Светлана. Осторожно и мягко освободилась из его объятий, сказала:

— Задушишь ведь, медведь из Новгородских лесов.

— Прости, дорогая.., — он неловко отступил назад, — да ты еще лучше стала, солдат ты мой отважный. А как военная форма тебе идет!

— А вот возьму и навсегда останусь военной и кубрики заслужу, — буду твоим командиром, — улыбнулась Светлана.

— Командуй, родная, приказывай — буду только счастлив! А как ты узнала, что я здесь?

— От начальника нашего, Максима Максимовича. Разве Вы не договаривались об этом?

— Он сказал, «Побудьте немного здесь» и вышел, а сам, оказывается, пошел за тобой. Ну и молодец, Ваш начальник!

— Да, он человек очень чуткий. Мы его за глаза называем «наш Максимыч». Он чуть больше полугода в армии, а погляди какая выправка этого «сугубо гражданского». Он был заведующим одной из ведущих кафедр нашего института. Доктор технических наук, профессор.

— Все ясно. А нам как дальше быть? Он не сказал?

— Не сказал. Думаю это твоя забота...

Раздался осторожный стук в дверь и, когда Агрба сказал «Пожалуйста», дверь открылась и вошел начальник курсов, Максим Максимович.

— Извините, немного задержался... Ну, как, товарищ курсант Добронравова, узнали своего друга с фронта? Уж слишком красив и мужественен... Может это не он? — засмеялся Максим Максимович.

— Он самый, товарищ военинженер I-го ранга, — расцвела в радостной улыбке Светлана, — всю жизнь красивый, всю жизнь сильный.

— Тогда вы достойны друг друга. — И Максим Максимович протянул ей лист бумаги:

— Ваша увольнительная. Счастливого отдыха. Надеюсь в 9.00 15-го увидеть Вас в строю здоровой и жизнерадостной. Есть ли вопросы?

— Нет, товарищ военинженер I-го ранга. Большое Вам спасибо. Никогда не забудем Вашу доброту.

По-строевому, четко повернувшись и отчеканивая шаг, молодые вышли из кабинета. Потом и выскочили, скорее — вылетели на легких и могучих крыльях из здания курсов и, не успев опомниться, были дома.

Нужно ли рассказывать, как обрадовалась Людмила Николаевна. Но время ее «отдыха» отсчитывало минуты —

беспрерывно постунали с фронта раненные, много тяжелых, опасных, и каждый час простоя был недопустим. Однако и дочерей не каждый день на фронт провожают и мать, насколько могла, оттянула время разлуки. Они вместе поужинали, поговорили о многом, даже послушали патефон, а в полночь расстались. На прощанье она поцеловала их по-матерински нежно, ласково, сказала «жду вас обоих с победой здоровыми, счастливыми» и быстро вышла, даже не позволив проводить себя: «Не беспокойтесь, меня ждет дежурная машина».

Они остались вдвоем.

— Вот мы и встретились. Здравствуй! — Проговорил Киазим и замолчал — волнение на миг приглушило все слова. Они стояли, взявшись за руки, и снова их глаза договаривали многое, сообщая друг другу самое сокровенное. И столько в них было душевного жара и нежности, радости и преданности, тоски и грусти от скорой неизбежной разлуки... В глазах Светланы вспыхнула и поблекла слезинка:

— Как я ждала!.. — тихо сказала она, но пронзительным стоном отдались ее слова в душе Киазима. — И как я просила о нашей встрече, всех святых, какие только могут быть на земле и в небесах, — улыбнулась она виновато, — вымолила... Вот твои руки... Вот глаза... И сам живой, сильный рядом со мной стоишь, близко, близко. Хочу — закрою глаза, хочу — открою, а ты все равно рядом, потому что это не сон...

— Убедила. Отныне верим всем святым, — улыбнулся Киазим.

— Не торопись иронизировать... Может и в «бабушки» меня с ходу спишешь?

Лицо Светланы показалось на миг незнакомым — видно постоянная боль и тревога за него, невыплаканные слезы (запретные, совсем неподходящие для казарменных условий), страдания души, наложили свой отпечаток, наполнив глаза ее тоской. Но вот в них заиграли прежние огоньки — молодость брала свое:

— Ну, конечно же, глупо, смешно... — улыбнулась она, — только когда очень-очень чего-то желаешь — все сгодится: и Небо и Солнце и все святые... Не даром и древние просили помощи у высших сил.

— И добивались несметных благ, — не скрывая сарказма сказал Киазим, — только обрати внимание — те, кто и без того был классом имущих.

— Значит, и я — «класс имущих», — не сдавалась

Светлана, — просила небо вернуть тебя, вот оно мне тебя и вернуло...

Тут бы засмеяться Киазиму вместе со Светой, обнять ее, заглянуть в глаза, но... не таков был Киазим, привыкший с детства добывать судьбу собственным трудом и умением, он был просто нетерпим к подобным мироощущениям, пусть даже во благо единственной любви. Припомнился кое-кто и из его полка: этакие верзилы, увешанные талисманами или вшитыми ладанками. А один (летчик!) до смерти боится зайца — не перебежал бы ему дорогу... Тогда хоть не вылетай...

— Не надо, Света, предрассудков — не оскорбляй нашей любви, — сказал он поникшим голосом. Она не обиделась. Но самолюбие было задето — как же так, вдруг, опростоволосилась. Надо было выходить из тупика.

— Насчет всяких предрассудков я с тобой согласна, — но таинственные силы природы существуют и проявляют себя независимо от нас, от нашего сознания и воли. Я в это верю, верю... Ведь что-то подсказывало мне, что ты жив.

Она осторожно коснулась его плеча, будто и впрямь желая убедиться в сказанном, а убедившись, прошептала:

— Спасибо тебе, что живой...

«А ведь действительно — живой...» — то ли удивился, то ли возликовал Киазим, и зашторенные маскировкой окна, и причудливые тени от неровного подрагивающего языка коптилки, и даже, нечаянно вернувшаяся боль от незажившей раны, показались ему прекрасными приметами жизни. А главное — она, Светлана... И отчетливо вдруг поняв, что никакие самые умные разговоры не в состоянии больше сдержать его чувств, безнадежно погружаясь в какой-то сладостно-жуткий туман, схватил он ее на руки и понес к тахте... И руки их сплелись, губы, сердца растворились в едином порыве и не было, казалось, сил обуздать свои желания...

Они слышали четкие удары молодых и сильных своих сердец, сначала ритмичных, потом и спешных, гулких... Они чувствовали, как упругие тела их наполняются могучей энергией, рождающей трепетное тепло. Разум отступал куда-то прочь, оставляя взамен естественные, наследственно-инстинктивные желания...

— Киазим.., — то ли сказала она, то ли его внутренний голос... Но столько в этом слове хранилось преданности и ласки, мольбы и грусти, что он невольно отпрянул. И как бы снимая наваждение, провел ладонью по лицу:

все та же комната, все тот же неровный свет коптилки, и распахнутые в мир глаза любимой...

А мир, обернувшийся войной, слал сейчас из репродуктора военный марш... И эти двое юных, в военных гимнастерках были прежде всего бойцами, защитниками Родины. Этим объяснялось все.

Вполне возможно, что нынешний молодой цинично посмеется над этими строками — рассказываете, мол, байки, «вешайте лапшу», а мы-то знаем, как поступают в подобных случаях...

Что сказать такому гражданину? Он — продукт своего Времени и сущность его сформирована на совокупности общественных форм и характеров его окружающих. Можно ли всерьез обидеться на такого? Нет, только посочувствовать, ибо для него такие понятия, как долг и святость, отсутствуют начисто. А именно в них и хранится разгадка побед Отечества и отдельного человека. Именно поэтому, оторвав себя почти насильно от любимого и отойдя к окну, смятенно думала Светлана, достойна ли она защитной гимнастерки, доверенной ей? Сможет ли выстоять в трудный час, если только что чуть не поддавалась искушению с возможными роковыми последствиями... Это теперь-то, в час, когда Родина истекает кровью.

И, наверное, угадав ее мысли, именно так думал Княз: «Смотри как она чиста и красива! Сколько хрупкости и сколько силы! Сбереги эту прелесть, судьба! Дай ощутить ее верной подругой, надежной опорой и гордостью моей семьи, достойной продолжательницей моего рода».

Так зарождалась Семья. И если бы суждено ей было состояться, сколько светлых, чистых и гордых душ подарила бы она потомкам...

— Надолго ли теперь расстанемся? — то ли спросила, то ли подумала Светлана, но он ответил:

— Трудно сказать, моя дорогая, война — это непредвиденность...

— А как думаешь, скоро она закончится?

— Думаю, не скоро. Враг еще силен.

— Когда ваш полк бросят на фронт? — в голосе Светланы снова возникли тревожные нотки.

— Все будет зависеть от того, скоро ли получим самолеты и с какой подготовкой поступит пополнение. Но при всех случаях пройдет не больше двух месяцев.

— А на какой фронт направят?

— Трудный вопрос. Об этом, наверное, не знает даже сам товарищ Сталин. Обстановка решит. А почему такая

заинтересованность, уж не надеешься ли попасть под мое надежное и стальное «крыло»? — светлея спросил Киазим.

— Ага, — улыбнулась Светлана, — только залезать в чужие мысли, все равно, что в чужие письма...

— Хочу надеяться, что и мысли, и письма у нас общие.

— Угадал.

— А теперь и я спрошу — может «агентурная разведка» довела до вас место твоего назначения, — улыбнулся Киазим.

— Может до кого-то и довела, но меня не удосужила, — мягкой иронией отвела разговор Светлана.

— Ясно, что ничего не ясно... Значит будем ждать, благо осталось совсем недолго, — продолжая улыбаться, подытожил Киазим.

Долго еще говорили они в эту ночь. Рассказы фронта и тыла, любви и верности, скорби и радости переплелись в одну общую большую тему войны и мира и их личных отношений. Он говорил о подвигах товарищей, замалчивая о своих, она — о своей учебе по курсу военной службы, упомянула и о волнующих, остродраматических событиях в жизни Москвы зимой 1941-го и весной 1942 г.

И так же, как в ту первую их ночь, незаметно подкрался рассвет. Будильник казенно, с равнодушной безупречностью отсчитал пять ноль ноль...

— Вот уж воистину «счастливые часов не наблюдают», — невесело засмеялся Киазим. — Ты хочешь спать?

— Нисколечко.

— Тогда затеем «пир», попьем чайку и... кинемся в объятия Москвы, ладно?

— Так точно, товарищ лейтенант! Сейчас посмотрю, что там есть у бабушки...

— Отставить бабушку, — Киазим принес из прихожей чемоданчик, извлек из него две банки тушенки, сгущенного молока, внушительные куски хлеба, сала, — вот это кое-что плюс бабушкины травки, плюс твои золотые руки и на столе сказочная трапеза!

Не прошло и полчаса — завтрак был на столе. Кроме искусно разложенных ломтиков сала и хлеба, аппетитно курилась разваристая картошка, пахло луком, хорошо заваренным чаем. Горка белоснежного сахара и румяные пирожки и пряники дополнили стол.

— Ну, волшебница! Это же истинно королевский завтрак по нынешним-то временам! — воскликнул Киазим.

— Не я, а как всегда — бабушка с ее запасами. Так что благодари ее.

— Ай да Вера Петровна, не бабушка, а «золотая рыбка» — сберечь в войну довоенные запахи... Спасибо ей, спасибо от души. Мы ее увидим сегодня?

— Обязательно приедет.

Плотно позавтракав, они вышли.

— Ну, куда в первую «смену»? — спросил Киазим.

— Куда скажешь...

— Не начать ли нам с нашего парка?

— Удивительное совпадение мыслей.

Им действительно хотелось побывать в парке, ставшем местом их первой, непредвиденной встречи, подарившей им впоследствии большую любовь.

Вошли в парк и сразу ощутили отсутствие хозяина... Сиротливо и с грустью смотрели на них заколоченные двери и окна строений, неухоженные дорожки аллей, бугорки бывших клумб. Только деревья и травы радовали глаз свежей зеленью, тихо и загадочно шелестели, словно приветствуя старых своих друзей. И воспевая утреннюю зарю, то тут, то там раздавались птичьи голоса — беспечные, радостные, презревшие военную напряженность. И конечно, как всегда, тон задавал соловей. Упругие ветерки нарождающегося утра заплетали кружевом зелень деревьев, ласкали руки и лица влюбленных и, тихонько коснувшись их душ, сулили вечность.

Они решили восстановить все: каждый шаг, каждый поворот и аллею, познакомившую их когда-то.

Без труда нашли знакомое место, точнее сказать — площадку, на которой и разыгрались тогда эти события. Взгляд Светланы поблек, видимо под грузом нежелательных воспоминаний.

— Что было, то прошло... — поспешил успокоить Киазим, заметив ее настроение.

— Почему же, помнить надо и плохое, иначе хорошее быстро забудется... Как сейчас вижу этот вечер: шли спокойно, ни о чем не подозревая, любовались красотой этого уголка. И вдруг, они... Я не успела даже удивиться, а уж их пошлые шутки перешли в открытое хамство и насилие. Казалось, я готова была вцепиться в глотку этого бандита, но куда там... не те силенки... И если бы не ты, черный, кошмарный сон не превратился бы в светлую и радужную явь... Не знаю кто, как и откуда забросил тебя тогда к нам. Вот и говори после этого, что нет судьбы...

— Ну, считай, судьба, — согласился Киазим, меньше всего хотелось ему спорить с ней сейчас. Остро хотелось близости, теплого ее дыхания, любви. И сильно, и трепет-

но обняв ее плечи, он долго, с пронзительной сладостной болью целовал любимые губы. Потом, как бы очнувшись, они долго и молча разглядывали «зачарованное злодейством поле», на котором так вдруг обрели друг друга.

— Вот теперь-то уж я запомню это «историческое» место другим, а именно — счастливым. На всю оставшуюся жизнь.., — наконец, сказала Светлана. — И все-таки становится жутковато от мысли, а что, если бы ты не оказался рядом или просто не захотел заступиться, ведь что ни говори, их было трое — пьяных, полудиких головорезов?

— Ну, оказался-то действительно случайно, а что касается защиты беззащитного... Убежден — любой порядочный человек не пройдет мимо... Знаешь, о чем я подумал: понятие «достоинство» доступно только честной натуре (а таких у нас миллионы), и любое посягательство на него тут же вызывает ответную реакцию — и в том случае, когда я один заступился за твое, и в сегодняшнем массовом, когда мы дружной силой бьем фашистов, уже за наше общее достоинство. Ведь у каждого из этих «молодцов» только одежда разная, а душонка одинаково подленькая...

— Ну уж сравнил... Здесь кучка «своих» хулиганов, а там тысячи организованных головорезов. Здесь посягательство на одного... А там искоренение целых цивилизаций.

— А как ты думаешь, есть разница для человека в том, кто его растерзает: «свой» или «чужой» хулиган? В розницу или оптом...

Конечно, масштабы действий несравнимы. Но объединяет их общая суть — человеконенавистничество. И те и другие без совести и чести бандиты, растерявшие души, ведомые лишь звериными инстинктами. Короче, эти людоеды — что «свои», что фашистские, истребляют достоинство человека вообще и потому требуют полнейшей изоляции, перековки, а при невозможности — ликвидации.

— Ой, как сурово.

— А иначе нельзя. Закон для врага один — что военный, что мирный: если враг не сдается, его уничтожают, в ином случае, вряд ли слово «Человек» будет звучать гордо.

За разговорами и не заметили, как оказались на центральной площади парка. Справа виднелось административное здание, а прямо перед ними — отшлифованный некогда до блеска, теперь же заметно потускневший, круг танцплощадки.

— Потанцуем что-ли по старой памяти, — пригласил Киазим.

— Только под духовой оркестр! — засмеялась Светлана.

И вскоре уж, оказавшись на танцплощадке, закружились они в вальсе, складно «аккомпанируя» себе «На сопках Маньчжурии», а потом напевая и другие, совсем еще недавно модные мелодии танго, фокстротов и просто любимых песен.

Запыхались, остановились, раздумялись.

— А теперь не худо бы выпить холодненького сидро, — серьезно сказал Киазим, — тебе какого?

— Клюквенного! — не задумываясь ответила Светлана, — а тебе, как всегда, апельсинового?

— Точно, — подтвердил Киазим.

Потом они «ели» ароматный кавказский шашлык в своем кафе и, заглядывая в загроможденные его окна, удивлялись — все оборудование, столы и стулья были на своих местах, только войди, казалось, в заколоченную дверь и наполнятся своды его прежним смехом и острыми дразнящими запахами восточной кухни.

На пути их встал знакомый киоск — палатка. Этот был не испорчен дождями и выюгами — стоял зелененький, как и прежде.

— Какое же мороженое купить тебе на этот раз, дорогая? «Ленинградский пломбир»? «Шоколадное»? «Сливочное»? «Земляничное»?..

— Ты же знаешь — наше любимое.

Они с удовольствием «поели» «эскимо», поклонились парку, московским березам, всем памятным сердцу местам и направились к выходу.

— А сейчас пойдем на наше самое дорогое и священное место — на Красную площадь к Ильичу, — Киазим взял Светлану за руку.

— Конечно, пойдем, только Ильича сейчас там нет...

— Я знаю, он перевезен и надежно укрыт в другом месте. Но какое значение имеет, где покойся сейчас его тело, мы поклонимся его имени, его духу, которые всегда присутствуют там, и повсюду руководят нашими помыслами и действиями, воодушевляют на борьбу с врагами.

Через считанные минуты они были на месте.

Красная площадь! Кто не испытал особого душевного трепета, оказавшись на ней! Вот она перед ними, святая святых!

Сильное волнение охватило их. Вдохновенно и торже-

ственно забили сердца и взоры их приковались к Мавзолею, стенам и башням Кремля и рубиновым звездам на них, тщательно скрытых от глаз хищных фашистских стервятников.

— Это пока... Это временно... Ты еще познаешь гром победы, — шептал Киазим и великое озарение заполняло его душу.

Как замороженные, спустились на Манежную площадь, прошли по улице Горького до площади Маяковского и обратно, заглянули на Арбат, осмотрели библиотеку Ленина, Охотный ряд, площадь Свердлова, Дзержинского и так до самой площади трех вокзалов. Побывали они и в других местах столицы, все еще ошетинившейся, сосредоточенно-внимательной, напряженно-деловой, до сих пор не расставшейся с надолбами и маскировкой, аэростатами заграждений и гнездами зенитных огневых точек, однако с концом 1941 в сравнение не шла...

Вернулись домой уже к вечеру. Встретила их, действительно, Вера Петровна и с такой радостью, что восторженным вздохам долго не было конца. Понятно, и угостила чудо-бабушка чудо-ужином, суетливо ухаживая за своими «ненаглядными». Беседовали, вспоминали неповторимость предвоенного житья, говорили о невзгодах военного времени, мечтали о желанном будущем. Легли спать далеко за полночь. Светлана и Киазим — по разным постелям.

Рано утром Вера Петровна проводила молодых, по-русски троекратно поцеловав Киазима.

И вот перрон Северного вокзала, откуда они последуют на аэродром вылета. Подошел Феоктистов. Рядом стройная, миловидная женщина.

— Ну как жилось-можилось в столице? — Сергей был явно в отличном настроении.

— Лучше не бывает, — ответил Киазим, — знакомьтесь, моя подруга Светлана.

— А это моя жена Алла.

— Очень приятно познакомиться, — молодые обменялись рукопожатиями, с интересом оглядывая друг друга.

До отхода поезда оставалось ровно 20 минут, — последних, прощальных... И каждый из них хотел урвать у Времени эти сокровенные секунды.

Прошлись по перрону, поговорили о том, о сем и деликатно разошлись.

«Как хорошо, что ты есть», думал Киазим, глядя на Свету. Она стояла молча, прислонившись к его груди. Конечно, встреча блеснула подобно вспышке молнии,

очень короткой и яркой. Но ведь это была вспышка радости. Однако Света молчала, подрагивая плечами, всем телом, подавляя тяжелые вздохи. И это ее состояние невольно передавалось и ему, — «а нужно ли было это быстрое свидание? Может просто разбередили друг друга души?» — усомнился вдруг он. Но тут же, опомнившись, решительно отверг эти сомнения. — «Да, счастье! Да, праздник! Да, нужна была она! Ибо это не случайная встреча случайных людей».

Конечно же прав Киазим. Ни он, ни она, вероятно, не сознавали пока, что эта встреча сделает еще ярче, еще привлекательней давно зажженную ими путеводную звезду — звезду их благородных надежд.

— Успокойся, моя дорогая, моя бесценная. Не тревожься, все будет в порядке. Ну, прощаемся. Может быть совсем ненадолго...

Она заглянула в его глаза так, что дрогнуло его мужественное сердце. Порывисто притянув его к себе, как в беспамятстве, прижалась к его губам...

Целуй, Светлана, целуй своего сокола! Как нужен ему этот поцелуй, наполненный верностью твоей и любовью. Знай — поцелуй любимой вселяет в юношу неодолимый заряд духа, делает его непобедимым...

* * *

Как и было условлено, самолет, любезно взявший их к себе на борт, ровно в 10.00 взлетел и взял курс на Куйбышев.

ГДЕ, КАК И КЕМ КУЮТСЯ КОНИ СТАЛЬНЫЕ

Полк пробыл под Куйбышевом 37 дней — получал пополнение летного состава и самолеты. Молодые летчики (с налетом на штурмовиках не более 20 часов), понятно, народ «не обкатанный», требующий хоть минимальной программы обучения в составе вновь сформированных звеньев, эскадрилий, да и всего полка. Тренировка в групповой слетанности, бомбометании и воздушной стрельбе и была их основной задачей. Уделялось большое внимание самолетовождению и тактике. И с этими, еще не оперившимися юнцами, на равных — плечо в плечо, проходил необходимую боевую подготовку и секретарь партбюро полка старший политрук Касимов М. И. Заветная его мечта сбывалась.

Обкатывались новенькие самолеты и моторы, устра-

нялись дефекты. Легкие в управлении, пропахшие свежей краской, цельнометаллические красавцы бесконечно радовали глаз.

Пополнился полк техническим составом и впервые даже — девушками: секретарь-машинисткой и двумя укладчицами парашютов.

Немало интересных событий в жизни полка произошло за это время. Но особенно впечатлял завод, где собирались самолеты. Агрба хорошо помнил его во времена дислокации, т. е. с ноября 1941 до февраля 1942 года. Завода как такового по сути дела еще не было. Спешно перебазировавшись из Воронежа, он только обстраивался, хотя давал уже продукцию. Станки, оборудование лежали прямо под открытым небом, на пустыре. На глазах возводились стены, прокладывались необходимые коммуникации. Все налаживалось на ходу: производство, снабжение, жилье, питание. Люди жили в землянках, удвоенных палатках, обогревались временками. Не хватало одежды, продуктов и все это в тяжелейших погодных условиях: в осеннюю слякоть, и зимнюю стужу. Сейчас положение заметно изменилось. По крайней мере основные заводские цеха были под крышей. Появились склады, подсобки и, конечно, столовые, стало лучше с жильем. В данный же момент подвеселило жизнь и лето: тепло, сухо, в короткий перерыв можно поспать прямо под открытым небом. Но летний народ никакими условиями быта не удивить — плохими, равно как и хорошими. Их интересовали дела внутри цехов. И то, что они увидели, потрясло: за невероятно короткое время были возведены такие корпуса и так отлажен в них гигантский конвейер из сотен различных станков, машин и оборудования, что просто дух захватывало от такой мощи. А с каким напряженным вниманием трудятся рабочие на каждом участке этой непрерывной и, казалось бы, бесконечной технологической цепи, обрабатывают каждую деталь, ведут монтаж каждого узла, сборку всего комплекса! Между тем большинство рабочих — подростки 15—16 и пожилые 60 и старше лет. И очень много — женщин. Смена — 12 и более часов в сутки!

«Экскурсанты» — бывалые фронтовики и те были буквально поражены увиденным. Борис Лозоренко, в прошлом отменный токарь, даже воскликнул:

— Вот это самоотверженности! Глазам не верится... Сколько же в нас, братцы, таится неизведанной силы. А мы все доискиваемся, где живет чудо? Да в нас оно живет — в наших руках и желании.

— Вы очень четко сформулировали мысль, товарищ летчик, — ответил Борису, но как бы и обращаясь ко всем, представительный на вид инженер, выполнявший роль экскурсовода, — вобравший в себя всю народную силу наш единый кулак и есть то чудо, способное нанести губительный удар по цели, т. е. по фашизму. Сил хватит, желания тоже.

Тут вмешался в разговор довольно пожилой рабочий:

— Сил-то хватит у нас, к примеру, у рабочих, а вот вас, извините, товарищи военные, спросить охота, — сколько еще будем отступать? Только воспряли духом после Москвы и на вот тебе — обратно пятки смазываем: на Керченском, под Харьковом, а теперь и вовсе фашист воспрял — прет гад по всему южному участку фронта, давит сапожищем наши советские пашни, терзает мирный люд... А мы что же — обессилели, изнемогли?.. Только глотку драть горазды. «Гремя огнем, сверкая блеском стали...» Сталь-то мы вам даем, а где же он, ваш огонь-то?

Говорил все это рабочий почему-то Агрбе и Лозоренко, недобро поглядывая на их ордена, но ответ захотел получить у майора Касимова, видно, две шпалы на его петлицах внушили рабочему доверие.

Воцарилась минутная тишина. Без вины виноватый Касимов собрался с мыслями:

— Вы правы, товарищ, — сказал, будто извинился, — ситуация на юге — это тяжелая для нас неожиданность... Как всегда окрылились успехом, недооценили сил противника... А их оказалось еще немало, по крайней мере больше, чем мы полагали. Но и нельзя не заметить, — голос майора окреп, — не тот уж немец-то... Не может он теперь наступать по всему фронту. Хоть и сосредоточил большие силы — танковые, авиационные, но ведь лишь на южном крыле советско-германского фронта. И я убежден — остановим мы его и скоро. Только дайте срок и... побольше вот этих могучих стальных коней, — он указал на стоявшие в цеху славные Илы.

— И на том спасибо... За нами дело не станет.

Посещение завода надолго впечатлило летчиков. Зацепили душу слова рабочего. Были и разговоры на эту тему.

— Ну, как дал прикурить рабочий-то, а? — заметил Семико.

— И очень даже правильно дал. Они тут вкалывают — «Все для фронта, все для победы», — а победы пока не видать, — ответил Макаров.

— А ты думаешь, колхозникам легче? — не столько спросил, сколько поддержал его Смирнов.

— Да за что только терпит такие муки многострадальный народ наш, — вздохнул Антонов.

— За маленький пустячок, — не скрывая раздражения заметил Акимов, — всего лишь за Свободу и Независимость нашей Родины, чтобы даже такой, как ты, Антонов, сменил свою скулежку на улыбку и радость.

Да, эффект от экскурсии был заметным: укрепились уверенность в технике, возросла решимость.

— Быстрее подготовиться, быстрее на фронт! Еще беспощаднее громить врага! Очищать Отчизну от скверны! Это будет нашим ответом на трудовой подвиг народа, — выразил настроение всего полка Агрба в беседе с товарищами.

НАД ЗНОЙНОЙ ИЗЛУЧИНОЙ ДОНСКОЙ

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ-МАТУШКЕ ИЛИ ЗДРАВСТВУЯ, СТАЛИНГРАД

18 июля был получен приказ готовить полк к отправке — в распоряжение командующего ВВС Воронежского фронта.

Наземный эшелон полка ушел 20 июля, а 21 — летный состав, получив топографические карты, склеил их и, проложив и изучив маршрут, ознакомился с новым районом боевых действий. Летчики были рады.

— Наконец-то! Ура! Вперед на Запад!

Вылет был определен на пять утра следующего дня.

В назначенное время командир полка первым начал выруливать для взлета, но вдруг услышал в наушниках срывающийся до крика приказ: «Вылет отставить, заруливайте на стоянку!»

На бешеной скорости выскочила полуторка, человек на ее подножке усиленно размахивал красным флажком, давая понять, что вылет запрещен, надо поставить самолеты обратно на стоянки...

Оказалось, поступил новый приказ: полк направить не на Воронежский, а на недавно созданный Сталинградский фронт и он должен прибыть туда завтра, 23 июля. Оставалось одно: техническому составу осмотреть и дозаправить самолеты, летчикам — сдать карты Воронежского направления и, получив Сталинградские, заново провести подготовку, но теперь уже за гораздо меньшее время. Но и тут вышла заковыка: не оказалось карт нового района (самолет с ними и необходимыми радио- и навигационными данными на борту только что вылетел из Москвы). Хорошо что в штабе Запасной авиабригады нашелся экземпляр старой карты до Сталинграда включительно, и летчики до прихода самолета коллективно изучали предстоящий маршрут. Самолет с картами призем-

лился около полудня. Таким образом, только лишь остаток дня был посвящен основательной подготовке к перелету на Сталинград. Вот тебе и «вперед на Запад!»

В 4 утра следующего дня самолеты полка легли на маршрут с курсом на юг, как поется, «и мы грянемте, ребята, вниз по матушке по Волге»...

Полк, как и многие другие части, перебрасывался в район Сталинграда не случайно. Там для советских войск складывалась очень тяжелая обстановка. Из-за крупных недочетов в организации и ведении боевых операций советские войска в мае 1942 года потерпели тяжелое поражение на Керченском полуострове и юго-западнее Харькова, в результате лишились превосходства в силах, упустили инициативу и перешли к оборонительным действиям.

Крупная вражеская группировка в составе 6-й общевойсковой и 4-й танковой армий с задачей окружить наш Юго-Западный фронт, 28 июня начала наступление в двух направлениях: Волчанск—Воронеж и, совместно с 1-й танковой армией, — Купянск — Старобельск — Кантемировка. Окружить наши войска она не сумела, однако, стремительно наступая, к середине июля вышла в большую излучину Дона.

Ставка Верховного Главнокомандования провела ряд стратегических мероприятий по созданию обороны. По Дону от Павловска до Серафимовича разворачивались отходившие войска, а на рубеж Клетская, Суровикино, Суворовский, (иск.) Верхняя Курмоярская были выдвинуты из резерва свежие армии. Все эти войска 12 июля объединились в Сталинградский фронт под командованием генерал-полковника Еременко А. И., имея задачей прочную оборону — преграду для дальнейшего наступления противника.

Немцы нацелили на Сталинград 6-ю армию, предварительно усилив ее двумя танковыми и двумя армейскими корпусами, а также основные силы 4-го Воздушного флота и 8-го авиационного корпуса (всего до 1500 самолетов, преимущественно истребителей Ме-109). Это в 2 раза больше, чем у нашей 8 ВА.

17 июля действиями передовых отрядов 62 А (командующий генерал-майор Колпачки В. Я., с сентября — Чуйков В. И.) на реке Чир начался оборонительный период битвы за Сталинград, который продолжался до 18 ноября 1942 года...

Агрба хорошо знал Поволжье от Куйбышева до Сталинграда. Прилегающие к ним районы от Урала и Западно-Казахстанских степей на востоке, до Пензенской,

Тамбовской и Воронежской областей на западе — он облетел еще, когда учился в летном училище. И сейчас, пролетая над ними, он с интересом узнавал приметные места.

Заволжские степи и холмистые равнины, разрезанные Волгой, были столь бесконечны, что, казалось, не осилить их даже мощному мотору, стальным крыльям.

А Волга! Плавная, величаво-бесконечная, «Красавица народная...» — как пели люди совсем недавно, — даже она оказалась под угрозой! Надсадно защемило сердце. И настроение испортилось вконец. Радостные, яркие цвета довоенной жизни поблекли, уступая место кровавому, настоящему, облекая милые сердцу просторы в конкретные ориентиры конкретного боевого маршрута, не спеша появляющиеся на горизонте и уходящие прочь за самолет. Вместе с ними уходила вдаль бесконечная земля российская, всплывала в памяти неувядаемая история народная...

Пять веков отделяло сегодняшнюю Русь от татаро-монгольского ига, продиктованного раздробленностью русских княжеств, междоусобьем, духом великой строптивости и чванства перед собратом, бессильных, меж тем, противостоять высокоорганизованным, единосплоченным ордам Чингисхана. Освобождение Руси опиралось на единство и хранилось в нем. И вот теперь, спустя века, иные цивилизованные орды посягнули на свободу этой страны — по-воровски, ударом в спину, рассчитанным на растерянность, замешательство и... опять же на то, что разноплеменный Союз рассыплется как карточный домик, и им удастся их проглотить поодиночке...

Мерно гудел трудяга-винт, мощно вгрызаясь в толщу упругого воздуха и отбрасывая его массы назад, будто проникал в грядущее и провожал в историю уходящее. Как бы в подражание ему, мысли Агрбы становились беспокойнее, пытливей...

Мог ли он представить когда-нибудь хоть на секунду, что эта великая река, спокойно несущая свои воды в глубине страны, будет вот так сопровождать его на бой за защиту ее от новых варваров? Никогда! Однако это случилось. Как? Почему?

Вероломность врага и внезапность его нападения? Да, конечно. Особенно для армии, как говорится, в оперативно-тактическом плане, в том смысле, что она не знала времени удара, не была отобилизована, подтянута к границам и развернута для того, чтобы сразу же дать достойный отпор врагу. Всякому ясно, если, подобрав-

шись исподтишка, ударить неожиданно и наотмашь, да еще превосходящей силой, можно сразить наповал даже «вооруженного до зубов». А мы только мечтали о «зубах». Не только мечтали, а и выращивали их, ибо знали, что война с фашизмом неизбежна. Но за отведенное историей время мы не могли физически вырастить и наточить так и столько, как и сколько надо было для того, чтобы успешно отразить натиск многочисленных, остро-наточенных чудовищных клыков фашистского зверя, возвращенных по самому последнему слову науки и техники с помощью обильной золотой инъекции американско-английско-французских монополистов. Мы же рассчитывали только на свои силы и средства, которых, ах как было недостаточно. Откуда мог быть достаток? Войны — четыре года империалистической и почти пять лет гражданской — опустошили, разорили страну от края до края и дотла. И на этом выжженном и выветренном пустыре полуголые и полуголодные создавали заново экономику. Неслыханными темпами! В неслыханно короткие сроки! За каких-нибудь десять-пятнадцать лет она была все же создана так, что могла удовлетворить минимальные потребности. В тридцатые годы она еще поднималась, набирала силу. И имела целью в первую очередь накормить, одеть, просветить свой народ, ибо любая идея тогда лишь полнокровна, когда доказана реальными благами. Хлеб, хлопок, уголь, нефть, сталь и пр. пр. — все это шло во благо народному хозяйству, где танк или самолет (имея жизненно важное значение) уступали все-таки первоначальное место трактору, комбайну, заводу или фабрике мирных нужд, оросительному каналу в обезвоженных землях, электричеству в глухих деревнях, постройке школ, больниц, жилья и т. д. Но это не означало «запущенности» вопросов обороны. Развитию военной индустрии, науки и техники уделялось большое внимание. В соответствии с духом времени реорганизовывалась и Красная Армия. Готовились кадры. С вооружения снимались устаревшие типы, создавались взамен новые, особенно танки, самолеты, артиллерия. Но их было еще до обидного мало. Развивающаяся промышленность не успевала. Да и не следует забывать при всем том, что Страна Советов и после гражданской войны, по сороковой включительно, почти беспрерывно вынуждена была вести боевые действия, то насильно навязанные ей, то вызванные необходимостью помочь дружественным соседям и братьям по классу в отражении империалистической агрессии: Китай, «Озеро Хасан» и «Халхин-Гол», Испания, «Линия

Маннергейма»... На все это требовались субсидии и все из того же народного кармана. А их-то, денег этих, не хватало. Вот и получается, что причины неудач на войне и удач тоже, зиждутся прежде всего на экономике, на финансах.

Крайне не хватало и времени. Мы очень спешили и не успевали. Случайно ли правительство всячески старалось оттянуть начало войны. Враг это видел. Он прекрасно понимал, что ждать еще год-два, значит дать Советам возможность подготовиться в полной мере и тыл, и армию с нужным количеством и качеством техники и оружия. И если Пакт о ненападении мы подписали с целью выиграть время, то фашистам он нужен был для того, чтобы заранее подготовиться всемерно, но скрытно. И время начала войны выбирает он так, чтобы было выигрышно ему. «Блиц-криг» он и начал вероломно с тем, чтобы застать врасплох своего неподготовленного, следовательно, пока еще слабого противника.

Июнь 1941 года для разведки и руководства страны, то есть в стратегическом плане, не был внезапностью. Но для народа и армии стал началом испепеляющего урагана. И для армии имело значение тогда не то, кто виноват в этом, а то, что она начала войну в тяжелейших для себя условиях. А если к этому добавить, что многие сотни опытных, «обстрелянных» командиров и политработников исчезли, а вместо них пришли молодые, недостаточно опытные и обученные, то станут ясными все причины невзгод и тяжести начального периода войны, в том числе потеря громадного количества самолетов на аэродромах под ударами внезапно налетевших на рассвете «юнкерсов» и «мессеров», позор отступлений, окружений, сдачи в плен и т. д...

Но могло быть еще трагичнее, если бы не героизм и отвага подавляющего большинства бойцов и командиров Красной Армии, стойкость и смекалка многих военачальников, смелость и находчивость тысяч и тысяч советских патриотов, т. е. если бы не проявлялись их высокие морально-боевые и нравственные качества. Гастеллы, Космодемьянские, Матросовы, Смирновы, Чайкины, Кошечевые, Тюленины, Шевцовы, Туркеничи, Громы и Земнуховы рождались именно в те суровые для страны времена. И не случайным был их единый немеркнущий подвиг, как не случайными были мощный нападл «катюш» осенью 1941 года, лихие атаки грозных ИЛов и знаменитых Т-34 с конца 41-го и начала 42-го. На пустой почве взрастает только пустота, в крайнем случае чертополох.

Появились прекрасные всходы, следовательно, она, эта почва, была засеяна отборным зерном советской мощи и только требовала нужного срока, чтобы взойти и окрепнуть. Чем дальше, тем больше будет этих неодолимых всходов. Это и есть залог наших грядущих побед. Нет, не видать фашистам красавицы Волги, не пить из нее воды! Не так уж далеко то время, когда великая река засияет радостной улыбкой и станет тем рубежом, откуда начнется закатный путь фашизма. Гитлер будет разбит так же, как в свое время Александр Македонский и Юлий Цезарь, Чингисхан и Тамерлан, Карл Великий и Наполеон... Фашистская империя развалится так же, как и когда-то Римская, Византийская, Великоордынская, Османская и прочие империи. А расчеты Гитлера на раскол советских народов никогда не оправдаются — другие времена, другие основы, сами народы другие, осознавшие свою историческую роль, спаянные едиными священными и благородными целями, способными удесятерить их силы. Вот эти силы и разгромят новоявленного завоевателя. Это несомненно... Так приблизительно думал Агрба. Так думали и в этом были уверены все советские люди того времени. Они искренне верили тому, что сложилось в одной шестой части земли. Эта вера была свята. И, разумеется, мысли не допускали, что уже через 50 лет можно будет без особых трудов развалить такую могучую державу, причем руками собственных сынов и дочерей, нацелить ее на такой путь, какой во сне-то видеть для них было бы несусветным кошмаром.

Вот так, того, чего не сумел достичь Гитлер даже ценою жизни восьми миллионов немецких парней и миллиардами марок, добились сегодня Коль и Буш, не заплатив ни единой жизни своих сограждан, ни единой марки, ни единого цента...

Самолет слегка качнуло. Киазим осмотрелся — все нормально, группа идет спокойно по намеченному пути. Перевел взгляд на землю. Впереди показался характерный изгиб двойного русла Волги, перед ним населенный пункт. Все верно. Это Балаково. Значит пролетели час. Сверил по часам. Так и есть. А вон слева бежит к Волге красивая речка — это большой Иргиз. Напротив его устья, на правом берегу Волги, городок Вольск. Камал Багаутдинов говорил, что там у него были хорошие друзья и родственники. Знают ли они, что с Камалом? Да, жалко, погиб, уж постоял бы он за свои родные места, и многие из «фрицев» обрели бы по-над Волгой могилу... Побывал в этом городке и Агрба. Однажды волейбольная

команда его училища провела здесь ответную игру с командой технического училища. После матча решили искупаться всей командой (заодно и болельщики) в Волге. Запомнился Миша Мустафин, местный рекордсмен по плаванию. Он-то и подбил ребят на «слабо» переплыть Волгу туда и обратно. Поплыли человек пятнадцать. Но уже через 50—70 метров вернулись трое, почти с середины реки — пятеро, один чуть не захлебнулся... Короче говоря, переплыли шесть человек, но обратный водный путь осилили только трое: Миша Мустафин, Леша Воробьев (тоже коренной волжанин, из Куйбышева) и он, Киазим.

А вот небольшой городок Маркс, через сорок километров будет Энгельс. Немецкие названия, а как дороги. Видно, не в фамилиях дело, а в людях...

Говорят, немцы Поволжья встретили «хлебом-солью» наших десантников, под видом гитлеровцев высадившихся на их территории? Если это так, не хотел бы Агрба иметь за своей спиной такой «надежный» тыл... Но не укладывалось в голове и то, что все они до единого «несли» этот «хлеб-соль». А ведь выселили всех поголовно... Нет, Эльза, искренне любившая Лешу Щербакова, и друзья Агрбы Эрнест, Карл и многие другие никогда не согласились бы стать «пятой колонной». А такие, как они, составляют подавляющее большинство советских немцев. Где они теперь? Нет, это не классовый подход, а скорее всего необдуманная перестраховка...

Справа показался Саратов, а прямо перед носом — Энгельс, где знакомо все до каждого кустика, до каждой тропинки и камешка. Энгельс! Четыре года молодости, давших основы летного мастерства...

Именно здесь группа произвела сейчас промежуточную посадку на заправку и осмотр самолетов. И снова воспоминания, воспоминания...

И снова полк на взлете. Курс — Камышин. А через полчаса с лишним, держась правее Волги, вдоль речки Иловля, вышли на конечный пункт маршрута (КПМ). Здесь уже начиналась прифронтовая полоса, где могли шнырять «мессера»-охотники, и не случайно Агрба услышал в наушниках голос командира:

— Внимание! Усилить осматрительность!

Через 35 минут после Камышина в 7 часов 35 минут полк благополучно совершил посадку на аэродроме Песковатка, в 50 километрах западнее Сталинграда, на левом берегу Дона.

Итак, он снова на фронте, теперь уже на Сталинградском! Как-то встретит его этот фронт, как пойдут дела — эти вопросы волновали каждого в полку. Разумеется, они еще не представляли масштабов и значения предстоящих здесь сражений и, конечно же, не могли предвидеть, что слово «Сталинград» превратится со временем в емкое и священное понятие (волнующее душу не только участника Великой Отечественной, но и любого знающего историю Родины, историю войн), вобравшее в себя вдохновенное чувство гордости и достоинства. Но сколько отважных сердец будет отдано за это! Каждый воздушный, танковый и рукопашный бой превратится в подвиг! Стволы зенитных орудий накалятся добела, прикрывая небывало плотным огнем боевые порядки наступающей пехоты, танковых и механизированных колонн. А пока... им, вновь прибывшим, время отпустило короткий миг, чтобы оглядеться, пообвыкнуть в новой обстановке, поставить самолеты в капониры и...

Над аэродромом в строю, применявшемся только на парадах, появилась группа из 24 «Ме-109». Полагая, что она идет на аэродром, люди разбежались по щелям. Однако «мессеры», резко развернувшись на 90 градусов, один за другим стали пикировать на соседний аэродром, где стояли наши истребители...

Послышались взрывы бомб и снарядов. Фашисты, выходя из пикирования, делали разворот с набором высоты точно над аэродромом штурмовиков и снова переходили в атаку, педантично, не отвлекаясь на другие цели. Взмыла вверх восьмерка наших истребителей и тут же была оцеплена группой прикрытия «мессеров»... И закружились две «карусели»: внизу — штурмующих наземную цель, наверху — ведущих воздушный бой. И так 15 минут, растянутых в вечность...

Кончилось все внезапно, как и началось.

После налета полк был построен перед землянкой, предназначенной для КП. Командир 226-й штурмовой авиадивизии полковник Горлаченко сообщил в общих чертах о боевой обстановке на фронте, поставил предварительные задачи и, отпустив техников, пригласил летчиков и весь руководящий состав полка в землянку. Там он детально рассказал о характере боевых действий во-

обще, наземного и воздушного противника в особенности, показал на карте расположение своих и вражеских войск и в заключение подчеркнул:

— Обстановка на нашем фронте грозная, весьма опасная, но не безвыходная. Все зависит от нас, от умения и организованности всех наших войск. Безусловно, бои будут жестокими, как говорится, не на жизнь, а на смерть и совершенно в новых для вас условиях. Готовность № 3 для полка в 5.00 27 июля. Тщательно изучить район боевых действий, аэродромную сеть противника и свою, все характерные ориентиры, ежедневно, ежечасно уточнять на карте оперативную обстановку. Штурман дивизии проведет занятия по способам прицеливания при бомбометании с горизонтального полета и с малых углов планирования с разных высот, а также по особенностям самолетовождения в полосе фронта.

* * *

А между тем обстановка на фронте менялась очень быстро и неблагоприятно для нас. В день прилета полка основные силы 6-й немецкой армии начали новое наступление: одной группировкой с северо-запада на Верхне-Бузиновку и Каменский, другой — с юго-запада на Калач, имея целью окружить и уничтожить советские войска в большой излучине Дона и, развивая наступление, с ходу овладеть Сталинградом. Левофланговой группировке противника удалось прорвать фронт 62-й армии и к исходу 25 июля, пройдя за три дня более ста километров, подвижными войсками выйти к Дону в районе Каменский, ниже по Дону, на правом его берегу, километров 20 от аэродрома полка. Правофланговая же группировка противника, наступавшая с юго-запада на Калач, вышла к Дону на участке Суровикино — Нижнечирская. Тогда же наши, вновь сформированные объединения генералов Москаленко К. С. и Крюченкина В. Д. при поддержке авиации, нанесли контрудары, благодаря которым удалось приостановить дальнейшее продвижение фашистских войск — план гитлеровского командования по захвату Сталинграда ударом с запада силами одной 6-й армии был сорван. Войска последней до подхода с Запада двух армейских корпусов вынуждены были приостановить наступление. Однако положение наших войск оставалось тяжелым. Оба фланга 62-й армии были глубоко охвачены противником. Вышедшие в двух местах к Дону немецкие войска готовились нанести удар по Сталинграду.

28 июля 568-й шад был выведен из опасной зоны и посажен на аэродром Конная километрах в 20-ти северо-западнее Сталинграда, где базировались и два других полка дивизии.

В 5.00 29 июля 15 экипажей полка заняли готовность № 1. Задача — удар по правофланговой группировке 6-й фашистской армии. И вот перед самым запуском двигателей майор Хомутов отменяет вдруг вылет...

Приказ — немедленно построить весь полк у командного пункта.

Комиссар 226-й шад, высокий, статный с тремя «шпалами» на петлицах и с нашивными красными звездами на рукавах, сосредоточенно оглядел полк. Строй замер. Внимание приковано к листам в руках комиссара. И вот торжественно строго, отчетливо и резко, словно высекая кованный строевой шаг, комиссар начал читать:

«Приказ Верховного Главнокомандующего

№ 227 от 28 июля 1942 года

Товарищи бойцы, командиры...

...Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население...

...Наши войска между тем без серьезного сопротивления и без приказа Москвы оставили Ростов и Новочеркасск, покрыв свои знамена позором...

...Советские люди, для которых Красная Армия всегда была любимцей, теперь теряют в нее веру за бесконечные отступления...»

Беспощадные слова кромсали угрюмо давящую тишину раннего утра. Суровые, до предела обнаженные своей правдивостью, они как бичом хлестали лица и, словно налитые свинцом, прошивали сердца и души.

А беспечный жаворонок, зависнув в прошкваренном огнями небе, творил извечную свою песнь о счастье, мире, любви, надеждах и желаниях, о родном пороге и материнских глазах, о хрупких руках любимой и доверчивом взгляде ребенка — словом о том, что нуждалось в защите и оставалось пока безжалостно оголенной мишенью...

Люди оцепенели, не замечая боли до крови прикушенных губ, иные хмуро сверлили глазами землю, желая скрыть истинное состояние души. Но всеобщего потря-

сения скрыть было невозможно — каждый чувствовал себя виноватым за оставленные земли.

«Простите, мать и отец, прости, жена, сын и ты, родная сторонка, что я не могу пока надежно защитить вас от глумления чужеземной сволочи, простите, простите...» — читалось в глазах каждого бойца.

Комиссар все продолжал:

— «...Земля наша хоть и велика, но не безгранична... Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...»

Тяжко падали слова приказа и о том, что не должно быть места трусам... Их ждут всеобщая ненависть и презрение... Если все же они появятся, неминуема суровая кара по всей строгости советских законов военного времени... А чтобы они не укрывались за чужими спинами, не поглядывали назад... будут созданы заградительные отряды...

Заглядывая вперед, скажем — найдутся людишки, увидевшие «соль» приказа в этих заградотрядах. Для таких понятия: «сыновний долг», «честь», «совесть» — пустые слова, ибо спасение собственной шкуры было главным для них и единственным. Были среди них и извечные ворчуны, малoverы и просто сомневающиеся. И спустя многие годы, выжившие, уцелевшие за счет чужих жизней, отлежавшиеся в потаенных норах, выползут они в подходящий для них момент, чтобы осквернить память погибших, глумливо высмеять, а то и просто списать на нет массовый подвиг всего советского народа, отведя решающую роль Победы не их патриотизму, не их самоотреченной любви к Родине, а взведенному курку заградотряда... Так это будет, но потом. А пока они стоят единым строем и попробуй разбери, кто тут трус, кто скептик, а кто — герой...

«...Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования!»

Долгая, гнетущая тишина поглотила, казалось, вселенную. Прервал ее четкий и ясный голос комиссара:

— Товарищи! Любой исторический документ диктуется предложенными обстоятельствами. Этот приказ осно-

ван на тех обстоятельствах, которые допустили врага к Волге... И пусть не покоробит вас чрезвычайная мера — она для труса и предателя, нам же, славным сынам Отечества, отведена роль защитников, освободителей многострадальной земли нашей. Так не посрамям возложенной на нас почетной миссии и вспомним слова сына Российского — политрука Ключкова «отступать некуда — позади Москва». А можем ли мы оглядываться назад, за Волгу? «Нет», — скажет себе каждый, кто честен, в ком не утрачено чувство достоинства — ни земли, ни аэродромов, ни других позиций для нас там нет. Бейся насмерть, где стоишь, — ни шагу назад, если не хочешь, чтобы твой народ, твоя родная мать предали тебя анафеме!

Я обращаюсь к вам: гордым и независимым, стойким и мужественным — дрогнете ли вы в этот грозный, ответственный час? На вас смотрит Родина. Она ждет ответа — позор или свобода!? Отступать некуда — позади Сталинград!..

Комиссар замолчал и долгим, пристальным взглядом окинул строй, застывший, казалось, высеченным из камня обелиском. И лишь глаза солдат оставались живыми, вобравшими в себя всю палитру чувств и переживаний от только что услышанного. Разноречивы были эти чувства: трусость и мужество так же как честь и ложь — ходят порознь, но одно было ясно для всех — Родина в опасности. Слова эти, вписанные в каждую душу с лета 1941 года, именно сейчас резанули оголенной действительностью, сформированной скупыми сводками «После тяжелых... Кровопролитных... Оставили...»

«Почему?!» — болью, яростью, обидой бился вновь и вновь вопрос в глазах и душе Агрбы, — ведь вся страна нацелена на схватку с вероломными захватчиками: тыл работает на износ для фронта, для победы; армия, истекая кровью, поднимается в бесконечные атаки, бросает себя на вражьи амбразуры, горит в танках, самолетах и... отходит, отходит... Почему?

Как могло случиться, что допустили мы их до Дона и Волги, до самого Сталинграда!? И притом после сокрушительного разгрома их под Москвой? Почему не использовали мы под Керчью и Харьковом пример и опыт Московской битвы?

Безусловно, обстановка другая. Но все же? Неужели в ходе стремительного наступления там допустили отставание тылов и не подтянули вовремя резервы? Или еще хуже — после некоторых успехов проявили беспечность, не организовали своевременно разведку, не перегруппи-

ровали войска и позволили врагу скрытно сосредоточиться и неожиданно начать контрнаступление? Что же это: через год после начала войны никак не очухаемся, позволяем бить себя опять внезапно превосходящими силами и до сих пор не научились маневрировать своими силами? Или просто плохая организация, неумелое руководство операциями со стороны некоторых военачальников?

Так или иначе, дело, прежде всего, в нас самих, в наших людях, точнее в их умении, стойкости, мужестве и организованности. Особенно командиров и политработников всех рангов. Вот и выходит, что организаторы и руководители боев и операций под Харьковом и Керчью оказались менее умелыми, стойкими и мужественными, чем под Москвой, и допустили серьезные промахи и просчеты. А где были глаза и уши Ставки?

Тут почему-то перед мысленным взором Агрбы стали всплывать один за другим, калейдоскопически сменяясь, лица, образы... Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов... Он даже вздрогнул... Не может быть. Их просто подводят. Кто же? Значит Тимошенко, Мехлис, Бобкин... и другие руководители Юго-Западного направления?.. Но только ли они? А те, которые сражаются с фашистами непосредственно в бою?

И вообще, чем объяснить, что с одним и тем же оружием, при одном и том же соотношении сил одни стоят насмерть, а другие при первом же напоре бегут?

Вдруг всплыло лицо... Шелопутнова — наглое, самоуверенное, но скрывавшее за своим спокойствием столько холостых вылетов, столько «на ветер» сброшенных драгоценных снарядов! Нет, видать, не случайно вспомнился он сейчас Агрбе. Сколько их, таких «шелопутновых» разбросано по фронтам. Сколько ущерба несут они своей завуалированной подлостью. Один только Агрба (не считая его товарищей), мог дважды сгореть из-за трусости этого хлюста... Но попробуй, возьми такого вот «шелопутнова» голыми руками. Не так-то просто. Они, эти «шелопутновы», наверное, и в штабах малых и больших попадают — бестолковые приказы сочиняют и на передовой роты губят, подрывают, как могут, веру в справедливость, а значит — в победу. Чем они лучше откровенного труса, провокатора? Однако не докажешь. Ну ничего, видно этот сегодняшний суровый приказ уготован именно для таких...

Так думал Агрба и не ошибался: в глазах Шелопутнова поселился страх... Скрыть его было нельзя, хотя и

далеко не значило, что все просчеты, породившие отступление, сводились к одним только «шелопутным».

В самом деле, в чем кроется первопричина этих неудач? Ясно — в отсутствии умения и собранности. Умение же зависит от ума, знаний и опыта. А собранность, иначе говоря, организованность, дисциплина и стойкость? Не от состояния ли души, глубины сознания и убежденности? Убежденности в правоте дела, которому служишь. Сознания ответственности за его осуществление. Конечно, они тесно сплетены. Чем выше сознание, тем сильнее стремление к совершенствованию навыков...

Не говорит ли приказ товарища Сталина о том, что мы, сыны Октября, воспитанные на революционном энтузиазме, священных идеях Ленина и исторических решениях Партии, мы, представляющие народ со славной историей и с богатейшими традициями, не можем в дальнейшем допускать позора отступлений и поражений? О том, что хотя и с некоторым опозданием, но вопрос должны ставить именно так? О том, что должны, наконец, проникнуться этим великим и священным чувством ответственности за судьбы великого и священного Отечества? Не призывает ли он к тому, чтобы повсюду утвердился, в итоге, нравственный и душевный настрой, адекватный этой ответственности?..

А насколько уверенны, ответственные и стойки войска здесь, на Дону, на подступах к Сталинграду? Какой опыт они воспроизведут? Москвы? Харькова? Особенно те, которые непосредственно дерутся с врагом, решают успех дела на поле боя, в том числе наши летчики и командиры? Все ли будут биться как Лозоренко, Гаврилов, Картавицкий, Багаутдинов, Феоктистов или будут новые шелопутновы?..

Все это выявит время. А пока... Агрба заглянул в глаза стоящих рядом товарищей и прочел в них те же вопросы, которые волновали его самого: почему? Почему они докатились до Волги? Почему родился этот суровый приказ?.. Что и как будет дальше?..

Молниеносно чередующиеся мысли Агрбы прервали последние слова комиссара:

— ...Мы ни на минуту не должны забывать, какую конечную цель ставил гитлеризм, вероломно напав на нашу страну. Это — присвоение наших земель, ликвидация нашего, первого в мире социалистического, государства, уничтожение большей части советских людей и превращение в рабов оставшихся в живых. И обязаны знать, какую цель преследует, развернув последние широкомас-

штабные наступательные операции. Это — овладеть Сталинградом, разъединить центральный и южный фронты, движением через Саратов, Куйбышев обойти и захватить Москву с востока и, одновременно, завладеть всем Кавказом с его нефтью и другими богатствами. От каждого из нас зависит срыв коварных планов врага, достижение перелома в войне, решающей нашу судьбу...

Выше организованность и дисциплину! Больше умения и мастерства! Каждую пулю, каждый снаряд, каждую бомбу в фашистскую нечисть! Смерть немецко-фашистским оккупантам! Свободу Родине!

Установилась тишина. Глубокая, тревожная и торжественная одновременно. Агрба оглянулся и... поразился изменением облика и... выражением глаз своих однопольчан. Он всем своим нутром ощутил, что в каждом из них рождалось сознание всей глубины чудовищной угрозы, нависшей над Родиной, был уверен, что, как и он сам, каждый из них клятвенно повторяет слова комиссара: «Отступать дальше — Родину предать! Да и некуда отступать — Волга за нами!» А до хруста и боли стиснутые руки, новым неукротимым блеском загорающиеся глаза свидетельствовали, что рождается не только «почему?», но и решимость — «хватит отступать». Всего его охватили труднопередаваемые окрыленность, надежда. Несомненно, судьбу войны и страны в целом будут решать миллионы Картавицких, Гавриловых, Багаутдиновых, Лозоренко и Феоктистовых, сотни и тысячи Жуковых, Рокоссовских, Коневых, Новиковых и Хомутовых!..

— Может, кто хочет высказаться? — после заметной паузы обратился комиссар к строю.

Показалось, стало еще тише. Секунды шли, строй молчал.

— Разрешите? — раздался, наконец, звонкий и твердый голос.

Все повернули головы в сторону Агрбы.

— Пожалуйста, товарищ лейтенант! — комиссар жестом показал место рядом с собой и командиром полка.

Киазм пружинисто-мягким шагом вышел из строя и повернулся лицом к товарищам:

— Друзья! Нужно ли говорить о значении приказа Верховного Главнокомандующего? Оно, по-моему, ясно без слов — бить гитлеровские орды насмерть, не жалея себя, — смерти нет там, где жизнь Родины в опасности!

Признаюсь... Совсем недавно я хотел проситься на южный фронт, чтобы лично оборонять мою Абхазию, мой Кавказ. Теперь же понял, — заслонив собою Волгу, Ста-

Линград, мы заслоним тем самым Черноморье, Сухуми, Куру и Тбилиси, Каспий и Баку — весь Кавказ, всю страну и нашу столицу. Поволжье для меня — вторая Родина. Именно здесь, на Волге, я стал крылатым солдатом нашей армии и жизни своей не пожалею, чтобы защитить ее от фашистской нечисти. «Ни шагу назад!», — пусть это будет священной клятвой каждого.

И онемевшую шеренгу вдруг прорвало — всем хотелось высказаться...

Лейтенант Лозоренко Б. И.

Приказ своевременный и относится ко всем. Все мы — вооруженные бойцы Родины — довели дело защиты, порученное нам народом, до такого постыдного состояния. И некогда нам искать виновных — надо искупить общую вину, выправить положение. Да и куда отступать? За Волгой — Урал, становой хребет Родины, за ним уже Сибирские просторы... Значит — тут мой фронт и тут мой тыл... И я не отступлю назад — верь мне, народ, верь мне, товарищ Сталин!

Лейтенант Феоктистов С. А.

Гитлеру не удалось войти в Москву, в мой родной город, прямым ударом с Запада и принять парад своих войск в честь победы над нами... Парад сорок первого, конечно, состоялся... да только в честь победы Великого Октября, а значит — в честь наших будущих побед. Парадный вход оказался фашистам не по зубам, и они решили добить нас с тыла, как говорится, со двора. Не бывать этому! До последнего буду держать свой штурвал, а если откажут руки — зубами буду рвать вражьи глотки...

Лейтенант Большаков В. М.

Мой Ростов в руках фашистских зверей. Клянусь жестоко отомстить им за это. Отсюда, с волжской земли, настигнет их расплата. Не пройти фашисту к Волге, к Сталинграду!

Клянусь тебе, отец! Клянусь тебе, мать и земляк, клянусь и всему народу, что не допущу позора отступления!

Капитан Кудряшов В. Д.

Совсем рядом, вот он, рукой подать, мой родной Саратов! А там, чуть выше, и Ульяновск — священный город — Родина великого Ленина, нашего дорогого Ильича. Так можем ли мы позволить, чтобы сапог гитлеровского палача осквернил их улицы, втоптал в грязь святыню Страны Советов? Или мы только по учебникам талдычили про историю Революции? Иль не Ленин, а заморский дядя умыл нас неумытых, научил свободно дышать?

Стыдом и позором наливается сердце, следящее за «славными» нашими делами, допустившими врага к Сталинграду: смотри, отец и мать, на сына, это он готовит вам «безмятежную» старость в фашистских душегубках! Смотри, сын, на отца, сулящего тебе «счастливое детство» в наручниках Дахау. И ты, жена, вспомни любимого мужа, когда глумливый гад протянет к тебе рыжую похотливую лапу... Далеко зашли мы, друзья, и я так скажу: трусу — пуля, герою — слава, середке — не бывать.

Воентехник 2 ранга Макаров В. И.

Надежная, без единого отказа работа всей авиационной техники и вооружения — вот твердое слово технического состава нашего звена и наш посильный вклад в добросовестное выполнение исторического приказа. Если потребуется, мы с оружием в руках готовы защитить город Сталина и великую реку Родины. Убежден, так думают и так поступят все авиационные специалисты полка.

Старший политрук Касимов М. И.

Сталинградская земля, политая кровью наших дедов и отцов, священна. Так же как и Сталинград, покрывший себя легендарной славой еще в годы гражданской войны, она должна удвоить эту славу в грядущей битве. А иначе нельзя нам, товарищи... Вопрос поставлен четко — быть нам или исчезнуть с лица своей земли.

«Костями лечь, врага бы разбить лишь!» — вот что должно стать девизом каждого воина нашего полка. Но победа добывается кровью и потом, высоким воинским мастерством, гранитной стойкостью, исключительной боевой сплоченностью и дисциплиной. Помните об этом, товарищи, и боевая удача будет всегда сопутствовать вам.

Касимов смолк, взгляды ваясь, казалось, вдаль. Лицо его медленно заливалось волной лихорадочного румянца. Но, стараясь сохранить прежнюю уравновешенность, он сказал:

— Больше года отступаем... Испытываем терпенье народа, партии, правительства. Так пусть же приказ этот всколыхнет совесть каждого, пробудит от иллюзий «бескровных побед», наполнит благородной яростью сердца наши, и враг тогда, поверьте, — на веки вечные запомнит это слово — Сталинград.

Майор Хомутов Н. Д.

Дорогие товарищи! Вижу по вашим лицам, по вашему душевному настрою, по вашим высказываниям, наконец, что каждый член нашей родной полковой семьи понял основное требование приказа Верховного Главнокоман-

дующего: стоять насмерть, не щадить жизни для того, чтобы нанести уничтожающий удар по фашистской нечисти. Это священное требование должно проникнуть в сознание каждого из нас, во все наши мысли и действия.

Бить врага наверняка — эта первая заповедь воинов приобретает сейчас особое значение. От нас зависит сделать битву под Сталинградом переломным моментом во всей войне с фашизмом. А это значит: больше эффективных атак, умелого противозенитного и противострельного маневра и огня, тесное взаимопонимание и взаимопомощь, абсолютно надежная работа всей авиационной техники, четкое и безотказное действие всех систем и агрегатов самолетов, двигателей, вооружения и специального оборудования, их постоянная готовность к самому жестокому и напряженному бою.

Выражаю твердую уверенность в том, что мы все до единого с честью выполним приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина, умелыми и эффективными ударами по фашистским ордам, мужеством и отвагой покажем образцы выполнения своего высокого патриотического долга перед матерью-Родиной, перед рабочими и крестьянами всего мира. Так поклянемся же биться до последнего удара сердца, но не допустить врага к Волге!

— Клянемся! — дружно ответил полк.

— Погибнем, но Сталинград не отдадим!

— Клянемся!

— Никогда, нигде и ничем не запятнаем чести защитника Отечества! Отстоим Родину Ленина, ленинизм на деле — социалистическую Родину!

— Клянемся! — мощно раздался голос полка. И было ясно, что люди готовы немедленно ринуться в смертельную схватку с заклятым врагом, что в их душах утверждалась новая вера в свои силы и решимость биться до конца. «Умрем, но не пропустим врага!» — таков был настрой полка.

Только один Шелопутнов стоял с растерянно застывшим взглядом. Но этого не заметил даже комиссар. Он был переполнен волнением.

— Благодарю вас, дорогие товарищи, — сказал он, — за готовность без колебаний, не жалея ни сил, ни даже самой жизни выполнить приказ Верховного Главнокомандующего. Я так и доложу командованию дивизии и Главнокомандующему ВВС. Желаю вам успехов в выполнении почетных и ответственных задач, — и, приложив руку к козырьку фуражки и отойдя от строя, направил-

ся к командному пункту дивизии. Командир полка громко и торжественно скомандовал:

— Боевая задача прежняя. По самолетеааааа! Летчиков прошу на минуту остаться.

Технический состав направился к самолетам. Шли молча и сосредоточенно, переживая этот важный исторический час страны, а то и всего мира, призванный осуществить великий перелом на всех фронтах Красной Армии, от Белого до Черного и Каспийского морей.

— Наконец-то! — воскликнул Антонов.

— Да, приказ — что надо! — поддержал Макаров, — крепкий, аж дух заходится, только пораньше бы...

— А «пораньше» товарищ Сталин на твою высшую сознательность понадеялся, — невесело улыбнулся Акимов...

— Выходит я?..

— Выходит — мы. Все мы, так сказать, проштрафилась и нечего «стрелочника» искать — всем скопом вылезать из позора надо. Кровью искупить позор за поруганные наши земли...

Как и всем советским людям, им до чертиков надоело отступать, больно и стыдно переживать горечь поражений. Ох, как сильно хотелось бы им верить в поверженность врага и торжество своей победы. И сегодня эта вера прочно укрепилась в душах людей.

БОЕВАЯ ВЫУЧКА ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Тем временем к командиру полка подошел оперативный дежурный и доложил:

— Товарищ майор, передали изменения на линии фронта...

— Дайте взглянуть... Да, изменения. Пока небольшие, но все же... Прошу сообщить летчикам.

Летчики внесли соответствующие коррективы на картах.

— Теперь о небольших изменениях в боевом порядке первой группы. За мной справа пойдет Шелопутнов, слева остается Кудряшов, во 2-ом звене за Спорышевым справа Агрба, слева Борисов, в 3-ем звене Феокистова будут соответственно Окунев и Фигурин. Таким образом, справа меня прикроет Шелопутнов, сзади Спорышев с Агрбой и Борисовым. Во второй группе изменений нет.

— Все ясно, — ответили летчики.

Агрба, Лозоренко и Феокистов переглянулись — да, им было все понятно: командир составил первую группу

в основном из летчиков 2 аз, к которой он был неравнодушен, хотя всячески это скрывал. Заместителем поставил ее командира, опытного и мужественного Кудряшова. Один летчик был из управления полка — майор Спорышев, штурман с боевым опытом, толковый и смелый. В первом звене были все «обстрелянные», а вот во втором и третьем преобладали «желторотики»: Борисов и Фигурин, к примеру, имели на Ил-2 всего по 17—18 часов налета. О них-то больше всего и беспокоились друзья, — как-то поведут они себя в первом, ответственном бою. Настораживал, как всегда, и Шелопутнов, хотя на этот раз был поставлен прямо-таки в «безвыходное положение» — не мог же он оставить без прикрытия командира полка, да и зоркий глаз Спорышева и Агрбы будет совсем рядом...

За этой девяткой, на дистанции огневого взаимодействия, шла шестерка во главе с заместителем командира эскадрильи лейтенантом Большаковым. Всех вместе — 15 Ил-2 под прикрытием 8 Як-1.

— По самолетам! Взлет в 7.00.

Взлетали «старики» строем, молодые — одиночно. Собирались над аэродромом на кругу, высота 150—200 метров. Легли на маршрут, снизились на 50 метров и так шли почти до самой линии фронта. Агрба машинально изучал землю и небо. Как здесь все непохоже на Новгородчину! Кругом ровные бесконечные просторы затканы зреющими хлебами, сочной картофельной ботвой, местами изрезанные балками и ложбинами. И куда ни глянь — бездонная лазурь неба, не опаленная пока всемогущим лучом восходящего летнего солнца. Вот пересекли темно-серую ленту шоссе и две зеркально блестящие нити железной дороги на Калач. Справа станционные постройки и жилые дома Нового Рогачика. А через две минуты блеснула и, повернувшись влево на 90 градусов, побежала извилистая речушка с бахромчато-зелеными бережками. Это сама Донская Царица. Она будет долго сопровождать их, пока не встретится с Доном. И как бы приветствуя ее, командир спускается ниже, остальные следуют точно за ним. Самолеты — боевые кони — идут притаившись, настороженно. «Царица» неожиданно сворачивает вправо, пересекает железную дорогу и удаляется, а группа, прижимаясь еще ниже, идет прямо по курсу «железки».

Командир внезапно делает «горку» метров на 100—150 — это показался параллельно курсу справа сам Донбатушка: в свинцовом блеске, грозно и выжидательно прислушивался он, казалось, ко всему, что делается вок-

руг... Командир, снижаясь, дал команду: «Прибавить обороты!» Это значит «пришпорить коней».

На повышенных оборотах «подхлестнутые» боевые кони снизились и полетели прямо над Доном, доводя скорость полета-галопа до максимально возможной. Чудокони, чуя волю своих «седоков», волновались, горячились и вдруг, энергично вздыбившись, устремились ввысь, а достигнув назначенной высоты атаки — метров семьсот, как бы замерли, осмотрелись и сразу же услышали команду вожака: «Приготовиться!»

Поднята «шашка» — движение головы-мотора вверх, вниз — это значит группа на боевом курсе и с ходу «со стороны» солнца будет атаковать врага. Брошен взгляд вперед и вниз на землю: село Нижне-Чирская, за ним целы — большое скопление танков — серовато-грязных коробок, зловеще устремивших «хоботы»-пушки на Дон и дальше на Восток. И машины, машины, загруженные людьми и оружием... Они, видимо, даже не успели рассредоточиться или не сочли нужным...

Агрба посмотрел на первое звено. Шелопутнов держится на своем месте, хотя заметно ерзает. Командир идет прямо, не шелохнувшись, значит прицеливается. Киазим огляделся — чистое небо спокойно. Только Яки, наши истребители прикрытия, сверху и сзади, мечутся из стороны в сторону.

Пора и самому приступить к прицеливанию...

Впился взглядом в нужную точку на кромке крыла. Сейчас визирная линия: глаз — точка на крыле — цель совместятся... Вот и передний край площади, где скопились эти жутковатые «пауки». Ого, сколько их!

Ведущий покачал крыльями, из-под них оторвались первые бомбы... Тут же Агрба и все другие нажали на кнопки сброса, и целый рой остроконечных, тупорылых стальных хвостатых цилиндров — «шучек» и «поросят», начиненных смертоносным и всеуничтожающим грузом, ринулся вниз...

Атака удалась. Бомбы точно накрыли вражеские танки и машины: огонь, взрывы, паника и ни одного выстрела по самолетам, значит и внезапность достигнута полная... Группа в тесном строю прошла минуту по прямой, затем развернулась влево и взяла боевой курс на север, параллельно Дону, следовательно, и линии фронта. Самолеты перешли в пологое пикирование. Цель — все та же площадь, полная вражеских солдат, техники и оружия, но теперь уже выбор и атака цели самостоятельно огнем из пушек и эрэсами по оптическому прицелу. И вот из-

под крыльев первого звена потянулись языки пламени и дыма, рождая напалмовые огненные хвосты... Это у нас сработали самолетные «Катюши». Агрба «облюбовал» и взял в прицел двух «пауков», выпустил по ним свои эрэсы, короткую очередь из пушек и — ура! — восемь огненных стрел превращают фашистские танки в черные дымы. И взрывы, взрывы...

Пора выходить из атаки. И когда группа развернулась вправо на Дон с тем, чтобы оттуда снова атаковать противника, меж ее самолетов засверкали, заплесали вереницы трассирующих снарядов и пуль, чуть выше повисли черные «шапки» — это опомнились вражьи зенитки.

Но группа уже перелетела Дон, чуть отвернулась влево и, не более чем через полминуты, стала набирать высоту с одновременным разворотом вправо. Сделав почти полный круг над своей территорией, снова вышла к цели с юго-востока, и, как только Дон остался позади, атаковала цель пулеметно-пушечным огнем.

И что тут началось! Казалось, раскололось, рассыпалось на жаркие осколки само небо от бесноватого вражьего огня. И некуда податься от трассирующих очередей зенитных пушек, от разрывов среднекалиберных снарядов... Дым, огонь, искры!.. А группа, стиснув зубы, продолжает атаку четко, отлаженно... И азартно поигрывает в глазах каждого веселая злость — «Вперед! Смерти нет!»

Во время разворота перестроились в колонну звеньев — получили возможность свободно маневрировать и по высоте и по курсу.

А где командир полка? Вот он! Выходит из атаки. За ним и Кудряшов с Шелопутновым, и Спорышев с Борисовым переходят в пике. Собрался было и Агрба... Но что это? Командир, набрав высоту, сразу же перешел в новую атаку... Куда же? Ясно — слева от основной цели в небольшой ложине новое скопление танков. Командир пикировал. И тут же слева открыла по нему огонь батарея «эрликонов». Вот-вот трассирующий снаряд настигнет его... Что делать? Ведомым бесподручно — не успеют помочь. Мгновение и Агрба бросает свой самолет на батарею, берет ее в прицел: огонь! Батарея враз заткнулась, онемела...

Когда Агрба вышел из атаки, впереди идущие на змейке, не меняя основного направления на северо-запад, набирали высоту. Он последовал за ними. Увидев, как командир полка дважды качнул крылом влево, понял: «перестраиваться в левый пеленг и следующую атаку производить по одному с правым разворотом». Так и есть...

Шелопутнов встал левее Кудряшова, командир начал правый разворот. За ним остальные. Вот он развернулся градусов на 240 и вдоль Дона с курсом на юг снова перешел в атаку по танкам в ложине. И только начал стрельбу, как справа по нему открыли огонь «эрликоны». На них кинулся Кудряшов с явной целью отвлечь их огонь на себя... Бой неравный, и мечется Кудряшов в переклестной свинцовой ярости «эрликонов», посылает одну за другой ответные пулеметные очереди... Чем кончится эта кровавая дуэль? Ага... «Эрликоны» замолчали. Кудряшов у самой земли. Пробует уйти, однако в тот же миг со всех сторон обрушился на него шквальный огонь орудий, пулеметов — зенитных, танковых и всех, казалось, стволов, способных стрелять, изрыгать пламя и металл. И в этой жаркой, оскаленной пасти неба заметался самолет Кудряшова, бросаясь в стороны, взмывая вверх, «падая» вниз, будто демонстрируя на последнем и страшном своем военно-воздушном параде мастерство блистательного виртуоза... Пытаясь ему помочь, Агрба и Спорышев открывают огонь по двум огневым точкам.

Но силы неравны. И вот уже пули, снаряды и раскаленные куски металла вонзаются в голову, грудь, живот, бока крылатого коня Кудряшова, и он, сраженный, но не сдавшийся, распадаясь на сотни горячих осколков, накрывает собой вражий стан...

Ты хотел видеть родную Волгу свободной и счастливой — она будет такой! За это ты отдал свою жизнь.

Агния Александровна, близкие, земляки! Всегда помните его — мужа, друга, чудесного Человека, горячего патриота Родины, Героя исторической битвы — Василия Дмитриевича Кудряшова.

Потрясенные героической гибелью любимого командира и друга, летчики дрались ожесточенно — горела земля, горело небо и, казалось, не будет конца их яростным атакам...

Но боеприпасы были на исходе. Да и запас горючего не беспределен. Поэтому ведущий группы, дав сигнал, вышел из завершающей атаки и, развернувшись на 90 градусов, взял курс на восток. Пройдя Дон и делая плавные змейки, начал сбор группы.

Внимание летчиков приковано к ведущему и командирам звеньев, все их помыслы направлены на то, чтобы быстрее подтянуться и пристроиться к ним. Но боевая напряженность в такой момент, а вместе с ней и напряженность обычно ослабевают. На это и рассчитывают фашистские стервятники, любители легкой добычи. Сколь-

ко было таких «недоразумений» и как страдали из-за этого одноместные Илюшины в первые годы войны! Лагги и Яки оправдывались: они вынуждены всем составом группы вступать в бой с численно превосходящими силами противника и лишь поэтому Илы частенько остаются без прикрытия. Возможно и так... Но куда денешь тех, кто дерзко и самоотверженно, в явном меньшинстве, вступали в бой с «мессерами», сбивали их, защищая себя и штурмовиков?.. Конечно, «воздушный конвой» задача не из легких — для надежного сопровождения бывает необходимым снижаться на минимальную высоту, но сразу же при этом попадаешь в сферу действия чуть ли не всех видов наземного огня, не считая зенитного. Такое «занятие» для незащищенных броней было, разумеется, не из приятных. И чего тут греха таить — как бы ни любили истребители самих штурмовиков, как бы ни сочувствовали им, но задачу их прикрытия ох, как не уважали... Так продолжалось до середины 1943 года, т. е. до того рубежа, с которого началось наше полное, качественное и количественное господство в воздухе, завоеванное в настоящей борьбе, в упорном труде, к тому же и штурмовики стали двухместными, где для защиты задней полусферы был посажен воздушный стрелок с крупнокалиберным пулеметом. А пока... Пока чаще всего происходило так, как и произошло сейчас: Илы еще подтягивались, когда по-воровски налетели на них 12 «мессершмиттов»! А где же наши истребители? Пока штурмовики обрабатывали цель, те преспокойно барражировали над линией фронта так, чтобы их не могли достать вражеские зенитки... «Мессера» же тем временем не зевали: как только штурмовики начали собираться, они завязывают боем наши Яки с тем, чтобы отвлечь их от штурмовиков. Все 8 Як-1! Таким образом, для основной ударной группы «мессеров» Илы теперь представляют оголенную мишень.. Как всегда просто, шаблонно, но, к сожалению, верно...

Первая атака «мессеров» пришлось на последнее звено первой группы. Очевидно, оно, подтягиваясь к первым двум звеньям, шло прямолинейно, полагаясь на вторую группу. Но вторая несколько отстала, завершив атаку цели, она только что собиралась, энергично маневрируя. Именно это обстоятельство и спасло ее от первоочередной атаки «мессеров». Итак, первый удар пришелся по звену Феоктистова, оторванного ото всех, лишенного элементарного прикрытия...

«Мессера» атаковали с хорошей точностью сверху сзади под небольшим ракурсом справа, непосредственно по

Феоктистову и его правому ведомому Фигурину. Самолет Феоктистова сразу же пошел на снижение и плюхнулся вдоль дороги на Сталинград, недалеко от Логовского... Фигурин получил несколько пробойн, но успел бросить самолет вправо — вниз и дать сигнальную очередь вперед. Это мгновенно заметили впереди идущие летчики и сразу же начали маневрировать. И вовремя! Агрба увидел атакующие пары справа. Две из них шли прямо на его звено, две другие — на ведущую пару, т. е. на командира полка и Шелопутнова. Тот, молниеносно отвернувшись вправо, дал пулеметную очередь, это увидел Спорышев и тут же бросился на помощь командиру. Вслед за ним Агрба. Маневр точный — он дает возможность уйти из-под огня атакующих их «мессеров» и в то же время самим атаковать стервятников. Борисов неотступно следует за ними. Так все и получается: Спорышев открывает огонь по ближайшей к командиру паре, Агрба — по второй. «Мессера» же, нацелившиеся было по ним, проскакивают вхолостую... А в это время подбитый и уже загоревшийся самолет Фигурина идет к земле и вскоре скрывается в прибрежных кустах Ерика. Третье звено первой группы представляет теперь один Окунев... Маневрируя и отбиваясь, он догоняет второе звено и вступает в бой вместе с ним. Атаки «мессеров» продолжаются. И мечутся, мечутся в огненном мареве летчики, отбивая друг друга у смерти, и шлют, шлют врагу ответные очереди...

Вот Агрба поймал в прицел «мессера», дал короткую очередь по нему. Тот увернулся... А Спорышеву повезло, его огонь догнал «мессера» и тот, задымив, покинул бой. Но атаки «мессеров» не ослабевают. Командир ведет группу, постоянно маневрируя, делая крутые змейки. Желая знать, что делается во второй группе, т. е. в хвосте общей полковой колонны, он решил продлить очередное колено змейки и вскоре оказался рядом. Это было весьма кстати: к ним друг за другом заходили четыре «мессера», а ведущий уже приближался к последнему Илу на дистанцию действенного огня. Не мешкая, командир делает резкий поворот на него и сразу же открывает огонь. Спорышев и Агрба бьют по другим «мессерам» и те, не выдержав, уходят... Но крутит, дымит и сверкает раскаленное небо, не видит конца кровавым этим «игрищам». Вот один, захваченный азартом «мессер», утратив осторожность, заходит в хвост Илу прямо под носом Агрбы... Дух захватило от такой удачи, испариной покрылись виски: ракурс всего 1/4, дистанция не более 300 метров. По-

рядок! Самолет наведен точно. В прицеле нужное упреждение... «Огоны!» и руки жмут на все гашетки... Все четыре огненные трассы впиваются прямо в «мессера»! Тот как бы нехотя качнулся, накренился, перелег в обратный крен и... со снижением ушел в западном направлении. «Ну, гад, ушел! Ну и мазила же ты, — с такой идеальной позиции не смог сбить гидру», — в сердцах выругался Агрба. Досада распалила его до предела, разбежалась по всему нутру, колко, нестерпимо. С таким настроением он занял свое место в боевом строю товарищей...

Командир полка — ведущий группы, по воле обстоятельств последнего маневра, зашел в хвост к замыкающему, и все оказались как бы в замкнутом кругу. Между тем атаки фашистов не прекращались, правда отбиваться стало удобнее. Отогнав их от впереди идущего самолета, летчики сразу занимали прежнее место. Теперь за каждым самолетом был свой собственный прикрывающий, следовательно, появилась возможность отражать каждую одиночную атаку врага.

Так, стихийно возникший в ходе боя новый, до сих пор не применявшийся боевой порядок, утверждал надежность прикрытия друг друга сзади в оборонительном воздушном бою с истребителями противника. Это убедительно подтвердил дальнейший ход боя — сколько раз кидались фашистские стервятники на Илы и все безрезультатно. Тогда, изменив тактику, они эшелонированными действиями пар одновременно атаковали сразу несколько штурмовиков, шедших кряду. Случай избрал для этой цели Большакова и его трех ведомых. Чтобы избежать прямого попадания, те стали усиленно маневрировать, затрудняя тем самым полноценную помощь впереди идущему самолету.

Воистину ошеломляющий удар пришелся на Большакова. Ведомые сильно отвлекались на самооборону, к тому же, следуя друг за другом на несколько увеличенных дистанциях, не могли сколь-нибудь эффективно помочь своему ведущему. Тем более не в состоянии были делать это летчики, идущие за ними — стрельбы с дальних дистанций были абсолютно недейственными. Большаков отбивался в одиночку. Мастер пилотирования и боя, заместитель командира эскадрильи, он ничего не мог поделать сейчас против мгновенно обрушившейся на него массы огня. И его самолет задымился... С креном и значительным углом устремился вниз, но перед самой землей выровнялся, полетел ровно и тут же, снижаясь, скрылся за деревьями... И снова взмыл, и снова клюнул носом и, выровнявшись вновь, коснулся островка, живо-

писно выступившего из водной глади... Укрыла его Донская Царица километрах в пяти севернее Бузиновки.

Между тем «карусель» продолжалась. Командир тянул ее на северо-восток, ближе к дому... Уже гашетки пушек и пулеметов шипели впустую, уже и стрелки бензиномеров угрожающе приближались к критическим делениям, и последние атаки штурмовики отражали одними маневрами без огня, а воздушной этой круговерти, казалось, не будет конца. Но вот отстали и «мессера» — и их запасы тоже небездонны, да и опасность возмездия недалека. Вот она — железная дорога. Скоро дом...

На посадку с ходу шли командир со своим ведомым, Спорышев и Агрба, остальные — с круга. Винты у некоторых самолетов останавливались сразу же, едва они успевали освободить посадочную полосу, а у замыкающего группу Куликова — прямо на пробеге...

Майор Барков рассказывал потом, как переживал на аэродроме весь личный состав: ни на минуту не отходили от радиостанции КП. Летчик в бою очень плохо слышит команды ведущего, здесь же на более мощной наземной станции они звучат явственно, давая полное представление боя, заставляя сжиматься мужественные сердца, бесильные помочь товарищу, пылающему, может быть, в эту минуту прощальным факелом...

* * *

Заруливая в свой капонир, Агрба заметил, что рядом с Вербицким и Антоновым стоят техники невернувшихся самолетов: Семико, Макаров, Дегтярев... И глядя на этих скорбно ожидающих, каждый вернувшийся невольно считал себя без вины виноватым. То же перечувствовал сейчас и Агрба.

Любую потерю полк переживает вместе и тяжело. Но горечь техника, потерявшего разом и своего командира, и свой самолет, настолько безысходна, что у многих мелькает мыслишка: «А состоятелен ли он теперь как специалист? И сможет ли принять в душу новый доверенный ему самолет? Ведь без любви и желания любой, даже самый мощнейший механизм, заржавеет...» Только праздные подобные вопросы — все сумеют пережить славные техники 40-х, и скорбь по любимому командиру не заставит их растерять мастерства, не ослабит физической закалки. Пройдет время, глядишь, и вновь себя обрел техник — в новом командире, в новой стальной птице. Но ему надо

пройти, этому времени... А пока их глаза, полные скорбной надежды, припаяны к небу.

Выключив двигатель, Агрба замешкался: «Как сказать о случившемся?»

Не спеша отстегнул привязные ремни, освободился от парашютных лямок. Опираясь на верхнюю кромку бронестекла и задний борт кабины, медленно поднялся, перевалился на плоскость и плавно прыгнул на землю. Глаза людей, прибежавших к самолету, выражали целую гамму сложнейших, противоречивых чувств: и предчувствие самых тяжких вестей, и надежда на чудо и... восторженное изумление: тонкая хлопчатобумажная гимнастерка Агрбы, промокшая до нитки, так прилипла к телу, что сотворила из него изваяние сказочного богатыря, вылепив четко и мастерски сильно развитую его мускулатуру, отлитую, казалось, из бронзы. Одно слово — витязь крылатый!

Радость Вербицкого и Антонова на этот раз была омрачена — что и говорить, не вернулись сразу четыре летчика, в том числе и общий любимец Кудряшов. Подошли техники — бледные, удрученные, в глазах немой, тяжелый вопрос...

— Бой был жестокий..., — сказал Киазим и замолчал — перехватило горло... Но настойчивый взгляд Семико требовал правды, и она прозвучала:

— Крепись, Ваня... Нет больше нашего дорогого Василия Дмитриевича — ушел в легенду, как герой... А Большаков, Фигурин и Феоктистов подбиты, сели на своей территории.

Агрба еще что-то говорил, а Семико не слушал... Большие губы его дрожали, по лицу плыли слезы, он вздрагивал, сотрясаясь всем телом. Потом отвернулся... Не выдержали и остальные...

Вы видели, как плачут мужчины?

Молча, со стиснутыми губами стоят они и вершится в них страшная клятва... И случись тут поблизости враг, загляни в лицо любого — и затрепещет от ужаса убогая душонка, шепнет ему о неизбежном возмездии.

Ни в этот, ни в последующий день вылетов не было.

* * *

Командир полка после официальных докладов о ходе и результатах выполнения боевого задания дотошно обсуждал с каждым участником вылета малейшие детали и удачные маневры боя, уточнял обстоятельства гибели Кудряшова и подбитых летчиков. Казалось, говорит че-

ловек, наблюдавший этот бой с земли, а не его непосредственный участник... Хотя все просто: находясь во главе группы, он при всем желании не мог заметить того, что делается за его спиной, занятый основной обязанностью — нахождением заданной цели, определяя при этом наиболее целесообразные приемы, которые обеспечили бы максимальное поражение врага и минимальные свои потери... Летчики, разбросанные обстоятельствами по разным участкам боевого порядка, давали сейчас очень нужную информацию. Беседа подходила к концу, а важнейшего вопроса, как казалось Агрбе, не затронул еще никто... И вот дождавшись своего отчета и выложив все о ходе боя, Агрба с небольшой заминкой сказал:

— Товарищ майор, мне показалось, что этот бой породил интересный прием маневра, не знаю, может и ошибаюсь...

Все выжидательно поглядели на него. Он продолжал:

— Помните, когда напали «мессера», мы поначалу на «змейках» и «ножницами» отбивали их атаки... Затем, в процессе боя вы оказались недалеко от Куликова, замыкающего всей группы. Обычно в такой ситуации вы перекладывали самолет в обратный крен и совершали разворот на 150—170 градусов, но в этот раз вы продолжили движение в прежнем направлении. Куликова атаковал «мессер», вы, конечно, кинулись на него... «Мессер» вынужден был отвернуться, а вы оказались у самого хвоста Куликова, да так и следовали за ним, только совершая отвороты влево, вправо. А самолеты группы оказались как бы в замкнутом кругу... И хочешь не хочешь, сплотились в общем маневре, отражая друг от друга атаки «мессеров». Долго держались, красиво... «Мессера», понятно, взбесились и решили взять реванш, хотя бы на одном самолете, атаковав чуть ли не всей группой Большакова и его ведомых, о чем уже говорили. Ну а у нас, как мне кажется, обкатался в деле надежный способ обороны. Я делился соображениями на этот счет с нашими «старичками», в частности с Окуневым, Рытовым и Солей. Они такого же мнения. Между прочим, некоторые элементы этого способа имели место в отдельных вылетах и на Северо-Западном. Но тогда они не сложились в единую систему. А вот вчера получился четко выраженный строй, рожденный прямо в бою и доказавший себя на деле, иными словами — новый боевой порядок штурмовиков для борьбы с истребителями противника.

В глазах командира полка блеснула хитринка:

— Ну, наконец-то... А я все жду и жду, когда же мои

«соколики» выразят обиду командиру... «Что ж ты, такой-сякой, нас как кутят плавать решил поучить.. Кто, мол, побойчей, да жить хочет — выплывет — только лапками работай шибче, да плечо собрата ощущай!» Так ведь думали? А? Сознавайтесь. Конечно, поучить самостоятельности всегда не грех, только на этот раз все произошло само собой, без всякого умысла. Чтобы дать возможность подтянуться последним самолетам, заодно и посмотреть, что же делается в хвосте группы, я удлинил одно из колен очередной «змейки». И когда хотел ввести самолет в обратный разворот, увидел «мессера», нацеленного на нашего замыкающего. Раздумывать некогда, ибо он уже приблизился к дистанции открытия огня... Отразив атаку «мессера», я вышел из разворота и увидел перед собой Куликова. Вот так и получилось, что мы замкнули круг своих самолетов, вполне способный, как выяснилось, при определенных условиях самообороняться. Не скрою, понравилась мне ваша работа, потому долго и не нарушал круга и про себя отметил — надо его лучше проверить на следующих вылетах. Рад, что вы сами подняли этот важный вопрос. Спасибо, Киазим, за наблюдательность, смекалку... Однако все ли участники боя думают так?

Агрбу и его друзей поддержали все.

На следующее утро провели разбор в присутствии всего летного и руководящего состава. Находился на нем и командир дивизии.

Докладывал командир полка. Особо выделив причины потерь и организацию воздушного боя, он сказал:

— Поздно, очень поздно заметили «мессершмиттов», видимо успокоились, да и на истребителей, как всегда, видать, уповали — мол в обиду не дадут... Словом, забыли заповедь штурмовика: на Лага надейся, сам не плошай. Забыли и о том, что противник всюду и, следовательно, ждать его надо всегда: в любое время суток, на любом участке неба и даже над собственным аэродромом. Однако забыли... Но, как говорится: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло...» Бой, навязанный фашистами, и случайные обстоятельства, замкнувшие летчиков в круг, предложили им задачу на сообразительность и в результате родился новый маневр самозащиты с задней полусферы. Надо сказать — в конце боя дрались хорошо. Особенно хочу отметить за мужество и продуманные действия: Агрбу, Спорышева, Брянкина, Солей и Куликова. Стойко держался своего места и смело атаковал цели Шелопутнов...

Об эксплуатации авиационной техники и вооружения, их техническом состоянии говорил старший инженер полка, а об изменениях в положении войск и некоторых оперативно-тактических вопросах — начальник штаба.

В заключение выступил командир дивизии:

— Наше единодушное мнение: тяжелый бой вы выдержали с честью. Выполнение приказа Верховного Главнокомандующего начато на совесть. Спасибо. И за самоотверженность, боевую смекалку и за хорошую взаимную выручку, проявленные в первом бою на новом и очень сложном участке фронта. Всем его участникам объявляю благодарность. Горячо поддерживаю ваш зачин самообороны «Замкнутый круг». Непременно передам этот новый маневр другим полкам, пусть и они применяют его, конечно, творчески, с учетом условий боя. А вас прошу и дальше развивать и совершенствовать этот новый и, как видно, очень перспективный боевой порядок. Что же касается поведения истребителей прикрытия... Разговор с их командирами уже состоялся. Надеюсь, меры будут приняты. В случае повторения прошу доложить. Сегодня от боевой работы освобождаю. День использовать максимально: инженерно-техническому составу — на починку и латание самолетов, летному — на изучение, розыгрыш всевозможных способов атаки целей, подавления зенитных средств и, особенно, ведения воздушного боя. Имейте в виду, у фашистских истребителей отвлекающих групп может быть не одна, а две, а то и три, да и ударных тоже... Этим обусловлен порядок ввода их в бой: то ли одновременно, то ли последовательно... Все подчинено их излюбленной тактике: сначала расстронить, растащить наши силы, а потом бить по одному или мелкими группами. Рекомендую с соседями поговорить, у некоторых из них опыта побольше...

ТРАГИЧЕСКАЯ УВЕРТЮРА

Схемы чертили на чем попало и разыгрывали по ним всевозможные варианты воздушного боя, приемы и боевые порядки в различных ситуациях, спорили, делились мнениями с коллегами из соседнего полка по всем вариантам и о том, как лучше строить оборонительный круг. Изучали и оперативную обстановку на фронте, наносили на карту происшедшие за день изменения, вновь выявленные зенитные точки и аэродромы истребителей противника. К концу дня, по установившейся в полку традиции, направились к самолетам: и их осмотреть, и с тех-

никами и механиками поговорить, а главное — убедить-ся, успели ли они за день исправить многочисленные повреждения.

Что и говорить, техническому составу работенки хватало... Было что чинить и латать — на каждом самолете зияли пулевые и осколочные пробоины.

Нетрудно представить, какая нагрузка легла на них, ведь самолеты обслуживались очень ограниченным количеством специалистов, прибывших в «собачниках» — задних технических люках своих, одноместных, самолетов. К тому же две бригады во главе с Макаровым и Дегтяревым еще вчера были отправлены на места вынужденных посадок подбитых самолетов. А в каких условиях работали?! Под палящим солнцем, при 40-градусной жаре цельнометаллические самолеты нагревались сильнее, чем пески Сахары, ибо дотронуться до них голыми руками было невозможно. Тем не менее к вечеру самолеты в основном были восстановлены. Только на одном из них пока еще меняли мотор — в его маслофилт্রে обнаружили металлические стружки. Но и он, сказал инженер, к утру будет готов...

Встретились, как всегда, тепло, по-братски. Летчики, осмотрев самолеты, остались довольны их качеством. Перед тем как уйти, летчики, как правило, собирались по эскадрильям на стоянке самолета своего командира. Так привычка переросла в традицию. И не случайно потянуло сейчас летчиков к этому месту, хранившему еще след его боевого коня, ушедшего вчера с хозяином в последний бой...

Подойдя к командирскому капониру, летчики увидели в нем... Семико. Небольшого роста, в громоздком и пустом капонире он выглядел еще меньше, очевидно от того, что заметно осунулся, сник. Вид его явно вызывал жалость и сочувствие. Впрочем не только его, а даже капонира... На войне понятие капонир не однозначено. В данном случае это укрытие для самолетов, да и для людей тоже, представляющее полукруглый земляной вал высотой около трех метров с проемом в задней части для пропуска воздушной струи, создаваемой и отбрасываемой назад винтом при работающем двигателе. Это крайне необходимое на войне сооружение служит одновременно и местом работ и как бы своеобразным ангаром, становясь наряду с самолетом очень привычным, близким и «дорогим» элементом фронтовой жизни и быта воинов-авиаторов всех специальностей, находящихся в нем не только целыми днями, но зачастую и ночами... Так вот даже ка-

понира самолета Кудряшова казался теперь хмурым и удрученным. Сгорбленная спина Семико дополняла тягостную эту картину.

— Не надо так., Ваня, — тихо сказал Агрба, — командир приказал тебе долго жить...

Семико невидяще глядел на летчиков, словно пытаясь ухватить какую-то мысль.

— Нельзя смеяться над старостью... Догонит тебя этот смех., — сказал вдруг резко, отчетливо и губы его задрожали.

Летчики переглянулись: «Не свихнулся ли?» А он, перехватив их взгляд, тут же успокоил:

— Нет, я в своем уме. Просто бабушку вспомнил... Когда-то в детстве она рассказывала мне страшную сказку про «Летучего Голландца», а я, желая казаться храбрым, хохотал. А сказочка-то, вышло, догнала меня... Этот «голландец», проклятый небом, приговорен был к вечности — жуткой, жестокой. Мотаясь по морям, океанам, он без конца разбивался о рифы, тонул. И каждый раз, пережив агонию смерти, оставался жив... Вот и выходит, что хохотал-то я над собой — про меня эта сказка... Я вот тоже каждый раз агонию переживаю и заново жить остаюсь. Только сегодня все — баста...

— Брось, Ваня, теперь ты хозяин моего коня, — подошел к нему Окунев, — неужто он для тебя пасынком будет? Скажу прямо — не похвалил бы тебя за такое капитан Кудряшов, разве что фриц бы порадовался — вон, мол, одного угробили, другого в простоквашу превратили, а в целом, выходит, сразу двоих утихомирили...

Лицо Семико оживилось:

— Не сомневайтесь за коня, товарищ Окунев, он будет в полном порядке и требует с фашистов должок за командира Кудряшова...

— Вот это слова воителя! — не удержался Агрба, — горе сердца в наши кулаки должно быть отлито. Отомстим за нашего комэска так, что и небо вражьим сынам заплатой покажется. Все вместе — ты, я, они скопом давить гада будем...

— Да, только так... Изю всех сил стараться буду., — бормотал Семико, но глаза его выражали недосказанность. — Хоть голову руби, — вздохнул он безнадежно, — все думает она, думает... И все не верит — неужели он, лучший ас полка, испытанный Северо-Западным фронтом, сложил голову здесь при первом же боевом вылете? Нет, не верится и все тут. Хоть вините, хоть судите — а не верится.

— Раз есть, Ваня, шальная пуля, значит и шальной случай тоже есть... — ответил кто-то.

— И не трави ты наших душ, — не выдержал Окунев, — ты вон весть эту страшную пережить не можешь, а каково же нам было на глазах терять товарища? Страшное это зрелище, Ваня. Так что не бреди, не надо...

И слова эти, прозвучавшие, как крик души, заставили, наконец, Семико поверить в случившееся. Сдавленным голосом он спросил:

— А как же с женой Василия Дмитриевича, с Агнией Александровной? Он познакомил нас, когда она приезжала в Кинель. Не знаю, как сообщить ей. Выдержит? Так тяжело расставалась она с ним...

— Да, тяжелая это штука. Но жена бойца должна быть готова ко всему... Не беспокойся, Ваня. Сообщат комиссар и начальник штаба. Сделают как надо. И ты напиши письмо, попытайся утешить, как можешь... А может и нам написать от имени всей эскадрильи? — через минутную паузу обратился Агрба к товарищам.

Его поддержали все.

— Спасибо, товарищи, за выручку, — с некоторым облегчением сказал Семико и, сделав над собой усилие, перевел разговор на другую тему, — не знаете, товарищи командиры, подбросят нам самолеты?

— Вряд ли. Ты же знаешь, с каким нетерпением ждут их маршевые полки. На самих себя надо надеяться, на то, как сумеем подобрать, привезти и восстановить подбитые самолеты...

И не успел договорить Агрба, как подошли к ним техники и механики эскадрильи. На лицах хмурая озабоченность, голоса взвинчены до нервной хрипоты, впрочем, подойдя к летчикам, они враз смолкли...

Технари — народ бывалый, тертый, их на испуг не возьмешь, на слезливость тоже. Но сейчас Агрбу поразило выражение их глаз. В них он увидел неподдельную боль и скорбь... Тишину нарушил Антонов — прямой и беспокойный по характеру человек:

— Товарищи командиры... Мы вот тут заспорили малость, даже пошумели в сердцах. И парторга нашего, наверное, обидели недоверием... Но не можем взять в толк про гибель товарища Кудряшова и все тут. Не такой он человек, чтобы в первом же бою сложить голову. Не верим! Может, подсел где и помощи нашей ждет?

— Не ждет он ничьей помощи, — тихо сказал Агрба, — командир Кудряшов был асом потому, что всегда рас-

считывал только на себя. В упор был расстрелян его самолет, и сам он в огонь превратился... Но много гадов тот огонь в пепел превратил.

— Значит доподлинно... — почти шепотом уточнил Антонов.

— Доподлинно, — подтвердили летчики, и все, не сговариваясь и сняв головные уборы, погрузились в минуту скорби.

Но жизнь есть жизнь, и, постепенно выходя из тягостного состояния, люди уже говорили о делах насущных — о Феоктистове и Фигурине, которые, приземлившись «на пузо», до сих пор не давали о себе знать, о будущих боях и о том еще, что эскадрилья лишилась лидера. Акимов вздохнул:

— Вроде эскадрилья вся в сборе, а нет ни командира, ни заместителя. А ведь без командира ни одно подразделение не может жить и действовать ни одной минуты. Вот и сейчас возникли у нас вопросы, какие решит только командир. Посоветуйте, как нам быть, товарищи летчики?

Шелопутнов ухмыльнулся:

— А давайте изберем сами. Агрбу или Окунева... Или каждого. Только пусть вытянут жребий, чтоб не обидно. Кому достанется, тому и быть командиром.

Агрбу покорило:

— Нельзя ли, товарищ старший лейтенант, отнестись посерьезнее к таким серьезным вопросам. Полагаю, в такой ответственный и совсем нерадостный час можно обойтись без вздорных шуток. А командир обязательно будет.

— А что-то срочное внутри эскадрильи решим сообща, в крайнем случае вчетвером: Акимов со стартехом и мы с Окуневым, — предложил Агрба.

— Согласен, — отозвался Акимов, но был тут же прерван Антоновым:

— Так оно и будет, товарищи. Тут все ясно. И все-таки... Гложет мысль о вчерашнем вылете. Сильно он нас растревожил. Конечно, фашистов уничтожили много. Но какой ценой? И что будет с полком, если каждый вылет сулит такие потери? В чем тут секрет? Неужели ситуация боя была сложнее и огонь был гораздо сильнее, чем на Северо-Западном? Ведь в первом же вылете пострадали четыре летчика, из которых три полковых аса: лучший комэска и заместители командиров обеих эскадрилий. Что же тогда делать молодым и неопытным?

Слова Антонова задела летчиков, а больше других Агрбу. В который раз за эти тягостные сутки подумалось: «Легче с Кудряшовым местами поменяться, чем остаться

в живых и без конца оправдываться, разъяснять...» Но вслух сдержанно ответил:

— И обстановка была сложнее, и огонь интенсивней. Похожий зенитный огонь и сопротивление истребителей на Северо-Западном были только в направлении Старая Русса — Рамушево, когда они шли на прорыв к окруженной группировке. Так ведь, Толя?

— Точно. И еще, пожалуй, очень жарко было на аэродромах Глебовщина и Дно... — ответил Окунев.

— Ну а такой огонь, в который попал капитан Кудряшов, я лично видел в первый раз, — вмешался в разговор Шелопутнов, — внезапный, со всех сторон, кинжальный, шквальный... Из такого пекла живыми не выходят...

И тишина придавила землю. Каждый заново переживал сказанное. Вспомнились Большаков, Фигурин, Феоктистов, так же попавшие в безвыходное положение — подбитые и канувшие в неизвестность... Окунев, непосредственный ведомый Феоктистова, рассказал:

— Я видел отчетливо, как это произошло, вернее — завершающую часть атаки «мессеров». Откровенно говоря, — красиво сволочи работали: удачно подкараулили, подобрали для этого самый подходящий момент и, когда мы их совсем не ждали, с минимальной дистанции открыли прицельный огонь. Вот так-то... За свое благодущие сполна мы и расплатились. Сколько раз они нас учили — все мимо. Командир полка и тот, видно, устал повторять, что от взлета до посадки надо быть начеку, иначе любой ас может крепко поплатиться, не то что молодые.

Да, недаром говорится: «Правда глаза колет...» Вот стоят под ярким солнцем обстрелянные шквальными огнями молодые летчики, чудом вырвавшиеся из недавней кровавой бойни, превратившие в тлен вражьи скопища и... все-таки, все-таки со щемящей болью сердца за оставшихся там, в той смертельной круговерти своих товарищей. И веско, точно и ясно всплывали в памяти каждого слова приказа Верховного Главнокомандующего, сводимые к одной, холодящей реальностью мысли — «или они, или мы». Недавний бой подтвердил это наглядно, как бы отыграв увертюру к предстоящей жестокой драме.

Долго еще не расходились люди, позабыв о возрасте и рангах, делились разным, наболевшим, но объединяло их одно — стоять насмерть. Яркий летний день высветил на их лицах сознание трагического драматизма предстоящих схваток с сильнейшим врагом и в то же время уверенность в своих силах, в конечной своей победе. В сло-

вах; произнесенных Окуновым, не было никакой театральности:

— Увертюра закончена, братцы. Занавес поднят...

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР НА ЗЕМЛЕ

31 июля оперативный дежурный разбудил летчиков очень рано и не обычным громогласным «Подъем!», а бесшумно, каждого в отдельности. Летчики поначалу недоумевали, но когда по кивку дежурного увидели двух спящих мертвым сном, онемели от изумления, будто перед ними лежали создания с того света, а не всего лишь— Большаков и Фигурин. Да, да, это они, настоящие. И все-таки не верилось...

Агрба и Лозоренко осторожно подошли и долго вглядывались в них, словно боясь обнаружить подвох, а потом... заулыбались: «Они самые!» Дежурный сказал, что, случайно встретившись где-то в пути, они прибыли под утро и еле держась на ногах, сразу же повалились спать...

* * *

Пока наши друзья разбирались в результатах первого дня боев и всей «стратегической» обстановке, на фронте произошли существенные изменения. 6-я армия немцев по-прежнему усиленно давила на позиции 62-й армии с северо-запада и запада. А 4-я танковая армия противника, срочно перекинутая сюда из района южнее Дона, скрытно подготовившись за ночь, 31 июля неожиданно ударила по нашим обороняющимся войскам с юго-запада в направлении Котельниково — Сталинград. Ставка Верховного Главнокомандования приняла срочные меры для усиления обороны юго-западного фаса внешнего сталинградского обвода: в этот же день на дальних подступах с юго-запада в полосе между Доном и Волгой были развернуты войска генерал-майора Толбухина Ф. И.

В такой оперативной обстановке полк вновь вступил в боевые действия, продолжая пока поддерживать 62-ю армию. 31 июля двумя самостоятельными группами по 6 Ил-2 наносились удары по танкам и мотопехоте 6-й немецкой армии, рвавшимся к переправам через Дон из района Клетская через Верхне-Бузиновку.

Первой вылетела группа Спорышева. Встретив большую колонну фашистских танков и автомашин с пехотой и несмотря на сильный зенитный огонь, она атаковала ее. Спорышев руководил группой умело, благодаря этому

летчики действовали слаженно. За пять решительных и мастерски проведенных атак с разных высот и направлений они уничтожили значительную часть техники и живой силы врага. На поле боя остались десятки горящих автомашин и танков. Кроме ведущего, искусным маневром и метким огнем отличились Лозоренко, Солей и Куликов. Неплохо действовал и молодой летчик Виноградов. Все самолеты благополучно произвели посадку на своем аэродроме.

Вторая группа пошла через час после посадки первой в составе Василенко, Брянкин, Банников, Шелопутнов, Баранов и Виноградов. Линию фронта пересекли благополучно. Но при подлете к цели заметно растянулись из-за несколько повышенной скорости ведущего, капитана Василенко. Перед первой же атакой группу встретила сплошная завеса зенитного огня. Летчики смело ворвались в нее за исключением... Шелопутнова: с большим креном и со снижением отвернул он от боевого курса и повернул назад, сославшись позднее на мотор, который якобы забарахлил — начал давать перебои... Однако пришел и посадку произвел благополучно, конечно, с полным комплектом боеприпасов, успев все же аварийно швырнуть сразу все бомбы при первом заходе на цель. Да, повезло Шелопутнову и на этот раз — за ним в строю шел не Киазим, не Борис, не Сергей и не Саша Рытов, а неискушенный и простодушно доверчивый Баранов. Совершая свой первый боевой вылет, он, конечно же, не сумел устранить и огромную брешь в боевом порядке после ухода из нее Шелопутнова, что привело к чрезмерному увеличению дистанции между ним и впереди идущим Банниковым. А это, в свою очередь, сделало невозможным подавление огня батареи МЗА, внезапно открытого с близкого расстояния по Банникову при его выходе из атаки. Беззащитный снизу и сзади его самолет как ни маневрировал, — в конечном счете загорелся и тут же рассыпался прямо над головами фрицев...

Жертвой трусости Шелопутнова стал и Виноградов. Когда не менее двух батарей зенитной артиллерии и крупнокалиберных зенитных пулеметов сосредоточили сплошной огонь на его самолете, тот задымил, не выходя из пикирования, врезался в расположение вражеских машин и взорвался...

Шедший вслед Василенко никак не мог его выручить, ибо дистанция была слишком велика. Другим было вообще несподручно. К тому же и по ним велся сильный, непрерывный огонь.

Вот так, казалось бы, всего-навсего «небольшие оплошности» — превышение скорости ведущим и выход из строя одного ведомого, а к каким губительным последствиям они привели: сначала увеличение дистанций, вследствие этого нарушение огневого взаимодействия между самолетами, а в итоге — поражение, прежде всего молодых, необстрелянных...

Все это в тот же день скрупулезно проанализировал командир полка в присутствии всего летного и руководящего состава. У летчиков же на этот счет было свое мнение... Вечером перед сном «старики» — командиры звеньев и заместители командиров эскадрилий (а командиры были еще заняты на КП), попросили рядовых «погулять на свежем воздухе, пока не позовут». Когда остались одни, Окунев обратился к Шелопутнову:

— Ну, а теперь начистоту, Харитон, поделись с товарищами опытом на выживание...

— Издеваешься, а с техникой бывает всякое... Побарахлит мотор, потом заработает нормально. Иди узнай, что происходит в Шем, особенно в бензосистеме, — с раздражением ответил Шелопутнов.

— Кто над кем издевается, время покажет... И про мотор ты не соврал — бывает и забарахлит, только всегда находятся причины этого «барахления». Твой же мотор очень внимательно осмотрели и погоняли на всех режимах сначала техник самолета, затем стартер эскадрильи и, наконец, сам старший инженер полка с привлечением нужных специалистов. И представь себе — ни малейшего дефекта или отклонения! Мало того, майор Спорышев (в чести и квалификации его не сомневаешься даже ты!), опробовал по всем правилам «искусства» в воздухе и тоже не выявил ничего подозрительного. Как прикажешь понять все это? — вмешался в разговор Агрба.

— Не знаю. Я не волшебник и не могу влезть в трубопроводы, карбюраторы или в цилиндры и увидеть что, когда и как в них происходит, — гнул свое Шелопутнов.

Видя «непробойность» коллеги, Лозоренко перевел разговор на дружеский, доверительный тон:

— Харитон, все мы тут из одной крылатой стаи и не гоже таиться перед своими-то, родными... Ну, вышла, скажем, промашка — так и скажи. Поймем — не тупые... Зато груз снимешь — и с себя, и с нас...

— К тому, о чем я доложил командиру полка и всем вам на разборе, добавить нечего, — отрезал Шелопутнов.

— Это последнее твое слово? — недобро глянул на него Окунев.

— Да.

Дальнейшего их разговора никто не знает, только на другой и последующие дни Шелопутнов ходил отрешенный, растерянный и, понятно, не допускался к полетам...

Конечно, формальной причиной гибели двух молодых летчиков явилась огневая сила врага, но и не без «подачи» Шелопутнова. Понял ли он это? И если понял, искупит ли свою вину? Время покажет, а пока селение в Пензенской области с таким светлым весенним названием — Майовка и столица наша Москва навсегда потеряли своих славных сынов. Будешь ли ты помнить, Верхняя Бузиновка, что земля твоя хлебородная окропилась горячей, молодой кровью еще двух русских парней, прикрывших тебя своими телами? Пусть же колосья твои полевые, ковыли серебряные и сочные травы обширных твоих полей, принявшие в недра свои сердца героев, воспоют их в вечной песне любви и мужества. В песне о силе жизни, торжествующей над смертью, потому что жива и свободна Родина, за которую отдали жизнь сержант Банников и сержант Виноградов.

* * *

Поздним часом, когда летчики готовились ко сну, неожиданно возник перед ними... Феоктистов. Заросший, с белой повязкой на лбу. Рука на перевязи.

Вскочили, радостно облапили его, засыпали вопросами...

История его была проста.

После приземления танкисты оказали ему первую медицинскую помощь — привели в санбат. Врач не был уверен в характере ран и через двое суток направил его в армейский госпиталь, а он по пути туда (как только санитарная машина поравнялась с аэродромом) сбежал. «Сережа есть Сережа», — только и сказали друзья...

КОГДА ВЗАИМНОСТЬ И СМЕЛОСТЬ ВМЕСТЕ ИДУТ

Утром на боевое задание уходила группа из 8 самолетов в составе летчиков: Василенко, Большаков, Кирюхин, Агрба, Баранов, Куликов, Рытов и Салухов. Благополучно миновала линию фронта и точно вышла к заданной цели. Но только приготовилась к атаке, как тут же была окутана черными дымами разрывов СЗА, а слева снизу замелькали трассирующие точки снарядов МЗА. «Да, удачно подстерегли, сукины дети... Такой прицель-

ный залп и в самом начале первой же атаки», — только было подумал Киазим, а уж в пространстве снова нависли черные тучки... И в тот же миг, едва успев сбросить бомбы, задымил самолет Василенко, ведущего группы и, резко развернувшись, он направился на свою территорию...

После первой атаки энергично вышел вперед Большаков и повел за собой группу. Штурмовики, то и дело погружаясь в море черных разрывов и искусно увертываясь от смертоносных ярких пунктиров, перечеркнувших все небо, яростно атаковали огневые точки и живую силу врага на высотах 135,0, 127,0 и 128,3, расположенных недалеко от Липологовского. Агрба давно потерял счет атакам: боезаряд на исходе, оставался только запас на случай встречи с воздушным противником. Вот Большаков покачал с крыла на крыло и клюнул «носом» — сигнал на завершение атак. Развернулся и направился «змейкой» к линии фронта. Прежде чем следовать за ним, Агрба сглянул: предпоследний, Рытов, выходил из атаки, замыкающий группы, молодой, способный и отважный Салухов только вошел в пике и... в тот же миг, оказавшись в бешеном огне, машинально заметался... Киазим понял — враг в злой мести обрушил на Салухова весь наличный арсенал зенитного и всех других видов оружия. Однако досмотреть, чем кончится этот неравный, но бесстрашный поединок, не успел: перед ним внезапно просверкали вереницы огненных шариков, идущих сверху, и он кинул самолет влево вниз. «Истребители!» — пронзила молниеносная догадка. Через секунду-другую над ним стремительно промчался тощий крест «мессера», а за ним на расстоянии метров 400—500 наш симпатичный «яшка»... Як неудержимо приближался к «мессеру», все ближе, ближе...

«Мессер» начал было переходить к набору высоты, и тут от Яка протянулась огненная трасса, пронзила черное тело стервятника, и тот, сделав два оборота вокруг продольной оси, перевернулся и камнем пошел вниз. Агрба ликовал и не сразу заметил, как Большаков и Кирюхин, развернувшись вправо, отошли от него на значительное расстояние. Идя по кратчайшему пути, Агрба уже стал догонять их, но в этот момент увидел пару «худых»... Те друг за другом заходили сзади сверху к Большакову и Кирюхину. Агрба, развернувшись на них, грубой наводкой дал очередь. «Худые» отвернулись. Заметив это, Большаков, дважды качнув крылом и сделав энергичный разворот влево, пошел на замыкание оборонительного круга.

И вовремя — новая пара «мессеров» атаковала Агрбу. Он увернулся, и «мессера» проскочили ни с чем, а вслед им пронеслись Яки. Это несказанно обрадовало Агрбу. Значит истребители прикрытия с ними. Стоп! Не спеши радоваться. «Мессера» атакуют кого-то сзади. Наперерез им бросился Большаков, за ним Кириухин. И снова «мессера» ушли вверх ни с чем, за ними Яки. Агрба невольно залюбовался эффектным маневром: «мессер» только-только направил нос к горизонту в положении на спине, как Як, идущий за ним, дал по нему очередь... «Мессер» грязно задымил, затем запылал ярким огнем и рассыпался на части. А Як, перевернувшись через крыло, снова направился к «илюхам». Агрба осмотрелся, подправил свое место в строю и поглядел вверх...

Там он увидел головокружительную карусель — бешеную гонку друг за другом «мессеров» и Яков, то и дело изрыгающих яркие вспышки, швыряющих далеко вперед огненные щупальцы. Вот одна из них настигла передний, затем и задний самолеты... От них отделилось по темной точке, и вскоре над ними раскрылись белые купола парашютов...

Бой шел с переменным успехом. Штурмовики, цепко держа оборонительный круг, успешно отражали атаки «мессеров». Большаков мастерски организовал бой, не подвели на этот раз и наши истребители... Дрались смело, изобретательно, не позволяя «мессерам» вести огонь по штурмовикам. Значит, начинают оперять.

Итог: три сбитых «мессершмитта», один сбитый и два подбитых «Яковлева». Пострадали два «Илюшина», но оба от огня с земли.

Один из них, изрядно поврежденный, Василенко сумел посадить на «ничейном» пятачке у ручья с красивым названием Голубая и на следующий же день пришел домой. А вот Сережу Салухова никогда уже не приласкает его мать, Татьяна Семеновна, не поцелует нежно суженого Валя, обещавшая ждать его всю жизнь. И никогда не пройдет он больше с гармошкой по главной улице своего Нового села, жизнерадостный и славный парень земли русской.

В жестоком и неравном бою, не сдаваясь до последней возможности, огненным смерчем обрушился он на стан врага, полный машин, оружия, фашистских офицеров и солдат, и истребил их дотла. Пепел его развеется на высотах близ Липологовской, удобрит придонскую землю — кусочек родной страны, где и будет золотиться вечно хлебом душистым иль цвести травой целебной, радуя серд-

ца людей, проясняя их разум, побуждая к размышлениям об истоках и смысле жизни...

* * *

Вечером Киазим и Борис заскочили на минутку в лазарет к Феокистову.

— Ай да молодцы! Даже в такой горячке не забыли товарища, — обрадовался он и тут же сник, — неумоготу становится, когда совсем рядом слышишь гул родных «тридцатьвосьмых». А ты лежишь, как чурбак нетесаный...

— Не торопись, успеется. Заметь — не тебя жалею, а твои раны, — улыбнулся Борис, стараясь настроить друга на веселый лад.

— Раны пустячные, так, царапины. Надеюсь заживут быстро, — с раздражением ответил Сережа.

— Значит будет кстати, — серьезно сказал Киазим, понимая, что шутки тут неуместны. Помолчали... А потом слово за слово рассказали ему в деталях о сегодняшнем бое. Феокистов помрачнел:

— Жалко Салухова. Хороший был парень. Мой тезка... Призвался тоже из Москвы. Мы с ним говорили о многом. Я все хотел помочь ему как можно лучше втянуться в боевую обстановку. Вот и помог! Сволочи! Гады — в первый же вылет подкузьмили меня, а теперь вот и его!

Киазим положил руку на его плечо:

— Не горячись, Сережа! Война диктует свои правила. Но ничего, поборемся и мы с ними. Может и хлебом сполна лиха, только из фрица тоже чесночный дух вышибем и за тезку-земляка твоего отомстим. Смотри какая сила черная прет на Сталинград, и нам с тобой доверено стать ей заслоном.

* * *

2 августа. Все так же рвется к Дону мотомехколонна 6-й армии фашистов, все так же сотрясается, гудит небо от остервенелого зенитного огня, а группа Спорышева в воздухе... И уж качается теперь земля от мощного удара этой группы: горят машины с вооружением и живой силой врага, уничтожена огневая точка, подавлен огонь двух зенитных батарей. Правда, не обошлось и без потерь. Подбит и сильно поврежден самолет Куликова. Он посадил его на живот, едва перетянув линию боевого соприкосновения, сам же отделался легкими ранениями.

Вылет этот запомнился многим, но особенно секретаря-

рю партийного бюро полка Касимову Михаилу Ивановичу. Это был его первый воздушный бой, где он мог, наконец, показать личный пример. И так, видно, велико было его желание, так трепетно и сильно ненавидело сердце врага, что не нашлось таких огней и заслонов, какие могли бы сорвать этот вылет, либо свести его к неудачам...

Он, как Лозоренко и Кирюхин, привел самолет с большим количеством пулевых и осколочных пробойн, одна из них оказалась буквально в сантиметре от кисти его левой руки, держащей сектор газа. Летчики и техники смеялись потом, вот, мол, нацисты щедро угостили полкового вожака коммунистов, наверное, учуяли его особую «любовь» к ним, даже в воздухе, а руку тронуть побоялись... Выходит — сильная рука у товарища Касимова!

УМЕНИЕ И СМЕКАЛКА И В МЕНЬШИНСТВЕ ОПОРА

Штурмовики наносили удар за ударом по собранным в огромный кулак танкам и мотопехоте 6-й немецкой армии. Те же с бычьим упорством усиливали натиск. Наши войска обороняли свои позиции на пути к переправам через Дон в направлении В. Бузиновка — Каменский.

3 августа для уничтожения врага на высотах 165,1 и 178, а также в оврагах в районе Липолотовский вылетела шестерка Илов под прикрытием восьмерки Яков. Группу вел Большаков. В первом звене шли Рытов и Фигурин. Во втором, руководимом Агрбой, Брянкин и Кирюхин...

Командир полка, с тревогой и нетерпением ожидавший возвращения группы, уже в который раз посмотрел на часы: 9 часов 10 минут, а по расчету группа должна была совершить посадку ровно в 9. Где она, что с ней? И вот в 9 часов 15 минут появился... самолет Брянкина. Благополучно произвел посадку, зарулил на свою стоянку и поразил встречающих своим видом: правое крыло и стабилизатор были изрешечены пробойнами самых различных форм и размеров. Каким чудом не отскочила консоль, не отлетели правые элерон и руль высоты, оставалось загадкой. В 9.25 на предельно малой высоте из-за горизонта выскочил еще один Ил. Чей?

На минимальной скорости сделал большой круг над аэродромом и пошел на посадку, не выпуская посадочных щитов... И правое шасси до конца не выпущено.

— Опытный летчик не может забыть такого, видно, повреждение, — подумал Спорышев.

Объявили готовность дежурной с техсредствами, пожарной и санитарной машинам.

Самолет меж тем подошел к точке выравнивания и через считанные секунды на несколько повышенной скорости с левым креном коснулся земли одним, левым колесом. Пробежав метров триста, выровнялся, затем опустился и на правое крыло, сразу же начав разворот вправо, и так — с правым креном, но не касаясь земли консолями, остановился... в пяти метрах от капонира. Винт уже не вращался, значит летчик успел выключить двигатель, видимо, еще в начале пробега. А стойка правого колеса так и держалась в полусогнутом положении. Случай, надо сказать, весьма редкостный. Как потом выяснилось, рычаг аварийного выпуска шасси сумел каким-то чудом зафиксировать и удержать стойку правого колеса в таком необычном, полувыпущенном положении.

Летчик легко и мягко прыгнул на землю и... попал в объятия товарищей. Когда же все вместе посмотрели на самолет, просто ахнули: правый центроплан разворочен рваными пробоинами, фюзеляж и его стык с центропланом прошиты очередью эрликона, зияет дыра в левой плоскости, много осколочных пробоин в стабилизаторе. Этот самолет пилотировал Агрба. Ему сообщили, что из группы вернулся только Брянкин. Часы тем временем показывали уже 9.35. Группа находилась в воздухе 1 час 55 минут, а это значило, что, если даже остальные самолеты оставались невредимыми, работая над целью в основном на максимальном режиме, — горючее уже израсходовано и им не вернуться на аэродром.

На следующий день пешком, точнее на попутных машинах и... даже на лошадях, вернулся Рытов, а к вечеру — Большаков.

Из докладов оставшихся в живых летчиков прояснилась картина боя...

При подходе к цели встали заградительной стеной, а потом и сцепили группу смертоносными объятиями, сотни разлапистых, как спруты, дышащие смрадным дымом разрывы среднекалиберных зенитных снарядов. Уже на боевом курсе, перед первой атакой от прямого попадания загорелся, взорвался и упал в районе вражеских войск самолет Фигурина. Остальные не дрогнули, не отклонились от боевого курса, а прицельно атаковали противника. Яркими всполохами загорелись его танки и автомашины. Ныряя в сплошные зловеще черные облака, созданные СЗА, ловко увертываясь от огненных жал МЗА, группа произвела пять заходов, уничтожив 6 танков, до

30 автомашин и не менее 50 солдат и офицеров фашистов. Закончив атаки наземных целей и собираясь уйти домой, растянутая группа, подтягиваясь друг к другу, выстраивалась в сомкнутый боевой порядок. Момент ответственный, требует предельного напряжения, а взвинченные атаками летчики как назло расслабляются. И четко усекли это фрицы. И неслучайны их разбойные налеты именно в эти минуты. Сейчас их выскочило — шесть. Агрба, догоняя Рытова, шел «змейкой» и успел только заметить правее и впереди себя трассирующую очередь... Резко скользнул влево и сразу переложил самолет в правый крен. Силуэты «мессеров» проскочили выше, и справа сзади запылал самолет Кирюхина... Сделал резко крутую горку с правым креном, свалился на крыло и камнем пошел к земле.

Да, что ни говори — привыкли мы рассчитывать на «авосы!» В небе повторялось 29 июля. И снова наши «яшки» все до единого были вовлечены в бой где-то наверху отвлекающей группой «мессеров». Ударная же их группа, имея полную свободу маневра и всестороннее превосходство, ринулась на штурмовиков, ослабленных атаками и потерей Фигурина. После гибели Кирюхина неравенство в силах стало и вовсе разительным. Несмотря на это, штурмовики приняли бой. Четыре штурмовика против шести истребителей! Такое соотношение сил обязывало ведущего к точнейшей организованности действий. И вот, покачав с крыла на крыло, Большаков начал левый разворот, пытаясь создать нечто вроде оборонительного круга. Рытов последовал за ним, заняв несколько увеличенную дистанцию. Агрба посмотрел назад и, увидев Брянкина, идущего метрах в 600 сзади слева, тоже покачал крыльями, направляясь к Рытову. И вовремя — на Рытова пикировала пара «худых». Развернувшись, Агрба дал по ней очередь. Пара взмыла вправо вверх. И только было Агрба собрался занять свое место, как заметил другую пару, атакующую Брянкина. К нему на выручку шел Большаков, но, к сожалению, под значительным ракурсом. Однако это не помешало ему, достигнув подходящей дистанции, открыть огонь. «Мессера» вынуждены были отвернуться. Так, отбивая друг от друга все нарастающие атаки фашистских истребителей, штурмовики постепенно оттягивали круг на свою территорию. Собственно, круга-то как такового не было, а подобие его, несмотря на все старания летчиков, никак не удавалось его замкнуть в должном виде. Их просто-напросто численно не хватало, и поэтому дистанции между ними были

значительно увеличены. А вести огонь на поражение фашистских самолетов, не уходя в погоню (дабы не оторваться от товарищей), задача чрезмерно трудная, если не сказать больше... Фашисты это видели и нагнали на глазах, атакуя тяжеловесных штурмовиков со всех шести сторон, стремились во что бы то ни стало разъединить их, растащить по сторонам и затем добить по одному. Но, хотя боевой их порядок смешался, штурмовики держались довольно долго, временами даже переходя в контратаки. Так случилось, когда Большаков, отбивая Рытова, смело бросился наперерез фашистской паре под сравнительно небольшим ракурсом. Приблизился на дистанцию 350—400 метров и нажал сразу на все гашетки... Самолет ведущего задымил, завращался вокруг своей продольной оси и, кувыркнувшись на спину, горящим камнем пошел к земле...

Агрба тем временем прикрыв Большакова от новой пары «мессеров» и отогнал их на внушительное расстояние.

Однако пока Большаков, Агрба и шедший за ними Брянкин были увлечены боем с этими двумя парами «мессеров», Рытов оказался один и немедленно был атакован третьей их парой. Большаков кинулся было на помощь, но не позволила дистанция. Сильно потрепанный самолет Рытова сумел-таки перетянуть Дон и совершить вынужденную посадку на аэродроме Песковатка — еще один боевой штурвал вышел из строя... Воспользовавшись этим, две пары «худых» наносят одновременный удар по Большакову и Агрбе, а пятый атакует Брянкина, разъединяя их тем самым окончательно и оставляя им единственную возможность защищаться в одиночку. И взревели, вламываясь в небо, разгоряченные тела самолетов, бешено забился пульс на выживание, а значит — на уничтожение противной стороны.

Большаков дрался еще около десяти минут и произвел посадку на «живот» с заклиненным мотором и перебитыми тросами управления в районе между Илларионовским и Рюмино-Красноярским, в трех километрах от того места (надо же было случиться такому совпадению), где упал сбитый им «мессер».

Не менее пяти минут держал единоборство Брянкин. Непобежденным сумел он выйти из боя и привести на аэродром сильно израненный свой самолет.

В небе остался один Агрба...

В течение пятнадцати минут он не только виртуозно отбивался от фашистских стервятников, но и сумел под-

жесть одного из них. Тот рухнул в Донскую пучину километрах в трех севернее Голубинского. Но Агрба не доложит об этом командиру, и вообще не скажет никому! Только года через два проговорится он случайно ближайшему другу Борису Лозоренко. «Ну и чудак же ты, Киазим!» — воскликнет тот. На что Киазим ответит: «Недоказанная победа легко может обернуться припиской. А такие «лавры» мне не нужны. Высшая награда для меня — поверженный враг. «Ты хотел сожрать меня, да мной и подавился, — думаю я в такие минуты, — не я опоганил твое небо, а ты — мое. Вот и получай возмездие!»

Да, тщеславие всегда претило Киазиму. Впрочем, подлинное мужество в словах не нуждается.

* * *

Весьма поучительным был этот вылет для совершенствования воздушного одиночного боя с превосходящими силами. И урон он нанес врагу чувствительный. Однако же и полк лишился четырех боевых машин, а главное — двух отважных летчиков. Никогда не дождутся Аким Романович Фигурин из Можайска и Павел Гаврилович Кирюхин из Павловска двадцатилетних своих сыновей — надежду свою и смену. По-отцовски сдержанно рыдая, перенесут они свою глубокую печаль...

«ИДЕМ НА ВЫ!» — ПРОТИВ БРОНЕПОЛЧИЩ С ЮГА

4 августа полк не вылетал — изучался в деталях предыдущий боевой день, приводилась в порядок боевая техника. Командир полка доложил о ходе боя командиру дивизии, тот — командующему армией, у которого и состоялся серьезный разговор с командирами истребительных полков, после чего, надо отдать должное, истребители стали относиться к собратьям штурмовикам с заметным почтением... По крайней мере какое-то время по их вине штурмовики не теряли своих товарищей. Но этого хватило ненадолго — головокружение от успеха внушило им чувство самоуспокоенности, беспечности, что и обернулось преступной халатностью. Ну, об этом позже, а пока полк продолжал свои повседневные заботы-хлопоты.

На места вынужденных посадок Рытова и Большакова были отправлены группы технического состава для доставки их самолетов на аэродром: утром — Горшков,

Бугаев и Кербер во главе с Дегтяревым, вечером — Хорошвин, Воронин и Прошин во главе с Цветковым.

К ужину прибыл из лазарета Феокистов. Киазим лукаво прищурил глаза:

— Ох и хитрый ты, Сережа, знаешь когда появиться...

— А что толку, встречаете по-сухому, — отпаривал Сергей.

— Сегодня не заработали... — все в том же шутливом тоне ответил Киазим, но выражение его лица не соответствовало легковесному настрою — грядущий боевой день предвещал тревогу. Однако, выдерживая тон, он заключил: — Вот завтра, друг мой, штурмом добудем боевые свои сто грамм.

— Завтра и без ста грамм жарко будет, — заметил кто-то, — раз командир полка даже Шелопутнову вылет разрешил...

Вечером, когда остались одни, Киазим рассказал Сергею, как это произошло.

На этот раз трусость Шелопутнову обошлась дорого — его игнорировали не только участники того рокового боя, но и летчики всего полка. С Шелопутнова, как с гуся вода: ходит себе эдаким бодрячком — с оскорбленным видом. А вчера, перед отбоем, не выдержал... Подошел к ребятам — лицо наперекос, кадык разгулялся, ровно вот-вот кислород ему перекроют, в глазах, прямо-таки, собачья преданность. «Ребята, — шепчет, — простите... Дайте искупить кровью свой промах! Верьте — не подонок Шелопутнов... Делом докажу, жизнью. А нет — сами в расход меня пустите...»

Видно, только тот имеет чистую, всепрощающую и доверчивую душу, кто каждый день играет в догонялки со смертью... Простили его летчики. Поверили. И пошли просить за него командира полка... А он ведь тоже летчик, стало быть такую же душу имеет — допустил Шелопутнова к боевым вылетам. Ну, а если всерьез — душа душой, а ряды летчиков быстро редели, и этого нельзя было не учитывать, к тому же очень хотелось командиру видеть в Шелопутнове возрожденного человека...

* * *

Наступление 6-й армии немцев удалось затормозить, зато натиск 4-й танковой армии стал угрожающим. К 5 августа она вышла к южному сектору внешнего оборонительного обвода Сталинграда в районе Абганеро-Плодовитое, однако споткнулась о хорошо организован-

ную оборону войск генералов Чуйкова и Толбухина, входивших в состав вновь сформированного Юго-Восточного фронта под командованием генерала Еременко. Но мощные эффективные контрудары требовали немалых усилий...

Для поддержки их с воздуха командующий 8-й воздушной армией поднял на это направление почти всю штурмовую авиацию. Непосредственная цель 568-шап на 5 и 6 августа — уничтожение прорвавшихся мотомехколонн противника в районе Аксай, Гончаровский, Перегрузный. Полк отныне был вынужден выполнять боевые задачи в составе смешанных групп от других полков дивизии, что создавало определенные трудности в организации и управлении вылетами. Задачи ставил командир дивизии, а вели в бой, особенно крупные группы, командиры полков или опытные ведущие из числа их заместителей и командиров эскадрилий.

За эти два дня летчики полка 7 раз поднимались в огненное сталинградское небо совместно с летчиками из 504-го и 505-го шап и, совершив 25 успешных боевых вылетов в условиях сильного огня ЗА и ИА, уничтожили до 200 автомашин, 25 танков, 126 повозок, 260 солдат и офицеров противника и подавили огонь 8 точек ЗА. 5 августа активно участвовали в штурмовых атаках Лозоренко, Касимов, Окунев, Баранов, Шелопутнов, Брянкин и Солей. Потерь в полку не было.

* * *

6-е августа. Раннее утро. Группу из 12 Ил-2, состоящую из летчиков 568-го и 504-го шап, повел в бой майор Хомутов. Полет начался явно неудачно.

Первый казус настиг самого командира на конце разбега. Он прекратил взлет... Однако снова (притом с большой скоростью, ибо вся группа ждала его) стал заруливать на линию старта. Проходя мимо техников и механиков, смотревших на него со страхом и тревогой, открыл фонарь и погрозил в их сторону кулаком, помянув таким крепким словцом, что даже издали было заметно, как сверкнули «цыганские» его глаза, задергались губы и черные усики...

Он быстро встал на свое место, прожег свечи и... взлетел нормально. За ним остальные. Но сразу же на взлете отказал мотор у Солея, и он произвел посадку прямо перед собой в трех километрах от аэродрома. Запасной Агр-

ба мгновенно взлетел, кратчайшим путем догнал группу и занял место в строю вместо Солея.

Группа подошла к району цели, держа восходящее солнце слева, маленькую речушку Аксай — справа. Ведущий осмотрелся — все, в том числе истребители прикрытия на своих местах, местность со всех сторон совершенно открытая, почти ровная, видимость миллион на миллион как по горизонтали, так и по вертикали, и лишь на большой высоте, километров на 10—12, струились перистые облака. Не за что прятаться, нечем маскироваться! Да, тут предстоял явно открытый бой!

Командир машинально подправил ларингофоны, прикрепленные к гортани на уровне голосовых связок, и решительно нажал на кнопку радиопередатчика (к этому времени на самолетах ведущих групп устанавливались приемопередающие, на остальных только приемные радиостанции, которые были далеки от совершенства, способностью четко принимать звуковые сигналы пока не отличались, поэтому команды приходилось повторять эволюциями самолетов).

— Идем на Вы! — с вызовом произнес он известное изречение, и как только прошли Шелестово, хладнокровно скомандовал:

— За мной, в атаку!

Затем покачал крылом, дублируя команду, и с доворотом градусов на 30 со стороны солнца (для противника против солнца) перевел самолет в пологое планирование. Сразу же на капоте мотора заскользили серые коробочки танков, бронетранспортеров, автомашин. Командир отжал ручку, и вот они на линии прицеливания... Секунда — другая — сброс бомб и... началось! Небо мгновенно задернулось сотнями черных лохматых «шапок» от разрывов СЗА, самолет командира подбросило от взрывной волны и тут же заплясали, заметались огненные языки МЗА. Он сильнее отжал ручку — увеличил угол пикирования до 25—30 градусов, довернул самолет несколько влево и, поймав в прицел «серые пауки» целей, выпустил по ним четыре эрса.

Высота уже 300 метров. Надо выводить. Энергичным, но координированным движением он выводит самолет из пикирования, одновременным разворотом вправо и с набором высоты. Когда развернулся на 90 градусов, посмотрел на группу — идут соколики! Идут, пробиваются среди черных туч и молниеподобных разноцветных стрел, закрывших все небо.

А на земле и того «ярче» — огненными султанами взле-

тают танки и машины врага. С минуту он энергично маневрировал по высоте и горизонту, затем развернулся на 180 градусов и перешел во вторую атаку. Перед ним Аксай — скопище вражьей техники с оружием и живой силой.

Тщательно прицеливается и, достигнув нужной дистанции, нажимает на кнопку эрэсов, пушек и пулеметов — сплошная очередь снарядов и пуль точно накрывают цель!

Пора выходить из атаки. Самолет взмывает вверх, и в этот миг трассирующая очередь перечеркивает небо.

«Мессера»!

Он машинально бросает самолет вниз, вверх и вправо, потом прямо, затем, делая небольшие отклонения то влево, то вправо, осматривается... Да, так и есть! На высоте более двух тысяч метров завихрилась в дикой пляске карусель: Яки и «мессера». На этот раз «мессерам» не удастся увлечь Яки целиком отвлекающей группой, хотя она явно численно превосходит.

Значит надо быть начеку.

Хомутов начинает левый разворот, стремясь замкнуть оборонительный круг: продолжить атаки по наземным целям и отражать воздушного противника. Агрба и Брянкин идут за ним. Это же делает следующее звено в составе Лозоренко, Феоктистова и Борисова. Между тем атаки «худых» продолжаются. Вот одна из пар стремительно атакует ведущего шестерки 504-го шап. Все ближе, ближе и... огонь. Штурмовик отворачивает вправо и со снижением уходит на свою территорию, за ним его ведомые... Борисов, замыкающий шестерку 568-го шап, остается без прикрытия. Хомутов увеличивает крен, спешит к нему. Тут же к Борисову пытается пристроиться «мессер». На него бросается Як и сразу же открывает огонь. «Мессер» отворачивает. Пользуясь этим, Хомутов почти замыкает круг. Остальными заняты необходимые дистанции. «Мессер» атакует Феоктистова, Борисов отбивает, тут же атака на Брянкина — Лозоренко отбивает.

А пара «худых» стремится уже к Хомутову. Наперерз ей кидаются Яки и Агрба. «Худые» убегают, но Яки не собираются их отпускать. Ведущий Як делает удачный маневр и, оказавшись в хвосте ведомого «мессера», сразу открывает огонь. «Мессер», взмыв, сваливается на крыло и штопором падает... Но уж две другие пары «худых» атакуют одновременно Агрбу — сверху и Борисова — снизу. Агрба вовремя сделал скольжение и увернулся, а вот самолет Борисова вспыхнул факелом и, рассыпаясь на

тяжелые раскаленные куски, обрушился на головы фрицев... В эти же секунды третья пара «мессеров» мгновенно атаковала Хомутова. Он, увлеченный удачной атакой на целое скопище танков, успел выпустить по ним длинную очередь веером из всех своих пушек и пулеметов. Машины запылали. Довольный удачей, он лег в горизонтальный полет и... только тогда услышал сильный металлический стук спереди-снизу, почувствовал запах гари... Бросил самолет вправо-вверх. Выше проскочили два «мессера», а вслед за ними Як. С досадой подумалось: «Какой же гад меня долбанул — воздушный или наземный?» (Танк тоже вел по нему огонь, когда он спустился на минимально допустимую высоту.) Машинально взглянул на манометр — давление масла быстро падало, температура увеличивалась. Значит, пробита маслосистема. Надо торопиться — еще минута-полторы и мотор заклинит. С максимальным креном развернулся на северо-восток, посмотрел вправо и... остолбенел: к нему с небольшим ракурсом справа-сверху подкрадывался «мессер». Расстояние метров в 600 сокращается все стремительней... «Неужто поражение?» — мелькнула мысль, но тут же перед самым носом прочертила воздух трассирующая пулеметно-пушечная очередь, и возник Ил, вставший между ним и «мессером»... Он узнал Агрбу. Через какие-то секунды проскочил и Як. И замелькали, задержались тени «мессеров» и Яка, рьяно заметался самолет Агрбы в задней полусфере. Так, сопровождая командира, они отбивали его от непрерывных атак «худых».

Меж тем давление масла упало до нуля, температура подскочила до максимума, запахло гарью. Все! Надо выключать мотор, иначе заклинит, загорится... Не выпуская шасси, он посадил самолет прямо перед собой — в боевых порядках танков (слава Богу, наших!), контратакующих врага, точнее — у второго их эшелона, рядом с танком командира бригады, служившим ему одновременно командным пунктом. Агрба сопровождал командира до самого места его посадки. Хомутов помахал ему рукой. Агрба же покачал с крыла на крыло и взял курс домой. Человек средних лет в комбинезоне и в шлеме танкиста подбежал к Хомутову:

— Спасибо вам, дорогие летчики-штурмовики, очень хорошо поработали! Не заметили, сколько танков противника перед фронтом моей бригады? — и он показал район на мелкомасштабной карте.

Хомутов дал подробные разведданные.

— Благодарю, это очень важно для нас, — и вдруг

засветился улыбкой, — трудно удивить танкиста лихостью, товарищ командир, но... летчики сегодня переплюнули...

И он с неприкрытым восхищением рассказал, как истребитель, защищавший Хомутова вместе с Агрбой, сразу же после его приземления с ходу сбил одного «мессершмитта» огнем, а второго — таранным ударом, сам же выпрыгнул с парашютом и благополучно приземлился на нашей территории. Не было предела восхищению этим смельчаком и у Хомутова. Только кто был этот истребитель?

Командир танковой бригады дал свою легковую машину, на которой Хомутов доехал до КП армии. Добраться отсюда до Сталинграда, потом и до Конной уже не представляло труда.

Тем временем Агрба произвел благополучно посадку на своем аэродроме. Вернулись на изрядно потрепанных самолетах и Лозоренко, и Феоктистов, и Брянкин. Рассказали, с каким трудом, на «ножницах» и с помощью своих истребителей отбивались от настырных атак «мессеров» и как, в конце концов, освободились от них.

**УСПЕХ ЗАВИСИТ «...ОТ ЧУВСТВА, КОТОРОЕ ЕСТЬ ВО МНЕ,
В НЕМ, В КАЖДОМ СОЛДАТЕ»**

Спорышев коротко провел разбор вылета. Предупредил летчиков, чтобы не беспокоились о командире полка. «Уверен, он сегодня же вернется. А насчет Борисова, вы уже знаете».

Были нанесены на карту изменения в линии фронта и выявившиеся зенитные точки. Начальник штаба сказал:

— Объявляется готовность № 2. Задача прежняя. Вылет по сигналу с КП.

Летчики заняли указанную готовность. Это значило: находиться у самолетов, по сигналу сесть в кабину, застегнуть парашютные и привязные ремни, запустить двигатель и взлететь... И на все это не более трех минут.

Под крыльями самолетов, а то и под хвостовым оперением, летчики искали спасения от изнурительной жары. Многих клонило ко сну — короткие летние ночи прифронтовой полосы не восполняли физических и душевных затрат. Киазим с Борисом хотели было прилечь на голую землю или на поданный техниками самолетный чехол, но ничего из этого не вышло: иссушенная зноем корявая земля, да и нагретый чехол не располагали к отдыху.

— Ну и парилка, разморишься только, а веника нет...—

Киазим сел рядом с другом, укладывая ближе планшет с картами и шлемофон, — лучше пободруствуем, други, зато подъем будет легче.

Друзья согласились, собственно, выбора-то у них и не было. И, естественно, разговорились. Обрывчато касаясь многих тем сразу, главной оставляли сегодняшний вылет.

— А все же они здорово воют, даже Батю подцепили, гады, — сказал Сергей, явно озабоченный.

— Отработали наглость, вот и кажутся изобретательными, а тактические приемы у них довольно шаблонны, — парировал Борис.

— Вот-вот — смелы и настырны за счет «превосходящих» сил противника, — вмешался Киазим, — накидай нам побольше Йлов, глядишь и Яки без работы бы остались — мы сами бы перышки с «мессеров» стругали без перерыва на обед...

Летчики засмеялись. Такая перспектива всем очень понравилась. Однако Киазим ни на йоту не умалял возможностей противника. Отсмеявшись со всеми, он сказал:

— Ну, а если всерьез, так — умный друга любит, а учится у недруга... Вот к примеру — боевой порядок «мессеров», составленный из пар, намного эффективней наших троек. Будь моя воля, я бы их упразднил.

— Я — за! — поддержал Борис. — Да вы и сами заметили, как в последних воздушных боях мы нет-нет да и стихийно сколачивались в пары...

— Точно! — Киазим даже привстал. — Опыт показал, что маневрировать парой значительно удобнее, чем тройкой. И не случайно, в ходе боя мы разделяемся на пары или, точнее, бой сам нас заставляет идти на это, — часто получаются «ножницы» пар и с лихвой себя оправдывают. Так не лучше ли сразу перестроить боевой порядок группы? Ведь и «отвечать» друг за друга сподручней — не на кого кивать. Конечно, наши старушки «тройки» послужили нам на совесть, но... пора и на пенсию. А как ты, Сережа, смотришь на все это? — обратился он к Феоктистову.

— Серьезная штука... Присоединяюсь, — ответил он.

— Лады. Значит, не откладывая в долгий ящик, обсудим со всеми летчиками и поставим вопрос перед Батей, так? — посмотрел на обоих Борис.

Вскоре они так и делают и узнают, что подобные мысли и сам он вынашивал и вел уже разговоры об этом с Большаковым и Спорышевым.

А пока разговор неволью перешел на командира.

— Интересно, как сейчас наш Батя, где и что с ним?— вздохнул Борис.

— Убежден, с ним все в порядке. Танкисты — народ надежный, наверняка помогли выбраться из фронтовой зоны. Сегодня же и доберется до дому, — заверил Киазим.

Удивительным свойством обладал Киазим — любое его слово принималось на веру, укрепляло в надежде, прогоняло уныние и тревогу. Очевидно, убедительными бывают только те слова, которые рождены душой и сердцем. И сейчас — как-то сразу поверилось, что Батя жив и здоров и скоро предстанет перед ними. Поввысилось настроение: потянуло на шутку и кто-то, смеясь, сказал:

— Киазим, ты не летчик, ты — букет Абхазии, такой от твоих слов аромат душевный веет...

Киазим помрачнел. Упоминание о Родине, обложенной со всех сторон врагом, больно кольнуло его. Но вирус веселья, так необходимого для разрядки, захватил уж всех, и Феоктистов, желая по-доброму разыграть Киазима, подмигнул Борису:

— Знаете, что утром сказал начальник связи Карязин? — заявил он с тайной озабоченностью. — Они с Новиным случайно перехватили на радиостанции КП немецкую передачу. Оказывается, их передовые части давно захватили Краснодар, Батайск и, обойдя Новороссийск, захватили Туапсе. Сейчас продвигаются на юг по побережью, к 20 августа возьмут Сочи, а 10 сентября — Сухуми. Как знать, может это и провокация, но они это слышали точно...

Киазим вскочил как ужаленный, багровый, охваченный яростью, в глазах огни пострашнее трассирующих... Куда делась его доброта и привычная для всех ласковая, с легкой иронией улыбка. Содрогаюсь всем телом, с искаженным болью лицом он хрипло крикнул:

— Врет Карязин! Врет Новин! Не расслышали шакалы!.. Уши надо мыть... Чтобы Абхазия фашисту сдалась?!

Честный во всем, не допускающий шуток в серьезных делах, шутку друга он принял за самую что ни на есть сущую правду. Друзья забеспокоились. Феоктистов и сам был не рад, что его шутка удалась:

— Остынь, Киазим... — заговорил он сбивчиво, — ты ведь не ишак, чтобы верить Геббельсу. Его язык уж и Москву занимал, и на Красной площади маршировал... На слабонервных работают.

— Сто раз готов ишаком стать, только бы эта сводка

брехней оказалась, — с глубокой горечью произнес Киазим.

— А я тебе говорю — брехня! — заводясь крикнул Феоктистов и замылся. — И притом...

— И притом, прозвучавшая из уст не Геббельса, а самого лейтенанта Феоктистова, — улыбаясь уточнил Лозоренко. — Прости уж нас, друг, за такой розыгрыш...

— Что-о-о? — все краски отхлынули с лица Киазима, бешеная обида затуманила взор и вслепую, не видя Феоктистова, он по-кошачьи — мягко и хищно — бросился на него... Тот ловко увернулся, инстинктивно поняв серьезность положения, и встал за спину Бориса так, на всякий случай, потому что каждый из них отлично знал вспыльчивость и отходчивость Киазима.

— Ладно, попадешься ты мне в следующий раз за такие шутки, — говорил он уже миролюбиво, — а за урок — спасибо. Подарил ты мне сейчас страшную минуту — представить Абхазию на коленях пострашнее, чем сгореть в небе... Нет теперь одного Киазима, а есть — два! И драться они будут — и за Сталинградское небо и за небо Кавказа. Подобьют одного, другой выживет и давить будет гада до полной победы.

Негромко, но отчетливо замирали слова Киазима в растворенной жаром тишине, вписываясь незримой клятвой в устав его души. И каждый из присутствующих знал цену этим словам...

Тем временем подошел парторг. Высокий, плечистый, с великолепной строгой выправкой. Хорошо подогнанная коверкотовая гимнастерка, темно-синие галифе и брезентовые сапоги сидели на нем ладно, внушительно, придавая одной его шпале полковничью солидность. Пилотка тонкого сукна с голубой окантовкой почти надвинута на широкие брови, в прищуре глаз зеленоватое свечение — цепкое, пронзительное:

— Ну, как воюется сталинградцам?

— Воюется неплохо, товарищ старший политрук, — ответил за всех Феоктистов, — вот только жара донимает, даже Киазима припекло...

— Почему — «даже»? Киазиму Черное море вторым отцом было, а оно — живительно. Помните у Пушкина: «И тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных...» Натурально — он Черное море имел в виду и в одном из витязей нашего Киазима... Ну а тут, понятно, обстановка непривычная, прямо скажем — душная и жаркая...

Киазим обиделся:

— Извините, товарищ старший политрук, но я не могу полностью согласиться с вами. В мою биографию не только море вписано...

— Ну вот, он опять не согласен со старшими: И, конечно, хочет сказать, что в период учебы в Энгельсе уже знакомился со степным зноем? Согласен. Но мимоходное знакомство нечасто переходит в дружбу, а чтобы хорошо знать «предмет», «объект» и т. д., надо быть с ним на «ты», — урезонил политрук Киазима, — а сейчас, по разрешению командира, прошу на несколько минут в землянку...

* * *

За каких-нибудь 3—4 минуты личный состав был в сборе. Расположились кто где: на нарах, на скамьях, сколоченных на скорую руку из подсобных материалов. Вошел парторг. На середине землянки обосновался прочно: строгий, сосредоточенный, без пилотки (она задвинута за поясной ремень), с планшетом для карт и шлемофоном на ремне через плечо, в руках неизменный карманный блокнотик. Внимательно всматриваясь в лицо каждого, старался прочитать (уже который раз!), чем живут, чем дышат они, воины полка, его товарищи по оружию, изуроченные напряжением боевых будней и нестерпимой жарой.

Смотрели и они, соколики его боевые (и тоже в который раз!), смотрели прямо в его глаза, словно говоря: «Не испытывай нас на верность, товарищ наш боевой, ибо одним небом едины мы и фронтовые хлеб-соль разделим поровну».

Парторг был строг, тверд как камень, непримирим ко всякого рода отклонениям от установленных правил, не говоря уж о прямых нарушениях и расхлябанности. И не случайно, видно, любимая его поговорка звучала так: «Любить так от души, рубить, так с плеча». Поначалу его побаивались, посматривали на него с опаской — как бы не переборщил парторг, да не рубанул от души по кому попало... Однако вскоре убедились, что он справедлив до скрупулезности — «как ангел честен и скромн во всем», — охарактеризовал его парторг 2-й аз Акимов.

Да, насчет ангела замечено кстати, ибо это был «летающий» парторг, как бы подкрепляющий свой политический наземный багаж наглядным примером в боевом небе. И не удивительно, что его страстные призывы — «За нашу советскую Родину!», переплавленные в силу, сжимающую боевой штурвал, приобретали реальный смысл, ведь недаром говорится — «меч — плечом крепок». Этим

он заметно отличался от других партработников полка, некомпетентных в авиации, потому частенько попадавших в щекотливое, смешное положение. А там, где смех — авторитет не прочен...

Касимову такое не грозило. Напротив, его авторитет, а следовательно, и сила влияния быстро росли. С ним считался, а то и побаивался сам, общелюбимый и всевластный Батя: «А что скажет секретарь партбюро? Не ошибаюсь ли я в чем?» — и, принимая решения по всем принципиальным вопросам жизни полка и решения судеб людей, непременно советовался с ним. А тот, невзирая на лица, по мере надобности, прямо и смело, с соблюдением, конечно, правил субординации, высказывал командиру свои соображения по всем вопросам, хотя беспрекословно и твердо поддерживал его во всех начинаниях, распоряжениях и приказах. Одним словом, они работали дружно и согласованно, очень, кстати, дополняя друг друга.

И вот стоит сейчас перед летчиками он — «душа и совесть» полка — парторг Касимов. Что-то он скажет людям в эти тяжелые для страны часы и минуты. Искусством оратора он не обладал — говорил глуховатым голосом коротко и сухо, но честно и метко, а потому — убедительно.

— Товарищи, обстановка на фронте архисложная и для нас прежде всего... Враг сосредоточил большие силы на южном участке фронта, создал значительное превосходство всех видов войск. Район боевых действий — степи, т. е. «зеленая улица» для фашистских танковых и механизированных колонн. Оборонительных линий, по сути дела, нет, их сооружают только теперь и наскоро... Но не будем искать виновных этому благодущию — времени нет, надо драться... К тому же ни одна «Китайская стена» не в состоянии защитить город так, как моральный дух воина. Великий писатель Лев Толстой говорил: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиций, ни от вооружения, ни даже от числа... А от чувства, которое есть во мне, в нем, в каждом солдате». Точнее не скажешь, товарищи. Разве не это чувство рождает ежедневно воздушных витязей, а значит, ту стену мужества, которая выдержит любые испытания, но не рухнет, не согнется — ибо стена эта создана из сильных и стойких сердец и тех, кто вчера пал смертью храбрых, и тех кто сегодня готов повторить их подвиг. В ней билось и юное отважное сердце товарища нашего — Александра Петровича Борисова, отдавшего жизнь за Родину сегодня на рас-

свете... И пусть как заветом служат нам слова его заявления, поданного перед сегодняшним боем: «Хочу бить врага коммунистом». Так наполним же скорбью сердца наши — отомстим за коммуниста Александра Борисова. Поделим безутешное горе еще одной матери — Анны Бенедиктовны Борисовой и помянем товарища по оружию минутным молчанием...

После тяжелой минутной тишины Касимов сказал:

— Серьезно раненный зверь остервенело идет ва-банк. Он у врат Сталинградских. Ключи от них в наших руках, и каждый, кто смалодушничает, дрогнет, пусть знает — это он протягивает фашисту руку, в которой зажаты священные ключи... Скажем такому: «Позор предателю!» Тверже, теснее сомкнем ряды — за нами Сталинград!

Потом был дан короткий анализ обстановки на всех остальных участках советско-германского фронта и сделан вывод:

— Как видите, товарищи, фашистская армия уже не может вести наступательных действий на протяжении всего советско-германского фронта, но на одном или двух направлениях наступает не без оперативных успехов. Не сомневаюсь — этому скоро положат конец. Но потребуются максимум усилий со стороны всего народа, всех вооруженных сил, в том числе и нас с вами, товарищи. Для дальнейших успешных боевых действий необходим анализ всех наших плюсов и минусов, где положительный опыт станет достоянием всех, а отрицательный должен себя изжить. Вот, к примеру, вчера товарищ Баранов отстал и чуть не стал жертвой фашистского стервятника... А по вине товарища Пискунова один реактивный снаряд вместо уничтожения врага совершил почетную прогулку за линию фронта и обратно! Разве это не преступная халатность с его стороны? А прерванный взлет из-за перебоев в работе мотора? Причину до сих пор не могут выяснить.

А вынужденная посадка Солея? Инженеры и техники быстро определили причину (конструктивно-производственный дефект). Но так ли это? А на поверку — в условиях острой нехватки мы вывели из строя боевой самолет, т. е. фактически потеряли его. Можем ли мы так роскошествовать, товарищи? Максимум внимания, максимум контроля и взыскательности! Иначе появятся новые казусы. Вот, собственно, все, что я хотел вам сказать. Есть ли вопросы? Пожалуйста, товарищ Агрба.

— Товарищ старший политрук, не знаете ли вы более подробно о делах на Кавказском направлении?

— Вполне разделяю ваше беспокойство, товарищ Агрба, — родной дом всегда в нашем сердце, но, к сожалению, пока еще фашисты наступают... Вчера захватили Ставрополь, завладели направлением Армавир — Майкоп, прорвали нашу оборону в Краснодарском направлении, а вот под Анапой и Новороссийском встретили упорное сопротивление и затоптались на месте. Думаю, это хорошее предзнаменование — Закавказья врагу не видать. Впрочем, многое будет зависеть от нас, от того, как мы с вами будем бить врага здесь. Так ведь, товарищ лейтенант?

— Так, товарищ старший политрук, — ответил Агрба и выразительно посмотрел на Феоктистова.

— Еще есть вопросы?

— Товарищ... — только успел произнести Феоктистов, как пронзительно зазвонил полевой телефон и тут же услышали все два хлопка сигнальных ракет.

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

В сборной группе дивизии 12 самолетов. В нее из 568-го шап вошли Большаков, Шелопутнов, Рытов и Баранов.

Через 30 минут после них — Касимов, Солей, Агрба, Брянкин и еще 8 Ил-2 из соседних полков.

И как всегда, отправив своих командиров в бой, техники в большом душевном напряжении ждали их возвращения. И хотя сидели в тесном кругу, обсуждая вопросы, поднятые парторгом полка, но нет-нет да и посматривали на часы... Наконец, они услышали прерывистое гудение с запада и пока пытались разобраться — кто это, разгадка пришла сама собой.

— «Мессера»! Воздух! — только и успел крикнуть кто-то, и все бросились наземь там, где сидели или стояли. Тут же раздались трескотня, взрывы... К счастью, первые фашистские бомбы и пулеметно-пушечные очереди достались в основном холостому пространству и только некоторым объектам БАО. Однако, развернувшись на 180 градусов, «мессера» стали пикировать вновь... Кое-кто, и в их числе Антонов, Вербицкий и Черпаченко успели перебежать и плюхнуться в ближайшие щели. А вот Чудило как лежал, видимо, в приличном оцепенении, прижавшись к внутренней стенке капонира, так там и остался. Удары «мессеров» на этот раз пришлось по стоянкам 504-го и 568-го шап, а также по КП последнего. Земля вздрагивала, даже самолеты в капонирах ходили ходуном, и рвались, рвались бомбы и снаряды, сыпались осколки, комья земли, обломки бревен, досок... листки бумаги.

И дым, гарь, отвратительный запах взрывчатки... Налет начался и кончился внезапно. Третьей атаки не последовало. Постепенно пробуждалось сознание «отбоя». Люди вскакивали с земли, приходили в себя. Поднялся Антонов с товарищами. Подошли к месту, где оставили лежать Чудило, полагая, что он уже на ногах. Однако он, прижатый лицом к земле, был и сверху засыпан ею и... закинулся.

— Сидор есть Сидор — не может обойтись без ЧП, — съязвил Черпаченко.

— Повремени шутить, — предостерег Антонов.

— Самое время, товарищ техник, — бомба-то бабахнула с внешней стороны капонира и его лишь присыпало теплой землей, разве что слегка оглушило, — заверил Черпаченко и, очистив Сидора от земли и потряхивая его за плечо, стал приговаривать: «Сидор, а Сидор, живой ты или не живой? Ну, говори быстрее!» Сидор молчал. Нестор осторожно перевернул его на спину, провел ладонью по его лицу и облегченно вздохнул: «Тепленький, должен быть живой». И тут же Сидор открыл глаза...

— Ну, Сидор, молодец! Обратно живой и невредимый, — обрадовался Нестор, — как там у тебя — все сухо?..

Сидор подал голос:

— А я еще не знаю, живой я или не живой... Так садануло по спине, ровно кругляк вбили. А что касается сухости моей..., так она тута — при мне. Лучше свое «хозяйство» проверь...

— Ладно уж... Давай все же тебя оглядим — не растет ли и впрямь в твоей благородной спине худосочная осина... — начал было Черпаченко расстегивать пуговицы на его комбинезоне, но Чудило не дался и довольно бодро встал на ноги:

— Побереги энергию для фронта, тоже мне медбрат нашелся...

Черпаченко оказался прав — Чудило и на этот раз в основном отделался только испугом, однако память свою и способность мыслить сохранил. И эти два дарованные ему качества породили в нем чувство обиды на «юмориста» Черпаченко, а вскоре и жажду реванша... Конечно, к самолету он подошел просто так и так же машинально поднял с земли лист бумаги, но, пробежав его глазами, вдруг преобразился — радость отмщения заиграла на его лице:

— Нестор, а Нестор, а у тебя у самого-то не того... Все-таки проверь — везде ли сухо?

— Не будь попугаем. Сам учись составлять шарады.

— Усвоил. Вот тебе моя шарада — когда ты посетил в последний раз те места, куда цари пешком ходили?

— Да, Сидор... Серого вещества твоей голове явно не хватает, раз уж хочешь ты его позаимствовать у моего желудочно-кишечного тракта, а попросту ЖКТ, — сочувственно улыбнулся Нестор.

— Вот совпадение-то! Я ведь тоже о твоём «сером веществе» пекусь, о его, так сказать, образованности... Вот как станешь трудиться на благо своего ЖКТ, так и поработай над своими мозговыми извилинами — изучи вот этот научный труд... — и он протянул Нестору листок. Это была фашистская листовка.

Нестор мельком просмотрел ее и всегда невозмутимый, вдруг взъярился:

— Видать, тебя всерьез по темячку задело! Я даже свой ЖКТ не стал бы пачкать этой грязью (он у меня несравненно чище и благородней, чем этот мерзостный лоскут и его авторы!), а у тебя, Сидор, и вправду напряга с мозгами, и стало быть — лечись... А то мне с чокнутым дружбу водить не резон.

— Ага... Вот я тебя и порешил морально! — возликовал Сидор, — не все тебе надо мной потешаться, можно иногда и мне... Фашистская листовка ему негожа... А ты кто есть, если над другом шуткуешь, когда он — друг твой то есть, почти как неживой лежит? Как Геббельс трепещься, еще и похохатываешь...

Да, не избежать бы на этот раз лихой потасовки меж нашими друзьями, окажись они один на один в чистом поле. А тут не разгуляешься — разняли их летчики, потом и помирили.

Последствия налета «мессеров» оказались сносными.

В 568-ом шап был поврежден самолет и капонир. Одна бомба угодила во вход землянки КП. Люди порядочно трухнули, но серьезно не пострадали. 504-й полк лишился двух самолетов. 505-й — одного.

— Если бы удар нанесли бомбардировщики, а не истребители, результат был бы куда хуже... — резюмировал Антонов.

За суматохой забыли время. Меж тем первая группа возвращалась на малой высоте. Вот она сделала пологую горку и распустилась на посадку. Раз, два, три... пять, десять, одиннадцать. Одного нет. Кого? Оказалось, над полем боя был сбит самолет 505-го полка. А как-то будет со второй группой?

Почти в расчетное время пришла и она. Раз, два..., де-

сать... Сели. На стоянки же 504-го и 568-го зарулили только по три самолета и сразу увидели, что в 568-ом полку нет самолета старшего политрука Касимова. Да, не повезло полку и сегодня: из первого боя не вернулся командир, из второго — парторг. Где он, что с ним? Эту неприятную весть вынужден был доложить Агрба...

* * *

Первую атаку произвели удачно. На втором же заходе усилился зенитный огонь, повывскакивали бесноватые «мессера». Несмотря на это, группа продолжала штурм, хотя и с чрезмерным напряжением — ведь усилия распределялись на три фронта. Тогда-то и подстерегла Касимова беда: на выходе из третьей атаки обрушила на него перекрестно-кинжальный огонь целая батарея МЗА, не замеченная и потому не подавленная никем. Как бы искусно ни маневрировал он, но был сильно подбит — самолет его задымил, со снижением перешел линию фронта и уже горящий приземлился в дыму и пыли. Киазим сопровождал Касимова и, видя, что «мессера» его не атакуют и что к нему бегут наши солдаты, стал догонять группу...

В этот день в составе смешанной группы успешно слетала и четверка Большакова. В нее входили Лозоренко, Рытов и Баранов. Подбитым оказался и совершил вынужденную посадку самолет 504-го шап...

Отбой готовности объявили сегодня далеко до захода солнца — все самолеты оказались израненными, летчики валились с ног от переутомления. Подвели итоги дня, уточнили оперативную обстановку, майор Спорышев и начальник штаба майор Барков объявили предварительный план боевой работы на завтра и только хотели было отпустить людей на стоянки, как неожиданно открылась дверь и возник... сам Батя.

— Здравствуйте! Вот и я! Прибыл удачно — до КП нашей армии помогли танкисты, а далее и вообще с почетом — командующий не пожалел машины.

Искренняя радость людей словно смыла с их лиц недавнюю усталость, радостным гулом заполнила землянку, подвеселила глаза их искристым сиянием от долгожданной этой встречи, да и проницательный взгляд самого Бати был на сей раз увлажнен... Попросив, наконец, тишины, он сказал:

— Танкисты передают вам горячий боевой привет и большое спасибо за вашу работу. Очень просят «поболь-

ше и почаще поддавать жарку!» Я им пообещал сделать для этого все, что от нас зависит. Так что держитесь, — он как бы передохнул... — А теперь прошу подойти ко мне лейтенанта Агрбу.

Агрба растерялся и, не зная в чем дело, подошел.

— От всей души... — командир от волнения на секунду смолк, — дружеское и мужское спасибо тебе, дорогой Киазим, за выручку в бою, за то, что самоотверженно защитил меня, да и для всей группы сделал много, — с чувством, крепко обняв его, трижды поцеловал, — спасибо еще раз от всего сердца, век не забуду.

Агрба, смущенный вконец, только и сказал: «Спасибо» и обескураженно сел на место. А командир меж тем продолжил:

— Да, товарищи, если бы не Киазим и еще один наш истребитель, прикрывшие меня до самой посадки, не стоять бы мне теперь перед вами, — «мессера» доконали бы окончательно. Но дело тут даже и не в моей жизни. Должен сказать — если каждый достигнет того мастерства, какого достиг Киазим, мы будем иметь минимум в два раза меньше потерь, чем имеем сегодня. Всех летчиков, и прежде всего молодых, прошу следовать его примеру. Надеюсь, он не зазнается и дальше будет совершенствоваться, ибо мастерство в любом деле не знает предела.

И еще одно событие... Приятно и радостно сознавать, что среди наших истребителей рождаются асы, способные драться не хуже хваленых фашистских. Уверен, их с каждым месяцем будет все больше.

И он передал рассказ командира танковой бригады о победоносном бое одного нашего Як-1 против двух «Me-109». И совсем уж неожиданно обратился к старшему инженеру полка Павлову:

— А Василий Иванович почему-то не спрашивает, по какой причине был прерван мною взлет?

Тревога и обеспокоенность мелькнула на лице Павлова:

— Очень хотел спросить, но... не решался. Ждал, когда Вы сами скажете...

И снова знакомым, цепким и пронизывающим стал прищур командира:

— Так вот, дорогой старший инженер, под чьим-то «мудрым» руководством триммер руля высоты заработал... наоборот. Правда, очень эффективно... Хорошо, что этот самолет попался мне. Я-то быстро сообразил что к чему, а вот молодой мог кончить печально. Прямо скажем — оперуполномоченный такого случая не упустит, чтобы оп-

равдать свой паек. Так что — сора из избы не выносить. Разберемся сами и сегодня же.

Инженер сегодня же и доложит, что при ночном ремонте самолета техник Леонид Кравченко поставил катушку управления триммерами наоборот. Таким образом, при управлении из кабины появился обратный их эффект, то есть вместо облегчения действия руля высоты в заданном направлении, они неимоверно затрудняли, а то и делали его вообще невозможным.

Командир ограничился данным разговором, разбираясь с этим инцидентом, но старший инженер среагировал на него совсем по-другому...

Батя уделил еще несколько минут разбору воздушного боя с истребителями противника, позвонил на КП армии, дивизии и других полков, пытаясь узнать, нет ли вестей о Касимове, потом сказал:

— Все. Идем к техникам, механикам. Поговорим. Им всю ночь латать самолеты. Заодно глянем на технику и оружие, затем — ужин и — отбой. Завтра напряженный день.

Вышли из землянки. Но не сделав и десяти шагов, остановились в страшном изумлении: характерно гудя, шипя и светясь ярким пламенем, сорвавшиеся с одного из самолетов, восемь эрэсов летели прямо... на бензосклады БАО. Люди аж присели от ужаса — что будет?! Сейчас шарахнет по бензоцистернам!... Но слава богу, пронесло! Эрэсы перелетели склады и разорвались в каких-нибудь 250—300 метрах за ними.

Произошло же вот что.

Шла обычная подготовка самолета к завтрашним вылетам, в том числе проверка системы вооружения. Уже упоминавшийся раз оружейник Котюнин решил проверить электроцепь пуска эрэсов. Обычно на фронтовых аэродромах они отсоединялись от пиропатронов и сдвигались на направляющих вперед сантиметров на 20, а в кабине нажимали на кнопку пуска и проверяли срабатывание. На этот раз реактивные снаряды не были отсоединены и отодвинуты.

Котюнин нажал на кнопку пуска, они и полетели по курсу самолета и только по счастливой случайности разорвались за пределами аэродромных объектов. Seriously пострадал техник Василий Макаров. Он в это время производил осмотр управления самолета на левом крыле. Струя газов от реактивных снарядов перевернула его в воздухе несколько раз и отбросила от самолета метров на десять. Он был контужен, частично потерял зрение и

слух правой стороны. Слух восстановился (видимо, поврежденная барабанная перепонка срослась), а зрение правого глаза на всю жизнь осталось на уровне +0,2. Вот во что обернулась «маленькая» оплошность подчиненного, выполняющего опасные работы...

Феоктистов по-своему «оценил» этот факт:

— Здорово отсалютовали техники благополучному возвращению командира, да?

— Еще два-три таких салюта и не надо камуфляжа — одна равнина ляжет, — насупился Агрба.

— А «имениннику» негоже серьезничать, — вмешался Лозоренко, — тебя ведь сегодня Батя, считай, при всех наградил — «Славой» первой степени твою душу украсил...

ВЫЖИТЬ ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ?

7—11 августа.

Непробойные армады 4-й танковой армии немцев в дикой ярости рвутся к Сталинграду с юга из района Тинчута — Плодовитое...

Рано утром седьмого ушла на них группа из 16 Ил-2, в их числе Большаков, Окунев, Рытов, Борисов. Лозоренко, Феоктистов, Солей, Агрба и Шелопутнов вместе с 7 Ил-2 других полков остались в готовности № 2.

Солнце припекало. Летчики и техники, расположившись в тени фюзеляжей и крыльев, ждали сигнала к вылету.

Подошел техник по радио — Василий Манойло, обратился к летчикам:

— Товарищи летчики, разрешите проверить ваши шлемофоны и шнуры к ним, а то вот Брянкин жаловался, что не слышит радио... Оказалось — обрыв шнура.

— Валяйте... Толку-то? Все равно ничего не слышно. Один треск в ушах, ничего не остается, как выключить радио, — ответил Феоктистов.

— А может не всегда точно настраиваетесь, товарищ лейтенант?

— Допустим. Только, выходит, не я один, а весь коллектив...

— Так уж весь... Хотя, признаю, жалоб много, — невозмутимо сказал Манойло и, взяв шлемофоны, полез в кабину самолета.

— Со шлемофонами все в порядке, — вскоре не без торжествующих нот доложил он, — а вот настройка вашего приемника была сбита, товарищ лейтенант. Между прочим — это одна из причин «глухоты».

— Возможно, но это случайность. Перед вырубивани-

ем мы всегда проверяем настройку, как того требует инструкция, да и вы с начальником связи делаете то же...

И неизвестно, на сколько бы затянулся их словесный поединок, если бы тут не явилась их взору укладчица парашютов Нина Гавриленко... На фоне раскаленного фронтового аэродрома появление девушки показалось миражем — живительным глотком воды, так необходимым сейчас иссушенным зноем людям. Гимнастерка и юбка на ней притягательно подчеркивали красиво отточенный ее стан. Как влитая, ловко сидела пилотка, ничуть не мешая темным волосам, сплетенным в большие косы и прибранным клубком на затылке. Тонкие черты лица и спелый румянец наполняли сей образ незримым светом, от чего молодые парни, до краев наполненные могучей энергией, вмиг воспламенились...

Обращаясь ко всем сразу и не видя от застенчивости никого, она спросила:

— Если позволите, товарищи командиры, я произведу только внешний осмотр парашютов. Это по приказу выше... Там телеграмма пришла — в какой-то части у летчика не раскрылся в воздухе парашют...

— Пожалуйста, пожалуйста, товарищ... э, э, э — Ниночка, — поспешно ответил Феоктистов, — мой парашют в вашем распоряжении, можете проверить не только внешне, но и внутренне.

— Полную переукладку будем делать вечером, а сейчас вы в готовности... — все так же ответила она и направилась к самолету.

— Может вам помочь? — вскочил было Феоктистов и тут же сел — она ловко поднялась на плоскость: «Нет, нет, я сама!..»

Феоктистов обескураженно вздохнул. Киазим засмеялся:

— Эх, ты... «Ухажер-забава...»

— На себя погляди, — буркнул Феоктистов, — в глазах-то аж по стосвечовой лампочке зажглось... Вот бы сюда Светлану, она бы поубавила тебе фитили...

— Тут бы хватило работы и твоей красавице-жене. Имею в виду фитили... — с досадой отпарировал Киазим и лишь потому, что Нина ему действительно нравилась. Очень напоминала она Светлану. Особенно глаза: большие, темно-серые, распахнутые, казалось, в мир добра и доверия.

Вспомнился на секунду прощальный перрон и грустью омраченное лицо любимой. Захолонуло сердце от почти реального прикосновения влажной ее щеки... Киазим пос-

мотрел в небо. Высоко над ним купались в лучах восходящего солнца вечные, как жизнь, жаворонки. И снова болью стиснуло сердце: «Светлана. Где ты?»

Взмыла ввысь, рассыпаясь на тысячи мелких огней, и погасла белая ракета. Разом отрубил все мысли, кроме одной — «На взлет!»

* * *

«Как-то проведет сегодня бой Шелопутнов?» — засомневался было, но тут же упрекнул себя за недоверие Агрба, припомнив просветленного радостью Шелопутнова, вновь допущенного к полетам. А группа уже, оставив слева Сарпинские озера, легла на боевой курс в направлении на Плодовитое. Сейчас начнется атака. Агрба ведет последнее звено, в нем и Шелопутнов — вторым за Агрбой. Замыкает звено летчик 504-го шап Лагутин.

Ведущий группы сделал некрутые отвороты сначала влево, потом вправо и перешел в пологое планирование — сигнал перехода в атаку...

Агрба весь подобрался. Удивительное хладнокровие овладело им. И только когда перенес он свой взгляд на землю и различил врага — медленно и жарко стал распалать его нутро азарт охотника... «Ага, вот и они! Скопища серых квадратов с «хоботами». Видно, приготовились к броску на позиции наших войск». Плавнo маневрируя, Агрба «положил их на капот». Тщательно прицелился. Сбросил бомбы... Неотступно следуя за впереди идущими товарищами, мастерски и дерзко маневрируя меж прицельных огней батареи МЗА, он атаковал и атаковал врага эрэсами и огнем из пушек. Снаряды ложились точно, накрывая танки и автомашины фашистов. «Курорта захотели, гады?! Вот вам Кавказ! Вот вам Черное море! Вот вам и Волга, и Сталинград!» — приговаривал он и бились в его глазах все новые и новые взрывные огни, поражающие вражью технику.

На выходе из второй атаки он заметил... «худых» и кинулся первым им навстречу. Оказавшись на встречно-пересекающихся курсах, те нервно засуетились, явно не ожидая такой дерзости... И, не принимая встречного боя, резко начали разворот: первая пара — со снижением вправо, вторая — с набором высоты и влево. Значит, будут атаковать с задней полусферы.

Тем временем первые звенья Илов, отбиваясь на «ножницах» от четырех «мессеров», постепенно вытягивались в цепь оборонительного круга... Агрба бросил взгляд вперед: Лозоренко и Феоктистов энергично перекладывали

самолеты из крена в крен, защищая друг друга от неприятельских ударов. Вслед им, маневрируя, шел Солей. Заметив, как одна из пар заходит ему в хвост, Агрба стремительно бросает свой самолет на них... Грубая наводка. Отоны! Но в этот миг над самой его кабиной проскакивает шальная трасса... Резко толкнул самолет вниз и вправо. Нет — трасса-то не шальная... Вот и виновники — левее и выше проносятся «худые» — один, потом второй. А где его ведомый Шелопутнов? Он обернулся назад, но никого не обнаружил... И как бы не желая верить глазам, снова обернулся Агрба — неприкрытое защитой пространство зияло пустотой... Мелькнуло в памяти искаженное мольбой лицо Шелопутнова — «Поверьте, братцы, — не подведу!», вытеснило разом все подозрения, подумалось с горечью: «Подбили... Видно перестарался ты, Харитон...» Но уж новая атака на Солея прогнала все мысли, вернула к действиям... Быстро оценив почти безвыходную обстановку, он бегом огляделся, ища истребителей, но взгляд его вновь и вновь наткнулся на пустоту... «Эх, Яшки, Яшки... Где же вы — истребители прикрытия?! Эта последняя мысль Агрбы сопровождалась сильным рывком самолета, бросившегося на вырубку Солей!

Сверху саданул мощный снайп огня, чем-то шарахнуло по мотору. Тот зачихал, затарахтел, забился... Заплясали все приборы контроля винто-моторной группы, расплевывая язычки пламени, и те, врываясь в кабину, охватили колени его и руки. Самолет быстро снижался... Опустив очки на глаза, Агрба посмотрел вниз. Там шел бой, высота не более трехсот метров... Еще немножко бы протянуть! А мотор, захлебнувшись в последней агонии учащенных ударов, вмиг стих, задымил, наполняя кабину удушливым запахом, лицо ошпарило пламя... Все! Последние секунды отсчитывает тебе жизнь, Агрба. Но резким движением открыл он фонарь кабины, отстегнул привязные ремни, положил самолет набок и, вывалившись в открытое небо, мгновенно сорвал вытяжное кольцо...

* * *

А где в это время был Харитон Шелопутнов? Для ясности вернемся к началу первой атаки.

Увидев сигнал ведущего, Шелопутнов как бы застыл, пристально вглядываясь вперед и вниз на Агрбу, вокруг... Знакомое чувство суетливости (а попросту — трусость) охватило его, заполонило до краев, перекинулось в руки... Но недавнее и всеобщее презрение товарищей и главное —

их доверие (правда, выключенное им с большой затратой энергии), все это заставило его сейчас призвать свой пульс к относительно ровному биению.

Впереди шел Агрба — предмет его постоянной зависти, «возмутитель спокойствия», и от Шелопутнова (от его прикрытия с тыла) зависел намного сегодняшний бой Агрбы... Ничего, Шелопутнов не мелочный — великодушно забудет обиды и создаст ему условия для успеха... Может, тогда этот заносчивый выскочка, наконец, «прзреет» и многие свои слова возьмет обратно?

Шелопутнов, предвкушая такой вариант, даже улыбнулся, но руки его, скованные недавним страхом, все еще подрагивали...

Так что же такое — страх? Инстинкт самосохранения? Возможно, если безоговорочно верить Дарвину и причислять свои корни к основам животного мира, ибо инстинкт для последнего есть замена разума. И не от того ли животный страх лишен трусости? Рожденный на естественной природной опасности (страх перед клыками «сильного», страх перед голодом, затмевающим эти грозные клыки, страх за потомство и т. д.), он неподвластен законам логики, а единственно — законам выживания.

Иное дело — человек. Наделенный разумом, только он властен распорядиться им и только по своему усмотрению. Развращенный, к примеру, эгоизмом, мозг порождает мелкие, но «глубокомысленные» раздумья о собственной неповторимости, создавая себе тем самым комфорт души за счет тех, кто, по его «разумению», ниже его и не достойней. И прижившись накрепко к этому дутому комфорту, он, попав в экстремально опасные условия, пугается возможности утратить его, т. е. привычку к нему, названную жизнью. Ничто не связывает его с миром, кроме своего «я». Знакомо ли такому чувство альтруизма или хотя бы животного инстинкта сохранения потомства? Нет. Только одинокое «Я», за которым вакуум, заполненный страхом, породившим трусость.

Страх — чувство сильное и подвластно лишь глубоко-му разуму, впитавшему в себя высшую мораль: честь, совесть, долг, любовь к ближнему. Все эти понятия, как бы задвигая на второй план собственное «я», и рождают величайшее по силе чувство самопожертвования, вдребезги разбивающее страх.

Не из желания пофилософствовать затронул автор тему Страх, а от желания раскрыть суть ее, ибо таких вот «шелопутновых» — ярких представителей трусости — хватало в каждом полку. Это они, спустя годы, выжив-

шие за чужой счет, будут бряцать орденами «с убитого товарища», разглагольствуя о собственном «мужестве» и оплевывая при этом тех, кто по вине их трусости не вернулся с войны. И наш «уважаемый герой» останется в живых и почитаемых ветеранах...

Да настигнет его когда-нибудь совесть! Заглянет в душонку гневными глазами погибших и выстрелит в упор одним лишь словом — «Трус!» Только дети его и внуки пусть никогда не испытают позора за отца и деда, ибо позор этот — неискупаем. Именно поэтому автор изменил фамилию «героя», сохранив при этом суть его, характер и все им содеянное в скрупулезно хроникальной точности.

...Итак, Шелопутнов приготовился к атаке... Отдадим ему должное — был он на этот раз искренен в своих намерениях. Презрение товарищей, надо сказать, не очень-то задело гордость его и достоинство (их в нем просто не было), но грозило нарушить тот самый «комфорт», утратив который, остался бы он «голым, на голой земле», ибо эгоист всегда обречен на одиночество. И хочешь не хочешь, надо было добывать утерянные «лавы», иными словами, отработать честно хотя бы один боевой вылет...

И словно испытывая его решимость, окропилось небо огненными мазками, размело, рассыпало по воздушной среде черные легковесные кругляшки, и те, разметавшись в дымные лохмы и сколотившись в бесформенные облачка, предстали вдруг ошарашенному взору Харитона страшными ядовитыми щупальцами, направленными только на него... Куда уж тут до храбрости... И сердце его, вмиг позабыв все клятвы, ровно побитый пес с поджатым от страха хвостом, ринулось в поиск спасительной конуры... Дрожащими руками бросил он самолет вправо вниз, потом сразу влево вверх. Метался, как ужаленный, беспорядочно шайтанил. И шарахался от него, как от огня, не ожидавший такого «маневрирования» и шедший вслед за ним Лагутин... В конце концов, он был вынужден занять, чтобы не столкнуться, более увеличенную дистанцию и следить больше за ним, чем за воздухом и землей.

Но вот Шелопутнов заметил, как слетели бомбы у впереди летящих самолетов и без всякого прицеливания — куда попало — сбросил и свои... Он давно растерял ориентиры и не знал, над какой точкой находится и какой маневр совершает группа, но, видимо боясь оторваться, кидаясь беспорядочно из стороны в сторону, все-таки следовал за ней.

А группа вновь пикирует. За ней и Шелопутнов. У Агрбы слетели эрсы, и он нажал на кнопку пуска РС...

Группа стала выходить из атаки, и в это время четверка «мессеров» на попутных курсах накинулась на первое звено, другие две пары, развернувшись градусов на 120, на встречно-пересекающихся курсах, нацелились на последнее звено. Харитон заметил это, как ни странно, сразу — «худые» уже собирались в удобную позицию для атаки...

Если немедленно принять бой, надо идти за Агрбой или, резко развернувшись, выскочить навстречу «худым» чуть правее Агрбы и тогда.. Но руки-ноги сковало неведомой цепью, тело затрясло... В лихорадочной горячке замелькали мыслишки, одна гнусней другой:

«Выскочить наперерез, значит подставить себя под удар второй пары, а нет — Агрбу атакуют все четверо... И черт с ним! Этот «Кацо» настырный, верткий и везучий. Выйдет из любого положения, а если и сгорит — значит судьба... Не лезь на рожон — целее будешь!!! — Видимо, эта последняя мысль, адресованная самому себе, и направила его ошалелый взор вниз на зеленый покров земли. Как по заказу раскинулась там спасительная роща. Туда! Только туда! На бреющем... Надо незамеченным выйти из зоны боя и огня». И он резко, со снижением пошел влево, к заветно манящим густым и надежным покровам рощи. Пульс его сразу пришел в норму, руки приобрели уверенность, мысли уgomонились, заработали четко, отрабатывая версию: «Захваченный боем ничего не видел справа, а, заметив слева первую четверку, увлекся ими...» Все. Точка. Попробуй докажи обратное. И тут только вспомнил о полном, неиспользованном боезапасе стрелкового оружия. И с ходу сработала мысль выпустить все снаряды по... озерам. Так и сделал: спланировал над озерами и дал длинную очередь одновременно из всех пушек и пулеметов. Теперь надо оттянуть время, сделать пару кругов, чтобы выждать, когда группа, закончив бой, ляжет на обратный курс. Тогда можно пристроиться к ней сзади и вместе прийти домой...

Он машинально посмотрел назад и... передернулся в страхе — за ним неотступно шел верный долгу Лагутин. Честный и добросовестный летчик — он точно выполнял строгую фронтовую заповедь: «Ни при каких случаях не бросай своего ведущего...»

* * *

Парашют раскрылся почти у земли, а на ней... танк! Агрба едва успел соскользнуть и шлепнуться рядом с ним.

Оглянулся и обмер... Танк слева, танк справа, танк впереди и сзади! И все они в движении! Чьи? Что происходит? Пригляделся я — слава Богу! На их башнях горит... Красная Звезда! Значит, наши. Танковая контратака! А земля под ногами стонет, дрожит, вздымаются султаны земли, дыма, отовсюду грохот, лязг, скрежет... Увидел воронку, кое-как добрался до нее и, скатившись на дно, стянул туда полностью и парашют. Отдышался. Лицо заметно саднило.

Перчатки обожжены, особенно с тыльной стороны. Осторожно снял их — руки сильно покраснели, но кисти двигаются, пальцы шевелятся нормально. Ноги работают, только тупо ноет бедро. «Легко отделался», — решил он. И почему-то вдруг вспомнился дед, упавший когда-то с орехового дерева в своем саду и долго носивший потом серьезные ушибы тела и поврежденную ногу. «А я сейчас падал с двухсот метров и почти ничего, — удивился он, — хотя у многих при таких прыжках не успевал раскрыться парашют...»

Сильный взрыв где-то недалеко потряс землю, прижал его ко дну воронки. Но ненадолго. Любопытство взяло верх. Он привстал, желая разглядеть округу, и застыл... в небывалом изумлении: навстречу друг другу, изрыгая на ходу огонь и дым своих раскаленных «хоботов», неслись железные чудовища. Казалось, из пыли, дыма и смрада соткан был воздух. Сухая земля растрескалась, ошестинилась, выбрасывая из чрева обожженные, изорванные куски своей плоти, поднятые на дыбы кровавой бойней. И в яркой, бесовской пляске огня то тут, то там загорались танки. «Кресты» и «звезды» — все перемешалось, потонуло в диком скрежете, рычании, слилось в единый, дышащий огнем, стальной хаос. И в этой кошмарной переплавке живых тел и железа почудились вдруг Агрбе людские голоса... И действительно, вслед за танками прямо на него и мимо бежали пехотинцы: винтовки наперевес, штыки примкнуты. Впереди — лейтенант. Он что-то кричал, размахивая пистолетом, и казался маленьким по сравнению с рослым сержантом, вышагивающим рядом. И бежали, бежали солдаты... Юные, дерзостные, одержимые благородной местью, казалось, могли расплавить любую вражью броню...

— Вперед! За Род-дину!

Это шел в атаку батальон курсантов Пермской авиашколы, срочно брошенный на выручку защитникам Сталинграда.

Кязим выхватил из кобуры пистолет и, подхваченный

общим порывом, побежал рядом с сержантом. Тот, мельком оглядев его, прокричал в самое ухо:

— Требую — остановись! Уходи на свой аэродром и бей гадов с воздуха!

— Ошибаешься, браток! — крикнул в ответ Агрба, — везде сподручно гада бить!

Сержант вдруг засмеялся:

— Чую брата по крови — я ведь тоже военный пилот!

И улыбка враз погасла... Что-то упругое сотрясло Киа-зима, и он рухнул в черную бездну...

* * *

Шелопутнов как задумал, так и поступил. Когда группа на обратном маршруте делала разворот над Сарпинскими озерами, он пристроился к ней и как ни в чем не бывало последовал на аэродром... Еще в воздухе заметил нехватку трех самолетов, среди которых не было и Агрбы... Нет, гибель товарища не вызывала у Шелопутнова радостных чувств, но отсутствие свидетеля (чего уж греха таить!) вселяло в него прежнюю самоуверенность, дарило любое, сколько-нибудь правдоподобное алиби на все случаи боя... Оставалось кое-что уточнить:

— Борис, — обратился он к Лозоренко сразу же после посадки, — мы с Лагутиным закрутились в бою и потеряли Агрбу. Ты не видел его?

— Я-то видел... А вот чтобы не увидел своего командира и непосредственного ведущего его ведомый, понять трудно!

— Не дави на «хвост», — обиделся Шелопутнов, — во время атак наземных целей мы неотступно следовали за ним, а когда пара «мессеров» атаковала его справа, — кинулись навстречу им, ввязались в бой и потеряли его и всю группу. Дрались с «мессерами» одни, самостоятельно...

— Ладно. С подробностями боя разберемся позже. А что касается Агрбы... Впрочем, как бьется Агрба с врагом, тебе, как и каждому, известно, а вот куда он приземлился, прыгнув с горящего самолета на парашюте, хотелось бы знать и мне. Одно знаю — в расположение каких-то войск...

Сообщение Лозоренко укрепило надежду на версию «непогрешимости», но упрек его обеспокоил. Надо было срочно «обезвредить единственно живого свидетеля». И, не мешкая, Шелопутнов побежал к Лагутину...

Застал он его явно удрученным, обескураженным. Он, словно прячась от людей, стоял за капониром своего са-

молета и, часто и глубоко затягиваясь махрой, разглядывал, казалось, пустоту.

— Ну, орелик, спасибо! Хорошо держался, не бросил меня. Как самочувствие, настроение, все ли в порядке?— с наигранным оживлением спросил Шелопутнов у молодого летчика, своего временного напарника.

Тот угрюмо ответил вопросом на вопрос:

— А у вас все в порядке? И настроение отличное?!

— Ты это о чем? — с деланным удивлением процедил сквозь зубы Шелопутнов.

— Все о том же... После второго захода мы откололись от группы, фактически оказались вне боя и... и... вели огонь... по лягушкам.

— Не сгущай. Оплошка вышла... В бою всякое бывает. Да ничего и не произошло... Ты же видел — стремясь отбить атаку «мессеров» по впереди идущим самолетам, мы отклонились от группы. Да... далековато. Потому и потеряли ее... Старались найти, но не сумели сразу. Только и всего. Так и скажи, если спросят. Договорились?

— Извините, но я скажу, как было — по совести скажу...

— Эх, «молодой»... О тебе ведь пекусь. Схлопочешь кучу неприятностей, «лягушатником» прослывешь...

— Пусть. Зато открыто и честно буду смотреть в глаза товарищам.

— Пока тебе их не захлопнут... Ты слышал о таком полевом учреждении — «Особый отдел»? Тебя же первого обвинят. Пришьют, чего и не было... А в данном случае — факт налицо! Почему не вышел вперед и не повел Шелопутнова к группе?

Лагутин, неискушенный и в чем-то еще совсем наивный летчик, стушевался.

Шелопутнов, видя это, обнаглел:

— То-то, молчишь. Ну, а если по-свойски, по-братски — почему не вышел вперед? Сдрейфил? То-то. Да ты не бойсь — Шелопутнов не продаст. Но и ты помалкивай, если летать хочешь и в боевых летчиках ходить...

Тяжелое зрелище представлял сейчас собою Лагутин — ровно юное, некогда крепкое дерево, погибающее теперь от безводья, сник он под тяжестью подлости, прикрытой командирскими знаками различия. И понимая всю безысходность своего положения, он тихо сказал:

— Обещаю — буду молчать. Но... прошу вас, товарищ старший лейтенант, если придется идти в бой в одном

строю, не соглашайтесь быть моим ведущим. Я же со своей стороны сделаю все, чтобы не стать вашим ведомым.

* * *

Подвели итоги боевого дня. Командир дивизии не стал доискиваться причины, как и почему был подожжен самолет Агрбы — в сталинградском небе такое случалось сплошь и рядом. Но командира полка она насторожила, и он на полковом разборе в упор спросил Шелопутнова:

— Почему Агрбу оставили без прикрытия?

Шелопутнов повторил отработанную версию.

— Но ведь отбив атаку «мессера», вы должны были немедленно занять свое место в строю, — упорствовал командир.

— Так точно. Но сразу же последовала вторая атака, — не моргнув глазом, заявил Шелопутнов.

— Могло такое произойти? — обратился командир к Лозоренко.

— Вообще-то могло, группу, как я заметил, атаквали одновременно четыре пары. Однако и после второй атаки он мог и должен был вернуться в строй.

— Что на это скажете, Шелопутнов?

— Только так... Но мои попытки найти группу ни к чему не привели.

— Атаквали всех летчиков и не по одному разу. Тем не менее они стойко держались в боевом порядке группы.

— Не у всех одинаково складываются обстоятельства боя. У меня получилось так, как я изложил...

— Да, сложиться может по-всякому... Бой есть бой. Но все же... Я не теряю надежды на возвращение Агрбы, очевидно, его слово будет решающим. Да и Лагутин внесет ясность.

Надо сказать, что Лагутин в данный момент отсутствовал. Очередной вылет для него оказался более чем неудачным — самолет его подбили, и он был вынужден сесть в 20-ти километрах южнее аэродрома.

Тщательному анализу были подвергнуты ход и результаты третьего боевого вылета этого дня. Командир подчеркнул слаженность и упорство в оборонительном бою с истребителями противника всей группы, в результате чего они вернулись без потерь. Особенно отметил решительные и умелые действия Большакова, Лозоренко, Брянкина и Солея. Далее он сказал:

— Мы не раз говорили о чувстве долга и ответственности за порученное дело. Особо хочу выделить вопрос

о гордости за высокое звание вооруженного защитника Родины вообще, воздушного бойца в особенности, бойца, воина 568-го шап в том числе. Может быть кому-то и неизвестно это высокое и благородное чувство, такого прошу вспомнить об элементарном самолюбии и сделать все возможное, чтобы не уронить чести и имени воина 568-го шап как в воздухе, так и на земле. Не допустить ничего, что могло бы опорочить эти святыя понятия в глазах летчиков и всех авиационных специалистов других полков, памятуя, что в этих тяжелейших испытаниях, тем более сейчас, когда работаем вместе, каждый виден, как на ладони. На сегодня все свободны. Прошу хорошо отдохнуть. Завтра день жаркий, с большой нагрузкой для каждого. Придется поработать и за тех двоих, кто временно вышел из строя...

Кроме Агрбы пострадал и Феоктистов. Ему удалось привести и посадить изрядно потрепанный самолет, но оказался раненым и сам.

СИЛЬНЕЕ ТРИБУНАЛА?

Летчики пришли на ужин. Официантка Люся принесла стопки, полные водки, и стала ставить их перед каждым. Когда же дошла до пустых мест Агрбы и Феоктистова, остановилась в нерешительности... Она обычно строго соблюдала неписаный закон, существовавший на всех фронтах: если летчик погиб, стопка ставилась перед его стулом, если подбили и сел вынужденно, береглась до возвращения. Сейчас Люся, настороженная и грустная, вопросительно смотрела на сидящих...

— Стопку Сережи отнесите в лазарет, а как поступить со стопкой Киазима, сейчас мы узнаем, — решил Спорышев и обратился к летчикам:

— Скажи первым ты, Борис.

— Не ставить.

— Ваня?

— Не ставить.

— Виктор?

— Не ставить.

— Паша?

— Не ставить.

— Саша Брянкин?

— Не ставить.

— Саша Рытов?

— Не ставить.

— Харитон?

Через некоторую паузу, словно жуя мякиш:

— Как все...

— Коля?

— Не ставить.

— Толя?

— Не ставить.

Опросив всех присутствующих, Петр Иванович сказал:

— Вот, Люсенька, выходит — жив Киазим и может вернуться в любое время. Так что прячьте-ка стопку до его возвращения.

Свет надежды и радости озарил Люсино лицо. Только глаза Шелопутнова заматались по стенам, словно стараясь разглядеть сквозь них истинное положение дел... Товарищи это его смятение заметили, но не показали вида.

Ужинали молча: надежда надеждой, а пустой стул Киазима ранил душу. И, неуместным для такой минуты, всплывало в памяти живое его лицо, темные глаза, в которых всегда смеялось солнце, и громкий, простором напоенный голос словно наполнял всю землянку:

Наш острый взгляд пронзает
каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью
одет.

И верьте нам: на всякий
ультиматум
Воздушный флот сумеет дать
ответ.

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц

* * *

Киазим очнулся от давящей могильной тишины. Где он? Что с ним?

Медленно приходя в сознание, стал восстанавливать память... Пошевелил конечностями — послушны. Повернул голову — нормально. Решил подняться — боль резанула по бедрам, разлилась по телу, приковала к земле. «Ничего, дружок, терпи, поднимайся...» — приговаривал Киазим, делая немалые усилия, чтобы встать. Наконец выпрямился, сделал несколько шагов. Боль из режущей перешла в тупую, словно ржавым тесным обручем опоясав оба бедра... А тишина стала злобейшей.

— Эй, есть кто? — крикнул Киазим, но еле-еле различил свой голос. Крикнул громче — то же самое... «Похоже — контузия...» — заключил он и осмотрелся. Невдалеке от него простиралось поле, пшеничное, звонкое, золо-

тое. Приглушенное сиянием вечернего солнца, оно то взблескивало, то темнело, создавая мираж ласковых морских волн, волшебнo манило к себе, завораживало. Киазим заволновался — родная земля (как некогда чудо-герою) возвращала теперь и ему утраченную было силу и энергию, звала его к жизни, к борьбе за нее.

Поле манило. И возрожденный, он напрямки пошел к нему, предвкушая запахи спелого колоса, ещё теплой земли и покоя, так необходимого ему после всех испытаний. Однако, чем ближе подходил он к полю, тем стремительней исчезал его волшебный мираж, а вкоре и вовсе погас, рассыпался в прах, представив взору его жуткую обезображенную картину. Изрытое, взрыхленное взрывами, искромсанное зубчатыми гусеницами танков, как распятое, лежало оно. Душно и чадно курились догорающие танки. И тела... В самых неожиданных позах, в каких только застала их смерть. Тела, тела, усыпавшие собой все поле... Впилась, ужалила висок больная воспаленная мысль, воскресила на миг всех убитых и те — крепкие, молодые поднялись над колосьями, засверкали улыбками, отточенной косой, а то и отжившим свое серпом. Целая армия плечистой, загорелой молодости шла на добычу хлеба и счастливой жизни...

Едкий дым ударил в лицо, развеял видение. Тихо лежало мертвое поле, пытаясь обугленным колосом прикрыть напоследок сынов своих...

— Дай силы и терпения, родная земля! — прошептал Киазим, сжимая до боли в кулак обгорелые свои пальцы. — Только бороться, бить без пощады гада!

Он снова огляделся — живых не было. Да, успех нашей контратаки добылся дорогой ценой.

Осматривая местность, он вдруг наткнулся взглядом на человека крупного телосложения. Тот бездыханно лежал на животе. Агрба нагнулся и бережно повернул его на спину.

«Да это же он, тот сержант, курсант авиашколы, недоучившийся пилот!» Глядя на безжизненное тело недавнего богатыря, своего минутного попутчика, Агрба никак не мог взять в толк, что того уже нет — «Слышь, браток... Откликнись. Вот я тебя сейчас на закорки возьму... В санбат пойдем...» — все уговаривал он его и не заметил, как подошла крытая машина. Вышли солдаты с санитарными сумками и носилками. Во главе их худощавый военфельдшер. Выгоревшая добела гимнастерка с двумя кубарями висела на нем мешком. Главным же его качеством, очевидно, была невозмутимость. Так, при-

существование военлетчика на сухопутном поле ничуть не удивило его. Выслушав «историю болезни», он со знанием дела прощупал его бедра, обнаружил осколки в мякоти левого бедра и, заявив, «в рубашке родились, батенька», намеревался, видимо, задержать его в медсанбате. Агрба возразил, к тому же осколки уже были удалены, раны перевязаны. Однако военфельдшер невозмутимо заявил:

— В медсанбат. Еще одна перевязка обязательна.

Подобрали тяжелораненых и тронулись в путь. Агрба, понятно, был очень рад и тому, что удачно совершил прыжок, и тому, что раны оказались легкими, но тягостное чувство не давало покоя, смутно и тревожно скребло под сердцем.

По дороге мчались автомашины с людьми и с орудиями на прицепе. Повсюду на обозримой местности, щедро залитой лучами уже склонившегося к закату дневного светила, виднелись следы отбушевавшего боя — «Живые, плодоносные еще вчера поля, превращенные сегодня человеком в кровавый пустырь с названием — территория».

В медсанбате Агрба задержался недолго и, лишь переступив его порог, ощутил себя всерьез свободным.

Сотни автомашин различного назначения сновали к фронту и обратно в тыл, и Агрбе не стоило большого труда на попутно-перекладных добраться к рассвету до дома.

Летчики только проснулись, и Агрба в их полусонных глазах застрял, видно, счастливым видением. Но вскоре, облапив его с шумным восторгом и радостью, убедились в желанной реальности.

Один Шелопутнов, явно растерявшись от неожиданности, замешкался, но все же нашелся, радушно поздоровался, хотя и с некоторой задержкой...

Рассказав друзьям о своих злоключениях, он побежал на КП... Командир полка беседовал со старшим инженером. Агрба не успел рта раскрыть для доклада, как командир кинулся ему навстречу, сжал в своих мощных объятиях и крепко поцеловал.

— Ну, докладывай что к чему?! Надеюсь, не машина подвела?

— Машина — молодец, тянула до последнего, чтобы наверняка перекинуть к своим, — ответил Киазим и подробно доложил об остальном. В конце попросил:

— Разрешите, товарищ майор, поговорить с Лагутиным. Думаю, обстановка прояснится...

Командир разрешил.

«Шелопутнов и Лагутин. Куда они подевались после нападения «мессеров»? Неужели?...» Эти вопросы постоянно мучали Агрбу. Нужна была ясность.

Он решил сначала поговорить с Лагутиным, а уж потом и с Шелопутновым. Вот почему, попросив разрешения на это у командира полка, он сразу же направился на КП 504-го шап. Лагутина нашел сразу. Тот при виде Агрбы до того обрадовался, что не смог даже совладать с руками, пытаясь все дотронуться до него — убедиться на ощупь, что тот жив.

— Живой, как есть живехонький! — словно всхлипывал он, переполненный счастьем, и можно было только догадываться, что пережила эта юная и честная душа. — А я уж думал — все! Это когда вас зажали «мессера»... — и он рассказал обо всем без утайки. Потом задумался, вздохнул:

— Скользкий он, не ухватишь... И в боевом порядке специально шайтанит, чтобы отпугнуть свидетеля. Вы, конечно, товарищ лейтенант, выведите его на чистую струю, но... Он ведь на меня все свалит. Уж обещал. Только не подумайте, что трус: трибунала я не боюсь, а вот если от полетов отстранят...

Да, положение было явно двусмысленным: предав огласке гнусный поступок Шелопутнова, Агрба невольно ставил под удар Лагутина — совсем еще неопытного, не умеющего себя защитить, молоденького мальчика, назначенного уже Шелопутновым в жертву... Но и молчать о подлости было бы преступно. И Агрба решил свести все это к частному разговору... Задержав Шелопутнова в землянке-общежитии в момент, когда она была пуста, и еле сдерживая негодование, он спросил его:

— Ну как, по-вашему, слеталось вчера?

— В основном неплохо, если не считать отдельных шероховатостей, — как ни в чем не бывало ответил он.

— Ну, а как понимать, Харитон Мамонович, что в момент нападения «худых» группа осталась (я не говорю уж, что и я неожиданно остался без прикрытия!), именно группа, вся группа осталась без вас, замыкающих, следовательно, прикрывающих группу с задней сферы?

— Товарищ лейтенант! Это что — допрос?!

— Это не допрос, а вопрос. И не мой, а командира полка, который он задал мне сегодня по прибытии и ждет от меня ответа. В этом вылете вы были моим ведомым, то есть подчиненным, а я вашим ведущим, то есть коман-

дилом звена, следовательно, ответственным за все звено, за вас в том числе.

С меня спрашивают за все, и я хочу знать, почему в самый важный и опасный момент покинули свои места мои подчиненные — замыкающие группы. Надеюсь, вы это понимаете, поэтому отнеситесь к моим вопросам как к должному и помогите выяснить истину. Это нужно не только для формы, то есть для доклада командованию, а для того прежде, чтобы не допускать дальнейших ошибок.

— Понимаю, товарищ лейтенант, но никаких умышленных действий во вред группе я не допускал... — и он точно воспроизвел отработанную версию, которую навязывал Лагутину и с которой выступал на разборе. И снова цинично растянул губы в улыбке:

— А что собственно особенного? Вы ведь не мальчик — знаете, что в бою бывает всякое...

— Значит то, что из-за образовавшейся брешки потеряно три самолета и двое летчиков безвозвратно, — это естественно?!

— Основная причина наших потерь — внезапное нападение превосходящих сил воздушного противника. Зачем надо было лезть на рожон? Ведь налетела целая стая фашистских стервятников! Нет, нашим соколам приспичило идти на третий и четвертый заходы на цель, хотя и безопас-то к этому времени был почти израсходован.

Агрба побелел, но снова сдержался:

— Вижу, опять возвращаетесь к своим старым «песням»... Но вам, как грамотному летчику, стыдно не знать, что именно такая обстановка требовала слаженных действий всех летчиков, при сохранении своего места в строю каждым из них; к тому же почти весь боекомплект пушек и пулеметов еще не был израсходован и его надо было обязательно использовать для уничтожения врага. Люди рисковали жизнью, а не играли в военные стрельбища. Неужели вам и это не понятно? Спросите пехоту, танкистов, артиллеристов — что для них наша поддержка с воздуха?!

Шелопутнов, успокоенный тоном Агрбы, снисходительно поигрывал глазами. — «Мели, мол, Емеля...» А вслух, однако, подобрал слова построже:

— Эмоции, товарищ лейтенант, поберегите для девушки, а на поле боя надо разумно учитывать конкретную обстановку. Что же касается моих действий — повторяю вам в последний раз, — отходил от группы вынужден-

но, отбивая атаку «мессеров» и с намерением снова занять свое место. К сожалению меня увлекли...

— Такого опытного летчика, как вы, и вдруг «увлекли?» — Теперь уж с недобрый подвохом улыбнулся Агрба. — Да еще так, что вы даже забыли «разумно учесть» интересы всей группы? А вот Лагутин не видел никаких «мессеров», от которых, по вашему утверждению, вы отбивались. А он только возрастом молод, в боях же показал себя наблюдательным и честным. И зрение у него стопроцентное...

— Как вы смеете?! Это... это поклеп! Поверить какому-то мальчишке! Это травля, гонение! — заорал Шелопутнов. Круглые глаза его вот-вот, казалось, выскочат из орбит, лицо покрыто красными пятнами. — Чего ты хочешь от меня?! — перешел он вдруг на змеиное подшептывание. — Нет, это так просто не пройдет тебе — кончится плохо... Это я тебе обещаю! И Лагутин — дефективный лустобрех, свое получит, и ты в накладе не останешься. На рыцаря выслуживаешься, предатели!

Агрба качнулся, как от удара — так ему показалось... На самом же деле он стоял как и прежде — твердо, спокойно и слова его были такими же:

— Предатель тот, кто бросает товарищей в беде, кто берет на душу их смерть и подбитые самолеты, их раны и обгорелые руки... А если он еще при этом свое «почетное» звание «предатель» хочет навесить на честных людей, то они, эти честные люди, заставят его раскаться в содеянном...

— Уж не хочешь ли ты избить старшего по званию? — выпятил себя вперед Шелопутнов.

— Рук марать не стану — с мылом напряженно, — все еще сдерживаясь, ответил Агрба, — а вот извиниться придется...

— Это за что же? Никак — за «предательство»? — заородствовал Шелопутнов.

Накал гнева, так долго сдерживаемый Агрбой, неукротимо выступал наружу:

— За предательство не извиняются, а платят кровью, и это вам еще предстоит... А вот за оскорбление товарищей, за мое, лично, извинитесь и немедленно.

— Ха-ха! Может, еще на колени перед тобой бухнуть-ся?..

— Последний раз спрашиваю?!

— Да пошел ты...

Сноп ярости мелькнул в глазах Агрбы. Мускулы набухли, заходили под гимнастеркой, ощутив вес Шелопут-

нова — это Агрба, схватив его за пояс и подняв над головой, потрясая им, как мешком с отрубями, внушительно спросил:

— Так будешь извиняться, гнида?

— За что? — простонал откуда-то сверху Шелопутнов.

— За подлость свою и низость! За оскорбленных товарищей и лично меня...

— «Трибуну» мне ленишь?.. — сипло взвизгнул Шелопутнов. Но получив в ответ такое потряхивание всех своих «деталей», особенно головы, болтавшейся туда-сюда, как маятник, завопил истошно:

— Что ты, что ты делаешь?! Отпусти! За честь мундира знаешь что бывает...

— Я вот тебя сейчас вытряхну из мундира, а вместо чести у тебя одна дырка зияет, — прямо-таки гаркнул Агрба, — беги тогда голый, жалуйся... — и так тряхнул Шелопутнова, что тот взмолил о пощаде:

— Ну ладно, это же неумышленно... Ну, извини...

— Без «ну»!

— Ну хорошо, хорошо. Прошу извинить меня, товарищ лейтенант.

— Будешь убегать с поля боя, бросать товарищей?

— Никогда. Клянусь...

— Будешь преследовать Лагутина?

— Слово командира — не буду...

Агрба поставил его на пол, бледного, с лицом, искаженным страхом: бегающий его взгляд все еще искал в пустых стенах спасения, но так и не найдя его, сник.

— Извинение принимаю, — выдерживая спокойствие, сказал Агрба, — но запомните: «Если плюнешь в народ — ничего ему не будет, в крайнем случае оботрется, а вот если народ в тебя плюнет — утонешь в море его плевка, т. е. гнева».

Шелопутнов резко повернулся и зашагал прочь. Сумрак неосвещенной землянки скрыл его обезображенное злобой досадой лицо...

Самочинство в армии — вещь недопустимая, тем более в душевном уставе Агрбы. Но именно этот его внутренний устав и не позволял ему так просто перечеркивать биографию человека: куда сподручнее было передать дело Шелопутнова в трибунал, тем более что таких «славных дел» за ним числилось немало, но Агрба предпочитал бороться за человека до последнего. Правда, данный эпизод не имел назначения «борьбы за человека». Все произошло произвольно и было продиктовано разнузданной наглостью одного и естественно ответной реакцией

другого. Но и здесь не личными амбициями руководствовался Агрба, а уязвленностью за честь товарищей. И так велик был и искренен его гнев, что произвел на этот раз серьезное впечатление на Шелопутнова. Так или иначе, но после этого случая он без заметных проявлений «заячьей души» совершил два боевых вылета, но на третьем был подбит и произвел вынужденную посадку на территории, занятой противником...

Но для Агрбы, к сожалению, этот наземный инцидент не прошел бесследно. От сильного напряжения мышц раскрылись и стали кровоточить раны, опухли, заволдырились обожженные руки и пришлось лечь в лазарет. Кстати, в ту же палату, где находился и Феоктистов.

КАКИЕ ЖЕ ОНИ МОЛОДЦЫ: ИЛ-2 И ЕГО ТЕХНИКИ!

Между тем полк продолжал наносить ощутимые удары по мотомехколоннам 4-й танковой армии. Восьмого августа летчики дважды поднимались на выполнение боевого задания. Группа под началом Большакова без потерь вернулась домой. А вот второй группе сильно не повезло.

После жестокого боя в том же районе Плодовитое не вернулись сташий лейтенант Окунев и сержант Баранов. Окунев еще, возможно, придет, а вот двадцатилетний Саша Баранов — никогда. И мать его, Наталья Михайловна, проживавшая в деревне Воскресенск Краснополянского района Московской области, вместо долгожданного письма от ненаглядного сына получит страшную бумагу — «похоронку» и всю жизнь будет помнить это легендарное слово «Сталинград», ужасаться, трепетать и поклоняться ему в одно и то же время.

Полк потерял двух своих прекрасных воинов, а вместе с ними — еще две единицы боевых самолетов, и без того испытывая острый их недостаток.

Что только не делал техсостав для пополнения и поддержания боеготовности самолетного парка! На какие только ухищрения и премудрости ни шли люди, день и ночь латая безнадежно, казалось, потрепанные в боях самолеты, с риском для жизни подобранные в прифронтовой полосе, а то и прямо на поле боя.

Неизвестно, кем из доморощенных поэтов были сложены тогда и были в ходу такие куплеты:

Вышли в степь Донецкую
Техники пригожие,
И творили же они —
На чертей похожие —

Дела молодецкие.
Был там Саша Акимов
И Геннадий Путинцев,
Мастера красть самолеты
Из-под носа фрицев.

Вершили эти чудеса и Иван Семико, и Александр Павлов, три Николая — Белоусенко, Ефимов и Косенко, три Василия — Манойло, Цветков и Макаров, два Константина — Дегтярев и Смирнов, Владимир Антонов и Федор Кольцов. Помогали им механики Егор Донской, Яков Нефедов, Гавриил Хорошовин, Михаил Ляпаев, Вербицкий, Бахшин, Квасных, Гольц, Николай Бугаев и Бутрем, Иван Горшков, Петр Соловьев, Юрий Лушников и Воронин, Викентий Белецкий, Дмитрий Крисько и многие другие мастера своего дела.

Благодаря их нечеловеческим подчас усилиям, техника и оружие никогда не подводили в бою и поддерживался максимально возможный самолетный парк. Старший инженер дивизии неоднократно подчеркивал, что их полк всегда имеет исправных самолетов больше, чем соседний. Что и говорить — только Силе, Отваге и Дерзости по плечу было такое.

Однажды, к примеру, команда Акимова в составе Хорошавина, Донского, Нефедова и других (всего 6 человек) в районе Песковатки из-под обстрела вражеской артиллерии вытащили целехонький самолет. Но при осмотре обнаружили, что двигатель пробит бронебойным снарядом и заклинен. Невдалеке (но тоже в зоне воздействия вражеских орудий), находится второй самолет. Дождавшись наступления темноты, техники, несмотря на огонь противника, вырвали-таки и этот самолет. Правда, он был так сильно избит, что ремонту не подлежал, однако двигатель был невредим. Сняв его тут же на месте, они с помощью танкистов погрузили его на машину, к которой был прицеплен и первый спасенный самолет, и привезли на аэродром. Затем из двух негодных сделали один исправный, и он успешно совершил боевой вылет. Правда, после второго сержант Куликов грубо посадил его в сумерках. Был деформирован центроплан, образовалось обратное «V» крыла. Инженер проверил его нивелировку. Она имела некоторые отклонения от нормы, но симметрия не была нарушена. Командир полка, рискуя лично, облетал его и, надо же, — самолет в воздухе держался очень устойчиво. Вообще ему здорово повезло — он эксплуатировался до ухода полка за пополнением. Это лишь один случай, а из таких состояли сутки, недели, месяцы...

Терпеливый и выносливый Ил-2 был подстать своим опекунам — с терпеливостью их и двужильностью могли действительно потягаться только черти... Недаром полковые поэты их так и окрестили.

Вездесущие, выносливые, лишённые чувства страха, усталости, голода, они вызывали недоумение даже у весьма искушенных людей, прошедших тяжелейшие жизненные испытания. Не нашёлся такой художник, чтобы запечатлеть хоть миг той адской работы. И красок таких не придумали, где лучи благодатного солнца превратились в напалм, где жжет, дочерна охлестывает тело бездыханный, удушающий суховей, где губы людей потрескались, ровно иссушенная земля, а белки глаз стали красными.

Люди валились с ног и... вставали. И снова, и снова шла работа. Полк воевал.

«САМ ПОГИБАЯ — ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЯ»

С девятого по одиннадцатое августа полк поддерживал войска генералов Толбухина Ф. И. и Чуйкова В. И., наносивших контрудары по 4-й танковой армии немцев, заставив их перейти на время к оборонительным действиям.

Громили с воздуха и 6А фашистов, с седьмого августа возобновившую мощное наступление против нашей 62-й армии.

— Работали изо всех сил, вылетая порою по три-четыре раза в день. Отличились в эти дни летчики Большаков, Спорышев, Кулаков, Лозоренко, Рытов, Брянкин и Солей. Все вылеты были сопряжены с преодолением яростного сопротивления воздушных и наземных средств ПВО противника и требовали высокого боевого мастерства и мужества. Тем не менее, наиболее примечательным, пожалуй, следует считать два из них.

Первый — 12 августа.

Полк вместе с другими частями дивизии наносил удар по аэродрому Обливская. Вылетев рано на рассвете, группа подошла к нему внезапно и с ходу атаковала 180 фашистских самолетов, преимущественно «Me-109», стоявших крыло в крыло в две парадных линии.

Зенитные средства опомнились только на втором заходе, но было уже поздно. Уничтожив 46 самолетов (что было зафиксировано на фотоснимках разведчиков), группа без потерь возвратилась домой. 10 «мессеров» в этом налете было уничтожено летчиками 568-го шал.

За отличное выполнение боевой задачи командующий

8-й ВА объявил всем участникам этой операции благодарность.

Второй — 13 августа.

Он стал апогеем боевой напряженности и вершиной воинской славы полка на Сталинградском фронте.

В этот день самостоятельная группа полка во главе с ведущим Большаковым нанесла бомбовый и штурмовой удары по мотомехколонне гитлеровцев, пытавшихся прорваться к Дону в районе Липологовский — Каменский, уничтожив 4 танка, 15 автомашин с вооружением, боеприпасами и до 150 солдат и офицеров противника.

Штурмовики работали без прикрытия (наших истребителей, как всегда увлекли «мессера», атаковавшие группу с самого начала), а когда стали уходить, 18 других «Ме-109» внезапно напали на них. Илы приняли бой, который шел с рубежа Дона до самого аэродрома в течение 30 минут. И сложился этот неравный поединок на редкость драматично и жестоко. Хотя в ходе боя были сбиты два «Ме-109», один — лейтенантом Лозоренко, другой — старшим сержантом Брянкиным, два подбиты — Кулаковым и Солеем, но и штурмовикам досталось. Сначала были подбиты и вышли из боя Солей и Куликов, первый выпрыгнул с парашютом в районе Дмитровки, второй совершил вынужденную посадку в поле около Воропаново. Вскоре загорелся самолет Кулакова и он тоже был вынужден совершить прыжок. И только успел раскрыться его парашют, как на беззащитного летчика, ровно голодные хищники, набросились 4 «Ме-109», пытаясь расстрелять его в воздухе... Ему на выручку — в огневой этот омут — кинулся Большаков, яро вступив в бой с четырьмя фашистскими стервятниками. Лозоренко и Брянкин дрались в это время с другими. Десять минут, растянутые в кровавую вечность, отбивал Большаков товарища и сумел-таки довести его до приземления, буквально прикрыв его своим самолетом от последней атаки «мессера». Кулаков благополучно приземлился в районе Большая Россошка, а Большаков героически погиб в неравном бою, отдав свою жизнь за спасение товарища, на деле выполнив суворовскую заповедь: «Сам погибай — товарища выручай».

Из всей группы на своем аэродроме приземлились только Лозоренко и Брянкин и то на сильно израненных самолетах. Кулаков, Куликов и Солей прибыли на второй день с сильными ушибами и ожогами лица.

На коротком траурном митинге полк отдал свой последний долг Большакову, одному из лучших ведущих летчиков, отважному бойцу с фашистскими стервятниками,

искусному штурмовику, замечательному человеку, истинно душа-парню в коллективе. Конечно, этот ритуальный акт был символичным. Что делать — редко удается предать земле тела пилотов, сраженных в воздухе.

Они уходят в ее глубины с высот вместе со стальными конями или рассыпаются священным прахом в своей привычной и любимой среде — в просторном небе...

На имя же его матери и жены ушло из полка в дом 38 по улице Большакова г. Свердловска короткое письмо, в котором, в частности, были такие слова:

«Простите, дорогие Александра Алексеевна и Маргарита Дмитриевна, что мы не сумели сберечь такого преданного и горячо любящего сына и мужа, такого прекрасного человека и орла-патриота, такого беспредельно храброго и умелого воздушного бойца, каким был ваш и, простите, наш тоже, Виктор. Спасибо Вам, Александра Алексеевна, за то, что воспитали его таким, Вам, Маргарита Дмитриевна, за то, что любили его от души. За свою короткую, но яркую жизнь Виктор сделал очень много для нас, для грядущей победы над заклятым врагом. Он всегда будет жить в наших сердцах примером благородства, отваги и мастерства. И будем мы бить ненавистных фашистских варваров так же, как и он, не только за себя, но и за него до тех пор, пока не изгоним этих извергов человечества с нашей священной земли. Мы все разделяем ваше глубокое и неутешное горе. Просим вас считать нас своими сыновьями и друзьями.

Желаем Вам крепкого здоровья и всяческого благополучия на долгие-долгие годы. От имени всего личного состава полка

Командир полка майор Хомутов

Комиссар полка майор Прохоров

Начальник штаба полка майор Барков.

И боевые друзья: Спорышев, Василенко, Кулаков, Лозоренко, Агрба, Феоктистов, Брянкин, Солей, Рытов».

ИЗ ОГНЯ НЕСЛОМЛЕННОГО СТАЛИНГРАДА

После вылета в августовскую «чертову дюжину» полк имел 4 самолета — готовых только 2. На них-то и продолжили летчики завершающие удары в общих дивизионных группах по позициям 4-й танковой армии. Последним вошел одну из таких групп командир полка майор Хомутов. 17-го августа был нанесен удар по танкам противника в районе Абганерово. Боевое задание Хомутов выпол-

нил успешно, но в условиях сильнейшего зенитного огня его самолет подбили (повреждена маслосистема), и он вынужден был вторично и почти в том же районе, что и первый раз, совершить вынужденную посадку и притом... на колеса. Конечно, риск большой, но обоснованный и расчетливый. Потом он скажет, что ему здорово повезло: и сбить не сумели, и для посадки «подвернулась» ровная площадка.

Итак, в полку осталось три самолета, на всех трех надо было заменить двигатели, залатать множество ран и устранить другие дефекты.

Между тем, после упорных боев в большой излучине Дона наши войска отошли на его восточный берег и к исходу 17 августа задержали наступление противника на внешнем оборонительном обводе. Враг приступил к перегруппировке, сосредоточивая силы для перехода в новое решительное наступление на Сталинград.

Таким образом, авиационные части, имевшие базой аэродромы западнее Сталинграда, подпадали под реальную угрозу захвата противником. Им было приказано передислоцироваться в безопасные районы восточнее и севернее города. 568-й шап основным своим составом под руководством НШ был переброшен на полевой аэродром Вихлянцево, расположенный недалеко от Камышина.

Почти одновременно с полком перебазировались на новое место все основные и вспомогательные службы БАО, в том числе и лазарет, вместе с ним, понятно, и наши друзья — Агрба и Феоктистов. Перед самым отъездом Киазим получил, наконец, долгожданное письмо. Но почерк на конверте озадачил его...

В Конной остались группы техников для восстановительных работ на поврежденных самолетах. По мере готовности самолеты должны были быть перегнаны на новые точки базирования летчиками, оставленными для этой цели. Их возглавил сам командир. С ним были комиссар полка, старший инженер, а из летчиков Лозоренко и Брянкин.

Задерживалась на аэродроме и группа Антонова, дожидаясь возвращения Макарова — его команда была направлена в район Абганерово — Тангута за подбитым самолетом командира полка. Время шло, а их все не было...

ЗИС-5 и «полуторка» давно были загружены тремя неисправными двигателями, снятыми с самолетов, люди Антонова давно в сборе, время поджигает, торопит. А Макарова все нет... И волновались, и чертыхались, погля-

дывая на всполохи сталинградского неба, прислушиваясь к недалеким вражьи́м шумам, но бригада не появлялась.

Вернемся для ясности в жаркий полдень, выпавший на девятнадцатое августа.

Бригада Макарова в составе механика Аверьянова, моториста Тихомирова и водителей ЗИС-5 прибыла к месту вынужденной посадки самолета. Тот стоял в балке целехонький на собственных колесах и, казалось, вытащи его, садись и взлетай. Осмотрели. Выяснили — пробит левый маслбак. Его сразу же заменили, проверили маслофильтры — стружки не нашли. Дозаправили систему маслом, опробовали двигатель на всех режимах, тщательно осмотрели все системы и только тогда убедились — самолет исправен и готов полностью к перелету. Из штаба танкового соединения сообщили в штаб Воздушной армии, чтобы прислали летчика, но даже к восьми вечера обещанного летчика не было. В ожидании его наблюдали за работой реактивных установок «катюш», наземных эрзсов. Зрелище впечатляющее! Батарея выезжала из балки на возвышенность (метрах в 400 от самолета), быстро разворачивалась в боевое положение, давала залп и сразу укрывалась, где и готовилась к следующему удару. Минут через 20 после залпа в воздухе появлялся немецкий разведчик-корректировщик «рама», пытаясь засечь «катюши».

Летчик так и не приехал, и только в полночь к самолету подкатил танк, и командир его поспешно сообщил, что наши войска отходят и надо немедленно убраться, иначе плен.

Техники, конечно, не знали, что утром этого дня, пока они блуждали по степи в поисках самолета, противник перешел в новое, решительное наступление, нанеся два одновременных удара по сходящимся направлениям: первый — силами 6-й армии из района Трехостровская на восток и второй — 4-й танковой армии из района Абганерово на север с целью прорыва к Сталинграду с юго-запада и с юга...

Танком вытащили самолет из оврага на хорошую степную дорогу и стали буксировать по ней. Но буксировка на мягкой сцепке никак не получалась — самолет все время накатывался на танк...

Было решено буксировать своим испытанным способом: хвостовое колесо самолета закрепили на одном из ЗИС-5 и так везли задом наперед, пока позволяла дорога — примерно километров 30. Но возникшие вдоль нее столбы и деревья затормозили ход самолета.

А войска отступали... О прибытии летчика в этой ситуации не могло быть и речи. Пришлось отсоединить крылья, снять стабилизатор, винт и погрузить все это на второй ЗИС-5. Буксировка пошла сподручней и быстрее.

На свой аэродром бригада прибыла к вечеру 21 августа и сразу же, получив в комендатуре БАО запасы продуктов и приготовленные документы — командировочное предписание, продаттестаты, проездные документы и приказание сдать самолет на рембазу в станице Житкур (находящейся примерно в 70 километрах восточнее Сталинграда), — вместе с командой Антонова двинулась искать переправу через Волгу. «Больше полагайтесь на себя — на свою находчивость и изворотливость», — напутствовали их командир и старший инженер, встретившие и проводившие обе бригады.

* * *

22 августа во второй половине дня, преодолев немало пробок и прочих препятствий, они прибыли на переправу «Виновка» чуть выше Сталинграда и... ахнули: огромным скопом машин, подвод с различным грузом и людьми, в том числе гражданскими, была забита переправа! Организаторам ее с трудом удавалось поддерживать необходимый порядок, но паники не было.

Антонов и Макаров не без труда нашли одного из них, пехотного полковника, доложили о цели прибытия:

— Машины с ранеными и боевой техникой на ремонт пропускаем вне очереди, точнее — по отдельной «льготной», но и она — не раньше 12-ти часов следующего дня. Ждите своей очереди вон за теми тремя машинами артиллеристов. В свой список я вас записал. Свободны. — Отчеканил с ног до головы запыленный, озабоченный полковник.

Ничего не оставалось, как сидеть и коротать время. Впрочем, в этом огромном, хаотическом на первый взгляд скоплении машин и людей скучать было невозможно. Общение с соседями, бесконечные разговоры и беседы с ними и прежде всего о боях и других острых и злободневных вопросах — все это составило написанный и современный роман на тему Войны и Мира. Люди говорили негромко, но акустика простора делала их слова явственными. Да, тишина с 22 по 23 августа над приволжскими степями, холмами и до самой Волги установилась столь необычная, притаившаяся, что не одну затвердевшую солдатскую

душу изумила до восторженной слезы, до жадного дыхания жизни, оставленной, быть может, лишь до рассвета...

Да, пробуждение нового утра в этой смиренной тишине было ошеломляюще прекрасно: юное, едва бледнеющее красками, готовыми вот-вот, набрав силу, вспыхнуть зрелостью и жизненным соком...

— Не нравится мне все это... В тихом омуте, — начал было Антонов и не договорил, прислушался...

Отдаленный массивный гул не столько насторожил его, сколько наполнил до мельчайшей клеточки его существа предчувствием чего-то страшного, чудовищного... Все мгновенно зашевелились, задвигались. Казалось, и катера с паромами засновали быстрее. Сначала гул действительно был отдаленный — видимо, слышалась артиллерийская канонада обеих сторон. Но вскоре мощное гудение и сотрясающий все вокруг грохот раздался совсем близко. Кто-то крикнул: «Смотрите, смотрите!» И все устремились в стalingградское небо. Оно было черно от вражьей камарильи. С жирных, пузатых «хейнкелей» и «юнкерсов» сыпались черные продолговатые щучки, начиненные смертоносным грузом. Небо залепили серые облака разрывов зенитных снарядов. Выше, ниже, а то и прямо среди них закрутились юркие Яки и «мессершмитты», надрывно гудя моторами, выпуская огненные языки трасс...

Задымил, запылал Сталинград...

На переправе начиналась паника.

Только после полудня с большим трудом удалось погрузиться на один из паромов машинам Антонова и Макарова. И не успели они отплыть и трети пути, как увидели на берегу внезапно выскочившие немецкие танки... Изрыгая огонь, они, ровно бешеные чудовища, набрасывались на машины, подводы, людей, кромсая все на своем пути. Люди прямо с машин кидались в воду, другие беспорядочно метались по берегу по обе стороны переправы. Фашистские танки настигали их, давили гусеницами, расстреливали из пушек и пулеметов.

Вскоре, как бы опомнившись, начали обстрел паромов. Сначала ударили по самому ближайшему (шедшему вслед парому Антонова и Макарова), а когда он загорелся, накренился, взорвался и исчез в водах Волги, перекинули огонь по парому, на котором плыли наши друзья. Вот снаряд угодил в воду совсем рядом слева, потом справа, обрушил тяжеловесные брызги на людей, прибил их к полу, под машины, обрек на ужас — что же будет?.. А катерок знай себе тянул и тянул паром во всю свою невеликую мощь за высокий песчаный остров почти посередине...

не реки. Он их и укрыл — снаряды теперь ложились со значительным перелетом.

— Ну повезло, здорово повезло. Спасибо речникам, спасибо островку! — облегченно вздохнул Макаров.

— Не говори «гоп» — еще «не перепрыгнули»... — сдержанно заметил Антонов.

— Не-ее... Спасение нам вышло. А то бы — сразу... — подбодрил всех Аверьянов.

Из-под машины поднялся и осмелевший Чудило:

— Твоими бы устами да «руско-горькую» пить, хрустким огурчиком закусывать... Спасение позарез Черпаченко нужно, поскольку он у нас русалок не уважает, потому и плавать не научился. Саданет фриц по нашей посудине и пойдет наш «Садко» сопровождать двигатели аж на самое-самое дно...

Шутка была явно неуместна, но такая форма общения давно вошла в норму для наших друзей. Они сегодня не один раз потешали округу своими «перебранками». Зная, что переправа нередко кончается спасением в плавь, Сидор, как бы невзначай, «страшал» друга куплетами из песни «Водолазы»:

— Нас давно ждало дно — дай скорее слабину,

Нам одно суждено — брать немую глубину...

Черпаченко, выросший в безводных степях Украины, действительно не умел плавать и, конечно же, переправы побаивался, однако не забывал и парировать:

— «Юнкерсы», они ушлые... Зная, что здесь находится рекордсмен по плаванию — Чудило, обезвредят его точным попаданием в нижние плавники... И на этот раз уж не промахнутся...

Огонь по реке прекратился так же неожиданно, как и налетел. Катер с паромом вначале робко, затем все смелее и смелее прибавляя ходу, поплыл к берегу и вскоре обе бригады со всей техникой благополучно высадились в селе Никольском.

Ступив на твердь левого берега Волги, они почувствовали себя в относительной безопасности. Правый же берег, столь недавно покинутый ими, предстал сейчас диким хаосом — орущим, подернутым горькими дымами, насквозь изрешеченным резвыми всполохами сильной, но беспорядочной перестрелки: танки, пушки, гранаты, ПТР, «ППШ» — все слилось воедино, спланилось, казалось, в один общий огонь... Кто уцелеет в нем?!

Да... «Переправа, переправа — берег левый, берег правый...»

А в Сталинградском небе было темнее, чем на земле.

Там стаи фашистских стервятников все шли и шли на город, осыпая его градом ядовитых и огненных стрел. Сталинград, сотрясаясь, тонул в сплошном беснующемся огне и всеразрушающих взрывах. Рвалось и горело все: дома, постройки, улицы и транспортные магистрали, нефтехранилища и нефтеналивные суда и даже... сама Волга. А ведь там, в этом крошечном аду, были люди, стар и млад, мужчины и женщины, гражданские и военные. И все они присягнули умереть, сгореть, но не отступить.

— Чем только дышат и как только держатся — уму непостижимо, произнес в глубоком раздумье Смирнов.

Одни только «юнкерсы» и «хейнкели» налетали в этот день на Сталинград более двух тысяч раз, и смертоносный груз их рушил прежде всего мирные, гражданские объекты города.

Дикая ярость «цивилизованных» орд была продиктована невиданным до сих пор стойким сопротивлением. Озверевшие от крови и мести, они, видно, не удосужились посчитать и свои потери. А их было немало — 120 стервятников, сраженных наповал. И это было только началом.

* * *

На следующий день друзья добрались до места назначения, и к вечеру самолет, двигатели и четыре автомашины были сданы без особых осложнений.

— А теперь отдохнем как следует перед дальней дорогой, положено, — предложил Макаров.

Пустила их на ночлег одна старушка. Жила она на окраине станицы, недалеко от рембазы. Сама спала на печи в зимней хате, «солдатикам-касатикам» же постелила свежую солому в летней. Усталость мгновенно скосила их... Сколько времени спали — не помнят, только вдруг сильный грохот и треск сотряс их тяжелые еще ото сна тела... Выскочили. В глазах недоумение и страх... Еще бы — вместо надежной крыши зияет над ними черное небо с яркими звездами. Хаты летней, в которой спали, как не бывало... Не было и зимней... Только русская печь да на ней старушка. Рядом с печкой... Чудило. Как он оказался там, вряд ли знает даже сам Бог. Не могли сразу сообразить, что же случилось. Полуживая от страха бабушка все сидела на печи, неистово крестилась и громко причитала что-то о сатане и о светопреставлении. А вокруг одни развалины, запах гари и взрывчатки...

Оказалось — поработал «на совесть» ночной немецкий

бомбардировщик, сбросил наугад серию различных, видимо, больше фугасных бомб, от взрывной волны которых и послетали крыши, развалились стенки хаток. Так или иначе, но бабушка осталась цела, а вот Аверьянов пострадал всерьез. Сначала в состоянии шока он не сразу понял это. Потом, приходя в себя, сообщил, что, кажется, немного ранен...

И действительно, бегло осмотрев его, обнаружили в одном из самых неудобных мест тела солидный осколок бомбы... Наспех перевязав его и смастерив из шинели и старушечьих кольев носилки, Аверьянова доставили в медсанбат. Там выяснилось, что ранение тяжелое. В полк до конца войны он не вернулся.

С наступлением утра, оказав старушке посильную помощь в сборе ее утвари, друзья отправились в путь: сначала на попутной машине до станции Эльтон, там — на поезде до Палласовки, а оттуда опять на попутных до Камышина. В суматошной кутерьме забыли о трагикомическом инциденте с Чудило, а, оказавшись в кузове автомашины и отъехав приличное расстояние от Житкура, несколько успокоились. Тогда-то Черпаченко и решил не упустить возможности и взять реванш за переправу.

— Нехорошо, товарищ Чудило, небось дома-то подруга жизни все глаза проглядела тебя дожидаячи, а ты тут за дамой решил приударить... — усмехнулся для затравки он.

— За какой еще такой дамой? — насторожился Чудило.

— Видать за «юной», — наступал Черпаченко, — поскольку два зуба в наличии она еще имела...

— Вот я и говорю — не головой думаешь, а ЖКТ...

— Нет, брат, не крутись, в объятиях-то старушки не я, а ты оказался, — и доверительно спросил, — ну как, сладка она, бабулька-то?

Чудило захлебнулся обидой:

— Знай меру, недоразвитый... Взрывной волной меня туда шарахнуло.

— Ха, ха, ха, «взрывной волной»! А почему это не перебросило меня или, допустим, Вербицкого?

— Чтобы тебя такого... стокилограммового перебросить, полутонной фугаске и то не по силам, а для меня достаточно и сотки, а то и пятидесятикилограммовой.

— Не надо темнить, дружище... Крыша нашего дома полетела назад от бабушкиной хаты, а тебя подкинуло вперед к ее печке, а? Нет, брат, тут не иначе как кровь выыграла в твоём молодом богатырском теле...

— Похоже, что кровь эта шальная выиграла в товарище Черпаченко, и он, пока я спал беспробудно, переложил меня к печке...

— Ну, Чудило, ты и меня перечудило. Только ведь это для простачков... А я-то тебя, «страдателя», знаю... Лучше уж сознайся, что нежные чувства настигли тебя во сне, и ты невольно стал рыцарем-лунатиком, — не отставал Черпаченко.

Терпеливо слушавший их до сих пор Антонов, наконец не выдержав, вмешался:

— А ну хватит, рыцари-ухажеры, ласы точить, говорите о чем-либо путном. Там, на аэродроме, товарищи остались... А эти тут с ерундой.

Друзья прекратили спор, но тем не менее новая «наклейка» «рыцарь-лунатик» прилипла к Чудило на все времена, пока он находился в полку, и эта «любовная» история со старушкой долго служила веселой притчей.

* * *

А что же происходило в эти дни с частичкой полка, оставленной на аэродроме Конная для восстановления неисправных самолетов и перегонки их затем на аэродром Вихлянцево?

Техники и механики во главе с инженером полка трудились день и ночь, чтобы быстрее ввести в строй эти самолеты. Летчики помогали им.

19 августа узнали о начавшемся новом наступлении немцев. Летчики были вне себя от досады и бессилия, торопили техников и сами не отходили от самолетов.

Четыре напряженнейших дня проскочили как миг. И за это время проделали такой объем сложнейших технических работ, который в обычное время потребовал бы недели. К концу 22 августа инженер доложил, наконец, командиру, что завтра с утра можно будет вылететь.

— Спасибо, дорогой Василий Иванович, но не с утра, а с самого раннего рассвета! Иначе попадем в лапы фашистского зверя или станем добычей его стервятников — ответил ему командир. — Немецкую педантичность тут в расчет не возьмешь: умыться, побриться, позавтракать — все это они могли себе позволить раньше. А тут — Сталинград. И раздеваются-то, наверное, перед сном на две расстегнутых пуговицы... Так что дорожка нам каждая минута.

С темнотой пришло напряженное томление...

Техники и летчики, те немного прикорнули, а вот начальникам, действительно, не пришлось отдыхать ни минуты.

Мимо аэродрома всю ночь отходили войска. Беспокойный по характеру вообще, в этой обстановке командир полка и вовсе потерял покой и сон. Волновался и комиссар полка. Они то попеременно крутили ручку безнадежно молчавшего весь вечер и всю ночь единственного телефонного аппарата, то выскакивали из землянки, чтобы точнее узнать у командиров отступающих частей оперативную обстановку. По их распоряжению часовой у штаба — КП Бугаев то и дело поднимался на бутор землянки и всматривался вдаль, а дежурный по штабу Хорошавин нет-нет да и выбегал на улицу, уточняя ход передвижения войск.

Перед самым рассветом воцарилась такая тишина, что стало даже жутковато. Прошедшие мимо землянки солдаты сказали, что они последние, сзади никого из наших нет — аэродром с его людьми и техникой оказался на ничейной территории.

— Ждать дальше — смерти подобно. По самолетам! — скомандовал командир полка.

Кроме летчиков, каждый самолет взял в задний люк по два человека, остальных — единственная оставшаяся машина, чтобы сразу же после взлета убраться с аэродрома и как можно быстрее выскочить на дорогу, ведущую в Камышин.

Командир полка, вслед за ним Лозоренко и Брянкин спешно порулили на западную окраину аэродрома, чтобы взлететь на восток, в сторону Волги. Техники с плоскостей своих самолетов наблюдали за наземной и воздушной обстановкой, а старший инженер полка Павлов стоял на самом высоком капонире с красным и белым флажками в руках, готовый дать нужный сигнал — разрешение на взлет, появление воздушного или наземного противника.

Летчики на скорости прорулили метров 500, одновременно прогревая моторы, встали на линию старта, посадили в фюзеляжи техников-наблюдателей, опробовали моторы на максимальных оборотах и по сигналу Павлова все трое одновременно начали разбег. Но... что это?

Слева впереди взметнулся фонтан земли... Еще, еще, ближе к линии разбега. А самолеты уже набрали достаточную скорость для отрыва, затем отскочили от земли и, выдержав несколько секунд горизонтальный полет над ней и набрав необходимую скорость, взмыли вверх. Ко-

мандир посмотрел вправо (Лозоренко и Брянкин точно следуют за ним), сделал небольшой отворот и перекинул взгляд назад и вниз на аэродром — вздыбленные ворохи земли теперь уже обложили оставшиеся самолеты соседних полков, а машина с техниками и старшим инженером его полка, юля и вихляя, мчится по летному полю...

Мелькнула страшная догадка: «Неужто снаряды немецких танков?» И набрав метров сто высоты, резко заложил самолет в крен. Нет, это не был традиционный, прощальный с аэродромом круг, а скорее «круг риска», где единственным желанием было увидеть истинное положение дел — как далеко находятся немцы от соседей летчиков и сумеет ли вырваться из-под огня машина с людьми... Развернувшись на 180 градусов, прошел с курсом на запад около минуты и... содрогнулся: в двух-трех километрах от аэродрома шли в боевом строю серые квадраты фашистских машин под бронепанцирем, вылеывая на ходу из длинных хоботов огненные шарiki.

«Атаковать гадов!» — Хомутов по привычке нажал было на рычаг перезарядки пушек и пулеметов. Но тут же почти физическим усилием воли прогнал это намерение, отлично зная, что без бомб и эрэсов одним пушечно-пулеметным огнем нельзя эффективно поразить толстой брони, а вот незащищенных людей, комиссара и пяти техников, летевших в фюзеляжных люках, наверняка подверг бы смертельной опасности. Развернувшись на 180 градусов, прошел над аэродромом на восток и увидел, что машина с инженером и группой техников его полка уходит из-под обстрела и направляется к дороге. Бросил взгляд на расположение братских полков. А там... одни только-только выбегают из землянок... Другие в спешке суетятся около пяти, шести самолетов... Он затрепетал, застонал... И не в силах чем-либо помочь, круто взял курс на северо-восток.

Через считанные минуты ворвутся фашистские танки на аэродром, а запоздалые попытки организовать вылет и оборону силами оставшихся экипажей соседних полков и комендатур батальонов аэродромного обслуживания ничего не дадут. И все они вместе с самолетами будут безжалостно раздавлены, раскромсаны, истерзаны, уничтожены...

Да, прав оказался командир 568-го шап, говоря об утраченной педантичности врага. (Это не Западная Европа, это — Сталинград!) И тот, кто уповал на эту педантичность, а скорее всего на русское «авось», остался лежать сейчас под обломками собственных самолетов.

Летчики уходили все дальше от позиции своего полка на Сталинградском. Впереди и справа, сзади и слева лежали просторы знаменитого междуречья. Тайнственные, исторические, славные, потому бесконечно дорогие. Сколько лилось крови и пота на них за промчавшиеся века! Сколько известных и безымянных могил, а то и целых курганов, ставших местом рукотворных или невольных захоронений, покоит эта былинная Волго-Донская земля. А сколько еще будет их! Ну, а пока до свидания, до скорой встречи, родная и бесценная!..

Пока мысленно прощались с дорогими местами, увидели справа Сталинград. Этому не могли помешать ни клочья тумана, ни густая дымка, обнявшая землю до самого горизонта.

Сталинград! Как он не был похож на то, чем был месяц назад!

Огромный, казалось, безграничный, особенно вдоль Волги на юг, он проступал сейчас из развалин в каком-то зловеще-угрожающем полумраке. Во многих местах от горел, устремляя в небо разноцветные (черно-белые, серые, даже синие и оранжевые) столбы дыма.

Да, в страшный день его истории, 23 августа 1942 года, прощались летчики полка со Сталинградом. Вернутся ли они к нему на помощь и когда — этого они пока не знали. Сейчас же, выполняя приказ, взяли курс на аэродром Вихлянцево и через полчаса благополучно приземлились на нем.

* * *

А группа техников и механиков, которая выпустила их в полет — где она?

Она во всю мощь мчалась сейчас по дороге на Сталинград, пытаясь оторваться от наседавших вражеских танков и под защитой своих войск повернуть через Городище на север. А там от Орловки и Водостроя — прямая дорога на Камышин. Несмотря на большое движение войск с техникой и оружием и многочисленные заторы на дорогах, это им удалось. Правда, тухнули они от души, когда увидели Сталинград. Армады «юнкерсов» бомбили его по всем окрестностям. И показалось, что пылает весь город, и разгул огня и дыма так силен и так буйствует, что вот-вот сожрет всю вселенную... А тут еще нет-нет да и появляются над дорогами пары, а то и группы «мессеров»... Но, к их счастью, обошлось.

Медленно и с серьезными трудностями к исходу дня подъезжали они к Ерзовке, уверенные, что и дальше поедут без особых препятствий. Но именно здесь, на этом участке фронта создавалась та исключительно тяжелая, опасная обстановка, какую переживал в эти дни полк и весь фронт:

В результате 3-дневных напряженных боев с 19 по 21 августа 6-й армии немцев удалось форсировать р. Дон в районе Вертячего, затем 23 августа прорвать оборону на внешнем обводе и ринуться силами 14-го танкового корпуса к Волге севернее Сталинграда. И когда машина наших техников подходила к Ерзовке, туда же подходили и передовые танки немцев. Люди поняли это только тогда, когда вдруг увидели впереди, чуть левее дороги, султаны огня, дыма и земли.

Разрывы снарядов ложились все ближе и ближе. Один угодил в дом у самой дороги, другой чуть перелетел и разорвался у правой ее кромки. Машина техников неожиданно остановилась. Из кабины высунулась голова Павлова. Ошарашенные глаза метались по подчиненным.

Тотчас почти в один голос крикнули Акимов и Дегтярев:

— Езжайте быстрее вперед, назад пути нет!

Машина рванулась. Навстречу и в обход пошли другие машины, к дороге выдвинулись наши танки. Взрывы подступали все теснее, все ближе. Однако молодец шофер! Делая непросто рискованные зигзаги, а какие-то умопомрачительные трюки, он не забывал и «жать на все педали». Вот и Ерзовка. Черт побери, тут стало тесновато, горласто, парно: одни бегут вперед, другие назад, третьи влево, четвертые почему-то вправо к Волге... Уже загорелось несколько домов. А машина все мчит, обходит одних, других, а взрывы все ближе, гуще... И, наконец, желаемый простор! Машина выскакивает из села и несется, несется... Какие-то минуты отрубили ее от Ерзовки, куда уже входили немцы...

Примерно в это же время отплыл от берега паром с машинами и людьми Макарова и Антонова...

Группе Павлова повезло. Через каких-нибудь полчаса доехали они до Дубовки, откуда уже не слышно было даже артиллерийской канонады, и шли, шли, шли танки и машины с орудиями и людьми по направлению к Сталинграду. Отменив передышку, группа ехала всю ночь и к утру прибыла в Вихлянцево.

ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ БОЕВЫЕ ИТОГИ. А ДАЛЬШЕ... В ТЫЛ — НАДЕЖДАМ ВОПРЕКИ

Итак, полк передислоцировался на новый оперативный аэродром. Разными путями, с вынужденными нарушениями маршрута, с злоключениями, но в конце концов все подразделения собрались на новом месте. В сущности полк истекал кровью и, оставшись без достаточного оружия, был выведен из боя на излечение и поправку, на пополнение свежими силами.

Но уже на второй день прибытия в Вихлянцево полк получил часть пополнения летного состава. Пригнали и немного самолетов с тем, чтобы сразу начать подготовку к новым боям. И действительно, за неполную неделю сумели дать молодым летчикам солидную тренировку в одиночной подготовке и приступили к групповой слетанности.

24 августа полк собрали в большой землянке, приспособленной под столовую. Командир полка дал слово вначале начальнику штаба, который проанализировал состояние дел в полку по оперативно-тактическим вопросам и войсковой службе. Старший инженер рассказал о работе инженерно-технического состава и младших авиационных специалистов. Затем с кратким обзором международного и внутреннего положения страны, оценкой работы партийных и комсомольских организаций и о дальнейших задачах политического и воинского воспитания выступил комиссар. Последним взял слово командир полка:

— Прежде всего я благодарю вас за вашу стойкость, за ваше бесстрашие, за то, что с честью выполнили свою торжественную клятву, приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, приказы Главкома ВВС, командующего армией, дивизии и своих ближайших начальников. Я славлю всех живых, еще больше тех, кто отдал самое дорогое — свои жизни за свободу и достоинство Отечества, за торжество нашей победы, за триумф нашего оружия, за верность революционным и боевым традициям нашего народа и большевистской партии. В жесточайших схватках с врагом, в горниле самых горячих боев героически пали замечательные патриоты Родины, наши чудесные друзья и товарищи Кудряшов, Большаков, Банников, Борисов, Баранов, Виноградов, Кирюхин, Окунев, Салухов и Фигурин. Светлую и славную их память прошу почтить вставанием и минутным молчанием.

Все встали. Замерли в глубоком и долгом молчании—

велика была скорбь по погибшим друзьям у воинов сорок второго.

— Я горжусь, — продолжил командир полка, — что вы, дорогие мои товарищи и собратья по оружию, не посрамили чести и славы земли нашей Российской, чести и славы великого Союза советских народов. Летел я вчера и думал, на какой земле развернулась грандиозная битва — на исторической, священной — Волго-Донской. Она хранит великое и святое прошлое, великими и святыми традициями дышит каждая ее травинка. Окинем взором историю и увидим, что матушка-Волга и батюшка-Дон не раз сообща решали судьбу своей единой родины — России, порой трагическую, порой триумфальную.

Здесь рушились последние оплоты 300-летнего кошмара Золотой орды и прочих ханов-варваров. Еще раньше на верховьях Дона была одержана выдающаяся победа Дмитрия Донского над полчищами Мамай. Здесь правил свой вольный пир Степан Разин, топил в водах цепи рабства Емельян Пугачев. А под Царицыном, нынешним Сталинградом, под личным и прямым руководством товарища Сталина произошло первое крупное поражение объединенных сил контрреволюции, сыгравшее важнейшую роль в ходе всей гражданской войны. Теперь у ворот сталинградских новые вражьи полчища жаждут его падения, а тем самым — решающего перелома в войне... Так не посрамим памяти отцов своих и дедов, кто в революционные годы отстоял его на конях и тачанках. Вы, их сыны, оседлали стальных коней на земле и в воздухе. Оружие по характеру и мощи разное, но цель, которую оно отстаивает, одна — защита свободы и достоинства народа, великих достижений первой в мире социалистической революции. Знаю, вы сознаете, насколько благородна и справедлива эта цель, и потому готовы стоять насмерть ради ее достижения. Свидетельством тому — ваш подвиг на Сталинградском. Всего месяц были мы на этом фронте. Но какой месяц! Не будет преувеличением, если скажу — в него спрессованы многие месяцы, а то и года. Одно слово — мал золотник, да дорог...

За 137 успешных боевых вылетов полк уничтожил 129 танков, 276 автомашин, 580 солдат и офицеров, 30 точек зенитной артиллерии, 116 повозок, 17 орудий и 20 различных огневых точек, 10 самолетов на земле, 6 цистерн, создал 12 очагов пожара среди скопления вражеских танков и автомашин и сбил в воздушном бою 12 самолетов.

Как видите, врагу нанесен довольно ощутимый урон. Но достался он дорогой ценой. Мы потеряли 11 своих

прекрасных товарищей: 10 летчиков, в том числе 1 командира эскадрильи, 2 заместителей командиров АЭ, 7 пилотов и одного техника.

Самолетов Ил-2 потеряли 24, из них безвозвратно — 16. Сбито огнем ЗА 5 самолетов, ИА — 10.

Но за это время мы больше узнали врага, лучше научились воевать. Мы вышли из боев более закаленными, мужественными, значит и более боеспособными. Но мы еще очень далеки от совершенства. Не всегда воюем умело, не всегда правильно и до конца учитываем тактические ухищрения противника. Сказались и недоученность молодых летчиков, и непонятное поведение истребителей сопровождения...

Далее командир полка более детально разбирал причины основных ошибок и нарушений, допущенных личным составом в воздухе, на земле, в бою и в буднях и указал на пути их искоренения. В заключительной части своего выступления он подчеркнул:

— Все достигнутое служит залогом для успешного решения предстоящих задач. Залогом, но не гарантией. Ибо с течением времени меняется все: и враг, и его оружие, отсюда и тактика. Значит и наши задачи будут меняться.

Отсюда необходимость постоянной учебы, непрерывного самосовершенствования во всем: и в тактике, т. е. в творческом использовании техники и оружия, в организации боевых действий и дисциплине. Я призываю вас и дальше быть носителями и продолжателями славных традиций народа и партии. Это значит, любовь к матери-Родине должна проявляться в конкретных делах: в сыновней заботе о благе и интересах полка и своих близких, в осязательно растущем воинском и техническом мастерстве, в реальном мужестве и отваге, в истинной прилежности и исполнительности во всем, в постоянной и бескорыстной помощи товарищу в бою, в труде и вообще в жизни. Я не случайно упомянул выше о нашей истории. Но не надо забывать, что слава или бесславие любой истории зависит от народа. Она «пишется» Временем сегодня, постоянно — всегда и только от нас зависит ее сегодняшняя слава или бесславие...

Так пусть же каждый из нас внесет свою лепту в историческую книгу Сталинградской битвы, делая ее тем самым Великим переломом в ходе войны. И пусть каждый из нас задается вопросом: «Все ли я делаю для этого и что сделал сегодня?»

Ну а теперь поговорим детально о задачах на ближайшие дни...

— Извините, товарищ майор, — поднялся командир дивизии полковник Горлаченко, — о задачах полка поговорим непременно, ну а сейчас и нам с комиссаром дивизии хотелось бы кое-что сказать. Так ведь, товарищ Васин? — улыбнулся он глазами, как бы приглашая комиссара к диалогу.

— Откровенно говоря, я не хотел в этот раз выступать, — сказал старший батальонный комиссар Васин и внушительно посмотрел на полковника, — но вот посидел, посмотрел на вас и зародились вдруг такие, прямо скажем, непростые мысли и чувства, что не поделиться ими просто грех. Только, ради бога, не думайте, что комиссар напридумал чего-то там сверхъестественного... Нет, чувства и мысли мои просты и радостны. Смогрю я на вас, таких знакомых, проверенных одним суровым небом, одним солдатским котелком и... узнаю и не узнаю. Да... Родимое сталинградское небушко — большое испытание для многих: кого в три узла сожмет, кому и вторую молодость подарит, а то и вечность... И все это на ваших лицах, как на фото отпечаталось. Явственно проступила на них ярая беспощадность к врагу, неукротимая решимость и хватит ее до самого победоносного конца войны. Этого так не хватало нам, воспитанным в духе интернационализма, наученным уважать «любой язык, любые нравы». Ненависть как таковая была, по сути, изъята из наших сердец... И сколько же понадобилось мук, испытаний и крови, чтобы породить ее. Ну, а коль родилась — держись, фриц!

Рад, что вам посчастливилось воевать на славной земле и на фронте, которому наверняка суждено стать историческим. Вы достойны земли этой!

Рад и благодарен также за то, что с честью претворяли в жизнь девиз, рожденный на митинге 29 июля в честь приказа Верховного Главнокомандующего № 227, девиз-клятву, гласившую: «Костями лечь, врага бы разбить лишь». Да, вы действительно ложились костями, дрались до последнего, не уходили с поля боя, не выполнив полностью боевой задачи, не израсходовав весь боезапас. Безусловно, огромные заслуги в этом и партийных и комсомольских организаций, парторгов эскадрилий товарищей Акимова и Белоусенко, партийного и комсомольского бюро полка во главе с товарищами Касимовым и Мазаевым, обеспечивших личную примерность коммунистов и комсомольцев в бою и подготовке, авиационной техники.

Желаю, дорогие мои соколы, всем вам новых славных побед. Грядет великий перелом. Родина ждет!

Командир дивизии полковник Горлаченко, слегка откашлялся. Вид представительный, осанка горделива, в черных глазах уверенность — такого, увидев однажды, запомнишь надолго. Запомнили его и летчики еще с первой встречи. Решительный в боевых действиях, он был и справедлив в отношении к людям, в оценке их действий. Часто бывал в полку, но вот так, перед всем личным составом в спокойной обстановке — первый раз.

— По мере моей осведомленности попытаюсь оценить вашу работу, — сказал он. — Ваш полк за время пребывания в дивизии показал себя сколоченной боевой частью ВВС КА, способной успешно выполнять самые различные задачи в сложных условиях тактической обстановки. Действовал полк организованно. Да, навык ваш не всегда отвечал требованиям боя, но вы упорно учились и немало достигли. А что касается смелости и решительности, недостатка в этом не было. На протяжении периода жестоких, кровопролитных боев на большой излучине Дона (на дальних подступах к Сталинграду), летчики полка героически сражались вместе с танкистами, артиллеристами и пехотинцами, грудью отстаивали каждую пядь родной советской земли, отдавая без остатка все, чем располагали: физические, нравственные силы, имевшееся мастерство. Да, потери наши немалы... Но на количество боевых вылетов в вашем полку потерь меньше, чем у других, а уничтожено техники и оружия противника при этом примерно одинаково. Но и тут есть уточнение, — полковник насупился, — из 15 безвозвратно потерянных самолетов только 5 от огня ЗА, а 10 сбиты истребителями противника, что объясняется, прежде всего, неудовлетворительными, зачастую и преступно халатными действиями своих же истребителей по прикрытию штурмовиков... Встанет вопрос — кого же они истребляют?..

А вот техники и механики — молодцы! Ни одного отказа техники и оружия в бою! Это личное их достижение и большая заслуга. Хотя и не везде это достигнуто... А в общем, дорогие товарищи, вы с честью выдержали тяжелейшие испытания и сделали все, что могли, даже больше, чем могли, и добросовестно выполнили приказ Верховного Главнокомандующего, приказы и распоряжения командований фронта, армии, дивизии. С большой радостью сообщая, что за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за большое количество уничтоженной при этом живой силы и

техники противника награждены орденами: Красного Знамени — товарищи Хомутов, Спорышев, Брянкин, Солей; Отечественной войны I степени — товарищи Касимов, Большаков, Лозоренко и Агрба; многим из личного состава командующим Воздушной Армией и мною объявлены благодарности. Сердечно поздравляю вас, дорогие товарищи, с высокими правительственными наградами.

Ордена и приказы с объявлением благодарностей несколько задержались, но вы их вскоре получите. Товарищи! Эти награды и поощрения являются признанием того непреложного факта, что ваша боевая работа на этом фронте была успешной и что этим вы внесли достойный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков, влили, образно говоря, свою бесценную и весомую каплю в море грядущей победы.

Нет, неспроста напомнил нам командир полка о нашей отечественной истории. Войны ее всегда были освободительными, потому и венчались успехом. И сильны мы преемственностью поколений. А это значит, что и мы с вами в ответе за созданное, отвоеванное в вековой борьбе нашими предками и за то, что создано своими собственными руками, ибо плоды этих дел перейдут в руки наших детей. От нашего «сегодня» зависит их «завтра». Вот и получается, что вы не только частица или, иначе говоря, первичная клеточка нашей великой многонациональной социалистической Родины, но и создатели ее истории.

Вы делом доказали, что этой высокой чести достойны вполне и, надеюсь, останетесь таковыми и впредь.

Очень хотели и дальше быть вместе с вами в одном ряду защитников Сталинграда, но...

Командир дивизии вдруг запнулся... Затем, как бы желая запомнить всех, задержал на них пристальный взгляд и взволнованно продолжил:

— Но... Ваши славные боевые дела имели, оказывается, большой резонанс... Долетели аж до самого верха... Мы и не знали, что вы числитесь в резерве Ставки, т. е. самого Верховного Главнокомандующего, и вот сейчас по его приказу отзываетесь на очередное пополнение в известные вам уже Кинель — Черкассы. Прибывших к вам молодых летчиков и самолеты передаете в 504-й шап... Полковник замолчал. Молчали и летчики. Недоумение, испуг, разочарование застыли в их глазах — люди были в явном замешательстве. И командир дивизии понимал их: летчики хотели воевать только здесь — на самом ответственном и священном участке фронта. Они как орден носили это гордое понятие — защитник Сталинграда, до-

быв его кровью и потом в огненном небе. И теперь вдруг «в отставку»... Так, по крайней мере, говорили их глаза, хотя эта «отставка» была всего лишь передышкой перед новыми жестокими испытаниями.

— Вижу, это известие не всем нравится, — прервал паузу командир дивизии, — но это приказ свыше. А приказы, как вы знаете, подлежат выполнению. Так ведь, товарищи? Вы согласны, товарищ командир полка?

Майор Хомутов понял, что командир дивизии ждет от него ответного слова:

— Да, товарищ полковник, мы поняли. Конечно, очень хотелось воевать на этом фронте, но приказ есть приказ, он не подлежит обсуждению и речь теперь может идти только о том, как лучше выполнить его. В этом мы и будем видеть свою основную задачу.

— Благодарю. Иного ответа и не ожидал. От души желаю хорошо подготовиться и организованно добраться до места, а там получить надлежащее пополнение, в кратчайшие сроки и высококачественно ввести его в строй и успешно, в духе сталинградцев, продолжить боевые действия там, куда направит вас Верховное Главное Командование. Только не зазнавайтесь и, конечно, не забывайте нас.

Еще раз благодарю за честь вашу и доблесть. Большого вам полета! А главное — жизни и здоровья.

Полк встал, раскатился по стенам громкий всплеск рук, в глазах же каждого застыла грусть... Полк прощался с командиром своей, уже бывшей, дивизии.

* * *

Да, они очень не хотели расставаться со Сталинградом!

И не только потому, что солдатское чутье подсказывало им емкость понятия этого слова, вобравшего в себя образцы военного искусства, людского упорства и героизма, ставшего впоследствии подвигом всемирно-исторического значения, но и потому еще, что Сталинград сегодняшний стал для них уроком мужества и оценил «на человека». Сталинградская эпопея полка была подобна мощной очистительной грозе с ярко сверкнувшей молнией, озарившей надеждой и верой еще лежащий впереди далекий и трудный путь борьбы и побед. Они были признательны Сталинграду за то, что обрели «второе дыхание», которое станет для них эталоном всей последующей боевой жизни. И, наконец, они его просто любили.

ВВЕРХ ПО ВОЛГЕ-МАТУШКЕ ИЛИ КОГДА ЕСТЬ ВРЕМЯ ПОРАЗМЫШЛЯТЬ

Недолги были сборы в дорогу. Всего два дня. Полк собрался в Вихлянцево, включая группы Павлова и Антонова — Макарова. Полковой врач съездил в армейский госпиталь и привез секретаря партбюро. Михаил Иванович, хотя и не залечил раны в полной мере, был бодр, жизнерадостен, даже шутил. «Теперь я меченный Гансом на всю жизнь — особая примета налицо...», — говорил он, имея в виду внушительный шрам, который пролег на лице его рядом с левым глазом.

А механика Аверьянова доктор не привез. Роковой была его рана. Все старания врачей оказались напрасными. Там он и был предан земле. Не вернется никогда и Окунев. Как выяснилось, он, уже смертельно раненный, сумел посадить самолет на живот в расположении своих войск. Скончался на руках наших бойцов, вытащивших его из кабины самолета. Захоронили его в братской могиле недалеко от места посадки... А от Шелопутнова по-прежнему не было вестей.

За эти двое суток полк передал в братский 504-й шап прибывших на пополнение молодых летчиков, все имевшиеся самолеты с имуществом и погрузился на пароход, который 26 августа утром отшвартовался с пристани Камышин и взял курс на Куйбышев.

* * *

Друзья устроились в одной каюте и всю дорогу были вместе. Ночами, разумеется, отсыпались. Днем наслаждались красотами великой реки и прилегающих пейзажей, вечерами — оживленные беседы уводили их в самые подчас неведомые дали.

Малую часть времени отводили сугубо личным делам, приводили в порядок свою фронтовую одежку, читали и писали письма или просто уединялись в собственный мир дум, надежд, ожиданий...

В первый же день пути, в тихий послеобеденный час, Агрба вышел на палубу, удобно примостился на каком-то ящике на корме и снова, уже в который раз, вытащил из нагрудного кармана письмо с незнакомым почерком, полученное перед самым отъездом в Вихлянцево. Немного-словное письмо о Светлане, написанное ее матерью. Людмила Николаевна писала, что его письмо, отправленное с

Дона 25 июля, получила 5 августа и вложенную в него записку для Светланы отослала тот же час и сразу же написала ему ответ. Она сообщала, что Света убыла через неделю после его отъезда, т. е. 22 июня и только 5 июля пришло от нее письмо. «Судя по всему, она работает на радиостанции специального назначения, находящейся в прифронтовой полосе в распоряжении командующего летчиками. Просила передать, чтобы ты о ней не беспокоился, «ибо находится от немцев достаточно далеко и потому никакая опасность ей не угрожает». Велела передать тебе горячий привет и немедленно отослать ее адрес, что я и делаю. Вот он: Полевая почта 03848. «В свою очередь, сердечно приветствую и крепко обнимаю. Буду рада получить ответное письмецо. Людмила Николаевна».

Агрба положил на колени планшет, вытащил лист бумаги, карандаш и стал писать. Это было второе письмо Светлане. А первое письмо ей, так же как и ответ Людмиле Николаевне и письмо родителям, он отправил еще из Вихлянцево.

«Дорогая моя, здравствуй. Я продолжаю свою беседу с тобой. Не могу иначе. Сердечное спасибо, что передала с мамой свою записку. Больше месяца ничего не знать о тебе — это большое испытание. Ну, слава богу, будем считать, что это позади и спокойствие восстановилось. Нет, не то — я опять на крыльях счастья. И, конечно же, безмерно рад, что у тебя все в порядке. Моя личная радость вполне совпадает с приподнятым настроением моих товарищей. Это связано с переменами, о которых я предупреждал тебя в первом письме. «Приподнятое настроение», пожалуй, скромно звучит.

Невозможно передать словами то состояние наших душ, какое мы испытывали в эти минуты и часы, оказавшись в волшебной природной среде. Подумать только, над нами нет фашистских стервятников, рядом не рвутся бомбы и снаряды, кругом чистое небо и плещутся волны... самой Волги. Уверен, ты поймешь это, если представишь на минуту, какие ощущения должны испытывать люди после горячих боев, грохота, огня, дыма и крови, очутившись вдруг в объятиях стихии громадной реки с ее причудливыми далями и изумрудно чистой зеленью ее берегов, обворожительными восходами и заходами солнца и птичьим гомоном, утренней тишью и вечерним шорохом трепетных листьев и трав. Не сразу поверишь такому. Действительно, как во сне. Оказывается, только изведав все кошмары смертоносного оружия, задаешься

вопросом — как не могли и до сих пор не могут ценить всю прелесть природного благоухания и жизненного благополучия? Более того, покушаться на нее. Почему до сих пор не хватает силы духа на то, чтобы назвать это бесчеловечным, потому преступным актом? Почему человек не дошел до сознания своей роли и ответственности за то, чтобы надежно беречь все естественное на земле и себя самого в том числе? А мы сами-то делали все возможное, чтобы сохранить мирную жизнь и ее основы, в том числе богатства родной земли, ее природу, ее недра? А если делали — как? Разумно? Если ошибались — в чем? Давали ли и даем ли сейчас себе отчет в том, что уничтоженные недра и природу Земли уже невозможно будет восстановить, по крайней мере, в первозданном виде? Значит, опасно сужаем опору существования самого человека, самой жизни. Сейчас по существу постигаем всю эту науку кровью, великой кровью. И то — постигнут ли все? Станет ли эта война достаточно сильным предупреждением, чтобы понять все это? Изменится или нет человек? Если изменится, то как?

Мы знали только по книгам и по рассказам некоторых старших, что чем опасней жизненные ситуации, чем рискованней они, тем больше и дороже ценится сама жизнь и ее сердцевина — любовь. Не в смысле охи, вохи и прочие вздохи. Любовь настоящая, в высоком ее смысле. Любовь действующая, борющаяся. Любовь к ближним, к людям вообще, а также к среде их обитания — к природе. В этом мы убедились и с каждым днем войны убеждаемся еще больше, наяву, в самой что ни на есть открытой кричащей действительности. В реальных коллизиях войны мы убеждаемся также, что сам человек становится дороже.

Всем бы научиться видеть это и ценить. Понять бы всем, что жизнь-то человека очень коротка и потому надо дорожить ею, беречь ее всемерно, всем людям научиться любить, овладеть разумными формами общения и быть терпеливыми друг к другу. Тогда наверняка не будет катастрофических разрушений в человеческой и даже в природной среде...

Дорогая моя, береги себя. Не испытывай нашу любовь тяжкими испытаниями фронтовой жизни — я в нее верю и так, без них. Я знаю, ты одна из тех чудных созданий, которая поймет весь смысл сказанного выше и не пожалует сил на то, чтобы каждый считал борьбу за жизнь, за достойную человеческую жизнь, своим священным долгом. Пожалуйста, не убаюкивай меня, будь осторожней, ос-

молотильней. Я знаю, что такое фронтовой тыл. Крепко целую. Твой Киазим.

PS. Через пару дней будем опять там, куда я последовал после свидания с тобой... Думаю, пробудем недолго. Время требует срочных мер. Приеду, напишу».

* * *

Саратов выплыл неожиданно, словно родясь из восходящих лучей солнца. Сначала блеснула позолота церковной башни, затем показался и он сам... Саратов. Многих знаменитостей дал он Родине. Но для однополчан он был прежде всего родным городом их любимого комэска Кудряшова, павшего Героем в смертельной схватке с лютым врагом на правобережных же просторах чуть ниже родного города. И самым выдающимся саратовцем для них в эти минуты был он. Так и звучало в их устах «Кудряшов... Василий Дмитриевич... Кудряшов... Вася...» Вот он, оказывается, откуда вышел. Такой город не мог не дать такого сына. Ах, как жаль, что нет его сейчас с ними. Почему такая несправедливость... Ты, церковь, храм божий, почему молчишь? А ты, бог, если ты есть, почему допускаешь такое?..

Настроение всех выразил, пожалуй, парторг:

— Привет и поклон тебе, древний город, город-труженик! — сказал он взволнованно. — Дай бог, чтобы ты никогда не испытал участи своего славного южного соседа — побратима! Желаем тебе вечного мира и успешного созидания. И прости нас за то, что не уберегли одного из лучших твоих сыновей, Василия Дмитриевича Кудряшова. Он любил тебя и жизни своей не пожалел, чтобы не допустить на твою землю страшных врагов. Не забудь его! Мы же клянемся тебе, что будем жестоко мстить за Кудряшова и всех сынов Отечества. Будем бить и бить врага до тех пор, пока не разобьем окончательно! Сами. Вместе с его друзьями, не надеясь ни на кого, в том числе на бога...

Да, парторг сказал то, о чем думали сейчас все, но слова его, «чтобы не допустить на твою землю страшных врагов», неприятно резанули слух. «Что же это? — подумал Агрба. — Значит, кто-то еще до сих пор подумывает о возможной опасности Саратову?»

Чудовищная мысль... А не отголосок ли это сторонников теории «Заманивания»? Пусть их единицы, но ведь были же, были такие «стратегии», которые утверждали, что, мол, территория у нас обширная и можно, отступая

и отступая, заманивая врага в ее глубины, измотать его вконец (сохранив при этом свои силы), и нанести решающий удар...» Фантазер и скептик ты, — вдруг рассердился он на себя, — разве после 227-го приказа могут быть такие?» — А мысли его все метались в поисках истины и подсовывали ему все новые вопросы: «А не такие ли «а-ля-Кутузовы» виновны в том, что мы обороняемся на подступах к Волге, а не купаемся в Висле и Эльбе?»

А старенький пароход все плыл и плыл, степенно, не спеша. Да и как он мог спешить — уставший, измотанный трудовой жизнью. Одолевая медленно расстояние, давал он раздолье неумным мыслям, а те, в свою очередь, порождали все новые и новые вопросы... Нос корабля, казалось, уперся, нацелился на горизонт, а набегавшие волны упруго и сильно сдерживали его желания. Так и мысли Агрбы — четко направленные на объекты тревог, наталкивались на волны-вопросы, тормозившие ход к правде, — к правде военных действий на фронтах...

— Как же так... — думал он, — от Ростова до линии реки Чир, т. е., можно сказать, до дальних подступов Сталинграда — 400 километров, а фашистские войска проскочили их за 20 дней. А вот от рубежа реки Чир до самого ближнего к Сталинграду изгиба реки Дон (т. е. до внешнего оборонительного обвода Сталинграда, в среднем 150 километров) одолели фактически за месяц, так и не достигнув самого Сталинграда. Добавим к этому, как с наших западных границ до предместьев Москвы (т. е. примерно 1000 километров) они промахали за 90 дней, а пытаясь добраться до столицы, не больше 100 километров проползли за такое же количество дней. И в конце концов были разбиты и отброшены. А что уж говорить о Ленинграде, под стенами которого они не то что топчутся на месте вот уже 350 дней, а попросту застряли безнадежно, а домчались ведь до него за 85 дней.

Почему? Почему такой стойкости и организованности не смогли проявить или создать с самого начала, еще там, на границе? Ведь люди те же. Мало того, они были настроены, душою готовы были бить врага на его собственной территории, если бы он посмел нарушить наши границы.

Он досадно усмехнулся, вспомнив вдруг, как они были настроены перед войной и в самом ее начале, как боялись, что без их участия может закончиться война. Четко представил и свои беседы обо всем этом с начальником и комиссаром школы... Но получилось совсем иначе. Оказалось, надо было изрядно понюхать пороха, прочув-

ствовать саму соль войны, увидеть воочию всю картину фронтовой действительности, да и поразмыслить глубже о многих обстоятельствах... Да, только после этого мы поняли, что не только успеем повоевать, но и потребуются от нас гигантские усилия и небывалые жертвы, слившиеся воедино с народом. А что касается причин...

Нет, не в бойцах и командирах, находящихся рядом с ними, дело.

Не они виновны в тех неудачах. Тут что-то другое... А что? Внезапность? Поверили слову фашистов, данному ими в Договоре о ненападении, затем и о Дружбе? Но можно ли было полагаться на волка, чуть ли не демонстративно точившего зубы, жадно глядя на «друга»? Да и весь мир трубил, что гитлеровская Германия вовсю готовится к войне. Не для праздничных же торжеств они сколачивали всякие союзы и оси. Да и сами мы видели, говорили и даже в газетах писали обо всем этом, даже о том, что они к нашим границам подтягивают многочисленные войска... Но почему мы не создали надежную оборонительную линию? Почему заранее не подтянули туда войска? Конечно, времени было маловато. Но все же, все же...

О, молодые бойцы и командиры той поры! Те, что со школьных уроков или институтских лекций и семинаров ринулись на врага! Они, пуше жизни своей беспокоясь о судьбе Родины, ни в какую не подозревали, просто не могли допустить и мысли, что над ними витал совсем не святой и не безгрешный дух — вершитель судеб, что повсюду и совсем рядом с ними носились какие-то невидимые для них несправедливые силы и сковывали их могучий порыв. Они были убеждены, что все и вся в стране решается очень мудро и что они сами тоже делают все как надо и совершенно свободны от неверного и ненужного и привольно несутся на легких крыльях жизни, даже этой ужасной, фронтовой. И не потому ли они и на подвиги шли вольно, легкокрыло, словно совершали обыкновенные поступки в обыкновенные будни. Они были уверены, что это нечто само собой разумеющееся, естественно необходимое так же, как, допустим, если бы они в мирное время становились за станок, за штурвал комбайна, садились за школьную парту или шли в институтские лаборатории. Это было их сущностью, их жизненной потребностью. И, конечно же, ни в коей мере не ставили это себе в заслугу, тем более не бравировали и не кичились. Они и не намекали никому, даже себе, что добросовестно выполняют сыновний долг. Но вполне

сознавали, что по жизни, будь то по созидательной или ратной, несла их непоколебимая вера в правоту и силу всего того, что отвоевали и отстояли в свое время их отцы и за что боролись сегодня они сами с оружием в руках, а завтра будут бороться в условиях мирных, создавая новую, истинно человеческую жизнь, о которой веками мечтали их предки и которую, хоть и немного, но успели ощутить сами: необходимый материальный достаток, нравственная чистота, господство чести и совести во всем, духовная раскрепощенность, сознание собственного достоинства, свободное волеизъявление во всем добром, человеческом, равноправие перед законами и другими общественно необходимыми установками. А сегодня новоявленные завоеватели поставили целью отнять у них все это, вернуть их к кошмару рабского прошлого, мало того, вообще лишить отцовских корней, национальной принадлежности, Родины самой. Могли ли они позволить это? Нет, конечно! Поэтому при одной мысли об этом у них закипала кровь, воспламенялась душа, пробуждались и восставали в них зов предков, зов сердца, зов своего времени, своего народа, человечества; извечный инстинкт человека к свободе и справедливости, неодолимое стремление к сохранению своей национальной независимости, самостоятельности, культуры, национального духа. В этом, только в этом суть и основа их окрыленности. В этом, прежде всего в этом, первопричина подвигов в их самоотверженной борьбе.

...Задумаемся, читатель, на минуту и зададимся вопросом: как бы отнеслись миллионы честных тружеников тыла и фронта, бойцов и командиров той поры, эти вдохновенные патриоты своего Отечества, преданные своим идеалам, к человеку, который бы осмелился сказать им тогда, что через полстолетия их веру и убежденность, порывы и целеустремленность во всей их жизни, во всех их делах увидят и оценят совсем иначе, признают по меньшей мере ошибочными, по большей — вовсе не состоявшимися?!

Думаю, нетрудно тебе предположить, дорогой читатель, если, конечно, ты беспристрастен, что они приняли бы этого человека за настоящего идиота или, в лучшем случае, посчитали бы провокатором, понятно, и отнеслись бы соответственно.

Но почему сегодня, как раз через 50 лет с того времени, когда весь наш народ в кровавых схватках и сражениях с заклятым врагом решал вопрос «быть или не

быть нашей великой Родине?», в том числе Россия, миллионы ее граждан, тружеников города и деревни, равнодушно молчат, а то и вполне терпимо относятся к тем, кто пытается пересмотреть исторические реальности, свести на нет значение и подлинное величие нашей Победы. Мало того, некоторые из них договариваются до того, что, мол, не надо было героически сражаться (за свободу и независимость Родины!), пусть бы ее захватили немецко-фашистские агрессоры, тогда, глядишь, жили бы как в Германии.

Абсурд? Да. Если поверхностно. А по-существу это самое что ни на есть кощунство, прямое издевательство над народным подвигом, исторической памятью отцов и дедов своих, матерей и бабушек. Но все это никого не возмущает. Никто не называет авторов этих бессмыслиц и надругательств идиотами и провокаторами. И они продолжают спокойно гулять по городам и селам страны... Почему??? Очевидно, не только потому, что изрядно отвлекают житейские трудности и преспокойно молчат многие объективно мыслящие люди. Эти честные и мыслящие люди могли растолковать миллионам своих сограждан, что такое объективные закономерности общественного развития, в чем заключается здравый смысл, обыкновенная человеческая порядочность, неизбежность всевозможных ошибок и неурядиц там, где пробивают трудную дорогу к неизведанному и возможность их исправления при терпимости, благоразумии и продуманной решимости.

Да и нужно было прямо сказать людям, что этим хамелеонам, зараженным рабской психологией, наверное, действительно жилось бы легче, пресмыкаясь перед завоевателями, при чужой, даже самой реакционной форме общественного бытия. Случайно ли этим господам-пересмотрщикам, ослепленным сомнительным блеском «западного» образа жизни, всеми правдами и неправдами хочется внедрить в народ свое рабское сознание, лишить его своих корней, своей истории, своей сути, своих самых престижных и прогрессивных традиций, праздников, в лучшем случае представить их в самом черном цвете? Мало того, они всячески стремятся вселить в душу народа неверие в собственные силы и способность наилучшим образом использовать преимущества того порядка жизни, какой он выбрал сам, более того, очернить этот порядок, выбросить из него золотые и алмазные россыпи. Что им национальная гордость, национальное достоинство?! Им важнее сиюминутные корыстные потребности, потребности живота прежде всего. Им нет никакого дела до всесторонних, в

том числе духовных и социальных, интересов народа в ближайшей и далекой перспективе.

Да и в сущности, знают ли они, что такое «Запад» вообще и Германия, в частности, их историю, традиции, жизнь сегодня? При всем при том, хочется спросить этих «пер-р-е-стройщиков», утруждают ли они себя мыслью о том, какими являются немцы нынешние и какими были немцы-фашисты (миллионы!), и какие разбойничьи цели они ставили перед собою в ту страшную войну??...

...Но вернемся к нашим героям, после кровопролитных боев за достоинство и счастливое будущее своей страны предавшихся целиком стихии великой реки. Старенький пароходик плыл и плыл. Тихо плескались о борта его вечерние волны, и таинственный их шепот вселял покой и умиротворение... Не остывший еще ветерок остро пах речной свежестью. В такие минуты однополчане собирались на палубе группами и наслаждались дареной благодатью. В бесконечную даль несла свои воды красавица Волга. Яркий закат солнца чудно освещал ее поверхность, превращая в золоченую скульптуру каждого стоящего на палубе, рисуя взору сказочную картину «прекрасных витязей, вышедших из воды»...

Волга струилась навстречу им величаво и неспешно, даря все краски и запахи вселенной, словно собравшиеся именно здесь — на этих холмах и перелесках, шелковисто зеленых и цветастых лугах, таинственных оврагах, залитых прощальным закатом, а главное — в древних и совсем еще молодых городах и поселках, глядевших, казалось, настороженно, выжидающе тревожно... И чудилось — таится во всем этом не только многовековая история, радостная и горькая, славная и беспутная, большая и малая, но зреют скрытые до поры неисчерпаемые источники непроявившихся, но затаившихся великих сил, непознанных свершений и неиспытанных радостей. Это укрепляло душу, вселяло уверенность, властно звало в жизнь.

Скорее пополнить силы и ринуться в новые беспощадные схватки с врагом, навстречу новым ветрам, новым испытаниям — так думал каждый в эти часы.

А пока же они любовались просторами Родины и сам собой выливался их восторг в песню: сильную, волнующую. И поплыли их голоса над родными полями, лесами в нестерпимо манящие дали призывно и мощно:

Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Эх ты, Волга мать-река,
Широка и глубока,

Ай-да, да ай-да...
Ай-да, да ай-да
Широка и глубока...

Затем:

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края.
И стоит сотни лет...

...если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет.

От автора	5
---------------------	---

Глава I. РОЖДЕНИЕ

Только на фронт	11
Создается семья боевая	23
Становясь на новые крылья	28
Как рождались мечты и... любовь	34
О, это чудо-бабушка или первые испытания	38

Глава II. КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Свидание с фронтом	51
Первый бой, он интересный самый	63
Недолго длилась тишина	73
Как миг прекрасный	85
Черный день, или как молния сверкнувшая жизнь	98
Уроки погоды или разумный риск одного, бестактность и позор- ное ЧП другого	107
«Полоса невезения» или уроки противника	116
За самолетами... на поле боя	125
Жестокая азбука первых боев	129
А есть ли он бог-то, если...	151
Один атакует и побеждает, а другой...	159
Баня по-фронтовому	165
Крестцы встречают фейерверками. К удаче ли?	169
Витязями воздушными их признали, наконец, а тут «Прощай, Валдай!»	174

Глава III. ПЕРЕДЫШКА

И мама на диво или — искушению неподвластны	197
Где, как и кем куются кони стальные	211

Глава IV. НАД ЗНОЙНОЙ ИЗЛУЧИНОЙ ДОНСКОЙ

Вниз по Волге-матушке или Здравствуй, Сталинград	215
Ни шагу назад! — веление Родины устами Верховного	224
Боевая выучка ценою жизни	233

Трагическая увертюра	245
Мужской разговор на земле	251
Когда взаимность и смелость вместе идут	254
Умение и смекалка и в меньшинстве опора	258
«Идем на Вы!» — против бронеполчищ с юга	262
Успех зависит «...от чувства, которое есть во мне, в нем, в каждом солдате»	268
И смех и слезы	275
Выжить за чужой счет?	281
Сильнее трибунала?	292
Какие же они молодцы: ИЛ-2 и его техник	300
«Сам погибай — товарища выручай»	302
Из огня несломленного Сталинграда	304
Вдохновляющие боевые итоги. А дальше... в тыл — надеждам вопреки	317
Вверх по Волге-матушке или когда есть время поразмышлять	324

Художественно-документальное издание

ЛАТЫПОВ Куддус Канифович

ВИТЯЗИ КРЫЛАТЫЕ

Редактор *Л. О. Хаирова*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *Н. Я. Зарипова*

Корректоры *И. П. Пастушкова, Л. И. Семенова*

ИБ № 5272

Сдано в набор 06.04.95. Подписано к печати 31.07.95. Формат бумаги 84×108^{1/32}.
Бумага № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64.
Усл. кр.-отт. 18,3. Учетн.-издат. л. 19,25. Тираж 10 000 экз. Заказ № 39.
Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.